

Рекwolf, J.

СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ
СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ
ДО XVIII ВѢКА.

Соч. **Г. ПЕРВОЛЬФА.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая ул., домъ № 49/2).
1874.

СЛАВ

ЦѢ
МѢСТ
ГЛАВН
ФАКТИ
МНѢ,
АВТОР
ЭПЕД
АВЕР
ЮЗРО
ЮЖЕГ
ТАРА
МЪС
МЪЛС
ЛЕДОС
МЪСТ
МНѢ,
АВСТ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19-го Апрѣля 1874 года.

D 147
P 4

СЛО
СРЕ
И П
И С
АД

СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО XVIII ВѢКА.

Цѣль этого сочиненія — по возможности собрать и свести свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка, на сколько эти сношенія имѣли практическіе результаты въ духовной и политической жизни Славянъ, и на сколько въ нихъ проявлялось сознаніе племеннаго сродства. Авторъ остановился на XVIII вѣкѣ, такъ какъ въ этомъ вѣкѣ произошедъ въ судьбахъ Славянъ рѣшительный поворотъ: въ этомъ вѣкѣ совершилось преобразование Россіи и паденіе Польши, приготовилось возрожденіе Чеховъ, а отчасти и Югославянъ; въ этомъ же вѣкѣ положена основа послѣдующему затѣмъ развитію славистики, особенно стараніемъ безсмертнаго Іосифа Добровскаго, и слѣдовательно, началась новая эпоха въ духовной жизни народовъ славянскихъ. Авторъ взялся за дѣло со всевозможною добросовѣстностію. Многочисленные недостатки и пробѣлы своего труда чувствуетъ онъ лучше всѣхъ, но вѣстѣ съ тѣмъ, надѣется, что этотъ его опытъ — представить Славянъ, какъ одно цѣлое, не окажется совсѣмъ бесполезнымъ и поспособствуетъ распространенію и усиленію идеи славянской взаимности.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Очеркъ древней исторіи Славянъ.

Славяне принадлежатъ къ племени Индо-Европейскому или Арійскому, отрасли котораго въ доисторическія времена переселились изъ Средней Азіи въ Европу. На югѣ поселились Латины, Иллиро-Фраки и Греки; на сѣверъ отъ нихъ — Кельты или Галлы, Германцы, Литовцы и Славяне. Жилища послѣднихъ простирались — вообще говоря — отъ Адриатическаго моря черезъ Придунайскія земли за Карпаты (Татры).

Славяне назывались первоначально, вѣроятно, Сербами, а у другихъ народовъ—Венетами (Венедами). Оба названія—темнаго происхожденія. Первое сохранили до сихъ поръ два славянскіе народа—Сербы Лужицкіе и Дунайскіе; вторымъ Нѣмцы и Чудь до сихъ поръ называютъ нѣкоторыя отрасли славянскія (Wenden, Winden, Vāne). Изъ Дунайскихъ земель Славяне, по большей части, были вытѣснены Влахами или Волохами (Галлами или Римлянами?) за Карпаты. Здѣсь, на Вислѣ и на Днѣпрѣ, они или умножили число обитавшихъ тамъ своихъ соплеменниковъ, или отняли земли у другихъ племенъ, особенно у Чуди. Въ этихъ закарпатскихъ странахъ, извѣстныхъ древнему міру подъ названіемъ Скиѳіи и Сарматіи, греческіе и римскіе писатели знаютъ уже нѣсколько племенъ Венетовъ подъ именами Нуровъ, Будиновъ, Сербовъ, Хорватовъ, Полянъ, Велетовъ, Словѣтъ, Кривичей, Сѣверянъ и др. Дальнѣйшему распространенію Славянъ на востокъ помѣшало движеніе племенъ Уральскихъ, Чудскихъ и Тюркскихъ на западъ, именно—Гунновъ и Аваровъ. Тѣснимые, въ послѣдствіи, и покоренные этими иноплемениками, Славяне (superiores barbari) стали напирать на западныхъ своихъ сосѣдей, особенно на Нѣмцевъ, и распространяться на западъ—въ земли Лабскія, и на югъ—въ давнюю свою родину, въ земли Дунайскія.

Въ VI вѣкѣ по Р. Х. „многочисленное племя Венедовъ“ раздѣлялось на двѣ отрасли, западную—Славянъ, и восточную—„безчисленныхъ“ Антовъ (Венетовъ). Послѣднее названіе скоро исчезаетъ, и всѣ племена древнихъ Сербовъ или Венетовъ принимаютъ имя Славянъ, или правильнѣе. Словѣтъ. На западъ Славяне подвигались вслѣдъ за племенами германскими и въ концѣ V вѣка были уже на Лабѣ, Салѣ, Волтавѣ и Моравѣ. Такимъ образомъ Бодричи, Велеты или Люгичи, Сербы, Чехи и Мораване заселили свои земли, лежащія на востокъ отъ Лабы, Салы и Шумавы. На югъ Славяне, въ теченіе IV и V вѣковъ, заняли сѣверное побережье Дуная; потомъ, перешедши за Дунай, стали селиться въ имперіи Византійской, Мизіи, Фракіи, Македоніи, Эпирѣ, Фессаліи, и даже въ собственной Греціи. Около того же времени, въ концѣ VI вѣка, Славяне стали распространяться изъ Придунайскихъ земель въ земли Альпійскія. Эти Славяне, поселившіеся въ земляхъ Дунайскихъ и Альпійскихъ, больше и чаще, чѣмъ всѣ другія славянскія племена назывались своимъ именемъ „Словѣне, Словенцы (Словенскій)“ и у себя и у иностранцевъ.

Въ первой половинѣ VII столѣтія выступили изъ древнеславянскихъ земель Карпатскихъ—изъ Вѣлой или Великой Хорватіи и Сер-

бин, Хорваты и Сербы, перешли за Дунай и поселились посреди Славянъ Альпійскихъ и Византійскихъ, занявъ южную Паннонію, Далмацію и Иллирію. Въ VII же вѣкѣ прекратилось это громадное переселеніе Славянъ на западъ и на югъ. Съ этихъ поръ Славяне являлись племенемъ, распространеннымъ въ средней, восточной и юговосточной Европѣ, начиная отъ Лабы, Салы, Шумавы, Инна, Альпъ и Адриатическаго моря глубоко на востокъ къ верхнему Дону и нижнему Днѣпру, отъ моря Балтійскаго, озера Ильмена и верховья Волги на югъ — къ морямъ Черному и Эгейскому.

А) *Западные Славяне* занимали земли на Лабѣ, Одрѣ, Вислѣ, Волгавѣ и Моравѣ: 1) *Бодричи* (Вагры, Полабы, Глиняне, Древяне и др.); 2) *Велеты* или *Лютичи* (Чрезгѣняне, Ратары, Украиняне, Брежаняне, Стороряне, Рана, Волынь и др.); 3) *Сербы* (Суслы, Нишаняне, Гломачи, Мильчаняне, Лужичаняне и др.); 4) *Чехи* (Лучаняне, Лютомирчи, Хорваты, Дудѣбы и др.); 5) *Мораваняне* и *Словаки*—старѣйшіе обитатели южнаго склона Карпатъ; 6) *Ляхи* (Поляняне, Поморяняне, Мазовшаняне, Куяваняне, Хорваты, Слязаняне и др.).

В) *Югославяне* населяли земли, начиная отъ Альпъ до Чернаго и Эгейскаго морей; раздѣлялись, какъ и теперь, на четыре главныя отрасли: 1) *Словенцы*, 2) *Хорваты*, 3) *Сербы*, 4) *Славяне*, принявшіе въ послѣдствіи названіе *Болгары*, по племени Урало-Чудскому, которое основало въ Мизіи свое государство (678 г.). Они раздѣлялись на нѣсколько племенъ (Браничевцы, Драговичи, Сакулаты, Берзяки, Вагенеты, Велегостичи, Мильчаняне, Езеричи и др.).

С) *Восточные Славяне*, принявшіе въ послѣдствіи названіе *Руси*, жили въ бассейнахъ Днѣстра, Днѣпра, Двины и верхней Волги: *Хорваты*, *Тиверцы*, *Волиняне*, *Дулбы*, *Древяне*, *Поляняне*, *Съверяне*, *Радимичи*, *Вятичи*, *Кривичи*, *Дреговичи*, *Словѣне* и др.

Сверхъ этого, колоніи славянскія являются въ Германіи, Малой Азій, Сиріи и въ арабскихъ владѣніяхъ—Сициліи, сѣверной Африкѣ и Испаніи.

Пространство, занимаемое Славянами, было огромно, и если уже писатели VI вѣка называютъ ихъ народомъ многочисленнымъ, безконечнымъ, то позднѣйшимъ авторамъ, напримѣръ, XII вѣка, казалось, что ихъ почти нельзя сосчитать: такъ возрасла численность Славянскаго народа.

Не всѣ эти Славянскія племена успѣли дать прочную основу дальнѣйшему своему быту и развитію; только нѣкоторымъ удалось создать государства и возвыситься, такимъ образомъ, надъ первобытною

жизнью отдѣльныхъ родовъ, общинъ и племенъ, другъ отъ друга вполне независимыхъ. У западныхъ Славянъ возникли только два государства — Чешское и Польское. У всѣхъ остальныхъ западныхъ Славянъ стремленія нѣкоторыхъ князей собрать подъ болѣе сильную центральную власть нѣсколько племенъ были лишь кратковременны, или остались только попытками. Таково было именно государство Моравское (Великая Моравія), существовавшее только одно столѣтіе, и нѣсколько мелкихъ государствъ у Балтійскихъ Славянъ. Государственнымъ элементомъ въ Чехіи было племя собственно Чеховъ, въ Польшѣ — племя Полянъ; вокругъ обоихъ собирались и союзнія, ближайшія, и дальнія племена Славянскія въ прочтѣнныя цѣля, которыми княжили князья обоихъ упомянутыхъ племенъ.

У восточныхъ Славянъ государство создано не ими самими, а чужеземцами: государственнымъ элементомъ являются здѣсь норманскіе Варяги, прибывшіе въ 862 году „княжить и владѣть“. Эти варяжскіе князья собрали въ теченіе одного вѣка (X) многочисленныя восточныя Славянскія племена въ одно цѣлое — Русь. Подобное тому случилось и у восточной части южныхъ Славянъ, гдѣ, какъ уже выше сказано, основали государство тоже иноплеменники, Болгаре (678 г.). Но у обоихъ этихъ вѣтвей славянскихъ вліяніе иноплеменниковъ было слишкомъ слабо, чтобы долго удержаться; чужая, малочисленная стихія скоро исчезла въ огромной массѣ славянства, оставивъ по себѣ незамѣтные слѣды. У Сербовъ, Хорватовъ и отчасти у Словенцевъ основали государства, хотя мелкія, свои собственные князья.

Принятіе христіанства — событіе вообще въ исторіи всѣхъ народовъ европейскихъ очень важное и рѣшавшее ихъ дальнѣйшее развитіе — сдѣлалось въ особенности важнымъ и рѣшительнымъ для народовъ Славянскихъ. Народы, съ которыми Славяне граничили на западѣ и на югѣ — Нѣмцы, Итальянцы и Греки, сдѣлались христіанами гораздо раньше и стремились потомъ къ распространенію христіанства и у своихъ сосѣдей.

Первые зачатки христіанства у Славянъ западныхъ и южныхъ были по большей части мимолетны и безъ прочной основы, благодаря нѣмецкимъ, итальянскимъ и греческимъ миссіонерамъ, не знавшимъ славянскаго языка. Только апостоламъ, братьямъ Константину (Кириллу) и Меѳодію, Солунскимъ уроженцамъ, и ихъ ученикамъ удалось въ IX и X вѣкахъ распространить и утвердить христіанство у большей части Славянъ западныхъ и южныхъ. Нельзя сомнѣваться, что еслибъ единство тогдашней церкви продолжало существовать, то

и всё Славянне вкорѣ приняли бы отъ этихъ апостоловъ и ихъ учениковъ и послѣдователей христіанство, а также и важный символъ народнаго единства—славянское письмо и языкъ „словѣнскій“, на который первоначально переведены всё богослужебныя книги.

Но уже тогда все сильнѣе и сильнѣе проявлялись признаки распаденія первыи христіанской на двѣ половины, уже тогда кипѣла борьба за первенство между Римомъ и Царьградомъ. Борьба эта сдѣлалась особенно роковою и рѣшительною для Славянъ и ихъ дальнѣйшаго развитія.

Славяне южные и западные находились именно на рубежѣ обоихъ патриархатовъ — Римскаго и Царьградскаго, и когда расколъ между церквями западной латинской и восточной греческой упрочился, то естественно, эта борьба и ея послѣдствія коснулись главнымъ образомъ Славянъ. У южныхъ Славянъ западная церковь должна была по большей части уступить восточной церкви, къ которой примкнули именно Болгаре и Сербы, же смотря на всё усилія римскихъ папъ. Хорваты и Словенцы присоединились къ западной церкви. Восточная церковь принята потомъ и народомъ Русскимъ. Къ церковному расколу присоединились потомъ и другія важныя обстоятельства, которые еще болѣе упрочили раздробленіе Славянъ. Римскіе папы, перенеся императорскую римскую корону на королей Францискыхъ и Нѣмецкихъ, приобрѣли себѣ въ лицѣ ихъ могучаго союзника для распространенія своего авторитета и своей власти: императоры „священной Римской имперіи Нѣмецкаго народа“ сами по себѣ, какъ Нѣмцы, уже завоевательныя „всегда умножители имперій“, считали себя въ правѣ подчинять папѣ и себѣ, духовной и свѣтской властью, кресту и мечу, всё остальные народы. Кромѣ этой опасности со стороны римско-нѣмецкаго „креста и меча“, наступила для Славянъ, уже и безъ того разъединенныхъ, новая гроза, вслѣдствіе которой славянство, такъ-сказать, разрублено было на двѣ части Дикіе. Мадыры или, какъ ихъ называли Славяне, Угры, Онгры, Венгры, одноплеменники Гунновъ, Аваровъ и Болгаръ, вторглись въ древнюю Дакию и Паннонію, истребили или подчинили себѣ тамошнихъ Славянъ (и Румынъ) и оседали (около 900 года) на развалинахъ Великой Моравы и въ Преддунайской Болгаріи свою державу, которая не пошла по слѣдамъ Гунновъ, Аваровъ и Болгаръ, а сохранилась, и не ослабилась, а осталась мадырскою. И Мадыры, благодаря вліянію Чеховъ, примкнули къ западной церкви. Слѣдствіемъ основанія Угорскаго королевства было отдѣленіе южныхъ Славянъ отъ западныхъ и преданіе этихъ

последних наступательной политикѣ Римско - Нѣмецкой имперіи и соединенной съ нею церкви латинской.

Церковь латинская одержала побѣду также въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ, куда была занесена изъ Чехіи. Зачатки славянскаго богослуженія, съ успѣхомъ развивавшіеся въ обѣихъ земляхъ, въ послѣдствіи здѣсь совсѣмъ исчезли. Церкви чешская и польская сдѣлались частями церкви западной, латинской и такимъ образомъ, народы чешскій и польскій вошли въ кругъ западно - европейскіхъ народовъ и ихъ культуры. Тѣмъ рѣшена была и судьба Славянъ Балтійскихъ и Лабскихъ, пребывавшихъ еще въ язычествѣ, не смотря на сосѣдство принявшихъ уже христіанство Поляковъ, Чеховъ, Нѣмцевъ и Датчанъ: они должны были, по тогдашнимъ понятіямъ, или сдѣлаться христіанами, или, какъ язычники, быть истреблены.

При этихъ переѣвахъ является все больше и больше и сопровождающая всю исторію славянскую вражда и ненависть обѣихъ сосѣднихъ племенъ Славянскаго и Нѣмецкаго. Ненависть эта, причины которой скрыты въ доисторическихъ временахъ, обнаружилась съ самаго перваго столкновенія обѣихъ племенъ и повела къ страшнымъ, непрерывнымъ войнамъ, и доселѣ не конченнымъ. Почти вся исторія западныхъ Славянъ, а отчасти и восточныхъ, не что иное, какъ постоянныя столкновенія и борьба обѣихъ этихъ элементовъ — нѣмецкаго и славянскаго, который, очутившись въ особомъ положеніи, долженъ былъ главнымъ образомъ защищать свое существованіе. Характеристическія черты Славянъ — внутреннія междоусобицы, безграничная любовь къ свободѣ и нежеланіе подчиниться центральной власти — повели ихъ къ политической слабости и были причиною, что Славянамъ не удалось созданіе сильнаго государства по примѣру сосѣднихъ Нѣмцевъ, которые, сами по себѣ будучи болѣе склонны къ завоеваніямъ, кромѣ того, сосредоточены подъ сильною властью, — бросались на своихъ разрозненныхъ, вѣковыхъ враговъ, добиваясь, по словамъ одного нѣмецкаго лѣтописца, „славы и великаго и обширнаго господства, между тѣмъ какъ Славяне сражались за свободу и для избавленія крайняго рабства“.

Эта племенная ненависть между Нѣмцами и Славянами является естественно сильнѣе у тѣхъ Славянъ, которые жили въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ съ Нѣмцами, именно — у Чеховъ, Поляковъ и Славянъ Лабскихъ и Балтійскихъ. Этой ненависти не смягчило даже и принятіе христіанства. Нѣмцы, по какой-то врожденной гордости и над-

менному высокомерию, не переставали презирать Славянъ и ихъ языкъ, какъ замѣчаетъ первый лѣтописецъ чешскій Косма.

Великимъ несчастіемъ для западныхъ Славянъ было то, что имъ не удалось основать на долго сильное государство, которое могло бы съ успѣхомъ начать борьбу съ сильною и сосредоточенною имперіей римско-нѣмецкой.

Всѣ большія западно-славянскія государства распались со смертію ихъ основателей. Такъ, уже Само собралъ (627—662) многія славянскія племена, начиная съ Альпійскихъ Словенцевъ и до жителей прибрежья Лабь, Одръ и Вислы, и успѣшно воевалъ съ Аварами и Франками. Подобно тому собралъ въ одно государство большую часть западныхъ Славянъ и Святополкъ Моравскій (870—894), для усмиренія котораго Нѣмцы вынуждены были пригласить на помощь Мадьяръ, отселъ вѣрныхъ своихъ союзниковъ противъ Славянъ.

По примѣру Сама и Святополка, и чешскіе, и польскіе князья стремились собрать, на сколько возможно, племена западно-славянскія подъ свою власть, чтобъ остановить наступленіе Нѣмцевъ. Такъ дѣйствовали въ X вѣкѣ оба чешскіе Болеслава, господство которыхъ простиралось далеко на востокъ въ земли Польскія, до самыхъ границъ Руси.

Но существованіе всѣхъ этихъ государствъ было не продолжительно; они исчезали со смертію своихъ основателей. Подобной же участи подверглось и самое блестящее западно-славянское государство, основанное наслѣдникомъ чешскихъ Болеславовъ, польскимъ княземъ Болеславомъ Храбрымъ (992—1025 гг.). Этотъ сильный „король славянской“ избралъ Чешскую Прагу средоточіемъ могучаго государства славянскаго, которое, по его плану, должно было обнимать всѣхъ западныхъ Славянъ, Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ, Лабскихъ Сербовъ, Лютичей и Поляковъ. Подъ ударами этого „грознаго Славянина“, „ревущаго льва“, „ядовитой змѣи“—такими эпитетами чествать Болеслава современники-Нѣмцы—падали ницъ нѣмецкія войска, дрожала вся Римско-Нѣмецкая имперія, и наконецъ, должна была примириться съ мыслью имѣть подлѣ себя сильную державу западно-славянскую, отъ которой, себѣ въ ущербъ, отстали Чехи.

Но со смертію Болеслава исчезло и это государство, возобновленіе котораго уже не удалось чешскому Брчиславу (1039 г.). Народы западно-славянскіе отселъ живутъ скромно, заслоненные сильною Германіей. Чехи должны были применуть къ ней, хотя пользовались въ ней исключительнымъ положеніемъ. Польшу спасла отъ подобной уча-

сти, только большая отдаленность — хотя и на все имѣли вліяніе — всѣ сильныя императоры римско-нѣмецкіе, — и безпрерывная борьба Нѣмцевъ съ Лабскими и Балтійскими Славянами, которою долго занималась экспансивная сила нѣмецкая.

II.

Разъединеніе Славянъ.

1) Славяне Балтійскіе и Лабскіе.

Грозная борьба между Лабско-Балтійскими Славянами и Нѣмцами не могла иначе кончиться, какъ только гибелью того или другого племени. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ не подлежало сомнѣнію, что погибнуть Славяне: ихъ преслѣдовали и Нѣмцы, и Датчане, и даже, какъ язычниковъ, родственные имъ Чехи и Поляки; они безпрестанно ссорились между собою, часто воевали только за „могущество и храбрость“ и сами призывали Нѣмцевъ на помощь.

Христіанство распространяли у нихъ нѣмецкіе монахи, не знавшіе славянскаго языка, иногда одни, а иногда и съ толпами вооруженныхъ ратниковъ, которые на принявшихъ крещеніе Славянъ налагали иго и разныя подати. Латинскіе обряды и пѣніе, которыхъ Славяне не понимали, — такъ напримѣръ, превращали „Kyrie eleison“ съ на-смѣшкою въ „у кри воляса“, то-есть, въ кустъ ольха, — подати епископамъ и герцогамъ (бископовница и воеводница) и другія обременительныя вещи, къ тому же и презрѣніе со стороны господствующихъ Нѣмцевъ, — вотъ что главнымъ образомъ ожидало Славянъ съ принятіемъ христіанства. По свидѣтельству современныхъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ, Нѣмцы не такъ дорожили распространеніемъ христіанства, какъ поработеніемъ Славянъ. Къ тому же Нѣмцы-христіане, въ случаѣ нужды, не стѣснялись приглашать на помощь и полки языческихъ Славянъ противъ Славянъ крещеныхъ. Такъ было именно въ ихъ войнахъ съ польскимъ Болеславомъ Храбрымъ: тогда Нѣмцы не пренебрегали помощью языческихъ Лютичей.

Нельзя удивляться, что Славяне, при всякомъ удобномъ случаѣ, усиливались свергнуть это насильно навязываемое имъ христіанство; изъ этого возникали все болѣе и болѣе страшныя войны и велись иногда съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ. Лабскіе и Лужицкіе Сербы прежде всего должны были покориться Нѣмцамъ (968 г.) и принять христіанство, которое Нѣмцы потомъ разнымъ образомъ упрочивали.

Упорнѣ другихъ сопротивлялись Бодричи и Лютичи, но и эти пали подъ ударами Нѣмцевъ побѣдителей и соединенныхъ съ ними Датчанъ (1157—1168 гг.). На развалинахъ побѣжденнаго славянства основано нѣсколько нѣмецкихъ державъ, именно—зародились нѣмѣцкой имперіи Германской, маркграфство Бранденбургское. Убившіе въ этихъ земляхъ Славяне, едва терпимые, если не совсѣмъ прогоняемые, скоро уступали мѣсто нѣмецкимъ колонистамъ.

Это распространеніе нѣмецкаго элемента не ограничилось только землями, подвластными непосредственно нѣмецкимъ герцогамъ, маркграфамъ, графамъ, епископамъ и другимъ, но пошло и дальше на востокъ, въ края, гдѣ остались еще свои князья славянской крови, — въ Мекленбургъ, Равѣ, Поморьѣ, Силезіи. Сами эти князья скоро принимали нѣмецкую народность, поддерживали изо всѣхъ силъ нѣмецкую колонизацію въ своихъ державахъ, вообще любя Нѣмцевъ и благопріятствуя имъ. При такомъ положеніи дѣль понятно, что Славяне уступали Нѣмцамъ: вѣдь эти князья хотя и были славянскаго происхожденія и назывались князьями славянскими (principes, ducēs Sclavorum), сами однако постановляли, чтобы право суда перешло отъ Славянъ въ Нѣмцамъ, чтобы Славяне больше не селились въ деревняхъ, и наконецъ, даже такъ забылись, что прямо называли усиленіе славянскаго элемента въ балтійскихъ земляхъ въ ущербъ нѣмецкому—несчастьемъ, „отъ котораго да избавить насъ Богъ“.

Но эти послѣднія опасенія не сбылись: славянский элементъ изчезалъ все больше и больше, преслѣдуемый и тѣснимый разными образомъ. Высшія сословія, славянскаго происхожденія, сколько ихъ еще оставалось, скоро онѣмечивались, города и монастыри и другія мѣстности заселялись почти исключительно Нѣмцами; оставшіеся Славяне, едва терпимые, исключались изъ цеховъ, заставляемы были жить на особыхъ мѣстахъ и проч. Уже во второй половинѣ XIV вѣка земли лабскія и балтійскія были по большей части онѣмечены, и отъ Бодричей, Велетовъ, Сербовъ и Поморянъ остались только незначительные остатки. Нѣмецкій языкъ господствовалъ здѣсь вездѣ—въ Мекленбургѣ, Равѣ, Поморьѣ, Бранденбургѣ, Мишніи, Лужицахъ и Силезіи. Только на нижнемъ Лабѣ, въ Лüneбургіи, сохранились остатки Бодричскихъ Древлянъ, существовавшіе до конца прошлаго столѣтія, да въ обѣихъ Лужицахъ остатки Сербовъ, не вымершіе и до сихъ поръ.

Славяне Балтійскіе и Лабскіе погибли вслѣдствіе вѣдшнаго насилія и внутренней слабости; сами они не сумѣли и не были въ состояніи создать большое государство. Равнымъ образомъ, не укрѣдилось въ

жкъ сосѣдствѣ на востокѣ, послѣ Болеслава Храбраго, государство Польское, на столько, чтобъ они могли на него опираться при напорѣ Нѣмцевъ. Нѣмцы тѣснились все больше на востокѣ и Поляки, скоро послѣ гибели своихъ балтійскихъ и лабскихъ соплеменниковъ, должны были также начать съ ними жестокую борьбу не только на западѣ, но и на сѣверѣ, гдѣ, вслѣдствіе польской неосторожности, вѣдрились хищные рыцари нѣмецкіе и распространялись все больше на востокъ въ земли балтійскія.

2) Чехи.

Особое положеніе между западными Славянами занимаютъ Чехи, которые, такъ сказать, чудомъ спаслись отъ судьбы своихъ лабскихъ и балтійскихъ соплеменниковъ. Но историческое развитіе Чеховъ въ Чехіи и Моравіи было иное, чѣмъ развитіе прочихъ Славянъ.

Чешскіе князья рано успѣли основать въ Чехіи, — землѣ, составляющей опредѣленное географическое цѣлое, — большое государство съ сильною центральною властью. Сильному князю Пражскому скоро должны были уступить или совершенно покориться всѣ другіе князья и жупаны въ Чехіи и присоединенной къ ней Моравіи. Принявъ христіанство латинскаго исповѣданія, народъ и государство Чешское обезпечились отъ завоевательныхъ притязаній Нѣмцевъ, которыя могли повести къ войнахъ подъ предлогомъ религіи, какъ это дѣлалось въ земляхъ Славянъ Лабскихъ и Балтійскихъ. Наконецъ, князь, въ послѣдствіи король Чешскій, сдѣлался и первымъ членомъ коллегіи нѣмецкихъ курфирстовъ, пользуясь своими правами въ Нѣмецкой имперіи. Это присоединеніе къ Германіи и къ западной церкви, съ одной стороны, спасло Чеховъ отъ судьбы Славянъ Лабскихъ, сохранило имъ политическую независимость и возможность развиваться на народной основѣ: ибо, не смотря на всѣ побѣды Болеславовъ, Вячеслава, Собѣслава и другихъ князей, Чешскій народъ, въ сравненіи съ Нѣмцами малочисленный, никѣмъ не поддерживаемый, и слѣдовательно, самъ собою ограничиваемый и на себя только опирающійся, не могъ бы наконецъ выдержать напора всей имперіи, всего народа Нѣмецкаго и ихъ опаснаго стремленія на востокъ. Но съ другой стороны, нельзя не принять въ соображеніе, что вслѣдствіе этого присоединенія къ Германіи, распространялись въ Чешскомъ народѣ разныя нѣмецкія учрежденія, и что съ теченіемъ времени навѣрное образовались бы здѣсь подобныя отношенія, какія были и въ другихъ, первоначально славянскихъ, земляхъ — въ Мекленбургѣ, Поморьѣ,

Рагъ, Силезіи, — если бы народное сознание въ Чехіи не оставалось всегда живымъ и сильнымъ, усиливаясь все болѣе и болѣе въ борьбѣ съ чужеземщиной.

Чешскіе князья Премисловичи поступали также, какъ и другіе князья славянскаго происхожденія въ тѣхъ земляхъ: безпрестанно, по славянскому обычаю, ссорясь между собою, признавали Нѣмецкихъ императоровъ на помощь другъ противъ друга, приглашали нѣмецкихъ колонистовъ въ свои земли, населяли ими города и деревни, любили и благопріятствовали нѣмецкимъ нравамъ и языку. По прикѣру двора, дѣлали такъ и многіе чешскіе вельможи. Нѣмецкій языкъ и нравы въ Чехіи и Моравіи въ XIII и XIV вѣкахъ были очень распространены не только въ городахъ, первоначально почти исключительно нѣмецкихъ, но и вообще между высшимъ сословіемъ.

Однако, параллельно этому наплыву нѣмечины, и сопротивление мѣстнаго славянскаго элемента усиливалось все болѣе и болѣе, проявлялось и въ литературѣ (указываю только на замѣчательную летопись горячаго патріота чешскаго Далимила въ самомъ началѣ XIV вѣка) и въ практической жизни, и наконецъ, прорвавшись въ гусситскомъ движеніи, одержало блестящую побѣду. Хорошо характеризовали тогда Пражане въ своемъ замѣчательномъ манифестѣ въ 1420 году весь ходъ исторіи нѣмецко-славянской борьбы, сказавъ, что „Нѣмцы, которые безъ всякой причины всегда влѣзъ на нашъ народъ, и какъ поступили съ нимъ на Рейнѣ, Мишнѣи и Пруссіи и выгнали его, такъ хотѣтъ поступить и съ нами и сами занять мѣста выгнанныхъ“.

Гусситское движеніе возвысило Чеховъ на высокую степенъ, въ культурной исторіи Славянскихъ народовъ. Въ Чехіи явилось множество разныхъ мнѣній, начиная съ самыхъ умѣренныхъ до самыхъ радикальныхъ, объ устройствѣ церковномъ, государственномъ и социальномъ, которыя отличались отъ признаваемыхъ тогда церковнымъ и государственнымъ авторитетомъ возрѣній. Въмѣстѣ съ тѣмъ, и національное сознание чешское и славянское достигло необыкновенной высоты и сохранилось и въ слѣдующемъ вѣкѣ. Но не удалось Чехамъ сохранить всѣ результаты гусситскаго движенія: частію они совсѣмъ исчезли, частію сдѣлались достояніемъ только ограниченаго кружка; такъ, напримѣръ, мысли о древнеславянской демократіи и равенствѣ, объ освобожденіи церкви изъ-подъ власти государства и іерархіи, и проч.

Черезъ насильственное сокрушеніе гусситскаго движенія значительно

возвысилась шляхта; способствовала уничтоженію демократическихъ идей, она поработила простой народъ, начала, въ союзъ съ городами, давнюю борьбу съ королевскою властью и вела ее до самаго паденія Чешскаго государства. Уже спустя 100 лѣтъ послѣ гусситскаго движенія, послѣ совершеннаго утвержденія западно-европейскихъ учреждений и возвышенія шляхты въ Чешскомъ государствѣ, нѣмецкій элементъ, едва вытѣсненный, сталъ вновь проникать въ народъ Чешскій, то съ новою династіею Габсбурговъ, которую Чехи пригласили на свой престоль, то съ нѣмецкою реформациею, которую потомки древнихъ Гусситовъ легко принимали. Распространеніе нѣмецкаго элемента въ Чехіи было такъ сильно и опасно, что въ началѣ XVII вѣка, — именно на сеймѣ 1615 года, — сама законодательная власть считала нужнымъ принять мѣры для „сохраненія древняго языка чешскаго и образованія его“. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого замѣчательнаго сеймоваго заключенія, Чешское государство пало вслѣдствіе неудавшейся оппозиціи Чеховъ протестантовъ противъ усиливающагося католическо-иезуйтскаго абсолютизма. Этою катастрофой, выселеніемъ массы высшихъ сословій и интеллигенціи, и наконецъ, страшными бѣдствіями Тридцатилѣтней войны, Чешскій народъ былъ погруженъ въ вѣковой, и какъ казалось, смертельный сонъ. Въ его смерти не сомнѣвались даже благородные патриоты позднѣйшихъ временъ. Вотъ, на примѣръ, въ какихъ словахъ Бальбинъ (1672 г.) проситъ помощи для погибающаго Чешскаго народа — которому предостерегательно указываетъ на судьбу Лабскихъ Славянъ — у патрона чешскаго св. Вячеслава: „Не дай погибнуть намъ и потомкамъ, буди намъ Вратиславомъ“ (то-есть, возврати намъ славу). Грустныя предчувствія о будущности чешскаго языка высказываетъ еще въ концѣ прошлаго вѣка (1791 г.) чешскій историкъ Ф. Пельцель, заканчивая свою статью объ исторіи Нѣмцевъ въ Чехіи слѣдующими словами: „Чехія относительно языка очутится, вѣроятно, когда-нибудь въ такомъ положеніи, въ какомъ теперь Мишнія, Бранденбургія и Силезія, гдѣ говорятъ исключительно по-нѣмецки, и гдѣ отъ славянскаго языка ничего болѣе не остается, кромѣ названій городовъ, деревень и рѣкъ“.

3) Поляки.

Полтора вѣка спустя послѣ паденія Чешскаго государства, утративъ свою независимость Польша. И въ Польшѣ основано было сильное государство, которое, однако, въ послѣдствіи, по причинѣ безпрестанныхъ дѣленій въ родѣ княжескомъ и возвышенія аристократіи, почти

два вѣка волновалось большими смутами и только отъ началъ XIV вѣка вновь возродилось, какъ единое политическое тѣло. Отъ великой задачи, которую преслѣдовалъ Болеславъ Храбрый и допятами осуществить еще Болеславъ Кривоустый, отъ этой великой задачи—соединить западное славянство въ одно цѣлое, или, по крайней мѣрѣ, защищать его отъ завоевательныхъ Нѣмцевъ, Польша вынуждена была отказаться, не имѣя какъ сама по себѣ, такъ и въ слѣдствіе своего раздробленія, довольно силъ, чтобы съ продолжительнымъ усѣхомъ начать борьбу съ Нѣмецкою имперіей. Вліяніе Польши на западно-славянскія земли погнбло навсегда; на нихъ потомъ обращали вниманіе только немногіе мыслительные люди изъ Поляковъ. Польша отвратила свое вниманіе отъ запада, въ большой ущербъ всему западному славянству и себѣ самой, и обратила его преимущественно на востокъ, на земли Русскія. Польша съ теченіемъ времени успѣла завладѣть всей юго-западною Русью. Русскія земли были присоединены къ государству Польскому частью непосредственно (Червоная Русь), по большей же части достались ей вмѣстѣ съ Литвою. Это соединеніе Польши и Литвы (1386 г.) случилось особенно въ слѣдствіе водворенія въ Пруссіи и въ другихъ земляхъ балтійскихъ нѣмецкихъ рыцарей, которые стали потомъ тѣснить и Польшу, и Литву. Для ихъ усмиренія оба эти государства нуждались во взаимной помощи и въ соединеніи своихъ силъ. Борьба Польши и соединенной съ нею Литвы съ Нѣмцами продолжалась полтора вѣка и велась съ большимъ ожесточеніемъ, именно такъ, какъ борьба Нѣмцевъ съ Балтійскими Славянами, которой была, собственно говоря, только продолженіемъ. Она окончилась сильнымъ ослабленіемъ, но не совершеннымъ уничтоженіемъ рыцарей, какъ это слѣдовало бы сдѣлать для обезпеченія Польши и вообще славянства.

Вмѣстѣ съ этою внѣшнею борьбою съ Нѣмцами, Польша должна была начать и внутреннюю борьбу съ нѣмецкимъ элементомъ, который, поглотивъ Славянъ Лабскихъ и Балтійскихъ, все сильнѣе тѣснился и въ земли Польскія. Прежде всего онѣмечилась Силезія, по большей части при содѣйствіи тамошнихъ князей, вельможъ, церкви и многочисленныхъ нѣмецкихъ колонистовъ въ городахъ и деревняхъ. Изъ Силезіи проникалъ германизмъ дальше на востокъ, въ собственную Польшу, преимущественно въ города и духовное сословіе. Даже и нѣкоторые Пястовичи благопріятствовали Нѣмцамъ и ихъ правамъ; въ Краковѣ, въ Познани, и даже во Львовѣ ямкъ нѣмецкій господствовалъ, или значительно былъ распространенъ, до

самого конца XV столѣтія. Еще въ половинѣ XV вѣка сильно ратуетъ противъ этихъ злоупотребленій, противъ этого постыднаго и вреднаго для Поляковъ, положенія дѣль славный польскій патриотъ Іоаннъ Остророгъ.

Съ возвышеніемъ національной шляхты польской и съ упадкомъ городовъ, наступила рѣшительная реакція противъ германизма въ Польшѣ. Польская шляхта, въ теченіе XIV и XV вѣковъ, приобрѣтала себѣ все большія права и сдѣлалась, наконецъ, единственною и привилегированною корпораціей въ Польшѣ, единственною законодательною властью; города потеряли всякое политическое значеніе, простой народъ сдѣлался подданнымъ шляхты. Польша сдѣлалась совершенною шляхетско-демократическою республикою. Шляхта и въ первоначальной Польшѣ, и въ Литвѣ, и земляхъ Русскихъ, соединенныхъ съ Польшею Люблинскою унией (1569 г.), была ея единственнымъ законнымъ представителемъ.

Между тѣмъ, какъ въ сосѣднихъ земляхъ — въ Чехіи, Германіи, Россіи и другихъ, власть государева все болѣе усиливалась въ ущербъ народному представительству, и исподволь образовывалась абсолютная монархія, новѣйшее централизованное государство, — въ Польшѣ государь лишался все болѣе и болѣе своего могущества и сдѣлался, наконецъ, только орудіемъ господствующаго шляхетскаго сословія.

Вмѣстѣ съ этимъ въ Польшѣ все грознѣе выступало впередъ вѣковое бѣдствіе всего славянскаго племени, вытекающее изъ различія вѣроисповѣданія, — это споры религіозныя, которые, по обычаю тогдашнихъ вѣковъ, переносились и на политическую почву. Уже гусситское движеніе, которое было причиною большого возвышенія славянской народности въ Чехіи, въ то же время помѣшало тѣснѣйшему сближенію Поляковъ и Чеховъ, ибо гусситизмъ не проникъ въ Польшу съ такою силой, чтобы сломать могущество іерархіи, которая потомъ всевозможными средствами стремилась помѣшать или ослабить сношенія Поляковъ съ „еретическими“ Чехами.

Вслѣдствіе присоединенія многихъ Русскихъ земель къ Польшѣ, католическое и православное исповѣданія столкнулись въ Польшѣ и въ Литвѣ. Росподствующій родъ въ обоихъ государствахъ, позже соединенныхъ, Ягайловичи, принявъ католичество, считали своимъ долгомъ распространять его и между православными своими подданными. Немало побуждало къ такимъ дѣйствіямъ и то обстоятельство, что одинъ изъ митрополитовъ всей Руси (Исидоръ) принялъ Флорентинскую унию церквей восточной и западной, вслѣдствіе чего

распространеніе верховной власти паны между православною Русью прибрѣла какъ-бы юридическую форму.

Но эта унія не была принята Русскимъ народомъ и въ единственномъ самостоятельномъ Русскомъ государствѣ, въ Москвѣ, она со-всѣмъ отвергнута; исчезнувъ вскорѣ почти совершенно — особенно послѣ громаднаго распространенія протестантизма въ Польшѣ и въ Литвѣ,—унія только позже была возобновлена къ большому ущербу и даже гибели Польскаго государства и народа. Смѣшеніе религіознаго вопроса съ политикою — дѣло необыкновенное въ вѣротерпимой Польшѣ XVI вѣка — усиливалось съ конца того вѣка все больше и больше, и было главною причиною враждебнаго столкновенія государствъ Польскаго и Русско-Московского. Послѣднее, между тѣмъ, значительно воз-высилось, въ сосѣдствѣ Польши и Литвы, и какъ самостоятельная русская держава прибрѣла себѣ потомъ большую притягательную силу относительно остальнаго народа Русскаго.

4) Русскій народъ.

Русскій народъ первоначально объединенъ былъ, какъ уже выше замѣчено, въ государственное цѣлое варяжскими князьями. Символомъ народнаго единства русскаго былъ, кромѣ одного языка, одного устройства и одной вѣры православной, и княжескій родъ Рюриковичей, который владѣлъ Русью сообща, имѣя во главѣ старшаго въ родѣ, великаго князя, пребывавшаго сначала въ Кіевѣ, а потомъ, съ 1169 года, во Владимірѣ на Клязьмѣ. Возлѣ великаго князя было много удѣльныхъ князей, которыхъ число все больше увеличивалось.

Пространныя земли восточной Европы манили къ колонизаціи, и народъ Русскій воспользовался тѣмъ вполне, распространяясь и самовольно, и по вызову князей преимущественно на востокъ между племенами чудскими и татарскими, или вытѣсняя ихъ, или же ассимилируя ихъ себѣ. Именно здѣсь, въ предѣлахъ племенъ славянскаго и чудскаго, около г. Владиміра, поселился потомъ великій князь русскій, представитель всего княжескаго рода, а потому и всей Руси, и здѣсь было положено основаніе къ средоточію будущей Русской монархіи.

Между тѣмъ какъ въ остальной Руси — въ Кіевѣ, Владимірѣ Волынскомъ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, Новгородѣ, Псковѣ и др., при безпрерывныхъ спорахъ и междуусобіяхъ князей, народъ прибрѣталъ все большее вліяніе на общественныя дѣла, призывалъ и удалялъ князей по своей волѣ, рѣшалъ все на своихъ вѣчахъ и вообще при-

загалъ къ жизни древне-славянскія демократическія начала и учрежденія, — положеніе дѣлъ во Владимірѣ было иное. Здѣсь, на сѣверо-востоцѣ раньше исчезаютъ древне-русскія учрежденія, уничтожается начало родового старшинства, слабнютъ родовыя связи между княжескими линіями; вмѣсто цѣлаго рода выступаетъ болѣе тѣсная семья князя, и каждая изъ нихъ стремится къ подчиненію себѣ остальныхъ; здѣсь воли народа, заявляемая на вѣчахъ, уже обходится, и на ея мѣсто все болѣе и болѣе выступаетъ воля князя.

Хотя нашествіемъ Монголовъ въ половинѣ XIII вѣка Русь и была парализована на долгое время, разрушена, такъ-сказать, на двѣ части, — но съ другой стороны, тѣмъ данъ былъ болѣе сильный толчекъ къ образованію могущественнаго государства Русскаго. Монголы не вмѣшивались во внутреннія отношенія Руси, довольствуясь податями и признаніемъ верховной власти. Для этого имъ нуженъ былъ восрединикъ, и самымъ удобнымъ такимъ представителемъ всей Руси для великихъ хановъ былъ великій князь. Такимъ образомъ, могущество этого князя стало значительно возвышаться; древнія права родового старшинства все болѣе исчезали; достоинства велико-княжескаго достигалъ тотъ князь, который сумѣлъ какимъ-либо образомъ приобщить себѣ пріазнь и расположеніе хана.

Достоинства великихъ князей достигли, въ первой половинѣ XIV вѣка, князья Московскіе и успѣли сохранить его уже навсегда. Москва, столица княжества сначала небольшого, стала съ тѣхъ поръ, вслѣдствіе умной политики своихъ князей, средоточіемъ восточной Руси: въ Москвѣ исчезаютъ, наконецъ, совершенно родовыя и княжескія отношенія и уступаютъ идеѣ государства. Князья Московскіе, будучи въ одно и то же время великими князьями „всей Руси“, — первый назвался такъ Иванъ Калита — распространяли свои предѣлы разнымъ образомъ — покупаніемъ удѣловъ, завоеваніемъ и проч. Престолъ переходилъ въ ихъ семействѣ только отъ отца къ сыну, сила давней дружины княжеской слабѣла, изъ дружинниковъ образовывались охладные крупные землевладѣльцы, которые, будучи щедро вознаграждаемы за свою службу, благопріятствовали и способствовали усиленію Московскаго государства. Могущество князя Московскаго возростало еще тѣмъ, что многіе удѣльные князья Рюриковичи приходили въ Москву служить богатому великому князю и дѣлались его боярами; родовыя отношенія измѣнялись въ отношенія служебныя, родственныя князья удѣльные превращались въ подданныхъ, подручниковъ великаго князя, или, какъ онъ въ послѣдствіи назывался, царя. Кромѣ

того, Москва приобрѣла себѣ большое вліяніе тѣмъ, что сдѣлалась мѣстопробываніемъ русскаго митрополита. Такимъ образомъ, и церковь поддерживала усиленіе новой русской монархіи. Наконецъ, самъ народъ сѣверо-восточной Руси, болѣе серьезный по характеру, менѣе привыкшій къ древне-русской свободѣ, не любилъ непрерывныхъ княжескихъ междоусобицъ, желалъ прочныхъ порядковъ и поэтому способствовалъ усиленію могущественной центральной власти. Князья Московскіе собрали до конца XV вѣка всю сѣверо-восточную Русь, освободились отъ татарскаго ига и образовали сильное государство, въ которомъ все рѣшала воля великаго князя, почти никѣмъ и ничѣмъ не ограниченная. Личные интересы должны были вполне подчиняться интересамъ цѣлаго, интересамъ государства, представителемъ котораго былъ только государь.

Таково было развитіе сѣверо-восточной Руси. Иное было развитіе Руси, юго-западной, страшно разоренной нашествіемъ монгольскимъ. Галицкіе Романовичи, правда, стремились собрать и южную Русь въ одно цѣлое, но это имъ не удалось, и эту задачу приняли на себя иностранцы — Литовцы. Войнственные князья литовскіе, воспользовавшись татарскими бѣдствіями и княжескими усобицами, выступили изъ понѣманскихъ земель и собрали въ теченіе одного вѣка (1250—1350 гг.) всю юго-западную, подляповскую Русь.

Такъ, подлѣ сѣверо-восточной Руси, Москвы, образовалось второе русское государство, Русь юго-западная, Литва, отъ моря Балтійскаго до Чернаго, отъ Буга до самаго Смоленска: ибо въ этой державѣ было народонаселеніе по большей части русское: собственные Литовцы занимали только теперешнія свои земли на верхнемъ Нѣманѣ; было и устройство русское, господствовали русскій языкъ и православное вѣроисповѣданіе, — суровые князья и вельможи литовскаго происхожденія принимали русскую народность и православное вѣроисповѣданіе. Оба эти русскія государства боролись долго за первенство, и борьба эта не прекратилась и тогда, когда Литва и сосѣдняя Польша соединились, посредствомъ литовской династіи Ягайловичей, въ одно государственное цѣлое, хотя сначала довольно шаткое и непрочное.

Особое мѣсто въ русской исторіи занимаетъ Новгородъ Великій, который будучи отдаленъ отъ средоточія Руси, вмѣстѣ съ Псковомъ и Вяткой (Хлыновымъ), сохранилъ себѣ древне-славянское устройство дольше, чѣмъ какая-нибудь другая русская область. Великіе князья Русскіе, занятые другими дѣлами, довольствовались отъ отда-

леннаго Новгорода только призваніемъ своей верховной власти и не трогали его республиканско-демократическаго устройства. Въ Новгородѣ, подѣ князя, сначала избираемаго, когда того хотѣлось Новгородцамъ, былъ избираемый посадникъ тысяцкій и другіе временно избираемые народомъ, сановники; древне-славянское вѣче господствовало въ полной силѣ. Но это устройство сѣверо-русскихъ общинъ не соответствовало направленію новаго абсолютнаго государства Русскаго; оно, при удобномъ случаѣ, уничтожило ихъ независимость и присоединило себѣ обширныя владѣнія Новгородскія, Вятскія и Псковскія.

Начала демократическія и республиканскія, вытѣсненныя изъ сѣверо-восточной Руси и все болѣе и болѣе приходящія въ упадокъ, подѣ влияніемъ шляхты въ югозападной, польско-литовской Руси, на-шли себѣ пріютъ на самыхъ окраинахъ русскаго міра, и здѣсь, начиная съ нижняго Днѣпра на востокъ до Яика (Урала), образовались демократическія *вольныя казацкія общины*: въ радахъ и кругахъ казачковъ на Запорожьѣ, Дону, Яикѣ и Терекѣ воскресли древнерусскія вѣча и другія учрежденія.

Великіе князья Московскіе и „всея Руси“, усилившись уничтоженіемъ независимости Новгорода, обратили отселѣ вниманіе на Русь югозападную, литовскую, которую считали по праву своею „отчиной“ (то-есть, собственностью) по правдѣду, Владиміру Святѣму. Собрать все Русскія земли, сдѣлать законный титулъ „великаго князя (въ послѣдствіи царя) всея Руси“ дѣйствительнымъ фактомъ, — въ этому направлены были преимущественно все стремленія государей Московскихъ.

Къ достиженію этой цѣли много имъ помогало самое положеніе православнаго исповѣданія въ Литвѣ и Польшѣ, къ которому принадлежала большая часть тамошняго народонаселенія на Бѣлой, Черной, Червонной и Малой Руси (Русины), и которая не пользовалась одними правами съ господствующимъ католицизмомъ.

5) Польша и Русь.

Преслѣдованіе православнаго вѣроисповѣданія въ Литвѣ было причиною, что уже въ концѣ XV-го вѣка многія литовско-русскія земли именно въ Обверской области отошли къ Москвѣ. При королѣхъ Сигизмундѣ и Сигизмундѣ-Августѣ прекратилось это не политическое гоненіе, хотя католицизмъ все-таки не переставалъ присваивать себѣ характеръ господствующей церкви: такъ, на примѣръ, пра-

вославные епископы не засѣдали ни въ сенатѣ литовскомъ, ни въ соединенномъ въ послѣдствіи сенатѣ польско-литовскомъ, какъ католическіе епископы.

Не смотря на это, разница исповѣданій христіанскихъ (католическаго, протестантскаго и православнаго) въ XVI-мъ вѣкѣ въ Польшѣ, особенно при просвѣщенномъ Сигизмундѣ-Августѣ, не влекла за собою никакихъ препятствій въ пользованіи политическими правами; и русская шляхта, пользуясь здѣсь, по примѣру польской, все болѣе обширными правами и дѣлалась все болѣе и болѣе важнымъ факторомъ въ государственной жизни, не могла еще заявлять желанія промѣнять это свое положеніе на положеніе сосѣднаго государства Московскаго, гдѣ все больше и больше развивалась идея абсолютной монархіи. О простомъ народѣ нечего говорить: онъ находился, какъ вездѣ въ Европѣ въ то время, въ положеніи очень грустномъ и жалкомъ.

Но такая вѣротерпимость, какая существовала тогда въ Польшѣ, многимъ не нравилась. Вліяніемъ особенно іезуитовъ вновь провозглашена была давно забытая унія церкви латинской и греческой (1596 г.). Это возбудило всеобщее волненіе въ народѣ русскомъ. Унію распространяли, а коренную въ земляхъ Русскихъ православную „русскую“ вѣру преслѣдовали разными способами. Народъ, оскорбляемый въ своей высшей святинѣ, въ вѣрѣ, сильно тому сопротивлялся: сначала протестовала противъ того православная шляхта русская, какъ единственный тогда законный представитель Русскаго народа. Но число этой шляхты все уменьшалось, такъ какъ она, особенно стараніями ловкихъ іезуитовъ, принимала католичество, а тѣмъ самымъ и польскую народность. На мѣсто ея выступаетъ военное братство русское, казаки; вмѣсто словесныхъ протестовъ на сеймахъ и сеймикахъ являются протесты вооруженные на поляхъ сраженій. Казаки Запорожскіе отсель безпрестанно поднимаютъ знамя возстанія, и сражаясь не только за свои интересы, но и за православную вѣру, находятъ живѣйшія симпатіи въ Русскомъ народѣ, который толпами прибѣгаетъ подъ знамена казацкихъ вождей.

Такое положеніе дѣлѣ въ столь разнотипномъ государствѣ, какова была Польша, было очень опасно при сосѣдствѣ Москвы. Царство Московское, будучи послѣ паденія Сербіи, Болгаріи и Царьграда единственнымъ независимымъ восточно-христіанскимъ государствомъ, написало на своемъ знамени, кромѣ идеи мохархіи, еще двѣ другія идеи: защищать православіе и собирать земли русскія. Опасность эту

предвидѣли и нѣкоторые польскіе патриоты и усердно возставали противъ неполитическаго гоненія русскаго православнаго элемента, но такіе отзывы были гласомъ вопіющихъ въ пустынь. Споръ русскаго православія съ польскимъ католицизмомъ былъ тѣмъ опаснѣе, что Русское царство, оправившись послѣ страшныхъ потрясеній, которыя постигли его въ началѣ XVII вѣка и въ которыхъ ему приходилось бороться и противъ Польши, помогавшей самозванцамъ, приобрѣло себѣ большое могущество.

Эта борьба двухъ противоположныхъ партій въ Польшѣ разразилась наконецъ возстаніемъ Русскаго народа и казачества подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго (1648 г.). Примиреніе обоихъ враждебныхъ началъ, католическаго польско-шляхетскаго и православнаго, русско-казацкаго и народнаго, оказалось невозможнымъ. Въ эту борьбу вмѣшалась наконецъ и Великая Русь, призванная на помощь Малою Русью. Хотя Русскій царь уже съ тѣхъ поръ сталъ носить названіе царя Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи, но это было только номинально, ибо къ Россіи присоединена только малая часть означенныхъ въ царскомъ титулѣ польско-русскихъ земель. Но не смотря на этотъ неполный успѣхъ, взаимныя отношенія Польши и Россіи съ того времени значительно измѣнились: Россія, доселѣ побѣждаемая и отгнѣняемая на востокъ, начинаетъ подвигаться на западъ въ ущербъ Польшѣ.

Между тѣмъ какъ Польша все болѣе и болѣе упала, Россія поднималась. Идея абсолютной монархіи и здѣсь, какъ въ остальныхъ европейскихъ государствахъ, взяла верхъ и подчинила себѣ всѣ сопротивляющіяся ей стихіи—казачество и соединенный съ нимъ народъ. Россія подвигалась все больше на западъ, и наконецъ, ей удалось совершенно приблизиться къ западной Европѣ и пробраться къ Балтійскому морю, къ этому древнему „Славянскому заливу“ (Sinus Venedicus). Эта заслуга принадлежитъ императору Петру Великому. Россія стала наконецъ государствомъ европейскимъ и по формѣ правленія (абсолютная монархія), и по своему устройству, какими были и Пруссія, и государство Габсбурговъ. Среди такихъ государствъ, каковы были Россія, усилившаяся Пруссія и земли Австрійскія, въ которыхъ все рѣшалась вездѣ воля государя, окруженнаго сильнымъ войскомъ и чиновничествомъ,—республика Польская не могла уцѣлѣть. Въ Польшѣ король, выбираемый пожизненно, не былъ ничѣмъ, а шляхта всѣмъ; войско и финансы находились въ самомъ жалкомъ состояніи, и вопросъ о диссидентахъ, безпрестанно преслѣдуемыхъ, по-

давалъ сосѣднимъ государствамъ желанный поводъ къ вмѣшательству: во внутреннія отношенія слабой Польши. Польша распалась. Пруссія и Австрія досталась первоначальная Польша Пястовичей: Поморье, Мазовія, великая и малая Польша. Россіи удалось, наконецъ, собрать почти всё Русскія земли.

6) Югославяне.

Самую грустную картину въ славянской исторіи представляютъ южные Славяне.

Словенцы, послѣ паденія могучаго государства Сама, очутились опять въ своемъ раздробленіи, и живя подъ властью своихъ слабыхъ князей и жупановъ, сдѣлались очень рано добычей Нѣмцевъ Баварской отрасли. Герцогство Каринтійское, маркграфства Штирское, Австрійское (Ракусское), Словенское (Windische Mark) и др. стали уже въ IX—X вѣкѣ частями Нѣмецкой имперіи. Ихъ правители были Нѣмцы; высшія сословія рано нѣмечились, и народность словенская рано утратила (до XIII вѣка) половину своихъ земель на сѣверѣ въ пользу нѣмецкаго элемента; въ южной же, оставшейся ей половинѣ, сохранилась только въ князскихъ слонхъ. Въ Фриулѣ и сосѣдней Истрии взялъ верхъ италіанскій элементъ. Языкъ словенскій остался достояніемъ простаго народа, и послѣ нѣкоторыхъ мимолетныхъ попытокъ, въ X вѣкѣ, сталъ употребляться въ книгахъ только со времени реформации. Но иногда раздавался словенскій языкъ и при самомъ дворѣ князя Каринтійскаго, именно когда близъ столицы Каринтин, Цѣловца, на полѣ Господсветскомъ, словенскіе крестьяне, по древнеславянскому обычаю, сажали на каменный престолъ Каринтійскихъ князей, или вѣрнѣе, герцоговъ.

Хорваты и Сербы долгое время жили въ раздробленіи подъ властью своихъ жупановъ и только исподоволь образовывалась у нихъ центральная власть въ лицѣ великаго жупана. Верховная власть Византійскихъ императоровъ была, по большей части, лишь номинальна. Славянское стремленіе къ раздробленію отразилось больше всего на этихъ двухъ частяхъ одного народа. Хорваты и Сербы, пришедши изъ-за Карпатъ на югъ, составляли нѣсколько племенъ одной отрасли славянской; и все-таки, съ теченіемъ времени, судьба раздѣлила эти обѣ отрасли такъ, что, хотя нельзя ихъ назвать двумя особыми народами—ибо они говорятъ и пишутъ на одномъ языкѣ,—но уже значительно отличаются другъ отъ друга.

Главная причина этого разъединенія — вѣроисповѣданіе и промс-

текающее из того историческое и культурное развитие. Хорваты примкнули к западу и к Риму; Сербы, после некоторого колебания, к востоку и Царьграду.

Хорваты раньше других Югославян образовали государство. Освободившись из-под ига завоевательных Франков, которые из Словенских земель вторглись и в Хорватию, Паннонские и Далматские Хорваты соединились под одним великим жупаном, или с XI века — королем. После прекращения местной королевской династии и внутренних смут, Хорваты призвали соседних королей Угорских на свой престол. С этих пор — с 1102 года — корона Хорватско-далматская соединена была с короной Угорской, как „союзное государство — *regnum socium*“; король Угорский сдѣлался в то же время и королем Хорватско-Далматским и прислал в эти земли своих князей и банов. Хорваты, вошедши в состав короны Угорской, раздѣляли и ее судьбу, хотя всегда отстаивали себя полную свободу и всегда защищали независимость своего отечества против притязаний Мадьяр, хотѣвших сдѣлать из „*regnum socium*“ — „*pars adnexa*“ (земля присоединенная). Этимъ отличаются Хорваты от других народов славянских, вошедших непосредственно в состав королевства Угорского, как например, Словаки и Карпатские Русские.

Позже образовали государство *Сербы*. Отношения разных жупанов, князей и банов сербских племен к великому жупану в собственной Сербии были очень шатки: племя Неречан и князя Захумские стремились к полной независимости. Это раздробление прекратилось только со второй половины XII века. Колыбелью Сербского государства стала южно-сербский город Раса, по которому Сербия и Сербы часто назывались и „Расской землей“, „Рашане“ (*Rascia, Rasciani*, мадьярск. *Rács*). Великий жупан Рашский Стефан Неманя собрал раздробленные сербские области в одно крѣпкое цѣлое, освободил Сербию от верховной власти Византии и распространил ее предѣлы на восток и на юг в земли Болгарские (до Ниша) и в северную Македонию. Эту политику продолжали и его преемники. Вместе с этимъ, в Сербии взяло верх и православие против католицизма и учения секты павликиан или богомилов.

Болгарское государство, едва основанное, начало вѣковую борьбу с своею соперницею Византией; не раз было сомнительно — возьмет ли верх царь Болгарский (Крумъ, Симеонъ и Самуилъ), или кесарь Византийский. После долговременной и отчаянной борьбы, Болгария

пала (1019 г.) и стала Византійскою провинціей. Но черезъ полтора столѣтія (1186 г.) Болгаре соединенныя съ ними; болгарскіе Влахи (Волохи, Румыны), сбросили греческое иго и создали вновь независимое царство Болгарское между Дунаемъ и Балканомъ, которое хотя и распространилось въ началѣ XIII вѣка за Балканъ, но въ послѣдствіи снова было заключено этимъ рубежомъ. И у болгаръ взяло верхъ православіе, хотя многіе цари Болгарскіе, особенно послѣ возобновленія царства въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка (Іоаннъ Асѣнь I), изъ политическихъ причинъ клонились къ Риму. Прекрасныя зачатки славянской литературы, которая послѣ изобрѣтенія славянскаго письма процвѣтала въ Болгаріи, особенно въ X вѣкѣ, при царѣ Симеонѣ, прекратились потомъ вслѣдствіе безпрестанныхъ войнъ и смуть.

У Югославянъ Хорватскихъ и Сербскихъ, обитавшихъ на поморьѣ Адриатическомъ, образовались, подъ вліяніемъ римско-италіанскаго элемента, цвѣтуція городскія общины, между которыми больше всего отличается Дубровникъ (Ragusa). Въ этихъ прибрежныхъ областяхъ и общинахъ, въ сосѣдствѣ Италіи, развилась потомъ богатая югославянская литература, произведшая, особенно въ XV—XVII вѣкахъ, славныхъ поэтовъ. Приводимъ только имена Лучича, Даржича и Гуидулича. Но не смотря на все это, славянской элементъ здѣсь не былъ господствующимъ, а подчиненъ италіанскому.

Мысль соединенія всѣхъ или большей части Югославянъ принадлежатъ (въ половинѣ XIV вѣка) сильному царю Сербскому Стефану Душану. Онъ, продолжая политику своихъ предшественниковъ, счастливыми войнами съ Уграми и особенно съ Греками распространилъ границы сербскія и на западъ—въ Боснію и Захолбію, и на югъ, въ Албанію, Македонію и Фессалію. Душанъ сталъ первымъ царемъ, или императоромъ на полуостровѣ Балканскомъ; Болгарскій царь находился въ зависимости отъ Сербіи, а Греческій, столько разъ разбитый, дрожалъ передъ Душаномъ въ своемъ Царьградѣ. Но царь Стефанъ самъ положилъ основаніе гибели своей обширной имперіи, раздѣливъ ее на многіа намѣстничества. Послѣ его внезапной смерти, — онъ умеръ въ 1356 году, готоваясь идти на самый Царьградъ, — слабый его сынъ Урошъ не былъ въ состояніи сохранить единство своей отчины: сильные намѣстники, убивъ его — послѣдняго Неманича, — разрушили это единство и стали воевать другъ съ другомъ. Сербія, терзаемая внутренними смутами, стала добычею болѣе страшныхъ враговъ, чѣмъ были Греки византійскіе: Турецкіе Османы, вторгнувшіеся

въ Европу изъ Малой Азіи, разбили сербскія войска на Косовомъ полѣ (1389 г.). Сербскіе князья, или какъ они потомъ назывались по гречески, деспоты, стали турецкими вассалами; но уже черезъ 70 лѣтъ (1459 г.) Сербія сдѣлалась турецкимъ вассаломъ.

Одновременно съ Сербією, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Косовскаго сраженія, пала и Болгарія, ставъ турецкою провинціей.

Независимость сербская держалась еще нѣсколько времени въ Босніи и соединенной съ нею Захолміи, или какъ она позже называлась, Герцеговинѣ. Батъ Босенскій, Стефанъ Твердо, идѣя въ виду вмѣсто падающей собственной Сербіи создать новое государство Сербское, назвалъ королемъ Сербскимъ и Боснійскимъ и присоединился къ движенію Хорватіи и Далмаціи, направленному противъ Угорскаго государства. Но это соединеніе земель хорватско-боснійскихъ не удалось: и Боснія съ Герцеговиной, не поддерживаемая Угорскою короною, погибла отъ Турокъ (1463—1483 гг.). Османскіе бунчуки, водруженные надъ древними столицами царей сербскихъ— въ Призрѣнѣ и болгарскихъ— въ Терловѣ, стали подвигаться далѣе на сѣверъ въ Хорватію и Угрію.

Только одинъ уголокъ Сербіи отстоялъ свою независимость: древняя Дукля или Зета, позднѣйшая Черная Гора, подняла знамя сербской независимости и высоко держала его во всѣ послѣдующіе вѣка.

Сербскій и Болгарскій народъ, погруженный въ долговѣчный мракъ, попалъ въ тяжелое рабство ислама и турецкихъ варваровъ, которымъ онъ долженъ былъ доставлять въ войско свою молодежь, яничаръ, а кромѣ того, и въ духовное рабство вѣковъ своихъ враговъ Грековъ-фанариотовъ, которые, успѣвъ уничтожить народную іерархію болгарскую и сербскую, старались, подъ предлогомъ религіи, наносить вредъ и юго-славянской народности.

Остальные Югославы, главнымъ образомъ Хорваты, начали страшнѣйшую борьбу съ заклятыми врагами христіанско-европейской цивилизаціи, и вмѣстѣ съ многочисленными сербскими бѣглецами, или какъ ихъ называли, Ускоками, и съ Черногорцами, напрягали до изнеможенія свои силы въ этой борьбѣ и справедливо заслужили себѣ названіе „оплота христіанства“. Эта борьба, сначала мало успѣшная и только въ послѣдствія болѣе счастливая, представляетъ главное явленіе позднѣйшей исторіи югославянской.

Южные Славяне также несчастливы, какъ и западные: и тѣмъ, и другимъ, они хотя были такъ близки другъ къ другу, не удалось создать себѣ національное и государственное единство. Вслѣдствіе раз-

ныхъ неблагопріятныхъ событій, Югославяне распадались уже очень рано на нѣсколько особыхъ цѣлыхъ, народныхъ и государственныхъ единицъ, другъ отъ друга отличающихся и даже враждебныхъ другъ другу, или достались въ добычу чужеземцамъ европейской — Нѣмцамъ и Италианцамъ, и азіатской — Мадырамъ и Туркамъ. Кромѣ того, по поводу раскола церкви, а позже и вслѣдствіе водворенія между ними ислама — особенно между дворянствомъ въ Босніи и Герцеговинѣ, — произошла у нихъ разнида въ вѣроисповѣданіи, письмѣ и вообще во всемъ духовномъ развитіи.

Мы обозрѣли вкратцѣ древнюю и среднюю исторію народовъ славянскихъ. Мы видѣли, что Славяне, очутившись въ особенномъ положеніи, утратили первоначальное народное единство и раздробились на нѣсколько большихъ и малыхъ частей. Это раздробленіе увеличилось потомъ еще больше вслѣдствіе разлнціа историческаго развитія разныхъ отраслей, происшедшаго изъ разнаго рода обстоятельствъ.

Иначе развивались западные Славяне, иначе южные и восточные. Столкновеніемъ съ чуждымъ враждебнымъ элементомъ, погубивъ Славяне Балтійскіе, и по большей части, Лабекіе, или изчезнувъ со сѣбѣ, или принявъ чуждую народность. Чехи отстаили свою самостоятельность и народность на долгіе вѣка, но и они наконецъ упали такъ, что, казалось, начинаютъ идти по слѣдамъ своихъ лабскихъ братьевъ. Поляки, утративъ на западѣ значительную часть своихъ одноплеменниковъ, создали себѣ большое государство, которое однако, основываясь на началахъ не прочныхъ, упало послѣ наваго болѣе сильнаго потрясенія. Южные Славяне рано лишились политической самостоятельности. Одному только Русскому народу удалось, послѣ величайшихъ бѣдствій, создать сильное государство на прочномъ основаніи, и такимъ образомъ, обезпечить себѣ свой національный бытъ болѣе, чѣмъ остальные Славяне, лишеныя политической независимости.

Славянскія учрежденія.

Славяне, живя въ своей первобытной родинѣ и составляя одинъ народъ или, по крайней мѣрѣ, совокупность довольно близкихъ другъ другу племенъ, пользовались одинаковыми или сходными учрежденіями и обычаями. Это единство или сходство могло ослабѣть, когда многія племена славянскія вышли изъ закарпатскихъ земель на западъ и югъ, поселились въ другомъ климатѣ, въ сосѣдствѣ другихъ народовъ, и вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, стали и отдѣльно раз-

живаться. Но не смотря на такое разделение, на такія переселенія, общее достояніе славянства сохранилось, болѣе или менѣе, у равныхъ народовъ славянскихъ и въ послѣдствіи.

Славянскіи племена или отгнѣныя или выходящи, переселившись на другое мѣсто, продолжали жить по прежнему, называли южнѣ свои жилища прежними названіями и вообще долго еще сохраняли и на новой родинѣ древній свой бытъ, пока они извоили не перемѣнились болѣе или менѣе. Подъ вліяніемъ новыхъ отношеній или туземнъ элементовъ. Не сомнѣнно, одинаково жили, напримеръ, варягскіе, любскіе и задумайскіе Хорвати и Сербы, восточно- и западославянскіе Дульби, Волыняне, Дрелляне, Лужане, Сталучи, съаврине и шкские Словяне, Сѣверяне, Смолене, Драговичи, западные и вѣжные Сторяне, Сусли, Бодричи, Мильчане, Дѣчане, Моравяне и проч. Поэтому полагаю, что во всѣхъ славянскихъ странахъ встрѣтятся Кисни, Кладоруби, Прилѣки, Верлюби, Виньградн, Вѣлградн, Новоградн, Полоци, Мельники, Чертори, Кракови, Прѣслави, Пресѣки, Ябн, Уни, Морави и проч. Поэтому и полагаю, что у всѣхъ Славянъ находятъ Ярославовъ, Валославовъ, Вячеславовъ, Брячиславовъ, Владиславовъ, Сятовомковъ, Владиміровъ, Всеславовъ, Добротостовъ и проч. Этихъ же надо себѣ объяснить сходство и тождество многихъ учрежденій, сохранившихся у восточныхъ, западныхъ и южныхъ Славянъ до послѣднихъ временъ, и отчасти и до сихъ поръ.

Общественная жизнь Славянъ основывалась на родовомъ бытѣ. Славянскій родъ представлялъ совокупность родичей разныхъ степеней, людей одного происхожденія, или вообще, соединенныхъ кровною связью. Эти родичи жили и трудились сообща въ нераздѣльномъ ивѣнн, подъ избираемымъ начальникомъ. Самъ родъ назывался у Славянъ разнообразно, кроми названій *родъ* и *племя*, были въ употребленіи и слова: *челодь*, *войско*, *полкъ*, *жума*, *верезъ*; все это означаетъ союзъ людей, соединенныхъ, связанныхъ въ одно цѣлое. Родоначальникъ назывался или просто *отець*, *отъ багата* или *багя*, *отъ челодинъ*; или такъ какъ обыкновенно, но не всегда старшій членъ рода былъ и его начальникомъ — *староста*, *старыинна*, или какъ начальникъ, *владѣецъ жуми*, *вои*, *жуманъ*, *всесода*, *владѣца*, или *шковецъ*, *востодаръ*, *востотинъ*, *клязь*, то-есть, начальникъ рода, племени. Нераздѣльное, общее ивѣніе рода называлось *багитинна* или *отчина*, *дѣдина*, *племетинна*, то-есть, наследство батей или отцовъ, дѣдовъ, племени. Нераздѣльность, впрочемъ, не исключала раздѣленія на равныя доли между членами рода. Усадьба и округъ рода по

имѣлъ особаго названія, а назывался просто по роду, напримѣръ, члены рода Лютобора назывались Лютоборичи и также называлась и ихъ усадьба.

Родовой бытъ сохранился дольше всего у вѣжнихъ Славянъ; у нихъ часто является „племя“ съ разными своими „кучами“ (домами), или „колѣнами“—однимъ юридическимъ цѣлымъ. Нынѣшняя же югославянская *задруга* (у древнихъ Хорватовъ и *сереная дружина*), управляемая господаремъ или старѣшиною, соответствуетъ древнеславянскому роду, какъ онъ описанъ въ одномъ древнечешскомъ памятникѣ: „Всякъ отъ своей чeledи воеводи, мужіе пашу, жени рубы строа; и умрели глава чeledина, дѣти всѣ ту збожіемъ въ одно владу, владьку си зъ рода выберуде“.

У другихъ Славянъ родовой бытъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, рано изчезъ; родъ измѣнился въ болѣе обширную общину, то-есть, союзъ людей уже не одного происхожденія, не родственниковъ. Но сами, оставшіяся у этихъ Славянъ, слова: дѣдина—въ смыслѣ села новаго, не родоваго устройства, староста—въ смыслѣ начальника общины, господарь—въ смыслѣ хозяина, и нераздѣльное владѣніе русской общины указываетъ на первоначальный родовой бытъ.

Но если родовой бытъ и изчезъ у западныхъ и восточныхъ Славянъ, если родъ перемѣнился въ общину, то все-таки долго еще оставались болѣе или менѣе значительные слѣды первоначальнаго славянскаго бита. У западныхъ Славянъ, Чеховъ, Поляковъ и Лабско-Балтійскихъ Славянъ, встрѣчаемъ, особенно въ высшихъ сословіяхъ нераздѣльное владѣніе имѣніемъ, либо цѣлымъ родомъ, либо родичами извѣстныхъ степеней, довольно поздно, даже до XVI столѣтій. Родъ представляетъ одно юридическое цѣлое; для распоряженія дѣдинами требуется согласіе всѣхъ членовъ рода, а не только родоначальника, или какъ онъ продолжаетъ называться у Чеховъ, старосты и владаря (вѣсто древняго владѣнны), господаря (въ Моравіи), у Поляковъ — отца чeledнаго.

У восточныхъ, русскихъ Славянъ родъ рано замѣняется общиною. Но вѣсть съ тѣмъ, остались и нѣкоторые его слѣды, особенно въ высшихъ сословіяхъ, именно—нераздѣльное владѣніе „отчинами и дѣдинами“, членами одного рода и племени; согласіе которыхъ требуется въ случаѣ распоряженія имѣніемъ.

Изъ родового бита слѣдуетъ, что первоначально у Славянъ не было нищихъ; бѣднымъ дѣлался тотъ, который, по поводу совершеннаго преступленія, исключенъ изъ родовой связи и лишенъ пользо-

ванія родовымъ имуществомъ, такъ-называемый *изюй*; *злой сынъ*, *худой* до сихъ поръ у нѣкоторыхъ Славянъ означаетъ первое — преступника, второе—бѣднаго, нищаго.

Изъ родового быта слѣдуетъ дальше, что первоначально всѣ Славяне были лично свободные люди, и что между ними не было невольниковъ, рабовъ, отроковъ, хлоповъ (холопей). Невольничество у Славянъ основывалось на вищихъ обстоятельствахъ, именно—на плѣнѣ во время войны; да у Славянъ и такой плѣнникъ, рабъ, по крайней мѣрѣ въ первые вѣка послѣ Р. Х., скоро приобреталъ себѣ опять свободу. Кромѣ этого главнаго источника рабства, у Славянъ лишались личной свободы и не заплатившіе должники, преступники, приговоренные къ смерти, но помилованные, и разумѣется, и тѣ, которые родились въ рабствѣ или сами добровольно его приняли. Невольничество исчезаетъ прежде всего у западныхъ Славянъ (XII—XIII вв.), потомъ у южныхъ (XIV—XV вв.). У восточныхъ, Русскихъ Славянъ оно сохранилось гораздо дольше: въ югозападной, литовской Руси до конца XVI столѣтія и еще дольше, въ сѣверо-восточной, Московской Руси оно распространилось на огромную массу народа. Рабами, плѣнниками становились, прежде всего, иноплеменники, потомъ и воюющіе между собою Славяне. Но и позже, въ XIV столѣтіи, встрѣчаемъ еще, примѣръ, что Сербы и Болгаре считаютъ грѣхомъ порабощеніе въ плѣнъ попавшихъ „соплеменниковъ“.

Вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ Славянъ съ ихъ сосѣдами, особенно Нѣмцами, множество славянскихъ плѣнниковъ наполнило базары западно-европейскіе; отсюда произошло названіе раба Славяникомъ (склавоу), у всѣхъ германскихъ и романскихъ народовъ.

Слѣды родового быта сохранились у Славянъ до позднѣйшихъ временъ, особенно въ юридическомъ ихъ бытѣ. На родовомъ бытѣ основывается и круговая порука, то-есть, отвѣтственность, ручательство рода за всѣ поступки и преступленія его членовъ. Съ преобразованиемъ рода въ общину, обязанность круговой поруки перешла на последнюю, на извѣстный округъ, на околицу, одоле и вервь. Принадлежащіе къ этому округу отвѣчали за всѣ, совершившіяся въ ихъ границахъ, преступленія, на примѣръ, въ случаѣ убійства они должны были нести повальное наказаніе, вражду или главу (головщину). Круговая порука сохранилась у западныхъ Славянъ до XIII—XIV столѣтій, у южныхъ до XV, и ея слѣды остались еще до сихъ поръ; у восточныхъ, русскихъ Славянъ до XVI—XVII вѣковъ;

древнесербскія „окольные села“ соответствуют древнерусскимъ „окольнымъ селамъ“.

Родовой бытъ представляетъ самую низшую степень общественнаго развитія у Славянъ. Вслѣдствіе разныхъ причинъ, особенно внѣшнихъ, нѣсколько родовъ соединилось въ болѣе широкое общество, въ племя, и наконецъ, нѣсколько племенъ—въ высшую степень общественнаго быта, въ одно, какое бы то ни было, политическое цѣлое, въ государство. Но самыя названія: племя, часто замѣняющее слово родъ, — *жуна*, княжество, господарство, названія начальниковъ новыхъ общественныхъ тѣлъ, *князь*, *господарь* (государь), *жупанъ*, *владика*, *воевода*, и *батьа*, *батьюшка*, на конецъ, самыя названія племенъ (*Лютомиричи*, *Бодричи*, *Радимичи*, *Велегостичи*) указываютъ на происхождение племенъ и государствъ изъ родовъ.

Съ исчезновеніемъ родоваго быта при соединеніи племенъ въ государства, то-есть, въ болѣе или менѣе централизованныя политическія тѣла, и самыя названія рода и родоначальника принимаютъ другое значеніе. Такъ, *челядь* стало означать прислугу, *войска* или *войско*, *полкъ*—вооруженныхъ людей (у Юго-славянъ просто народъ), *жуна*—извѣстный округъ новой общественной формаціи, *жупанъ*, *воевода*, *староста*—извѣстныхъ чиновниковъ, намѣстниковъ князя, государя. Значеніе этихъ названій у Славянъ, послѣ разрушенія родоваго быта, было вообще довольно шатко и неопредѣленно. Такъ, напримѣръ, великій жупанъ былъ представителемъ, государемъ Хорватовъ, Сербовъ, жупаны—его намѣстники; у западныхъ Славянъ жупанъ былъ тоже намѣстникъ князя; вмѣстѣ съ тѣмъ, у Лабскихъ Сербовъ, у Ляховъ и у Словенцевъ—жупаномъ назывался и сельскій судья. Князь у восточныхъ и у западныхъ Славянъ означалъ государя (у Лабскихъ Сербовъ господина, пана), у южныхъ князь стоялъ ниже жупана и означалъ и начальника сель; господарь—у восточныхъ и южныхъ былъ князь—государь, у западныхъ—хозяинъ и проч.

Въ государствахъ славянскія племена соединены въ болѣе тѣсныя и прочныя политическія и національныя цѣлыя, въ народы.

Государства создались преимущественно вслѣдствіе потребности общей защиты противъ внѣшнихъ враговъ; князь извѣстнаго племени соединилъ подъ свою власть сосѣднія племена или добровольнымъ ихъ соглашеніемъ, или вооруженною рукою.

Такимъ образомъ, во главѣ извѣстнаго государства и народа сталъ одинъ родъ княжескій. Такъ у Чеховъ—*Премисловичи*, у Поляковъ—*Пястовичи*, у Сербовъ—*Неманичи*, у Русскихъ—*Рюрик-*

сичи. Княжескій родъ считалъ подвластную себѣ землю своею „дѣдиной“ или отчиной“, которою пользовались всѣ его члены, какъ было у частныхъ родовъ. „Великій князь“ или „великій жупанъ“ былъ представителемъ не только своего государства и народа, но и своего рода, заботясь о его членахъ, назначая имъ „дѣлы, удѣлы“ и проч. Знакомъ возвышенія въ княжеское достоинство было сажаніе на „столъ отенъ и дѣденъ“. Позже, когда славянскіе князья замѣнили свой титулъ чужими титулами *кравлей* (*королей*) и *царей*, этотъ обычай замѣненъ вѣнчаніемъ, коронаціей.

Непрочный, наследственный порядокъ въ княжескихъ родахъ славянскихъ установленъ введеніемъ сеніората, или старѣйшинства, по которому старшій членъ всего рода занималъ великокняжескій столъ. Старѣйшинство введено одновременно въ княжескихъ родахъ русскихъ (1054 г.) и чешскомъ (1055 г.), позже въ польскомъ (1139 г.), и вѣроятно, и въ сербскомъ. Но введеніе старѣйшинства не установило престолонаслѣдія, а напротивъ того, дало доводъ къ непрерывной борьбѣ за престолъ между членами княжескихъ родовъ. Оно замѣнено позже въ XIII—XIV столѣтіи примогенитурой или первородствомъ. Княжеское достоинство у Славянъ основывалось первоначально, какъ и достоинство родоначальника, на выборномъ началѣ и только позже сдѣлалось наследственнымъ. Но древнее выборное начало безпрестанно оспаривало новое, наследственное, особенно при слабѣющей власти князей. Такъ было преимущественно на Руси, и при извѣстномъ положеніи дѣлъ, и въ Польшѣ, Чехіи, Хорватіи и Сербіи.

Съ замѣною родового и племенного быта государственнымъ, настали у Славянъ и новые порядки въ ихъ общественномъ строѣ. Во-первыхъ, произошла болѣе рѣкая разница между его классами, образовались *сословія*. Съ упадкомъ родового быта, народонаселеніе очутилось въ другихъ условіяхъ жизни и должно было принимать новыя обязанности и повинности. Изъ среды его выдѣлились болѣе знатные и богатые люди, и вмѣстѣ съ бывшими племенными князьями или жупанами, стали составлять новое сословіе знатныхъ людей, крупныхъ землевладѣльцевъ, *бояръ* (*бояры*) и *вельможъ*, то-есть, болшихъ, великихъ людей (у восточныхъ и южныхъ Славянъ), *мьговъ*, *ляговъ*, *шльхтъ*, *шляхтъ*, то-есть, владѣтелей дѣхъ, земель (оттуда и *земле* у западныхъ Славянъ), *племства*, *племичей*, то-есть членовъ, извѣстныхъ племенъ, родовъ (у Хорватовъ), *власителей*, то-есть, землевладѣльцевъ (у Сербовъ). Въ это новое сословіе вошли и многіе родоначальники и составили второй разрядъ знатныхъ людей. У за-

падныхъ Славянъ, именно у Чеховъ и Поляковъ, они продолжаютъ называться древнимъ своимъ названіемъ *владыкъ, влодыкъ*; у остальныхъ Славянъ они, въ отличіе отъ великихъ, старшихъ бояръ или властелей, принимаютъ названія *малыхъ, младшихъ, меньшихъ* или *властелинчикъ, дѣтей боярскихъ*, и проч. Въ число этой родовой знати входили и лица, пожалованныя такимъ достоинствомъ княземъ, государемъ. Сословіе боярское или шляхетское занимало первое мѣсто въ государственной жизни; оно окружало князя, составляя его совѣтъ, занимало всѣ высшія мѣста, совѣщалося о дѣлахъ земскихъ и проч. Оно, наконецъ, привело и остальное народонаселеніе въ свою зависимость.

Массу народа составляло сельское народонаселеніе; у Русскихъ, а отчасти и у Ляшскаго племени они назывались *смерды*, то-есть, люди; у западныхъ и у южныхъ Славянъ—*кметы*, то-есть, хозяева, земледѣльцы; у послѣднихъ, Сербовъ и Болгаръ,—*себры* и *перопци*, вѣроятно, по покореннымъ ими народамъ Сабировъ и Нороновъ; у Русскихъ позже и *крестьяне*. Поселяне пользовались личною, но не вещественною свободою; они, сидя на чужой землѣ, обяваны были отпращивать для своихъ господъ извѣстныя повинности, опредѣленныя по закону. Только немногимъ изъ нихъ удалось сохранить за собою землю своихъ дѣдовъ. Это такъ-называемыя нѣкоторыми Славянами—*дюдичи*. Сельское народонаселеніе хотя и подпадало все подъ большую зависимость отъ своихъ господъ, сохранило, однако, личную свободу до XV, даже XVI столѣтій (въ Московской Руси), и только тогда прикрѣплено къ землѣ и обременено игомъ вассалства или даже крѣпостнаго состоянія.

Славяне жили либо въ укрѣпленныхъ, огороженныхъ мѣстахъ, *градахъ (городахъ)*, либо въ открытыхъ *селахъ, весяхъ*. Градь былъ средоточіемъ и убѣжищемъ племени преимущественно въ случаѣ войны, непріятельскаго нападенія и проч. Племя и его городъ часто имѣли одно и то же названіе: Лютомирчи—городъ Лютомирчей, Гломачи—городъ Гломачей, Полоцькъ—городъ Полочанъ, Браничево—Браничевцевъ, Волынь—Волынянъ. Иногда и стародавнія племенные названія замѣнялись названіями по городамъ. Такъ было особенно на Руси. Кіевляне (Поляне) назвались по Кіеву, Новгородцы (Словѣне) по Новгороду, Смоленяне (Кривичи) по Смоленску и проч. Подъ или передъ городомъ находилось открытое поселеніе *подградіе* или *передгородіе*; здѣсь, равно какъ и въ селахъ, жили и высшія, и низшія, особенно къ самому городу принадлежащія сословія, купцы, ремесленники и

проч. Разницы между жителями городовъ, подградій и сель не было: все они жили подь однимъ закономъ. Между славянскими городами замѣчательны на Руси—Владимиръ, Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Кіевъ; у Славянъ Балтійскихъ—Гданскъ, Щетинъ, Волинь; у западныхъ Славянъ—столицы государствъ чешскаго и польскаго, Прага и Краковъ. Южные Славяне въ новыхъ своихъ жилищахъ застали и много римскихъ городовъ, которые подверглись вліянію окружившихъ ихъ Славянъ.

Кромъ сословія боярскаго или шляхетскаго и сельскаго, включая въ это послѣднее и разныхъ ремесленниковъ, слугъ и пр., другихъ сословія у Славянъ первоначально не было.

Городское сословіе, то-есть, община, живущая подь особымъ закономъ, является у Славянъ позже. „Мѣста“ и „мѣщане“ перешли къ Чехамъ и Полякамъ изъ Германіи, въ XIII и XIV столѣтіяхъ; въ юго-западную, польско-литовскую Русь—изъ Польши. У Югославянъ подлѣ славянскихъ городовъ остались и городскія общины еще со временъ римскаго владычества.

Государства славянскія основывались на древнемъ *жуупномъ* или городскомъ устройствѣ. *Жупа*, первоначально родъ и его округъ, приняла позже болѣе обширное значеніе; она или соотвѣтствовала племени, или извѣстному его подраздѣленію. Съ развитіемъ государственной идеи, жупы сдѣлались извѣстными административными и судебными округами, которыми управляли княжескіе намѣстники и чиновники, — *жупанъ*, *судья*, *коморникъ* или *приставъ*, *владарь*, *владалецъ* или *тиунъ* и проч. Названія жупа и жупанъ встрѣчаются у западныхъ и у южныхъ Славянъ. У Русскихъ жупѣ соотвѣтствуетъ первоначально вервь, позже волость и уѣздъ, жупану — посадникъ, позже намѣстникъ. Средоточіемъ жупы было укрѣпленное мѣсто, градъ, городъ, а жупа, по древне-сербскому опредѣленію, была „предѣлъ того града“. Жители жупы (др.-серб. *жуупляне*) были, безъ различія, обязаны нести извѣстныя повинности относительно своей жупы, всей земли и особы князя, были обязаны къ постройкѣ и поправкѣ городовъ (зиданію града, городовому дѣлу), земскому ополченію, доставленію путешествующимъ князю и его чиновникамъ подводовъ, проводовъ, съѣстныхъ припасовъ или корму, нарѣзу, ослу, позобу и къ другимъ повинностямъ, которыя назывались въ Балтійскихъ земляхъ прямо „славянскими“. Жупное устройство со всеми повинностями сохранилось съ одинаковыми названіями до позднѣйшихъ временъ, особенно у восточныхъ и южныхъ Славянъ; у послѣднихъ (въ коронѣ Угорской) существуетъ

отчасти и до сихъ поръ. У западныхъ Славянъ жупное устройство если и не совсѣмъ упало, то значительно измѣнилось, вслѣдствіе проникновенія чужихъ порядковъ въ ихъ государственнй строй.

Славяне съ древнѣйшихъ временъ всегда имѣли участіе въ государственныхъ дѣлахъ, рѣшая ихъ вмѣстѣ съ избираемымъ или наследственнымъ княземъ, „Народы славянскіе и антскіе“, говоритъ одинъ Византиецъ VI вѣка, „не повинуются одному мужу, но живутъ издавна въ народномъ правленіи, и потому всегда о своихъ пользахъ и нуждахъ сообща совѣщаются; равнымъ образомъ и почти всѣ другія дѣла у нихъ по древнимъ законамъ управляются“.

Такія народныя сходки встрѣчаются у Славянъ и въ послѣдующихъ вѣкахъ. Это — славянскія *вѣча*, *соброры*, *сметы* или *сеймы*, на которыхъ народъ совѣщался, собирался (снимался). У Русскихъ Славянъ народныя *вѣча* издавна собирались въ главныхъ, племенныхъ городахъ (властяхъ)—въ Кіевѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ и др.; звономъ вѣчевыхъ колоколовъ срывался каждый свободный человѣкъ на вѣче „думать“ о важныхъ дѣлахъ. Вѣча на Руси приобрѣтаютъ себѣ большую силу и вѣсть во время непрерывныхъ междоусобицъ княжескихъ, но лишаются ея при сильныхъ князьяхъ, особенно въ сѣверо-восточной Руси, Владимірско-Московскихъ и, наконецъ, совсѣмъ исчезаютъ въ централизованномъ государствѣ Московскомъ; позже всего, въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ, они исчезаютъ въ Новгородѣ и Псковѣ. Слабымъ ихъ отголоскомъ сдѣлались *земскіе соборы* Московскаго государства; но болѣе прямыя преемники вѣчъ явились на окраинахъ русскаго міра: *казанскіе круги* и *рады* не что иное, какъ древне-русскія вѣча.

Такія всенародныя вѣча являются и у западныхъ Славянъ, особенно у Поморянъ и у Лютичей. У Чеховъ и Поляковъ и, соединенныхъ съ ними впоследствии, юго-западныхъ Русскихъ *сметы* или *сеймы* позже сдѣлались сходками только шляхты. Сеймы ограничивали государей во все существованіе обонхъ западно-славянскихъ государствъ.

У южныхъ Славянъ *соброры* и *вѣча* разнообразны. Въ городскихъ общинахъ адриатическихъ римское начало смѣшалось съ славянскимъ; первоначальныя всенародныя соборы замѣнились позже сходками только властельства. Но подлѣ нихъ остались и древне-славянскія вѣча, какъ напримѣръ, въ хорватскихъ общинахъ Полицией, Винодольской, Керцкой и др. Въ государствахъ Хорватскомъ, Сербскомъ, Болгарскомъ общенародныя соборы превратились, какъ и у Чеховъ и Поляковъ, въ соборы одного только племства, властельства или бо-

ларства. Такіе соборы, примѣненные къ требованіямъ времени, сохранились до сихъ поръ въ Хорватіи и вообще въ земляхъ короны Угорской, перенявшей государственное устройство отъ Славянъ.

У Славянъ искони было свое право, своя правда, свои законы, о которыхъ упоминають уже Византіицы VI вѣка. Это древне-славянское право и законы, „но которымъ всегда жили отцы, дѣды и всѣ предки“, составляетъ и основу права, какъ оно въ послѣдствіи развилось у разныхъ народовъ славянскихъ. Въ ихъ правахъ сохранилось до позднѣйшихъ временъ много сходства, и нѣкоторые юридическіе обычаи у Югославянъ напоминають до сихъ поръ многіе древне-чешскіе, древне-польскіе и древне-русскіе законы. Нѣкоторыя сходства права государственнаго и частнаго у всѣхъ Славянъ видны и въ этомъ очеркѣ внутренняго быта Славянъ. Приведемъ еще нѣсколько сходныхъ чертъ въ юридическомъ быту у Славянъ. *Сводъ (изводъ)*, то-есть, отклоненіе отъ себя подоврѣнія въ преступленіи, встрѣчается у Чеховъ, Сербовъ и Русскихъ; *сждъ*, то-есть, преслѣдованіе преступника — у Поляковъ и Русскихъ; *соки*, то-есть, родъ судебныхныхъ сыщиковъ — у Чеховъ, Русскихъ и Югославянъ, у которыхъ отчасти остались до сихъ поръ (въ Черной Горѣ); *вданіе (взданіе, выдачка)*, то-есть, судебный завладѣніи противниковъ — у Чеховъ, Сербовъ, Русскихъ (въ Литвѣ, Кіевѣ, Смоленскѣ); *мие, полицное* (огривъ delicti) — у всѣхъ Славянъ и пр. *Судъ присяжныхъ (порота)* встрѣчается особенно у Югославянъ; слѣды его у Чеховъ, Поляковъ, Русскихъ; *суды божиіи* (вода, желѣзо, мечъ, кій) употреблялись у всѣхъ Славянъ, и слѣды ихъ остались до сихъ поръ у Югославянъ, и пр.

Законы хранились главнымъ образомъ посредствомъ устнаго преданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и записывались чертами или рѣзами на таблицахъ, *доскахъ, дескахъ*. Такія доски, въ смыслѣ записей, встрѣчаются на Руси до XV вѣка (въ Новгородѣ и Псковѣ); у Чеховъ же государственный архивъ называется до сихъ поръ „земскими десками“.

Много общихъ чертъ сохранилось у Славянъ и въ духовной ихъ жизни: такъ, въ славянской мѣологіи, не смотря на то, что она не развивалась у всѣхъ племенъ одинаково. У нихъ былъ одинъ наивысшій богъ *Свароць* — небо, отецъ обоихъ *Свароасичей*, солнца и огня; обожаніе небеснаго свѣта, солнца, играетъ важную роль во всей славянской мѣологіи. Кромѣ того главнаго бога, было много и другихъ божествъ высшаго и низшаго разряда, боги домовые (дѣды) и пр., которые, равно какъ и равные богослужебные обряды, у Сла-

вянъ были болѣе или менѣе сходны. Отголоски этихъ древнихъ вѣрованій раздаются до сихъ поръ въ народной поэзіи славянской.

Нравы древнихъ Славянъ описываютъ сами враги ихъ въ недурномъ свѣтѣ. Особенно хвалятъ ихъ добрый и искренній характеръ, ласковое обхожденіе съ плѣнными и безпредѣльное гостепріимство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, рано замѣтна въ характерѣ Славянъ черта, которая оказалась роковою для ихъ дальнѣйшей судьбы. „Славяне дорожатъ свободою, никакимъ образомъ не склоняются служить или слушаться и не выносятъ никакого повелителя. Между ними постоянно господствуютъ различныя мѣтвія; ни въ чемъ они между собою несогласны; если одни на что-нибудь согласятся, другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, ибо всѣ питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Еслибы многочисленные Славяне не были такъ раздроблены и не воевали безпрестанно другъ съ другомъ, то они были бы самый могучій народъ въ свѣтѣ“.

Такъ отзываются о Славянахъ иноплеменники VI и X вѣковъ.

Эта-то безграничная, ничѣмъ необуздаемая любовь къ свободѣ, или скорѣе, къ неповиновенію, эти безпрестанныя драки, приводящія съ собою политическую слабость, и были главною причиною неудачъ и паденія независимости Славянъ.

А.

Сознаніе національнаго единства у отдѣльныхъ народовъ славянскихъ.

Славяне, лишившись дѣйствительнаго народнаго единства, сохраняли, однако, всегда ясное сознаніе, что они составляли когда-то одинъ народъ, одно цѣлое; признавали себя, не смотря ни на разстояніе, ни на раздробленіе, членами одного великаго народа Славянскаго. Такъ смотрѣли на Славянъ и иностранцы — Нѣмцы, Греки, Итальянцы, Арабы и проч.

І.

Славянское сознаніе у Чеховъ.

1. Славянское сознаніе въ общественной жизни.

О своемъ славянскомъ происхожденіи Чехи заявляли часто въ общественной и государственной жизни, въ грамотахъ, въ 'уложеніяхъ, на сеймахъ и проч. Въ грамотахъ чешскихъ князей встрѣчающіяся

чешскія слова называются „славянскими“ и чешскій языкъ „славянскимъ“. Чехи, требуя отъ папской столицы возвышенія Пражскаго епископства въ архіепископство (1344 г.), приводятъ между разными доводами и тотъ, что жители Чехіи говорятъ языкомъ, совершенно отличающимся отъ нѣмецкаго, „языкомъ славянскимъ“. Въ проектѣ новаго чешскаго уложенія (1348 г.) постановляется, чтобы въ Чехіи не назначался чиновникомъ человекъ, не знающій общаго языка чешскаго, „который называемъ славянскимъ“. Чешскій языкъ не разъ называютъ „славянскимъ“ и короли Премысль II, Отakarъ и Карлъ (IV); послѣдній совѣтуетъ и нѣмецкимъ князьямъ учиться по славянски, то-есть, по чешски. Когда, въ началѣ XV-го вѣка, въ земляхъ чешской короны происходило волненіе по поводу Іоанна Гуса, когда этотъ чешскій реформаторъ находился въ Констанцѣ въ тюрьмѣ, когда онъ сожженъ, а его приверженцы подверглись преслѣдованію, и на всѣхъ Чеховъ легло пятно еретичества, то (141 года) и паны моравскіе на сеймѣ Берненскомъ, и Пражскій университетъ публично заявляютъ, что все это дѣлается „на поруганіе не только всей чешской короны и Чешскаго и Моравскаго народа, но и всего языка славянскаго“. И когда, въ послѣдующія затѣмъ бурныя времена, вся Чехія и Моравія обливались кровью, когда явился страшный мститель чешскихъ мучениковъ, Іоаннъ Жижка, то онъ борется не только „за освобожденіе правды закона Божьяго, но и особенно языка чешскаго и славянскаго“¹⁾.

Славянское сознаніе Чеховъ является особенно въ сношеніяхъ съ сосѣднимъ государствомъ Славянскимъ—съ Польшей, какъ ниже увидимъ. Еще наканунѣ паденія Чешскаго государства (1620 г.) чешскіе чины, обстоятельно доказывая, что Чехія есть государство избирательное, а не наследственное, говорятъ въ началѣ своей „дедукціи“, что Славянскій народъ вообще, и Чешскій въ особенности, ужь отъ самой природы рожденъ свободнымъ, что онъ никогда не былъ подчиненъ наследственному государю, а какъ свободный народъ, въ рукахъ котораго находится вся власть, всегда имѣлъ и пользовался правомъ избирать себѣ государя, какъ о томъ свидѣтельствуетъ уже

¹⁾ Regesta Bohemiae et Moraviae I, 79, 99, 137, и др.; Codex diplom. Moraviae VII, 542; Majestas Carolina XIX. (Archiv český III, 103); Palacký: Formelbücher I, 288; Pelsel: Karl IV (I. Urkundenbuch, 91); Золотая булла Карла IV, гл. 30; Palacký: Documenta M. J. Hus 547, 561; Archiv český III, 183; Výbor z liter. české II, 278.

византийскій историкъ Проконій, что Славяне живутъ подъ народнымъ правленіемъ, неподвластные одному господину ¹⁾.

2. Славянское сознание въ исторической литературѣ чешской. — Лѣтописи, легенды и пр. Пулжава. — Собрание чешскихъ лѣтописей. — Грамота Александра Великаго. — Чешскіе историки XV и XVI вѣковъ. — Споръ о происхожденіи Чеховъ въ Прагскомъ университетѣ въ началѣ XVII столѣтія.

Сознаніе родства съ другими Славянами является въ чешской литературѣ преимущественно въ историческихъ и филологическихъ сочиненіяхъ. Изъ своихъ лѣтописей Чехи знали, что они — Славяне или даже Сербы (древнѣйшее названіе Славянъ, которые-де послѣ Вавилонскаго столпотворенія заняли юго-восточную Европу); знали, что преимущественно для нихъ изобрѣтено „словѣнское письмо“, переведены богослужебныя книги на „словѣнскій“ языкъ св. Константиномъ и Мееодіемъ и ихъ сподвижниками, приглашенными „Словѣнскимъ“ княземъ Ростиславомъ на Мораву, въ Словѣнскія страны, что словѣнскій языкъ въ моравско-паннонской церкви одобренъ и самой столицею папскою. И хотя позже, вслѣдствіе разныхъ историческихъ событій, славянское богослуженіе должно было по большей части уступить латинскому, то все-таки оно не исчезло совсѣмъ. Дѣдичъ Чешской земли, св. князь Вячеславъ, учился не только латинскимъ, но и „словѣнскимъ“ книгамъ“. Другой святитель чешскій, св. Войтѣхъ, сынъ князя Славника и Стрѣзиславы „изъ знаменитаго рода славянскаго“, самъ называетъ себя „Словѣнникомъ“. Третій, св. Проконій, „дѣдичъ словѣнскій“, посѣщалъ славное Вышеградское училище и учился здѣсь на словѣнскомъ языкѣ; для него построенъ (1032—1039) монастырь на берегу рѣки Сазавы, гдѣ до конца XI столѣтія были монахи славянскіе, „Словѣне“, отправлявшіе богослуженіе на словѣнскомъ языкѣ, и только въ 1096 году, вслѣдствіе козней враговъ славянскаго богослуженія, должны были уступить латинско-нѣмецкимъ монахамъ. Но самая память о дѣдичѣ славянскомъ, св. Проконіѣ, о славянскомъ монастырѣ Сазавскомъ живо сохранилась у Чеховъ и еще въ XIV вѣкѣ они хорошо знали, что у нихъ было когда-то богослуженіе на славянскомъ языкѣ, учрежденное св. Кирилломъ и Мееодіемъ, какъ это тогда еще соблюдалось въ Болгаріи, Хорватіи и въ другихъ странахъ славянскихъ и какъ это тогда возобновилось и въ Чехіи, хотя

¹⁾ *Deductio darumb Ferdinandns II, des Regiments in Kgr. Böhemb verlustiget* (1620, p. 6). То же самое и на французскомъ языкѣ.

только въ одномъ мѣстѣ, въ Пражскомъ монастырѣ славянскомъ. Что касается славянскаго письма, то уже въ XVI столѣтіи Чехи сами коротенько не знали, которое именно изобрѣлъ св. Кирилль: то ли, которое употребляютъ Русскіе, или же то, которое въ употребленіи у Хорватовъ и вообще у Славянъ Иллирскихъ, и которое другіе приписывали св. Іерониму. О самомъ славянскомъ языкѣ въ богослуженіи церквей русской, болгарской, сербской и хорватской знали Чехи, хотя и немногіе, что онъ отличается отъ нарѣчія простаго народа, который его совсѣмъ не понимаетъ, поэтому попы изучаютъ этотъ древній языкъ, какъ у другихъ народовъ—латинскій ¹⁾.

Краткія извѣстія первыхъ лѣтописцевъ о славянскомъ происхожденіи Чеховъ распространилъ въ послѣдствіи особенно Прибикъ Пулкава изъ Раденина въ своей чешской исторіи на латинскомъ и чешскомъ языкахъ (1374 г.) Подобно русскому лѣтописцу, онъ выводитъ „Словянъ“ (такъ пишетъ онъ не только по чешски „Slované“, но и по латински „Slowani“) изъ равнины Сенарской, откуда разошлись разные языки послѣ Вавилонскаго столпотворенія. „Здѣсь“, пишетъ Пулкава, „начался и одинъ языкъ словянскій, который испорченными словомъ называется славянскій, и по которому народы того жъ языка назвались Словяне, ибо въ ихъ рѣчи означаетъ слово—verbum, слова—verba, и такъ по слову или по словамъ этого языка назвались Словяне. Вышеупомянутые Славяне вышли изъ равнины Сенарской, шли черезъ Халдею и прибыли въ землю, гдѣ теперь живутъ Греки; потомъ черезъ какой-то морской заливъ вошли въ большое море у Византіи, которая теперь называется Константинополь, и вступили въ слѣдующія земли: въ Болгарію, Россію, Сербію, Далмацію, Хорватію, Боснію, Каринтію, Истрію и Краину, которыя занимаютъ и до сего времени. Наконецъ, въ Хорватіи былъ какой-то человекъ, по имени Чехъ, который оставивъ Хорватію, пошелъ искать себѣ новой родины, и переходя съ мѣста на мѣсто, перешелъ Дунай, откуда прибылъ въ страну, которая по латински называется Воетія, по нѣмецки Венен. Его братъ или товарищъ, по имени Лѣхъ, который прибылъ съ нимъ, перешелъ свѣжныя Альпы, раздѣляющія Чехію и Польшу. Когда онъ увидѣлъ большую равнину, простирающуюся до самаго моря, помѣстился здѣсь и населилъ ее своимъ родомъ, ибо надо знать, что въ словянскомъ языкѣ равнины (campi plani) назы-

¹⁾ Все, здѣсь вкратцѣ сказанное, почерпнуто изъ разныхъ лѣтописей, легендъ и др., и изъ позднѣйшихъ писателей—Кодицилла, Велеславина, Коменскаго и другихъ.

ваются поля, и оттуда называется *Польца*, такъ-сказать, полевая равнина. Кроме того, нѣкоторые изъ его рода перешли на Русь (Russian вмѣсто Bugian?), въ Поморье, Копубию до самого королевства Датскаго и наполнили приморскія страны на сѣверѣ и всю Русскую землю и воздѣлывали ее. Другіе же вышли изъ Чехи къ рѣкѣ Моравѣ и здѣсь поселились въ землѣ Моравской, равно и въ Мишнѣ, Буднишичѣ, Бранденбургѣ и въ Лужицѣ. Всѣ эти страны были лѣсисты и безлюдны, и вышеупомянутые Словяне всѣ ихъ воздѣляли и живутъ въ нихъ до сего времени¹⁾. Мы привели это мѣсто изъ чешской лѣтописи XIV вѣка вполне, такъ какъ высказанное здѣсь мнѣніе о происхожденіи Славянъ и Чеховъ осталось господствующимъ на долгіе вѣки съ разными измѣненіями и прибавленіями.

Уже во время національной и религіозной борьбы Чеховъ противъ западной Европы, и особенно противъ Нѣмцевъ, стали распространяться разные новыя мнѣнія о происхожденіи Славянъ и Нѣмцевъ, — мнѣнія, въ которыхъ ярко отражаются тогдашнія взаимныя отношенія этихъ двухъ искони враждебныхъ другъ другу племенъ. Такъ въ одномъ замѣчательномъ историко-политическомъ сочиненіи (1437 г.) въ „Краткомъ собраніи чешскихъ лѣтописей“, неизвѣстный авторъ разсказываетъ, что, по свидѣтельству древнихъ писаній, когда случилось при Вавилонскомъ столпотвореніи раздѣленіе языковъ, тогда всѣ народы имѣли своихъ вождей, и между всѣми ими раздѣлены извѣстныя земли и страны. Нѣмецкому языку данъ въ начальники Теввадъ, по которому они и назвались Теввадиты, по славянски — Нѣмцы. Этотъ народъ — скиталецъ въ мірѣ, — не имѣлъ никакого опредѣленнаго царства, ни страны, и служилъ всѣмъ другимъ народамъ, особенно славянскому. Этотъ нѣмецкій народъ называется „манний“ (отъ „шавъ“ — слуга), и имъ и слѣдовало бы быть и называться „маннами“, какъ свидѣтельствуя грамоты, данныя великимъ царемъ Александромъ Славянскому народу²⁾.

Здѣсь, насколько намъ извѣстно, мы встрѣчаемся въ первый разъ съ извѣстною всѣмъ Славянамъ жалованною грамотой, или какъ ее называли Чехи, съ маестатомъ Александра Македонскаго Славянамъ. Изъ числа людей классическаго міра, пользовавшихся знаменитостью въ средніе вѣка, Александръ Македонскій занимаетъ первое мѣсто.

¹⁾ Pulkaavae Chronicon boem., in Dobner: Monumenta Boem. histor. II, 72, чешское изданіе *Прогаски*, 13.

²⁾ Krátké ebrání z kronik českých, при изданіи Далимилы Гамкой (1851, 228); по русски въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи* 1862, I.

Его подвиги, дѣйствительные и мнимые, разказывались въ далекой Азіи и воспѣвались всѣми европейскими народами. Такъ было и у Чеховъ, у которыхъ уже въ XIII вѣвѣ обширный энось прославлялъ подвиги этого героя. Но мало того. Личность Александра Великаго являлась западнымъ Славянамъ въ такомъ свѣтѣ, что и они пожелали быть участниками его славы. Въ Польшѣ, въ XII вѣвѣ, стали разказывать и о войнахъ Ляховъ съ славнымъ витяземъ Македонскимъ. Въ польской фантазіи того времени является Александръ Великій съ огромнымъ войскомъ въ Польшѣ, завладѣваетъ Краковомъ и Сераземъ, но наконецъ вынужденъ ѡбъять изъ Польши. О своей войнѣ съ Ляхами онъ переносится со своимъ учителемъ Аристотелемъ какъ видно—то-есть, по словамъ польской лѣтописи—изъ соборанія его писемъ, числомъ около 200 ¹⁾. При такомъ значеніи Александра Великаго въ средневѣковой Европѣ вообще, и у западныхъ Славянъ въ особенности, при распространенномъ мнѣніи о какихъ-то письмахъ этого героя, не мудрено, что неизвѣстный чешскій авторъ выдумалъ и грамоту или „маестать“ Александра Славянамъ. Въ этой грамотѣ Александръ, побѣдитель многихъ народовъ и повелитель міра, „ясному поколѣнію славянскому и ихъ народу или языку“ желаетъ мира и здоровья отъ себя и своихъ будущихъ намѣстниковъ, которые послѣ него будутъ править міромъ, и „такъ какъ вы намъ всегда служили вѣрой и правдой, въ сраженіяхъ храбрые воины и наши помощники, доблестные витязи и трудолюбивые, по этой причинѣ даемъ вамъ и утверждаемъ за вами на вѣчныя времена всю часть земли съ полунощи до предѣловъ Италіи и земли на полудни, чтобы въ ней никому, кромѣ вашего народа, не дозволялось жить и селиться. Если же найдется кто-нибудь другой живущій въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, пусть будетъ вашимъ слугою, и его потомки пусть будутъ слугами вашихъ потомковъ“. Слѣдуетъ и мѣсто (Александрія) и число изданія этой грамоты, и свидѣтели, какъ то требовалось въ XV столѣтіи.

Какъ-бы для объясненія этого маестата чешскій лѣтописецъ прибавилъ перечень всѣхъ странъ, въ которыхъ есть „языкъ намславнѣйшаго, наизнаменитѣйшаго и наихрабрѣйшаго народа нашего Славянскаго“. Такъ какъ этотъ перечень во многихъ отношеніяхъ очень

---

¹⁾ Срв. особенно Викентія Кадлубка *Chronicon Polonorum* lib. I, c. 9, 10. (*Bielowski*: *Monum. Polon. histor.* II, 259). Какая-то *cronica Polonorum cum epistola Alexandri* находилась около 1300 г. въ библиотекѣ Краковскаго капитула. (*Bielowski* M. P. h. I. 378): Срв. слѣдующее примѣчаніе.

интересенъ, свидѣтельствуя о географическихъ познаніяхъ Чеховъ во время гуситскаго движенія, объ обширныхъ областяхъ славянскихъ, то приводимъ его здѣсь вполнѣ, замѣтивъ только, что нѣкоторыя испорченныя названія земель остались для насъ темными. Славянскій языкъ, стало быть, господствуетъ въ земляхъ „Чешской, Моравской, Силезской, Лужицкой нижней, Лужицкой верхней, Польской большой, Польской малой, Русской Бѣлой, Русской Черной, Подольской, Волынской, Мазовской, Холмской, Белзской, Молдавской, Самоѣдской, Поморской, Кошубской, Руанской, Вартской, Старгардской, Володимірской, Новгородской нижней, Рязанской, Воротницкой (Воротинской), Семорской (Сѣверской), Смоленской, Бѣльской, Расовской (Рославльской?), Тверской, Пшовской (Псковъ), Новгородской великой, Вотской, Корнельской (Корела), Двинской, Устюжской, Володской (Вологда), Бѣлезерской, Заславской, Ростовской, Суздальской, Вятской, Пермской, Сибирской, Печорской, Зугрытской (Югра), Обдорской, Лукоморской, Лабской (?), Мордоводской (Мордва?), Мамалугтской (?), Мордовской, Холмогорской, Сѣнеской, Вудинской, Гелонской (вѣроятно, Геродотовы Вудины, Гелонны) Цирской, (?), Дедонской (?), Вагатиурской (?), Дерской (?), Илирской, Хорватской, Далматской, Каринтской, Карнской, „Мавской“ (Магва?), Словской (Славонія), Восанской, Кватской (?), Либурнской, Сербской, Рацкой (Раса, Расція), Штырской, Болгарской, Дратской (Фракія), Самодрацкой (Самооракѣ), Корытанской (вѣроятно, Коринѣъ, такъ какъ уже выше есть Каринтія, древнечешское Корытаны). И того 79 языковъ. Въ концѣ Саксоніи, идучи на востокъ, есть опустѣвшій городъ, почти уже деревня, прежде такъ-называемый Старый градъ. Оттуда, до самой земли Прусской, владѣлъ всѣмъ народъ Сербскій. Нѣмецкій народъ укралъ у насъ также земли Брауншвейгскую, Люнебургскую, Магдебургскую, Гальберштадтскую, Бранденбургскую, Мекленбургскую, Бѣлградскую. Этой записки“, кончаетъ авторъ, „не хватило для описанія многихъ другихъ знаменитыхъ земель, въ которыхъ есть языкъ могущественнаго народа Славянскаго. Поэтому вторая и третья таблицы покажутъ объ этомъ подробнѣе. Эти записки искажены злыми людьми“¹⁾.

¹⁾ Krátké sebrání z kronik českých 239—242 (Въ Чтеніяхъ опущено). Объ этой грамотѣ уже рано были у Славянъ разныя мнѣнія въ ходу, какъ видно изъ польскихъ историковъ Стрѣйковскаго (1582) и Сарницкаго (1587). По ихъ разказу, привиллегія Александра найдена въ государственномъ архивѣ чешскомъ и хранилась позже въ одномъ монастырѣ близъ Кракова; одинъ экземпляръ нахо-

Вотъ любопытный памятникъ славянскаго сознанія у Чеховъ въ первой половинѣ XV столѣтія. Жаль, что авторъ его остался для насъ неизвѣстнымъ. Не былъ ли имъ современный историкъ гуситскаго движенія, Лаврентій изъ Брезовой, который, по одному позднѣйшему свидѣтельству, написалъ сочиненіе, теперь неизвѣстное, „О славѣ Чеховъ и Славянъ“?

„Маестатъ“ Александра Македонскаго Славянамъ находилъ себѣ вѣрующіхъ не только у Чеховъ, но и у другихъ Славянъ, до XVII, даже и до XVIII столѣтія. Его приводятъ чешскіе историки Гаекъ и Папроцкій, польскіе—оба Бѣльскіе, Стрыйковскій, Сарницкій, югославянскій—Орбини, русскіе хронографы и др. Вѣра въ его подлинность существовала у Славянъ больше двухъ столѣтій и исчезла только съ развитіемъ исторической критики¹⁾.

Славянское сознаніе видно, болѣе или менѣе, у всѣхъ чешскихъ лѣтописцевъ, историковъ и географовъ XV—XVII столѣтій: въ такомъ смыслѣ пишутъ Эней Сильвій, Кутенъ, Гаекъ, Дубравскій, Сигизмундъ изъ Пухова, Велеславинъ, Папроцкій²⁾.

Всѣ эти писатели, основывая свои доводы на выводахъ своихъ предшественниковъ, мѣстныхъ и иностранныхъ историковъ, и по обычаю тогдашнихъ не критическихъ вѣковъ, на своихъ выдумкахъ, разказываютъ болѣе или менѣе пространно о происхожденіи Чеховъ отъ Славянъ. Такъ, Эней Сильвій, согласно мнѣнію Пулкавы о происхожденіи Чеховъ изъ южной Хорватіи, замѣчаетъ, что „языкъ у Чеховъ и у Далматовъ одинъ“. Мало извѣстій о Славянахъ приносятъ Кутенъ и

дится въ очень древней книгѣ чешскихъ лѣтописей (in quodam pervetusto libro chronicoſogum bohemicorum, вѣроятно, выше упомянутое краткое собраніе изъ чешскихъ хроникъ). Но съ другой стороны, и Югославыя утверждаютъ, что подлинная припислелія Александра, писанная на пергаментѣ въ Александріи, находится въ государственной казнѣ турецкой, куда досталась послѣ завоеванія Царьграда Турками.

¹⁾ Срв. особенно Сарницкаго *Annales hoc de origine et rebus gestis Polonorum et Lituanorum*, 44. На Руси вѣрятъ въ существованіе грамоты Александра Гизель (1680), Манкиевъ (1715), даже Щербатовъ (1794). Но, съ другой стороны, уже въ XVI—XVII вѣкахъ явились сомнѣнія въ ея подлинности; такъ, у Велеславина (1585), у Вальбина (*Miscell.* II, 98); хорватско-русскій писатель Крижанецъ называетъ ее «сѣвѣшною баснею». (Русское государство № 3, стр. 92).

²⁾ Aeneas Sylvius: *Historia bohémica* 1745 (чешскій переводъ 1510 и 1585); Kuthen: *Kronyka o založení země české* (1539, 1585); Hájek: *Kronyka česká* (1541); Dubravius: *Historia bohémica* (1552): Sig. z Púchova: *Kosmografia česká* (1554); Velešlavin: *Kronyky dvě o založení země české* (1585); Paprocký: *Zrcadlo slavného markrabství Moravského* (1593); *Diadochos etc. Posloupnost Knížat i Králův českých* (1602), Štambuch *Slezský* (1609); *Ogród Królewski* (1599).

Гасць; больше о нихъ знаютъ Дубравскій и Велеславинъ. Дубравскій, пользуясь уже авторами классическаго времени (Птолемеемъ) и нѣкоторыми средневѣковыми лѣтописцами, пишетъ, что первоначальная родина всѣхъ народовъ, которые теперь называются Славянами, была Сарматія, которую Птолемей ограничиваетъ Довомъ, Вислою, Карпатами и Сарматскимъ моремъ. И такъ какъ всё уже тогда далеко распространенныя племена Сарматовъ имѣли одинъ языкъ и почти одни и тѣ же слова, то и назывались однимъ именемъ Словѣне (Slovani), кромѣ того, и отъ славъ—славныне; они жили сначала, по свидѣтельству Прокосія, подъ народнымъ правленіемъ. Изъ Славянъ происходилъ св. Іеронимъ; онъ перевелъ Св. Писаніе на славянской языкъ, на которомъ еще и теперь Иллиры отправляютъ свое богослуженіе. Изъ миѳологій Славянъ Дубравскій знаетъ, что они, по Прокосію — обожали нимфъ и подробно описываетъ культъ Свантовита на Рагѣ. Велеславинъ, въ длинномъ предисловіи въ изданнымъ имъ хроникамъ Энея Сильвія и Кутена, разказываетъ особенно о движеніи „Славовъ или Виндовъ“ отъ Вислы въ земли балтійскія и лабскія, гдѣ они отняли у Гермундуровъ солянне ключи около Галле и назвали эту мѣстность Доброборъ или Добросоль; жалкіе остатки этихъ Славянъ живутъ и до сихъ поръ въ Германіи. Древніе Славяне имѣли между другими боже-ствами и Вита, котораго называли Святовитомъ и особенно кланялись ему. О происхожденіи имени Славяне не знаетъ — отъ славъ или отъ слова. Сигизмундъ изъ Пухова замѣчаетъ, что „Вандалы, Мораване, Далматы, Хорваты, Словаки, Поляки, Русскіе, Ляхи и другіе, отъ нихъ происшедшіе, всѣ одинъ народъ, а только разные имена имѣютъ по своимъ вождямъ“¹⁾. Но больше всѣхъ знаетъ Славяне Папроцкій; пользуясь уже разными, до него изданными, историческими сочиненіями (напримѣръ, польскимъ Кромеромъ) и живою своею фантазіей, онъ разказываетъ, какъ могучій царь Александръ Великій, повелитель и дѣдичъ міра, далъ Славянамъ, своимъ главнѣйшимъ и кбрнѣйшимъ рыцарямъ, всѣ страны съ волудня на востокъ и на западъ, гдѣ теперь Хорватія, Сербія, Болгарія, Чехія, Моравія, Силезія, Польша, Поморье, Комубія, Мишнія, Москва, Русь, Подолье, Волынь и др., и гдѣ вездѣ живетъ великій, доблестный, славный народъ Словенскій

¹⁾ Знаменитый математикъ, астрономъ и энтологъ чешскій XVI вѣка, Петръ Кодицицъ изъ Тухова, обращается противъ клеветниковъ Славянъ: «Пусть насъ называютъ Вандалами, Скинами, варварами, какъ имъ угодно, а все-таки Славянской народъ во всемъ превосходитъ другіе народы». (Minuci a pranostyka, 1588).

или Славенскій, Словаки или Славаци; по нѣкоторымъ, они называются такъ отъ „славн“, но другимъ отъ „слова“, такъ какъ они охотно исполняли обещанное слово; да, до сихъ поръ еще Чехи и Поляки считаютъ большимъ стыдомъ, еслибы кто-нибудь сказалъ честному человѣку, что онъ не говоритъ правды; и не только дасть ему за то оплеуху, но изъ-за этого слова происходятъ драки и убійства. Особенно славятся исполненіемъ обещаннаго слова Чехи, такъ что и другіе Славяне, увѣряя кого-нибудь въ чемъ-нибудь, ссылаются на привычку Чеховъ. Впрочемъ, это все равно—назвали ли себя Славяне по славъ, или по слову: слава тому, кто сдерживаетъ свое слово. Но въ сожалѣнію, замѣчаетъ Палроцкій, Славяне, считая первымъ долгомъ распространять свои владѣнія и предѣлы, не записывали о себѣ ничего, а другіе народы, завидуя имъ, не только не хотѣли о нихъ упоминать, но и другимъ запрещали о нихъ писать.

Вотъ вкратцѣ взгляды и мнѣнія древнечешскихъ историковъ о славянскихъ ихъ предкахъ.

Что касается происхожденія Чеховъ, то древнѣйшія преданія связываютъ ихъ имя съ полумифическимъ княземъ Чехомъ, который въ отдаленные вѣка—по Космѣ, уже послѣ Вавилонскаго столпотворенія—черезъ три рѣки прибылъ въ земли на рѣкахъ Волгабѣ и Лабѣ, и здѣсь, около горы Рипской, и поселился. Больше объ этомъ записалъ въ своей чешской хроникѣ любимый лѣтописецъ, такъ-называемый, Далимиль (въ началѣ XIV вѣка). Онъ разказываетъ, что послѣ Вавилонскаго столпотворенія и смѣшенія языковъ, между прочимъ и Сербы или Славяне поселились въ сосѣдствѣ Грековъ при морѣ и распространились до Рима и до Рейна. „Въ сербскомъ (то-есть, славянскомъ) языкѣ“, продолжаетъ лѣтописецъ, „есть земля, которой имя есть Хорватія (Хорвати). Въ этой землѣ былъ лѣхъ (то-есть, вельможа, боляринъ), по имени Чехъ; онъ, совершивъ убійство, вышелъ съ своимъ родомъ изъ этой земли Хорватской и поселился въ землѣ около Рипа, которая по немъ и назвалась Чехіей“. Оставляя въ сторонѣ всѣ подробности этого извѣстія, замѣтимъ только, что Далимилова Хорватія есть страна на верхней Вислѣ около Кракова. Кромѣ Чеховъ, изъ этой Карпатской Великой или Бѣлой Хорватіи и сосѣдней Бѣлой или Великой Сербіи производились и южные Хорваты, и Сербы, поселившіеся въ Далмаціи, Иллиріи и Мизіи¹⁾.

---

¹⁾ Dalimilova Chronika česká, vyd. Hanka, 6. О Бѣлой Хорватіи и Сербіи см. особенно Шафарика Славянскія древности §§ 38, 39.

Сама Карпатская Хорватія и Сербія осталась известною только до X вѣка. Потому, особенно вслѣдствіе возвышенія Ланско-Польскаго государства въ Карпатскихъ странахъ, совершенно изчезаетъ и названіе, и память о ея существованіи. Только южные Хорваты еще и въ позднѣйшихъ вѣкахъ помнятъ, что они когда-то вышли изъ земель Чашскихъ и Польскихъ. Такъ, и Чехи со временемъ забыли, что когда-то существовала „Хорватія“ въ карпатскихъ странахъ; но вѣрно сохраняя древнее преданіе о выходѣ своемъ изъ „Хорватіи“, и вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ-быть, и древнѣйшія преданія о первоначальномъ пребываніи Славянъ въ Дунайскихъ земляхъ, откуда вѣтвѣнны нападениемъ „Влаховъ“, и видя и зная потомъ только южную посавскую и далматскую „Хорватію“, естественно подумали, что они вышли изъ этой „Хорватіи“. Въ этомъ мнѣніи ихъ особенно утвердилъ лѣтописецъ XIV вѣка Пулгава, разказъ котораго о происхожденіи Чеховъ, Поляковъ и другихъ Славянъ мы привели выше.

Эта теорія о происхожденіи Чеховъ и Поляковъ изъ юго-славянской Хорватіи приобрѣла себѣ у обоихъ народовъ почти исключительное господство, и позднѣйшіе чешскіе и польскіе историки украсили ее и разными подробностями, напримѣръ, опредѣляютъ и время выхода обоихъ „славянскихъ князей“ Чеха и Лѣха, знаютъ число ихъ свиты и ихъ гербы, даже и происхожденіе моравскаго герба, крѣпчатой орлицы, соединеніемъ герба Чеха (орлицы) и южной Хорватіи (шахматной доски), и проч. ¹⁾.

Но постепенное развитіе историческихъ наукъ, открытіе древнихъ памятниковъ, особенно въ XVI вѣкѣ, повліяло и на эту теорію. Многие писатели, познакомившись съ греческими и латинскими сочиненіями классическаго времени, съ средневѣковыми писателями, увидѣли, что по этимъ источникамъ Славяне являются первоначально не въ Дунайскихъ земляхъ, а въ восточной Европѣ. Такъ, уже польскіе историки Ваповскій и Кромеръ выводятъ всѣхъ Славянъ прямо изъ Московіи, отъ озера Словна, или изъ Сарматіи. Но эта теорія не привилась въ Чехіи: всѣ чешскіе историки XV, XVI и XVII столѣтій, Эней Сильвій, Бутень, Гаекъ, Дубравскій, Велеславинъ, Папроцкій и др. провозглашали происхожденіе Чеха и Чеховъ изъ южной Хорватіи; и такъ какъ авторитетъ Гаека (чешскаго Бонисскаго) остался, такъ сказать, непоколебимымъ до самаго XVIII вѣка, то Чехи твердо вѣрили въ свое происхожденіе отъ Югославянъ.

¹⁾ Подробности разныхъ этихъ выдумокъ можно читать у Гаека, Велеславина, Папроцаго, Вальскаго и др.

Можно себя вообразить, какой шумъ долженъ былъ подняться, когда въ началѣ XVII вѣка (1614 — 1616 гг.) профессоръ Пражскаго университета, Іоаннъ-Матвій Судетскій, сталъ утверждать, что Чехи происходятъ не отъ Юго-славянъ, а отъ Русси. Судетскій, для своего времени, является довольно ученымъ и начитаннымъ, хорошо знаетъ, кромѣ чешской исторіографіи, и многихъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, равно какъ и другихъ писателей о Славянахъ, — Гельмгольда, Длугоша, Герберштейна, Кромера и др. На основаніи этихъ источниковъ Судетскій защищаетъ слѣдующую теорію: Чехи и Поляки или Лахи (какъ ихъ называютъ до сихъ поръ Русскіе и Москвитяне) несомнѣнно происходятъ отъ двухъ братьевъ и принадлежать къ Славянскимъ народамъ, но откуда именно они вышли — въ этомъ наши писатели очень ошибаются. Раззоренную послѣ переселенія народовъ восточную Германію заняли, около 457-го года, Сарматы, поселившись въ Польшу, Чехіи и въ Лабскихъ и Балтійскихъ земляхъ (Время = бремя); по славнымъ своимъ дѣйствіямъ назвались Славяне. Итакъ, вмѣстѣ съ Русскими, изъ которыхъ вышли, они наполнили всѣ земли отъ Варяжскаго моря („Варецкое“ море — отъ Вагровъ) до Чернаго и до Волги. На другой сторонѣ Славяне заняли цѣлую Восточную Римскую имперію, такъ что, по свидѣтельству самихъ Грековъ, и Греція ослабилась; до сихъ поръ вездѣ въ Турціи живутъ Славяне. Чехи и Поляки не могли выйти изъ южной Хорватіи, Иллиріи и Панноніи, такъ какъ эти земли заняты Славянами позже, чѣмъ сѣверныя и восточныя, населенныя Сарматами и Вenedами. Слѣдовательно, они вышли изъ сѣвера и востока, изъ Сарматіи. Въ заключеніе, Судетскій предлагаетъ Чехамъ больше заниматься этимъ вопросомъ, и по примѣру Нѣмцевъ, разрабатывать свое прошлое.

Судетскій своею диссертациею возбудилъ въ Пражскомъ университетѣ живой споръ. Противники Судетскаго, твердо держась господствующей тогда теоріи о выходѣ Чеха изъ южной Хорватіи, горячо возстали противъ новой теоріи; по ихъ мнѣнію, она даже вредила народной чести Чеховъ, производя ихъ отъ Русскихъ.

Во главѣ противниковъ Судетскаго былъ Николай Троицъ Святопольскій, деканъ философскаго факультета, который, не равняясь своему противнику въ знаніи, замѣнялъ однако этотъ недостатокъ излишнимъ рвеніемъ. Въ публичной своей рѣчи „о благочестивой Чехіи противъ Русскихъ“ (1615 года) горячо защищаетъ древнюю теорію, о прибытіи Чеха изъ Хорватіи въ нынѣшнюю Чехію послѣ Боіевъ, Маркомановъ и Гермундуровъ, и наконецъ, восклицаетъ: „Пусть оста-

нется Русскимъ, кто не хочетъ быть Чехомъ; пусть останется Ски-
фомъ и варваромъ, кто своихъ предковъ считаетъ варварами! (Maneat
Roxolanus, qui Czechia aut Bohemias esse non vult. Maneat Scythia et
barbarus, qui suos veteres pro barbaris agnoscit)*. Эту рѣчь Тройль по-
святилъ „всѣмъ Чехамъ, любящимъ отечество“, говоря, что и онъ
любитъ свое дорогое отечество и свой народъ, который вовсе не про-
исходитъ изъ Руси, отъ Русскихъ. Споръ приобрѣлъ, такимъ обра-
зомъ, болѣе широкіе размѣры: Судетскій отвѣчалъ Тройлу, и въ свою
очередь, получилъ его отвѣтъ. Только 9-го февраля 1616 года пре-
кратился этотъ споръ повелѣніемъ академическаго сената, который
сдѣлалъ Судетскому выговоръ за то, что онъ послѣдній свой отвѣтъ
нанечаталъ безъ позволенія ректора ¹⁾.

Итакъ, еще наканунѣ паденія Чешскаго государства велись живыя
распри о происхожденіи Чеховъ, вышелъ ли Чехъ изъ южныхъ или
изъ восточныхъ Славянъ, изъ Хорватіи или изъ Руси, или какъ ее
тогда называли, Роксоланіи. Первое мнѣніе отстояло себѣ господство
у Чеховъ еще на полтора вѣка.

3. Славянское сказаніе въ чешской лингвистической литературѣ. —
Гусъ. — Грубый. — Влагославъ. — Вемешовскій. — Додерамеръ.

Вмѣстѣ съ историческими изысканіями о происхожденіи Чешскаго
народа отъ Славянъ, у Чеховъ являются и первыя попытки по сла-
вянской лингвистикѣ. Вслѣдствіе частыхъ сношеній Чеховъ съ сла-
вянскимъ востокомъ и отчасти и съ югомъ, славянскія нарѣчія были
имъ болѣе или менѣе извѣстны. Вспомнимъ, сколько разъ сносились
и сталкивались Поляки и Чехи, сколько разъ чешскіе воины сража-
лись не только въ земляхъ на Вислѣ, но и дальше около Днѣпра,
и на югѣ, на Дунаѣ и на Балканахъ. Точно также и Чешскія земли
видѣли у себя войска польскія, русскія и сербскія, либо какъ вра-
говъ, либо какъ союзниковъ. Торговый путь чешскихъ купцовъ шелъ

¹⁾ Joann. Matth. a Sudetis: Bohemorum nationem non e Slavis, ut Aeneae Sylvio
et Dubravio videtur, sed ex Russia seu Roxolania originem habere etc. (1614). De
origine Bohemorum et Slavorum subseciva (1615). Nicol. Troilus Hagiochoranus:
De Bojemia pia contra Roxolanos (1615). Сравни. Kalina v. Jätenstein: Nachrichten
über böhmische Schriftsteller u. Gelehrte I, 54. Ко второй статьѣ Судетскаго при-
бавлено, по обычаю того времени, нѣсколько похвальныхъ стихотвореній. Въ
одномъ поэтъ восхваляетъ автора за то, что тотъ уничтожилъ распространенное
ошибочное мнѣніе, будто бы народъ Чешскій, храбрые Хорваты и знаменитые
Славяне (то-есть, южные), родились въ одинъ и тотъ же день.

не только въ земли Дунайскія и въ Польшу, но и на Русь. Въ Пражскій университетъ, бывшій сначала единственнымъ высшимъ училищемъ для средней и восточной Европы, стекалось и много восточныхъ и южныхъ Славянъ, и проч.

Изъ славянскихъ языковъ Чехи знали преимущественно языкъ ближайшихъ имъ, и географически и культурно, соплеменниковъ Поляковъ, съ которыми всегда жили въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Но и нарѣчія другихъ Славянскихъ племенъ, Русскихъ и Югославянъ, не были имъ не извѣстны. Въ половинѣ XIV столѣтія Чехи, послѣ почти трехсотлѣтняго молчанія, услышали вновь у себя въ Прагѣ въ „Славянскомъ монастырѣ“ „славянскій“ языкъ въ богослуженіи, сначала изъ устъ хорватскихъ монаховъ, потомъ и отъ природныхъ Чеховъ, увидели опять оба древне-славянскія писма: „словѣнское“ (глаголицу) и „руское“ (греко-славянское), и первое попытались даже пригнѣнить къ своему собственному языку ¹⁾.

Посредствомъ этого славянскаго монастыря познакомился съ славянскою азбукою и съ церковно-славянскимъ языкомъ и реформаторъ чешскаго языка, Іоаннъ Гусъ. Поправляя грубое и неудобное правописаніе, которое умотребляли до него Чехи для своего языка, и устанавливая новую орфографію чешскую посредствомъ диакритическихъ знаковъ, Гусъ часто сравниваетъ чешскіе звуки съ славянскими, то-есть, съ языкомъ церковнославянскимъ, какъ его употребляли славянскіе монахи (slavi) въ Пражскомъ монастырѣ. Такъ-напримѣръ, онъ знаетъ, что соотвѣтствующія буквамъ и звукамъ чешскимъ *ch* и *š* называютъ Славяне *chir* и *ssa* (хѣръ, ша), что звука *h* въ славянскомъ языкѣ нѣтъ, и что еслибы Чехи хотѣли приблизиться къ своимъ отцамъ славянскимъ, то должны были бы говорить *gus*, *gubi*, *guby*; то-есть *hus*, *hubi*, *huby*; знаетъ, что Славяне (Slovani) не имѣютъ звука *l* (л), а только *ľ* (ль), и поэтому, по обычаю Нѣмцевъ, говорятъ *milij pane* (milí pane), гдѣ мы говоримъ *милю паню* (milý pane). Нѣтъ сомнѣнія, что по примѣру именъ славянскихъ буквъ (азъ, буки, вѣди и пр.) и Гусъ ввелъ подобный способъ въ чешскую азбуку (a bude celé čeledi dán и проч.); между этими названіями встрѣчаемъ и не чешское *im*; *x* (chlé) поставилъ онъ на концѣ чешской азбуки ²⁾.

Славянскимъ языкованіемъ особенно занимался въ началѣ XVI

¹⁾ Объ этомъ монастырѣ см. ниже въ отдѣлѣ: Чехи и Юго-славяне.

²⁾ M. I. Husi Ortografie česká (vyd. Šembera 1857).

столѣтія ученый Чехъ Сигизмундъ Грубый изъ Еленя. Пребывая въ Базелѣ, онъ собиралъ у себя разныхъ Славянъ — Поляковъ, Юго-славянъ и др., посредствомъ которыхъ ознакомился съ ихъ языками, пѣснями и проч. Такимъ образомъ, сравнивая разные славянскіе языки, онъ вникъ глубже и въ устройство своего чешскаго языка. Въ Базелѣ онъ издалъ *Lexicon sarrorum* (1537, потомъ 1544), словарь четырехъ языковъ, и въ немъ, къ словамъ обонхъ классическихъ языковъ, греческаго и латинскаго, прибавилъ „двѣ рѣчи варварскаго происхожденія, нѣмецкую и славянскую (*germanicam ac slavonicam*), которыя однѣ занимаютъ теперь всю Европу вдоль и поперекъ“. Подъ названіемъ „славянской“ рѣчи Грубый разумѣетъ преимущественно свой родной чешскій языкъ и сравниваетъ его съ остальными тремя. Но зная и другія славянскія нарѣчія, онъ приводитъ слова и изъ юго-славянскаго и польскаго, напримѣръ, *gensy* (*anseris*), *gospod* (*herus*), *grabiti* (*rapere*), *svanty* (*sacustus*), *desna* (*dextra*), *mrzav* (*maser*) и проч. Чешское *h* вездѣ онъ замѣнилъ *g* (*glava*, *augoriz*). Замѣчательно, что онъ пишетъ чешскія слова латинскими буквами, а не господствовавшимъ еще тогда готско-нѣмецкимъ ¹⁾. На славянскіе языки обратили тогда вниманіе и два другіе филолога чешскіе въ своихъ трудахъ о чешскомъ языкѣ, Благославъ и Бенешовскій.

Іоаннъ Благославъ († 1571), славный ученый „единства чешскихъ братьевъ“, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ чешскаго языка того времени, написалъ и первую обширную грамматику чешскую (1571 г.) ²⁾. Нельзя, разумѣется, ожидать, чтобъ эта грамматика XVI вѣка основывалась на какой-нибудь системѣ, соответствующей научнымъ требованіямъ нашего времени. Для насъ она интересна только потому, что авторъ ея первый сдѣлалъ попытку сравнить чешскій языкъ съ родственными ему языками. Благославъ знаетъ не только моравское, словенское и силезское нарѣчія, но хорошо знакомъ и съ язы-

¹⁾ Сравн. что о Грубомъ говоритъ современникъ и соотечественникъ его Благославъ (Грамматика чешская, 342), который постигъ его въ Базелѣ и слышалъ у него Хорватовъ, пѣвшихъ свои пѣсни. Другъ Грубаго *Coelius Secundus Curio* называетъ славянскій языкъ въ словарѣ Грубаго ошибочно «далматскимъ», также «иллирскимъ», вообще славянскимъ; его употребляютъ разные народы: Чехи, Вандамы (Венды) и Сарматы, къ которымъ принадлежатъ Поляки, Русскіе, Литовцы и Москвитяне, такъ что славянскій языкъ слѣдуетъ причислять къ наибоширѣйшимъ языкамъ міра.

²⁾ *Jona Blahoslava Gramatika česká*, vyd. Hradil a I. Jireček (1857). Справ. *Časopis Česk. Mus.* 1858, 134, 290.

комъ польскимъ и отчасти и съ юго-славянскимъ; немного знаетъ и русскія нарѣчія. Поэтому онъ чаще всего приводитъ польскія фразы, рѣже юго-славянскія и сравниваетъ ихъ съ чешскими; такъ, напримеръ, упоминая о древне-чешской формѣ „biese“ (быль), онъ замѣчаетъ, что ее до сихъ поръ употребляютъ Хорваты, Босняки и Сербы. О русскихъ нарѣчійхъ знаетъ лишь то, что въ нихъ нѣтъ чешско-польскаго *v* (*gz*), а чистое *p*, и разсуждая о чешскихъ словахъ *kněz* (священникъ) и *kníže* (князь, княжа), замѣчаетъ, что оба слова означали первоначально одно и то же: ибо древніе Чехи называли княжа — „kněz“, да и теперь на Руси княжа называется „князь (кнѣз) Русскій, Московскій“.

Особенно любопытны разсужденія Благослава „о діалектахъ нашего языка“. Первый, и можетъ-быть, самый важный діалектъ, то-есть, рѣчь — это чешская рѣчь, къ которой принадлежатъ и Мораване, и отчасти и Силезцы. Второй діалектъ, словенскій, въ которому примыкаетъ говоръ разныхъ Хорватовъ, которые живутъ отъ Угорской земли до самого Константинополя, оттуда до Венеціи и Италіи, потомъ часть ихъ и въ Африкѣ (!) за моремъ Средиземнымъ. Эти называются различно по краямъ: въ Хорватіи — Хорваты, въ Боснѣ — Босняки, въ Иллиріи — Иллиры, которые тамъ по большей части называются Славя. Третій діалектъ — польская рѣчь, къ которой можно причислить и силезскую, хотя тѣ, которые ближе къ Чехамъ и Мораванамъ, подходятъ болѣе къ Чехамъ, чѣмъ къ Полякамъ. Потомъ — такъ думаетъ Благославъ — рѣчь русская, мазовская, московская, и часть Татаръ. Что касается общаго названія всѣхъ этихъ частей, то нѣкоторые думаютъ, что слово словенская рѣчь есть *generale*, общее, содержащее всѣ отличія и упомянутые діалекты, и поэтому раздѣляютъ словенскій народъ на Чеховъ, Поляковъ, Хорватовъ, Русскихъ и проч. Другіе хотятъ обнять всѣ эти народы въ словѣ болгарская рѣчь. Филиппъ Меланхтонъ называлъ Чеховъ, Словаковъ и проч. *Nepetii*. Не желая вдаваться ближе въ этотъ вопросъ, есть ли „словенская рѣчь“ (Благославъ разумѣетъ здѣсь юго-славянскую) источникъ другихъ діалектовъ нашего широко по далекимъ краямъ распространенаго языка, и предоставляя все это на волю каждаго, онъ говоритъ, что мы не имѣемъ такого слова, въ которомъ заключались бы всѣ діалекты и отличія или различные способы нашего языка. У Нѣмцевъ есть такое слово, ибо саксонская, австрійская, баварская, швабская, швейцарская, нидерландская, марская и другія рѣчи, всѣ — суть части одного языка, который называется нѣмецкимъ, и всѣ они на-

зываются поэтому Нѣмцами или народомъ Нѣмецкимъ; итакъ, Нѣмцы, будь они въ какихъ бы то ни было странахъ, все-таки только Нѣмцы. Но у нашего народа иначе: ибо Словаки въ землѣ словенской, Хорваты въ хорватской, Чехи въ чешской, Поляки въ польской и проч. И кто изъ этихъ попадетъ въ другія земли, тотъ сохраняетъ свое собственное имя, *speciale, non generale, uti Germani*; будь они въ Италіи, Угріи, Германіи, они все-таки остаются и называются Чехи, Поляки, Словаки. Между тѣмъ Нѣмецъ, изъ какой бы земли онъ ни былъ, называется не иначе, какъ Нѣмецъ, хотя бы и не совсѣмъ хорошо могъ объясняться съ другимъ изъ другой страны прибывшимъ Нѣмцемъ. Которая изъ этихъ рѣчей или діалектовъ есть самая коренная, благородная, лучшая, красивая, богатѣйшая, это рѣшить предоставляется каждому на волю, и кто же тутъ произнесетъ справедливый приговоръ, который приняли бы все? Но, по личному мнѣнію Благослава, чешская рѣчь занимаетъ первое мѣсто между частями этого языка, какъ самая образованная и пріятная; она пространна и удобна для звуковыхъ органовъ, для легкаго выговора словъ и не нуждается въ некрасивомъ носовомъ говорѣ, какъ у Поляковъ, которые портятъ свою рѣчь какимъ-то неприятнымъ для насъ гнусомъ; въ ней звуки и буквы строго отличаются, а не такъ какъ у Русскихъ, которые не отличаютъ *r* и *ř* (*rz*) и *s* и *š* (*šic*), или какъ у Мазуровъ, которые частымъ употребленіемъ *z* вмѣсто *ž* обезобразиваютъ свою рѣчь; въ ней не допускается протягиваніе словъ въ концѣ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые Хорваты, говоря какъ-то по жидовски.

О польской рѣчи распространяться нечего. Поляки намъ близки, да и въ Чехіи и Моравѣ ихъ не мало видно, особенно теперь по монастырямъ, гдѣ, такъ сказать, скорѣе можно слышать проповѣдывающаго или отправляющаго литургію Поляка, чѣмъ Чеха или Моравана, такъ какъ Чехи, имѣющіе другія хлопоты и занятія, уже немного занимаются религіей. Скажу о Полякахъ только то, что они, начиная съ двадцати лѣтъ, такъ расширили свою рѣчь, издавъ на своемъ языкѣ много книгъ и Священное Писаніе (лучше исправленное, чѣмъ на чешскомъ языкѣ), что надо имъ удивляться, а Чехамъ устыдиться¹⁾: О словенскомъ діалектѣ (то-есть, вообще о юго-славянскихъ нарѣчіяхъ Словенцевъ, Хорватовъ и Сербовъ) Благославъ замѣчаетъ, что его трудно понимаютъ Чехи, Поляки и даже Словаки,

¹⁾ Сравни. отдѣлъ: Чехи и Поляки. Не забудемъ, что эти слова писаны въ 1571 году, слѣдовательно, до изданія знаменитой Кралицкой библии (1579—1593).

живущіе въ Угріи на моравской границѣ, и насмѣхаются надъ его особенностями. Юго-славяне же, Хорваты, Босняки и Сербы, наоборотъ думаютъ, что Чехи говорятъ не лучше и не такъ, какъ слѣдуетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ діалектъ не есть необразованный, въ немъ много отличныхъ оборотовъ, метафоръ и фигуръ. На этомъ языкѣ есть много пѣсенъ и стиховъ; Благославъ приводитъ въ примѣръ одну свѣтскую пѣсню, записанную однимъ Чехомъ въ Венеціи, гдѣ есть много Словаковъ и Хорватовъ, и начало хорватской пѣсни, которую онъ слышалъ отъ своего соотечественника, Грубаго изъ Еленья въ Базелѣ. Кромѣ того, онъ знаетъ, что и въ Боснѣ, въ которой тоже нашъ языкъ, имѣются подобныя пѣсни (сагѣна), какъ у латинянъ. Свои разсужденія о діалектахъ славянскихъ Благославъ кончаетъ нѣсколькими мыслями о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. Пр его мнѣнію, не нужно учиться двумъ или тремъ діалектамъ, ибо случается даже съ довольно учеными людьми, что они не могутъ хорошо говорить ни тѣмъ, ни другимъ способомъ, то-есть, ни по польски, ни по чешски, ни по словенски, ибо говорящему по чешски часто приходится на умъ польское слово, и такимъ образомъ, вмѣсто чешскаго скажетъ польское раньше, чѣмъ узнаетъ и обсудитъ его значеніе; такъ, напримѣръ, слово „pravidně“ часто употребляютъ нѣкоторые ополячившіеся Чехи вмѣсто чешскаго „pravě“, хотя и первое тотчасъ же пойметъ и Чехъ; потому и нельзя ихъ за то упрекать ¹⁾. Но полезно, зная хорошо одинъ діалектъ, напримѣръ, чешскій или польскій, обратить вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе и на другіе діалекты и ихъ отчасти и понимать, но не употреблять ихъ много въ разговорѣ. Примѣромъ можетъ служить знаменитый и ученый Сигизмундъ изъ Еленья, который очень хорошо говорилъ по чешски и вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ и другіе діалекты нашего языка, зная ихъ родство съ другими, какъ свидѣтельствуетъ изданный имъ словарь. Ибо это, будучи хорошимъ Чехомъ, понимаетъ и другіе діалекты, тотъ лучше узнаетъ и пойметъ происхожденіе многихъ словъ, ихъ производство, значеніе, свойство и ихъ измѣненія; такимъ образомъ, будетъ лучшимъ и болѣе свѣдущимъ Чехомъ, чѣмъ былъ бы безъ этого.

Мы привели подробнѣе мысли одного изъ просвѣщеннѣйшихъ Че-

---

¹⁾ Сказанное здѣсь повторяется до сихъ поръ. Чехи, особенно мало образованные и мало читающіе, живя довольно долгое время въ польскихъ земляхъ, привыкаютъ къ какому-то смѣшанному нарѣчію, забывая по чешски и не научившись хорошо по польски. То же самое случается съ Поляками, живущими между Чехами.

ховъ того времени о взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ „діалектовъ нашего языка“. Многія изъ нихъ имѣютъ до сихъ поръ цѣну, многія же, конечно, устарѣли. Но ихъ значеніе заключается особенно въ томъ, что славный старѣйшина единства чешскихъ братьевъ первый высказалъ такіа мнѣнія, которыя послѣ него — кромѣ трудовъ знаменитаго Хорвата Крижанича — только черезъ два столѣтія вновь подняли его соотечественники.

Знаніе славянскихъ языковъ, между прочимъ и русскаго, является еще больше, чѣмъ у Богослава, — въ сочиненіяхъ другого филолога чешскаго того времени, Матвѣя Филопома Бенешовскаго ¹⁾. Посвящая свою грамматику чешскую императору и королю Рудольфу, онъ замѣчаетъ, что знаніе чешскаго языка очень полезно, такъ какъ онъ есть часть великаго языка и народа славянскаго (илирскаго), который широко въ свѣтѣ распространился; онъ безконечно превосходитъ языкъ нѣмецкій, который хотя и больше въ сравненіи съ другими языками, но относительно славянскаго — меньше. По своей тщательной обработкѣ, чешскій языкъ — прекраснѣйшій цвѣтокъ славянской; всѣ наши народы всего охотнѣе слушаютъ его и наслаждаются имъ, и нѣтъ сомнѣнія, что когда-нибудь самъ императоръ или его братья могутъ, по благосклонности этихъ народовъ, владѣть ими самими и, посредствомъ ихъ, даже другими народами. Другую интересную свою книгу словъ чешскихъ, этимологическаго содержанія, Бенешовскій издалъ „изъ любви къ славянскому языку“, и между прочимъ для того, чтобы всѣ Нѣмцы знали, что „чешскій языкъ содержится не только въ чешской землѣ, но что есть болѣе чѣмъ сто земель, въ которыхъ говорятъ нашимъ славянскимъ языкомъ: Чешская, Моравская, Силезская, Лужицкая, Первая Польская, Вторая Польская, Мазурская, Подлѣсская, Первая Русская, Бѣлая Русь, Волынская, Киевская, Сѣверская, Кошубская и многія земли въ королевствѣ Польскомъ; потомъ многія страны и въ княжествѣ Московскомъ; въ народѣ Сербскомъ, подъ Туркомъ, также много земель; въ королевствѣ Угорскомъ и въ королевствѣ Далматскомъ, Хорватскомъ, Болгарскомъ, Славонскомъ и Босненскомъ. Всѣ эти народы употребляютъ одинъ славянской языкъ, и поэтому наша рѣчь не можетъ быть узка. Нашъ языкъ обнялъ большую часть свѣта, такъ что ни одинъ языкъ подъ небомъ, даже греческій и

¹⁾ Grammatica Bohemica, Grammatyka česká (1577); Knižka slov českých vyložených odkud svůj počátek mají, totiž jaký jejich jest rozum (1587), книга очень редкая.

латинскій, не можетъ съ нимъ равняться. Венешовскій показываетъ необыкновенное въ то время знаніе всѣхъ языковъ славянскихъ, церковно-славянскаго (словенскаго), польскаго, сербско-хорватскаго и русскаго (надорусскаго и великорусскаго); онъ знаетъ и церковно-славянскую біблію, пѣсни и пословицы разныхъ Славянскихъ народовъ. Чешскія онъ слова сравниваетъ съ другими славянскими, конечно, — чему нельзя и удивляться у писателя этого времени, — иногда неудачно. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: общеславянскія слова — *племя* производятъ отъ *plni jmen* (полно имени), Поляки говорятъ *imè* и Славяне *imè, genitiv jimene*. *Народъ* — оттого, что ихъ много „народжено“, *gentis benetae—národu Slovanského*, и проч. *Нѣлимъ* отъ нѣмоты, такъ какъ они не охотно учатся чужому языку; многие живутъ въ Чехіи тридцать лѣтъ и не научаются по чешски и пр. Изъ польскихъ словъ сравниваетъ *gęka* съ *rek* (герой), *vojvoda* съ *v'evoda*, *giesz — skutek* (дѣло), *kłopot* — *bida*, *starost*, *Iszba* — *počet*, *szym — zvik*, и пр. Изъ церковно-славянскихъ словъ приводитъ *умъ*, слово, которое у Чеховъ вышло изъ употребленія; *чадо*, *младенець* — значить дитя, *молдикъ*, *молодець* — все равно, что *младенець*; *застѣ* — *законъ*; *языкъ* — означаетъ и народъ, и языкъ во рту, какъ въ псалтири: хвалите Господа вси языци, и въ другомъ мѣстѣ: языкъ мой трость книжника скорописца; *жизнь* — Поляки говорятъ *pragnuti* (sic); *часъ* — *hodina*, *часословець* — *horologium*, *истолинъ* — *обг*, и проч. Югославянскіе слова: *врутъе* — по хорватски жарко, *бука* — очень древнее славянское слово, его употребляетъ до сихъ поръ нашъ Далматскій народъ, и *бука* — по чешски значить біблія; *время* — *čas*, такъ говорятъ Сербы, которые находятся подъ Турками, и то же слово встрѣчается и въ славянскомъ заветѣ. Изъ русскіихъ словъ сравниваетъ *князь* съ книгой: *kněz* отъ *kněh* (книгъ), потому что Русскіе и Москвитане называютъ такъ своихъ князей (онъ думалъ о словѣ княгиня); *ладыка* отъ *víádnouti*; этииъ словомъ Русскіе называютъ своихъ епископовъ; *пахати* — дѣлать, какъ говорятъ Русскіе до сихъ поръ; *лава* — Русскіе говорятъ голова; *хуть* (вкусъ, желаніе) отъ хетѣтъ: Русскіе говорятъ „что хочешь“ и пр. Потомъ приводитъ въ особомъ отдѣлѣ „Славянскія слова древнія, русскія, Московскія“, толкуя ихъ по чешски, напримѣръ: *плѣнь*, *хорошій*, *престоль*, *чертогъ*, *книжннъ*, *хульннъ*, *блудъ* и проч. Дальше „Русскія имена“: *дорога*, *собака*, *сука*, *батець* — *батько*, *дочка*, *бисъ*, то-есть, *бѣсъ* (Русскіеругаютъ другъ друга: *бисы въ твоей матери*), *сподарь* (такъ говоритъ въ Бѣлой Руси подданный своему князю), *гораздъ*, *посохъ*, *сюда*, *годъ*,

мужикъ, брашно, кошъ (то-есть, лагерь), дерево (отъ драть!), вѣдъ (даешон, и Чехи еще говорятъ: vědī leti — даешонес volant), врства (то-есть, верста), поясъ и проч. Наконецъ, Венешовскій приводитъ семь псалмовъ на подлинномъ церковно-славянскомъ языкѣ (съ неизбежными ошибками) съ чешскимъ правописаніемъ. „Изъ этихъ псалмовъ можетъ каждый узнать, какъ нашъ народъ Чешскій прежде говорилъ, но и какъ мы сильно удалились отъ своихъ предковъ; изъ этихъ же псалмовъ узнается, откуда я взялъ объясненіе чешскихъ словъ“¹⁾.

Венешовскій вообще знаетъ славянскіе языки и особенно русскій больше, чѣмъ всѣ его современники, которые, сравнивая свой языкъ съ другими славянскими, обращали главное вниманіе на польскій и отчасти и на юго-славянскій. Такъ дѣлали Грубый и Благославъ; подобно ему и Петръ Лодерскеръ, издавая словарь семи языковъ, помѣстивъ въ немъ изъ славянскихъ языковъ чешскій, польскій и „славянскій или далматскій (slavonica sive dalmatica), изъ котораго проистекаютъ многіе другіе, какъ изъ богатѣйшаго источника“²⁾.

4. Чешскія книги у другихъ Славянъ.

Чехи, издавая книги на своемъ языкѣ и посвящая ихъ „любителямъ языка славянскаго“³⁾, имѣли въ виду болѣе широкій кругъ читателей, чѣмъ свой малый народъ: они разчитывали и на остальные Славянскіе народы, чему нечего и удивляться. Вспомнимъ только, что чешскій языкъ въ XV и XVI столѣтіяхъ былъ извѣстенъ и распространенъ на славянскомъ востокѣ, у Поляковъ и юго-западныхъ Русскихъ, что чешская, особенно духовная, литература приобрѣла большое значеніе въ тѣхъ странахъ⁴⁾.

Такъ, Коначъ, издавая свой чешскій переводъ хроники Энея Сильнія (1510 г.), вызываетъ Чеховъ, Словаковъ, Мораванъ и Поляковъ,

¹⁾ Приведемъ здѣсь начало перваго псалма: Blažen muž, gizie negiede na zavotě (sic) pešestivých y na rúti hruyných perva, y na sedališti hubitel nezodě, ano v zákonně geho poučē se den y noč', y budeť gako dřevo saženo pry gischodištých vod, и пр. Сравни. Гамки: Объ остаткахъ славянскаго богослуженія у Чеховъ (1859).

²⁾ Dictionarium septem diversarum linguarum (1605); изданъ по примѣру подобнаго словаря Хорвата Вранчица (1595), который для Лодерскера написалъ замѣчательное предисловіе (см. ниже отдѣлъ: Славянское сознаніе у Югославянъ). Замѣтимъ, что Венешовскій и Лодерскеръ были архимандритами въ Прагскомъ «славянскомъ» монастырѣ (первый только титулярный).

³⁾ Коначъ при изданіи своихъ сочиненій: Pravidlo lidského života (1528) и драмы Іудей (1547).

⁴⁾ См. ниже отдѣлы: Чехи и Поляки, Чехи и Русскіе.

чтобъ они ее читали, такъ какъ она можетъ принести имъ разную пользу. Братья Иоаннъ и Сигизмундъ изъ Пухова издають большую космографію чешскую (1554 г.), между прочимъ и для того, чтобы славный народъ чешскій и всѣ остальные, сходные съ нимъ по языку, поучались; Сигизмундъ принялъ на себя трудъ перевода „во вниманіе добра и пользы своей родины и другихъ народовъ, особенно съ чешскимъ языкомъ сходныхъ“. Мелантрихъ изъ Авентина издаетъ чешскій переводъ гербарія Матіоме (1562 г.) не только въ пользу „Чешскаго народа и этого славнаго королевства, но также и для добра всѣхъ Чеховъ, Мораванъ и Поляковъ, равно какъ и для тѣхъ народовъ, которые употребляютъ нашъ благородный и обширный языкъ славянскій“. Для продажи своей книги въ Польшу, онъ приобрѣлъ себѣ особую привилегію отъ короля Сигизмунда - Августа. Велеславинъ свое политическое сочиненіе (*Politica historica*, 1584) тоже издаетъ для всѣхъ добрыхъ, честныхъ и благородныхъ господъ, правителей, судей и пр. „славнаго и далеко распространеннаго народа славянскаго“. Чешскія книги проложили себѣ путь не только на славянскій востокъ, особенно въ Польшу, но они въ послѣдствіи разсѣялись и на славянскій югъ ¹⁾).

Кромѣ того, и Чехи, употреблявшіе обыкновенный тогда общевропейскій языкъ латинскій, не разъ писали преимущественно для Славянскихъ народовъ. Такъ, латинско-чешскій поэтъ Митисъ издаетъ свои латинскіе гимны на Мессію (1581 г.) въ пользу литературнаго общества въ Чехіи, Польшѣ, Моравѣ и Славиніи (вѣроятно, у Югославянъ).

Б. Чешскіе гусскты и православные Славяне. — Геронимъ Пражскій на Руск. — Чешскіе чашники и Царьградскій патріархъ. — Чешскіе братья.

Славянское сознаніе у Чеховъ заявилося, какъ уже выше сказано, особенно сильно во время великаго религіозно-національнаго движенія гуссктскаго. Не станемъ здѣсь распространяться о причинахъ этого движенія; скажемъ только вкратцѣ, что оно было самобытнымъ продуктомъ чешской жизни, который, выйдя первоначально только изъ оппозиціи противъ нѣкоторыхъ злоупотребленій въ устройствѣ католической церкви, повелъ, съ теченіемъ времени и вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, не только къ совершенному отпаденію отъ по-

¹⁾ См. отдѣлъ: Чехи и Югославяне.

слѣдней, но и къ образованію разныхъ вѣроученій, начиная съ самыхъ умѣренныхъ чашниковъ и кончая радикальными Таборами и пантеистами Адамитами ¹⁾).

Чехи, поднявъ оппозицію противъ взглядовъ римско-католической церкви и начиная иначе понимать значеніе „церкви“, естественно, обратили свое вниманіе на другую главную церковь христіанскую, православную или греческую, но католическому воззрѣнію „схизматическую“, въ которой принадлежала большая часть Славянъ. Чехи, все больше освобождаясь отъ авторитета римско-христіанской церкви и, наконецъ, совершенно съ ней разставшись, стали смотрѣть на православную церковь иначе, чѣмъ ихъ предки ²⁾).

Чешскіе взгляды на восточную христіанскую церковь особенно характеризуетъ поведеніе лучшаго друга Гуса—магистра Іеронима Пражскаго въ юго-западной Руси. Іеронимъ, послѣ пребыванія при королевскомъ дворѣ Краковскомъ, отправился въ Литву ко двору великаго князя Александра Витовта. Приключенія Іеронима въ Русскихъ земляхъ раакажемъ словами одного инквизитора, его современника

«Въ Русскомъ краѣ существуетъ издавна многолюдный городъ, называемый Витебскомъ. Въ этомъ городѣ жители по большей части Русскіе или схизматики, придерживающіеся греческой секты, во многомъ уклоняющіеся отъ христіан-

¹⁾ О связяхъ гуситства съ славянскимъ богослуженіемъ, введеннымъ у Чеховъ и Моравянъ святыми Кирилломъ и Мефодіемъ, нѣтъ никакихъ положительныхъ и вѣрныхъ свидѣтельствъ. О нихъ говоритъ только нѣкоторые позднѣйшіе историки чешскіе XVI и XVII вѣковъ, отличающіеся полнымъ отсутствіемъ всякой критики. Эти писатели ввели въ заблужденіе и нѣсколькихъ русскихъ историковъ нашего времени (Елагина, Новикова, Гильфердинга, Невоструева).

²⁾ Чехи, особенно въ важномъ тогда вопросѣ причащенія подъ обоими видами, часто указывали на «греческую, восточную» церковь; такъ, Пршане въ письмѣ къ Венеціанцамъ 1420 г., чешскіе священники 1429 г., Прокопій Великій на соборѣ Вацельскомъ 1433 г., чешскіе послы въ Ригѣ 1447 г., Таборы Энею Сильвию 1451 г., утраквистскіе администраторы Пражской архіепископіи въ письмахъ къ Грекамъ 1452 г. и пр. Таборскій епископъ Николай изъ Пильгримова называетъ (1444 г.) греческую церковь «непосредственною дочерью и ученицей апостоловъ и учительницею ринской церкви» (Script. rer. russic. II, 506). Греческую церковь Чехи узнали, между прочимъ, и изъ чешскаго перевода «Путешествія Мандриана» Лаврентія изъ Брезовой (до 1419 г.) (Výbor z liter. české, II, 598), русскую православную церковь возже — изъ чешскаго перевода книги Гвашичи (см. ниже). Одна чешскій путешественникъ въ Іерусалимѣ 1490 г. заключаетъ, что такъ какъ другіе восточные христіане, причащающіеся подъ двумя видами, не еретики, то и Чехи не еретики, а истинные символы церкви. (Gazop. Česk. Mus. 1861, 273).

ской вѣры и заблуждаются. Въ этомъ городѣ есть соборная церковь русскаго закона и существуетъ также монастырь францисканцевъ, живущихъ по закону истинныхъ христіанъ (то-есть, католиковъ). У этого города протекаетъ судоходная рѣка, по которой сообщаются люди этой мѣстности.

«Въ лѣто Господне 1413, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, свѣтлѣйшій князь Витовтъ, братъ его величества короля Польскаго, прибылъ по той рѣкѣ въ означенный городъ Витебскъ съ большимъ войскомъ и свитою, въ числѣ которой лично находился Іеронимъ Пражскій. Фратры и благочестивые христіане означеннаго города вышли тогда на встрѣчу къ поманутому государю князю съ процессіей и хоругвами и священными мощами. А вышесказанные Русскіе или схизматики, съ ихъ превратными мощами и иконами, по своему проклятому обычаю, проклятою своею процессіей вышли также на встрѣчу поманутому государю князю и приняли его при вѣздѣ. Вышесказанный же Іеронимъ, во время означеннаго вѣзда, покинувъ и презрѣвъ процессію вышесказанныхъ монастырюющихъ братій и христіанъ (то-есть, католиковъ), пошелъ къ процессіи вышесказанныхъ Русскихъ, схизматическихъ и невѣрныхъ людей. И тамъ, въ присутствіи до четырехъ или пяти тысячъ человѣкъ обоого пола, преклонивъ колѣна, онъ сталъ поклоняться превратнымъ мощамъ и образамъ означенныхъ невѣрныхъ, схизматиковъ и Русскихъ, явно и публично, обращаясь къ сектѣ тѣхъ невѣрныхъ схизматиковъ и отвращаясь отъ исповѣданія вѣрныхъ христіанъ.

«Іеронимъ въ слѣдующее затѣмъ время поклонялся явно и публично превратнымъ мощамъ и образамъ, въ поруганіе христіанской вѣрѣ, говоря и утверждая положительно, насколько онъ могъ и отъ него зависѣло, что означенная секта поманутыхъ Русскихъ и невѣрныхъ народовъ и ихъ вѣра будетъ и есть совершенная.

«Тотъ же Іеронимъ, на сколько могъ, тщился, работалъ и старался, чтобы означеннаго государя князя, со всѣмъ его христіанскимъ народомъ, отвратить отъ христіанской вѣры и склонить оставаться въ оказанной сектѣ Русскихъ и невѣрныхъ народовъ. И такъ было и есть дѣйствительно, публично и гласно.

«Затѣмъ означенный Іеронимъ, въ присутствіи преподобнаго отца, г. епископа Виленскаго, на отеческія его увѣщанія, подтверждаемая свершими устами свои заблужденія, въ поруганіе христіанской вѣры, сказалъ положительно, что означенные схизматики и Русскіе суть хорошие христіане, и онъ пребылъ въ тѣхъ своихъ заблужденіяхъ, одобряя тѣмъ Русскихъ и ихъ превратную вѣру.

«Въ вышесказанныхъ краяхъ Россіи есть городъ Плесковъ, въ разстояніи околомъ 100 нѣмецкихъ миль отъ границъ христіанъ. Означенный Іеронимъ въ лѣто Господне 1413 прибылъ лично въ означенный городъ Плесковъ и вступилъ въ церковь или синагогу тѣхъ Русскихъ и невѣрныхъ, во время службы, для поклоновъ превратнымъ ихъ тавиствамъ. И тотъ Іеронимъ, въ присутствіи нѣсколькихъ вѣрныхъ христіанъ, такъ стоявшихъ, въ пренебреженіе ключей Петровыхъ и въ поруганіе христіанской вѣры, а въ поддержаніе исповѣданія тѣхъ народовъ, преклонивъ колѣна, повергнулся тамъ нацѣ предъ мнимыми ихъ дарами, явно, публично и гласно.

«Тотъ же Іеронимъ, дабы болѣе и болѣе понравиться вышесказаннымъ невѣрнымъ народамъ и показать имъ, что онъ слѣдуетъ ихъ сектѣ и превратной

мѣрѣ, и уподобиться имъ и въ обычаяхъ, также какъ въ мѣрѣ, по образу тѣхъ цѣлѣбныхъ отнустимъ себѣ и носилъ длинную бороду и волосы, совершенно отринувъ и оставивъ одѣяніе и тонсуру клирика. И такъ было и есть дѣйствительно»¹⁾.

Мы видимъ, какъ дружелюбно и сочувственно относился Іеронимъ къ Русскимъ и къ ихъ православному вѣроисповѣданію. Еслибы Гусъ и Іеронимъ остались дольше въ живыхъ и во главѣ ими возбужденнаго движенія, то быть можетъ, гуситскіе Чехи, или по крайней мѣрѣ, партія умѣренныхъ гуситовъ, утраквисты или чашники, при извѣстныхъ условіяхъ, могли бы сблизиться съ православною церковью. Вѣдь тогда и у югославянскихъ Сербовъ разносился слухъ, что въ Прагѣ возсталъ ересь, Хусъ глаголемая, ихъ же нѣдѣя близъ суще православія глаголютъ²⁾.

Къ такому соединенію дѣйствительно сдѣланъ былъ шагъ спустя нѣсколько десятилѣтій. Тогда чешскіе чашники, видя, что примиреніе съ Римомъ не возможно, обратились въ другую сторону на востокъ и стали сноситься съ Царьградскимъ патриархомъ (1452 г.). При тогдашнемъ положеніи дѣлъ можно было ожидать, что умѣренные гуситы вступать въ какое-нибудь единеніе съ православною церковью. По крайней мѣрѣ архіереи восточной православной церкви, въ томъ числѣ и Болгарскій митрополитъ, очень радовались этому шагу, уговаривали Чеховъ соединиться съ православною церковью и надѣялись, что они будутъ съ нею согласны во всемъ³⁾.

Но этотъ важный для всего будущаго славянскаго міра шагъ такъ и остался только шагомъ: дѣло прекратилось въ самомъ зародышѣ, вслѣдствіе скоро послѣдовавшаго завладѣнія Царьграда Турками, и можетъ-быть, еще по другимъ причинамъ. По крайней мѣрѣ знаменитые старѣйшины чешскихъ братьевъ XVI и XVII столѣтій, Благовлазъ и Коменскій, разказываютъ, что послѣ паденія Царьграда, два Грека пришли къ гуситскому архіепископу Пражскому, Іоанну Роки-

¹⁾ V. d. Hardt. Constant. Concil. IV, 634; *Гильбердинъ*, Гусъ, его отношеніе къ православною церкви, 16.

²⁾ Живнѣописаніе сербскаго деспота Стефана, начала XV вѣка (*Григоревичъ*: О Сербіи, 55). Во всякомъ случаѣ Сербы знали гуситовъ лучше, чѣмъ нѣкоторые византійскіе Греки, которые считали ихъ приверженцами Іисуса, Моксенъ и Магомета. (Laonic. Chalcocondyl. lib. III, p. 55; сравн. Script. rer. hussit. III, 170).

³⁾ Palacký: Dějiny: národní českého IV, I, 227, 259; *Гильбердинъ*; Гусъ, 43; Palacký: Urkundl. Beiträge zur Gesch. Böhmens in der Zeit Georgs v. Podiebrad, 51; Palacký: Urkundl. Beiträge zur Gesch. Böhmens in d. Zeit Georgs v. Podiebrad, 51; Script. rer. hussit. III, 176.

цаиъ; онъ, принявъ ихъ ласково, имѣлъ съ ними многіе разговоры о религіи; наконецъ, имъ позволили отправлять литургію по своему, и тутъ оказалось, говорятъ эти историки, что „ихъ греческое вѣроисповѣданіе наполнено суевѣріями, и что нечего искать истины у Грековъ“¹⁾.

Если эта, дѣйствительно великая, мысль не могла осуществиться тогда, то позже, особенно послѣ появленія нѣмецкой, французской и швейцарской реформации, нечего было о ней и думать. Чешскіе чашники, не останавливаясь на одной точкѣ, или пошли дальше, примкнувъ къ новому ученію Лютера, или возвратились опять къ единству съ католическою церковью и къ повиновенію римскому папѣ съ сохраненіемъ своихъ особенностей и своей чаши (1564). Такимъ образомъ, прекратилась надежда соединенія, по крайней мѣрѣ, одной части Чеховъ съ православною церковью.

Но и тогда, черезъ сто лѣтъ послѣ мысли соединенія Пражскихъ чашниковъ съ Царьградскимъ патриархомъ, чувствовалось у Чеховъ какое-то сходство церквей чашнической и православной. Приведемъ одинъ характеристическій фактъ. Когда, въ 1554 году, несчастная княжна русская Елисавета Острожская и ея женихъ князь Дмитрій Сангушко прибыли въ сѣверо-восточную Чехію, и здѣсь, въ городѣ Яромѣрѣ, сочетались бракомъ, то, по словамъ одного современника—очевидца, Чеха Яромѣрскаго, „ихъ вѣнчали два священника, одинъ подъ однимъ видомъ (то-есть, католическій), а другой подъ обоими видами (то-есть, чашнической, утравистскій), по той причинѣ, что князь Дмитрій былъ подъ обоими видами, такъ какъ соблюдаютъ Греки“²⁾.

Гуситскіе, то-есть, особенно утравистскіе историки стали тогда, въ XVI столѣтіи, во время отсутствія всякой исторической критики, распространять мнѣніе, что причащеніе подъ обоими видами сохранилось у Чеховъ со временъ введенія христіанства греческаго вѣроисповѣданія, св. Кирилломъ и Меодіемъ, до самаго Гуса³⁾.

Самая мысль о соединеніи съ православною церковью не исчезла у Чеховъ. Эту мысль приняло чешское церковное общество—Един-

¹⁾ Blahoslav: Historie bratří českých (рукоп. I, 19, въ Пражск. универс. библ.); Comenius: Historia fratrum bohem. (Halaе, 1702, 15).

²⁾ Časopis Česk. Mus. 1852, 19.

³⁾ Такъ, Билебвскій (Kronika česká vřelob vřny Křestanaké v sobě obsahující, 1537), Странскій (Respublica bojema, 1633), Коменскій (Historia fratrum bohem., начало). Сравн. Палацкаю Ист. гусит. I, 16, 40, 200.

ство чешскихъ братьевъ, преемники радикальныхъ гуситовъ, особенно таборовъ, о соединеніи котораго съ православною церковью нельзя было и думать. Вскорѣ послѣ своего возникновенія (1457) чешскіе братья стали искать первоначальной, истинной церкви Христовой. „Узнавъ, что у Рокицановыхъ чашниковъ рукоположеніе римскаго происхожденія“, пишетъ ихъ основатель, братъ Григорій († 1473), „мы не можемъ успокоиться въ своей совѣсти, какъ объявляютъ апостольскія книги; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мы спрашивали о началѣ святой церкви, существуютъ ли еще люди въ нѣкоторыхъ земляхъ, у которыхъ была бы дѣйствительно вѣра Господа Христа“. Поэтому начало церкви они искали и въ Индіи, но напрасно. „Также говорили мы и съ Греками въ Прагѣ, и были тамъ нѣкоторые Чехи, которые видѣли, какъ Греки себя держатъ, также и въ Сербіи, и на Руси, между Армянами и въ Молдавіи. Но и у этихъ народовъ, хотя они и отличаются отъ римской церкви, нѣтъ священниковъ по истинѣ апостольскихъ книгъ; эти недостойные священники волошскіе и русскіе рукополагали бы кого бы то ни было, какъ и недавно рукоположили трехъ изъ Чехин, не зная, какъ они себя держатъ“ и проч. ¹⁾. То же самое желаніе узнать какую-нибудь лучшую церковь является у чешскихъ братьевъ и позже, въ концѣ XV столѣтія. Въ 1491 году отправили они для этой цѣли пословъ въ разныя земли. Вотъ что разказывается объ этомъ „посланиіи извѣстныхъ лицъ братьями для исканія чистѣйшихъ церквей“ въ лѣтописяхъ чешскихъ братьевъ ²⁾: „Черезъ земли Польскую и Русскую повернули въ Царьградъ, откуда двадцать (sic) лѣтъ тому назадъ Чехамъ, когда они отказались отъ папы, предлагалось соединеніе съ греческою церковью. Желая этого соединенія, братья хотѣли посмотрѣть, прежде всего на религію и жизнь

¹⁾ Račaský Dějini nář. česk. IV, 1, 431. Церковь греческую, индійскую, азіатскую и армянскую знаетъ и вышеупомянутый Николай изъ Пельгримова (Script. reg. hussit. II, 506).

²⁾ Польскъ Іоаннъ Ласитскій говоритъ объ этомъ въ своей Исторіи чешскихъ братьевъ (латин.), которую написалъ побужденіемъ и съ помощію братьевъ Турновскаго и Благослава 1570 г. Свою рукопись послалъ онъ братьямъ для поправки. Большая часть этой исторіи осталась въ рукописи, и только часть ея (8-я книга) издана Коменскимъ (De ecclesiastica disciplina fratrum Bohem. Amstelod. 1660). Въ чешскомъ изданіи этой части (Лешно 1649, Гаале 1763) есть и нѣкоторыя прибавленія изъ остальныхъ семи книгъ содержанія историческаго. Изъ этого изданія (1765 г., стр. 206) приводимъ это извѣстіе. Сравни. и другія исторіи чешскихъ братьевъ (Camerarius 119, Comenius 20), и Regensvolsci Systema hist.-chronol. eccles. slavon., 35.

Грековъ. Проживъ въ Царьградѣ, они разѣхались: Луза Пражскій— въ Греческія земли, рыцарь *Моремъ Коновемъ*— въ *Моску* и съ дру- гия, *славянскій языкъ употребляющія, земля, Мартинъ Кабатникъ*, иѣщанинъ Лютовильскій,— въ Азію и черезъ Святую землю въ Еги- петъ. Каспаръ Морецкій, захворавъ, ожидалъ ихъ возвращенія въ Царьградѣ, но между тѣмъ успѣлъ осмотрѣть Оракію. Возвратившись домой, эти искатели благочестія, объявили своимъ, что не нашли ни- чего, что искали; и такимъ образомъ, оказались обманутыми въ сво- ихъ надеждахъ всѣ тѣ, которые не жалѣли ни труда, ни средствъ, чтобы воспользоваться хорошими примѣрами чуждихъ церквей: такъ упали эти прежде процвѣтавшія церкви,—ибо они, точно будто сло- ворились, вездѣ видѣли христіанъ, преданныхъ распутству; религію, основанную на суевѣріяхъ и иконопоклоненіи и не радѣющую о томъ, что въ завѣтѣ важнѣе; священниковъ, которые развратомъ нравосто- дятъ народъ и не позволяютъ никому ихъ наказывать и проч.; такъ что признали справедливымъ свидѣтельство о корчѣ всего христіан- скаго міра (со стороны) тѣхъ, которые имъ отсовѣтывали такое пу- тешествіе“.

При строгихъ взглядахъ чешскихъ братьевъ, нельзя было и ожи- дать иного результата, ибо братья не были чашники. Такъ какъ они не были въ состояніи отыскать первоначальную чистую церковь Христову, находя вездѣ порчу, грѣховность, развратъ, — то и стали вскорѣ считать самихъ себя такою чистою церковью и думать о ея распространеніи. Для этой цѣли они обратили главное вниманіе на сла- вянскій востокъ Европы, на польскія и русскія земли. Къ этому обо- драли ихъ и сами нѣмецкіе реформаторы. „Будьте вы апостолами на- рода Чешскаго и Славянскаго, а съ своими буду апостоломъ народа Нѣмецкаго“, сказалъ Лютеръ братьямъ Аугустъ и Израэлу (1542 г.); и Страсбургскій реформаторъ Буцеръ сознался брату Червенкѣ, что чешскіе братья „славянскимъ своимъ языкомъ могутъ служить болѣе распространеннымъ народомъ, чѣмъ Нѣмцы своимъ“¹⁾.

Первымъ поприщемъ для такой апостольской дѣятельности была Польша, куда чешскіе братья, выгнанные изъ отечества, обратились какъ къ своимъ „соплеменникамъ“ (1548 г.). Ихъ вѣроисповѣданіе приобрѣло себѣ здѣсь много приверженцевъ, особенно въ Великой Польшѣ, занимая видное мѣсто подлѣ другихъ двухъ главныхъ испо-

¹⁾ Ласитскій (чешскій переводъ 233. 237), Regenvolscius, 58.

вѣданій не католическихъ, кальвинскаго и лютеранскаго ¹⁾. Съ водвореніемъ братьевъ въ Польшѣ, открылись для ихъ апостольской дѣятельности и литовско-рускія земли, въ которыхъ реформація нашла себѣ много приверженцевъ и между православною русскою шляхтою. Съ конца XVI вѣка протестантизмъ въ Польшѣ сталъ упадать и уступать все болѣе усиливающейся католической реакціи, направленной противъ всѣхъ „диссидентовъ“, то-есть, не-католиковъ: лютеранъ, кальвинистовъ, чешскихъ братьевъ и противъ „дисунитовъ“, то-есть, православныхъ. Эта общая опасность породила странную мысль: соединить всѣхъ некатоликовъ, протестантовъ и православныхъ, въ какое-нибудь одно церковное общество. Для этой цѣли собрались на съѣздѣ въ Вильнѣ 1599 году, старѣйшины вѣроисповѣданій, соединенныхъ консенсомъ Сандомирскимъ, чешскаго, гельветскаго и аугсбургскаго, и нѣкоторые православные архіереи. Здѣсь были Симеонъ Турновскій (чешскаго происхожденія), Миколаевскій, Гличнеръ и друг. Но скоро всѣ увидѣли, что нечего и думать о какомъ либо соединеніи православія съ протестантизмомъ. Уже когда упомянутые старѣйшины собрались частнымъ образомъ у князя Острожскаго, то православный игуменъ Дубенскій Исакій сказалъ имъ, протягивая имъ руку: „Хотя Священное Писаніе запрещаетъ говорить еретикамъ даже здравствуй, но все-таки мы удостоиваемъ васъ этимъ человѣколюбивымъ поведеніемъ“. Не смотря на эти явные препятствія, протестантскія старѣйшины изъ Польши и Литвы, Гличнеръ, Турновскій, Миколаевскій, Яницкій и Петровскій написали Царьградскому патриарху Мелетію письмо (6-го іюня 1599 г.), въ которомъ заявляютъ свое желаніе соединиться съ болѣе чистою церковью, не зависящею отъ Рима: „Такою церковью мы всегда считали восточную церковь въ Греціи и между людьми одного съ ними языка въ Москвѣ, Руси и Литвѣ“. Между прочимъ, обращаютъ они вниманіе и на письмо восточныхъ патриарховъ къ Чехамъ (1452 г.). Кромѣ того, Турновскій и особо писалъ къ патриарху въ подробности объ этомъ письмѣ къ его предшественникамъ и предкамъ чешскимъ. Разумѣется, что эта попытка кончилась ничѣмъ ²⁾.

¹⁾ Сравни. отдѣлъ: Чехи и Поляки.

²⁾ Regenvolscius, 487. Замѣчательно, что и въ началѣ XVIII вѣка подобная мысль соединенія польско-литовскихъ диссидентовъ съ православными, мысль «возобновленія конфедераціи съ старою Русью» — для политической цѣли — вышла отъ чешскихъ братьевъ, именно отъ ихъ старѣйшины въ Великой Польшѣ, Яблонскаго (Łukaszewicz), Hist. helw. wuzn. w Litwie I, 315).

Чешскіе братья не упустили изъ виду и восточной Руси. Они въ своемъ ревностномъ усердіи, подумали объ апостольской дѣятельности и на сѣверо-восточной Руси, въ Москвѣ, гдѣ, уже въ концѣ XV вѣка, искалъ чистую вѣру и церковь ихъ предшественникъ Коволецъ.

Чтобы лучше понять эту мысль чешскихъ братьевъ, вспомнимъ, что тогда, въ половинѣ XVI вѣка, появился въ Москвѣ рационалистическій толкъ Матвѣя Вашкина и Ѳедора Косаго, что уже 1552 года изъ глубины Московской Руси прибыли въ Витебскъ трое русскихъ православныхъ монаховъ и рьяно выступили противъ обрядовъ иконопоклоненія и проч. Припомнимъ себѣ и слова Опшмянскаго подкоморія, кальвиниста Николая *Зеновича*, связаннаго на упомянутомъ сѣздѣ Виленскомъ (1599) о Русскихъ (de Moscis): и они склонны къ евангелію, сходятся сотнями въ Витебскъ и въ другія смежныя церкви къ богослуженію, жадно покупаютъ и читаютъ польскую біблію Брестскаго изданія то-есть, (кальвинистскую); экземпляры Новаго Заветъа, изданнаго на счетъ Зеновича въ Вильнѣ, разошлись нѣсколькими сотнями въ Московской Руси, и здѣсь отерывается богатая жатва Божія, только чтобы не доставало рабочихъ ¹⁾.

Если таково было положеніе дѣлъ во второй половинѣ XVI столѣтія въ смежныхъ съ Литвой великорусскихъ областяхъ, то нельзя удивляться, что и чешскіе братья подумали о приобрѣтеніи приверженцевъ своего исповѣданія въ великомъ восточно-славянскомъ царствѣ. Этотъ вопросъ поднялъ, на сколько извѣстно, Чехъ Янъ Рокита, старѣйшина чешскихъ братьевъ въ Великой Польшѣ, отправившійся въ Москву съ польскими послами (1570 г.), въ числѣ которыхъ были и папы Янъ изъ Кротошина и Рафаилъ Лещинскій братскаго исповѣданія. „Одно меня утѣшаетъ“, пишетъ Рокита Червешѣ до своего отъѣзда (1569 г.), — „что этотъ народъ Московскій употребляетъ славянскій языкъ, и что, можетъ-быть, въ этомъ случаѣ Богъ можетъ открыться въ этомъ густомъ мракѣ“ ²⁾. Въ разговорѣ съ царемъ Иваномъ, Рокита старался изложить ему свое вѣроисповѣданіе въ отвѣтахъ на его вопросы, касающіеся разныхъ частей вѣры. Царь спросилъ Рокиту, чему онъ учитъ, что думаетъ о постахъ, почему не кланяется иконамъ святыхъ, исповѣдуетъ ли онъ

¹⁾ Rogenvolscius, 262, 485.

²⁾ *Gindely*, Quellen zur Geschichte der böhm. Brüder, 124. (Fontes rer. austr. Dipl. et Acta XIX).

ученею Лютера и проч. Отъѣзты свои Роншта представлялъ царю и письменно и получилъ отъ него обширное изложене върученна православнои церкви на славяно-русскомъ языкѣ, которое лучше всего уваживаеъ на совершенную невозможность какого-нибудь сближенія между учеными чешскихъ братьевъ и православныхъ христіанъ. Иванъ относится въ Ронштѣ и къ учению Лютера съ большимъ презрѣніемъ и говоритъ ему прямо въ глаза, что онъ, по своимъ мнѣніямъ, даже не христіанинъ¹⁾.

При такомъ положеніи дѣлъ не мудрено, что всякое „апостольствованіе“ чешскихъ братьевъ въ русскихъ земляхъ превратилось, и что у нихъ навсегда исчезла и мысль о возможности ихъ соединенія съ православною церковью, или о присоединеніи Русскаго народа къ ихъ исповѣданію. Послѣдній ихъ епископъ, свѣтлый Амосъ Кемскій, сѣтуя на грустное положеніе единства чешскихъ братьевъ, послѣ паденія и разоренія Чешскаго государства (1620 г.), углубаеъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что и „церкви другихъ славянскихъ народовъ находятя не въ лучшемъ положеніи; вѣрче тѣлыми являюъ либо папскими, либо турецкими, или исполненны различными суевѣрїями греческой церкви. Немилыи свой, столькими способами разрубленныи и ирубленныи, народъ христіанскій, Іисусъ Христеся!“²⁾.

6. Славянское сознаніе въ чешской литературѣ XVII—XVIII вѣковъ.

Несчастнымъ Вѣлгорскимъ сраженіемъ и всѣми страшными послѣдовавшими за него бѣдственными Тридцатилѣтней войны нанесенъ и народности чешской ударъ, какъ казалось, смертельный. Отъ этого значительно пострадали и чешскій языкъ, и чешская литература, которые стали мало по малу уступать языку нѣмецкому въ публичной жизни. Научная же литература стала обрабатываться почти исключительно на латинскомъ языкѣ.

Но не смотря на всѣ эти бѣдствія, постигшии чешскій народъ, славянское сознаніе у него сохранилось, и не переставало заявляться въ литературѣ научной, исторической и филологической.

¹⁾ Роншта описалъ разговоръ съ царемъ по польски, а Ласитскій перевелъ это и славянскую рукопись на латинскій языкъ: *De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione* (Spisae, 1582). Эта славянская рукопись хранится у чешскихъ братьевъ въ Польшѣ еще въ половинѣ XVII вѣка (Regenvolscius, 91).

²⁾ *Historia fratrum bohem.*, 46.

Чешские писатели, занимаясь отечественною исторіею и языкомъ, не переставали обращать вниманіе своихъ читателей на то, что Чехи — часть великаго, распространеннаго далеко и широко, народа Славянскаго, что они считаютъ „Русскихъ, Поляковъ и Югославянъ своими братьями, и какъ одноплеменниковъ, больше любятъ ихъ, чѣмъ иноплеменниковъ“¹⁾. Чешскій языкъ, — такъ рассуждаютъ внимающіеся его обработкой — вовсе не находится въ узкихъ предѣлахъ; онъ есть часть обширнаго славянскаго языка, распространеннаго въ видѣ разныхъ нарѣчій въ Европѣ и Азіи; знаніе „прекраснаго, и великодушнаго чешскаго языка полезно всѣмъ, отправляющимся по разнымъ поводамъ въ другія славянскія земли“²⁾.

Такое живое славянское сознаніе встрѣчаемъ мы болѣе или меньше у всѣхъ тогдашнихъ чешскихъ ученыхъ, занимавшихся исторіею своего народа и языка: у Странского, Пешни, Бенковского и особенно у знаменитаго Богуслава Валыбина. Последний, кромѣ обширныхъ, въ свое время знаменитыхъ, сочиненій по чешской исторіи, гордо защищалъ и свой чешскій языкъ, и славянскій въ особомъ прекрасномъ сочиненіи³⁾. Другой знаменитый для своего времени историкъ чешскій Іоаннъ Юрданъ обратилъ свое вниманіе и на другіе народы славянскіе и подробно разбираетъ ихъ языкъ не только съ помощію всѣхъ, ему доступныхъ, историческихъ источниковъ, но и сравнительнаго славянскаго языкованія; именно, сравниваетъ языки чешскій, польскій, хорватскій и церковно-славянскій⁴⁾.

Еще въ царствъ вольныхъ XVIII столѣтія въ іезуитскихъ гимназіяхъ чешскихъ учили, что „сходство Поляковъ, Чеховъ и Русскихъ въ языкѣ и нравахъ доказываетъ, что они произошли отъ трехъ братьевъ славянскихъ Лѣха, Чеха и Руса“⁵⁾.

Чехи XVII столѣтія проявляютъ не только теоретическое сознаніе славянскаго единства, но заявляютъ свои симпатіи и на практикѣ, вступая за своихъ южныхъ братьевъ славянскихъ, которымъ тогда, во время безпрестанныхъ турецкихъ войнъ, представлялось

¹⁾ Пешня изъ Чехорода (Mars Moravicus 1677, p. 18).

²⁾ *Вова*, Grammatica linguae bohemicae (1672, предисловіе). Ср. также грамматики *Индита* (1704), *Долезала* (1746), и др.

³⁾ *Dissertatio apologetica pro lingua slavonica, praecipue bohémica* (чис. 1672, изд. 1775).

⁴⁾ *De originibus slavicus* (1745).

⁵⁾ Учебникъ *Rudimenta historica* (1729, opusc. IV, 108).

надежда освободиться отъ турецкаго ига и присоединиться къ землямъ Угорскаго и Чешскаго короля. „Вѣдь невсегда“, восклицаетъ Чехъ Роса, — „безбожный народъ турецкій будетъ владѣть нашими землями, всеослава будетъ имѣть или армянскія страны безбожный востокъ. Другое обещаетъ намъку Ливу и Леопольду святой Ваче-славъ!“ Другой же Чехъ, историкъ Пешина изъ Чехорода, увѣще- ваетъ Подянка оспаривать споръ съ Русскими (1663 г.), а соединиться съ ними и вступить съ воеводою императора Римскаго выступить про- тивъ Турка. „Посмотрите на бѣдѣхъ османскихъ народовъ“, восклицаетъ Пешина, — „французскія корабля и родственниковъ вашихъ, на Славияхъ, Хорватовъ, Мораванъ, Саксонцевъ, Чеховъ и другихъ, восторжествуютъ, помогите намъ, не оставляйте насъ на жертву врагу, иначе Турокъ завладѣетъ всѣмъ славянскимъ племенемъ!“).

Такимъ образомъ славянское сознание у Чеховъ сохранилось и во время ихъ глубочайшаго униженія, по крайней мѣрѣ въ научной ли- тературѣ. Оно ярко блеснуло еще наканунѣ ихъ народнаго возро- жденія со второй половины XVIII вѣка. Тогда историкъ чешскій историкографъ, Добнеръ, великая орудіе чешскую исторію отъ безчисленныхъ ошибокъ и неясностей прежнихъ историковъ въложъ, ставъ отрядами, существованіе многихъ предковъ Чеховъ и Поляковъ, Чеха и Дѣха, но этихъ возбуждъ всеобщую бурю, какъ это случилось и въ началѣ XVII столѣтія въ Пражскомъ университетѣ. Началась пеменица, въ которой участвовали чешские и польскіе уче- ные Добнеръ, Пубника, Дуковскій, Ассаскій, князь Яблоновскій, ели- тельскія настоящихъ потомковъ Дѣха, Мещенскій, Клеберскій и др. Въ этихъ дельно сумнннхъ и странныхъ спорахъ интересно только то, что въ нихъ является живое сознание славянства, особенно Че- ховъ и Поляковъ. Добнерскаго называютъ великимъ ученымъ Славянскаго народа. Нехія, писавшая своего предка, объявляетъ его славяномъ, аспариваетъ войну и неограниченно народу Славянъ, славу и величіе его, славянскія Славянъ, своихъ восточныхъ, участвоватъ въ, ее кулаки и проч.

Съ пробужденіемъ чешскаго народа, со второй половины XVIII вѣка, и славянское сознание развивается у него въ значительной стѣ- пени.

*) *Ursprung Germaniae, Italiae et Poloniae, Hungariae flamma belli turcici ardens* (1663, 149, 173).

II.

Славянское сознание у поляковъ.

1. Выгодное положеніе Польши среди Славянъ.—Славянское сознание въ дубльчонъ и государственной значки. — Андрионъ, Замойскій, Барыковскій, Гербуртъ, Вбарамскій, Смагъ, Грабовскій.

Если у Чеховъ славянское сознание живо явилось особенно вследствие нѣз опаснаго положенія посреди Нѣмцевъ, то географическое положеніе Поляковъ было таково, что они уже отъ самой природы должны были приходить къ сознанію родства съ окружающими ихъ со всѣхъ сторонъ соплеменниками. Ни одно изъ древне-славянскихъ государствъ не имѣло положенія столь выгоднаго для того, чтобы сдѣлаться средоточіемъ всего западнаго и восточнаго славянства, какъ Польша. Съ запада примыкали къ ней славянскія племена Балтійскія и Лабскія, Лютичи и Сербь, Чехи и Мораване, съ востока многочисленныя племена Русскихъ Славянъ. На югѣ же Польша, посредствомъ Словаковъ и королевства Угорскаго, могла завязывать сношенія и съ южными Славянами.

Что такъ не случилось, что Польша не сдѣлалась средоточіемъ западнаго и восточнаго славянства, въ томъ виноваты отчасти независѣвшія отъ нея историческія причины, а отчасти и она сама. Историческія событія сложились такъ, что Польша первыхъ трехъ Болеславовъ оказалась слабѣе могучей имперіи Римско-Нѣмецкой, всегда заявлявшей притязанія на западныхъ Славянъ. Эти послѣдніе, особенно Чехи и Лютичи, отчасти изъ врожденной Славянамъ ненависти другъ противъ друга, отчасти изъ династическихъ интересовъ, сами отказались отъ предлагаемой имъ политической комбинаціи—образованія западно-славянскаго государства, подъ властью сильныхъ князей Польскихъ. Собранію разныхъ славянскихъ племенъ около Польши не мало помѣшало и раздѣленіе христіанской церкви на западную римско-латинскую и царьградско-греческую, послѣдствіемъ чего замѣтно проявились особенно между Славянами. Польскіе государи, проникая въ Галичь, Владиміръ, Кіевъ, Смоленскъ, Москву и другія русскія земли, являлись православному *Русскому народу* не только простыми завоевателями, Ляхами, а и „латинянами“ — врагами православія, и дѣйствительно, они своими поступками оправдывали это мнѣніе восточныхъ Славянъ. „Православіе“ и „католицизмъ“ — вотъ то главное препятствіе, которое помѣшало добровольному сліянію обонхъ славянскихъ народовъ въ одно политическое тѣло.

Подобное тому явленіе мы видимъ и на западѣ: чешскіе гуситы нѣсколько разъ предлагаютъ чешскую корону Польскому королю, какъ своему соплеменнику; но преемникъ Болеслава Храбраго, желавшаго уже въ XI вѣкѣ сдѣлать изъ Праги столицу западно-славянскаго государства, Владиславъ Ягайло не принимаетъ этого подарка изъ рукъ чешскихъ „еретиковъ“. Его потомки относятся довольно небрежно къ чешскимъ дѣламъ, и наконецъ, спокойно сложивъ руки, позволяютъ нѣмецкимъ Габсбургамъ занять чешскій престолъ.

Итакъ, Польша, по собственной винѣ и вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, не сдѣлалась средоточіемъ Славянъ. Не осуществилась мысль великаго государства славянскаго по инициативѣ и старанію Польши. Не разъ упрекаютъ за эту безпечность сами Поляки свое отечество. „Еслибы мы“, жалуются одинъ польскій публицистъ начала XVII вѣка, — „имѣли постоянно передъ глазами славу нашего имени, какъ наши предки, не отпала бы никогда отъ насъ Поморская земля, не отступили бы наши братья Силезяцы; мы удержали бы Чеховъ и Моравянъ, которыхъ мы имѣли столько разъ подъ собою, и уже не говоря о прежнемъ, не выпустили бы Москвы, Швеции, Валахій и Молдавіи, такъ счастливо приобретенныхъ“¹⁾,

Не смотря на это равнодушіе Польши къ дѣламъ остальныхъ Славянъ, славянское сознаніе у Поляковъ проявлялось всегда очень сильно въ литературѣ и въ публичной, государственной жизни, въ сношеніяхъ съ сосѣдними государствами славянскими, съ Чешскимъ и Русско-Московскимъ. Поляки часто съ гордостью указывали на то, что они — первый народъ великаго Славянскаго племени, что они — защита, или по крайней мѣрѣ, должны быть защитой и опорой другихъ Славянъ, вторые не находились въ такомъ выгодномъ положеніи. Мысли вполне справедливы. Вѣдь Польское государство вслѣдствіе соединенія съ Литвой и Литовскою Русью распространилось на востокъ далеко за Днѣпръ и до самаго Чернаго моря. Въ этой Польшѣ XVI столѣтіи развилась богатая литература, какой не было ни у одного славянскаго народа того времени. Ядро будущаго великаго Русскаго государства, Москва, едва освободившись отъ тяжелаго ига восточныхъ варваровъ, находилась тогда въ довольно жалкомъ положеніи, политическомъ и умственномъ, и не была даже въ состоя-

¹⁾ *Starowojtki, Pobudka або gadki na wnieśienie Tatarów pańskorakich, (1616, введеніе). Ср. ниже мнѣніе Фредра о безпечности короля Сигизмунда I въ 1526 г. относительно чешской короны.*

ни отнять у Польши „отчину св. Владимира“; все Югославяне, давно потерявъ государственную независимость, подпали подъ чужую власть, по большей части подъ турецкое яго; Чехоней, Чехи, избравъ себя въ королн Габсбургоней, враждовали уже въ кругу ннѣмецкой политики. Такія мысли не разъ высказывали не только другіе Славяне, но и сами государственные люди польскіе на сеймахъ, въ переговорахъ и въ разныхъ другихъ случаяхъ.

Отъ могучихъ польско-литовско-русскихъ государей Чехи ожидали защиты противъ Нѣмцевъ, а Югославяне помощи для освобожденія отъ турецкаго яга. Эту мысль особенно развилъ уже въ первой половинѣ XVI столѣтія далматскій Юго-Славянинъ Транквиль Андроникъ. Вызывая Поляковъ къ тому, чтобы они двинулись противъ Турокъ, завладѣвшихъ чуть ли не цѣлымъ Угорскимъ королевствомъ, онъ раскрываетъ передъ ними печальную картину всего славянства. „Народъ и языкъ славянской“, говоритъ Андроникъ въ своей рѣчи къ польскимъ вельможамъ, — „своимъ объемомъ превышаетъ все другіе народы, занимая безчисленныя земли вполнѣ отъ Ледовитаго океана до Адриатическаго моря, отъ рѣки Лабы до Чернаго моря, кромя тѣхъ, которыми завладѣли урало-чудскіе Мадыары и отъ Римлянъ происходяще Волахи, то-есть, кромя Панноніи и Дакіи. Этотъ народъ, который былъ извѣстенъ множествомъ своихъ государей, подвиги котораго славилась въ мнръ, который былъ грозною сосѣдникъ народовъ, — теперь жалко разбедненъ и подвластенъ разнымъ государямъ. Только народъ Польскій — ибо о Чехахъ и восточныхъ Русскихъ теперь ничего не скажу — управляется покойно и мирно своими королями и пользуется свободой своихъ дѣдовъ; также отчасти и Хорваты и Угорскіе Славяне, которые присоединились къ римскому королю, кромя Краинцевъ и части прибрежныхъ Хорватовъ, которые подвластны австрійскимъ государямъ. Многочисленные прибрежные города далматскіе, въ послѣдней войнѣ дурно защищаемые, потеряли свои области и остались подъ властью Венеціанцевъ. Дубровничане же хотя и не совершенные рабы, но и не вполнѣ свободны. Все остальное изъ нашего народа, Сербовъ и Болгаръ въ Дарданій, Мизіи и Фракіи и всю Иллирію покорилъ себя Турокъ и господствуетъ надъ нами надменно, жадно и жестоко. Русинамъ посчастливилось, что они соединились съ Поляками, ибо они живутъ подъ справедливымъ и законнымъ правительствомъ, и соединивъ свои силы, безопаснѣе отъ грозы варварской. Поэтому слѣдуетъ вѣствовать, хотя и отдаленнымъ, но общимъ языкомъ съ нами связаннымъ народомъ про-

снѣ у Бога всевозможныя успѣховъ для этого государства и стараться о еѣ сластѣ, ибо при очень тяжкихъ бѣдствіяхъ и жалости работѣ Славянскаго народа только оно одно остается его украшеніемъ, по милости Божіей, и я молю, чтобы оно всегда преуспѣвало и было счастливымъ" ¹⁾).

Подобную тому картинку всего славянства рисуетъ и славный Замоискій, трактуетъ съ первымъ министромъ чешскимъ, Розенбергомъ, о выдачѣ вѣннаго эрцгерцога Максимилиана (1569 г.). Между прочимъ Замоискій замѣляетъ Розенбергу, что ихъ оба народа, польскій и чешскій, занимаютъ первое мѣсто между Славянами. „Славянское племя“, сказалъ тогда Замоискій, „которое прежде было велико и даже теперь еще далеко и широко распространено, имѣло все-таки до сихъ поръ такую участь, что большая его часть не довольно образована и не меньшая находится въ рабствѣ. Сербы, Босняки, собственные Славяне, Иллиры в Веводы подпали подъ чужую власть и утратили почти все достоинство и свободу. Москвитяне, государство которыхъ распространено вдоль и вширь, совершенные варвары. Такимъ образомъ, большая часть народовъ Славянскаго племени погружена въ варварство; одни только Чехи и Поляки сохраняютъ, вмѣстѣ съ свободой, и достоинство племени Славянскаго“ ²⁾).

На польскихъ сеймахъ раздаются голоса о славѣ и могуществѣ Славянъ, первымъ членомъ которыхъ считаются Поляки. „Найдены въ томъ большую милость Божею“, говоритъ самъ польскій архіепископъ-примасъ Станиславъ Карниловскій королю Сигизмунду III, „что ты оцалъ повелителемъ народа непоколебимой вѣрности къ своимъ господамъ, всеневеннаго, славнаго, отъ славы названіе имѣнницаго и по всему міру распространеннаго. Ибо Поляки или Сарматы, Болгары, Босняки, Сербы, Хорваты суть народы славянскаго змыка, или поина Азія, Европа и Африка“ ³⁾). Сеймовые послы и другіе политики представляютъ Польшу защитницей всѣхъ Славянъ, упрекаютъ свое отечество въ бездѣятвн или даже въ превратной дѣятельности

¹⁾ Tranquilli Andronici Dalmatae ad optimates Polonos admonitio (Cracov. 1545, повсѣщено Анд. Горня, 2-е изд. 1884).

²⁾ Vita Iohannis Zamoyssii, сочиненія его секретаря Гейденштейна, 1606 года. (Collectanea vitae georgie gestas I. Zamoyssii Illustrata, ed (Dziatyński, Pogg. 1861, 105). Обшираше объ этомъ свиданіи Замоискаго и Розенберга см. ниже въ отдалѣ: Чехи и Поляки.

³⁾ Sententia albo zdanie e odjeździe Króla I. M. do Szwecyi na sejmie Warszaw. r. 1593, (изд. Туроускаго, 39).

относительно одноплеженниковъ „Насъ, разныхъ славянскихъ народовъ, восемнадцать“, воспеваютъ намъ Гербуртъ изъ Фулптинъ и князь Христофоръ Збаражскій, — „всѣ они полагались на королей Польскихъ, что Польскій народъ освободитъ ихъ отъ тяжелого ига языческаго; всѣ они готовы были отдать свою жизнь, когда понадобится королю и народу Польскому. А теперь, когда стали вступать весправедливо съ Русскими народами, они сдѣлались нашими главными врагами“¹⁾). Знаменитый проповѣдникъ Петръ Окарга, вызывая избранныхъ на сеймѣ чиновъ польскихъ къ единогласію, пророческииъ духомъ предсказываетъ паденіе Польши, перваго славянскаго государства, въ случаѣ непрекращенія внутреннихъ раздоровъ: „Земли и княжества, которыя соединились съ короной польскою и срослись въ одно тѣло, отпадутъ отъ васъ, вы утратите языкъ и погубите народъ свой, который между великими славянскими народами остался свободнымъ; промадутъ остатки этого тамога древнаго и въ сабѣтѣ прославившагося народа; превратитесь въ чужой народъ, который васъ ненавидеть!“²⁾).

На симпатіи оставшихъ Славянъ, особенно южныхъ, къ Польшѣ, на нихъ надеждахъ на освобожденіе отъ чужого рабства посредствомъ Польши, нѣкоторые болѣе просвѣщенные Поляки основывали разныя свои политическія мысли. Такъ, Петръ Грабовскій, въ концѣ XVI столѣтія, предлагая королю Сигизмунду и польскимъ чинамъ планъ объ учрежденіи военной границы на Нису (то-есть, на нижнемъ Днѣпрѣ) противъ Татаръ, совѣтуетъ устроить вѣдѣсь колонію польскую; сюда могли бы стекаться не только жители польскихъ земель, но и изъ широко распространенныхъ и Полякамъ болѣе доброселательныхъ странъ славянскихъ, особенно изъ Турціи. „Всѣ народы“, замечаетъ Грабовскій, — „распространяютъ свои предѣлы, и только нашъ народъ, находясь во главѣ широко раскинутого народа славянскаго, мало или вовсе не распространяетъ своихъ границъ. Если планъ этотъ“, кончаетъ Грабовскій, — „будетъ принятъ, то мысли всѣхъ Славянъ склонятся къ намъ, и наша слава будетъ ихъ славою“³⁾).

¹⁾ Zdanie o narodzie Ruskim spisane pod okas konfederacyi Moskiewskiej (1613), od nieboszczyka pana Szczonego Herburt Dobromilskiego starosty. (Документы, объясняющіе исторію Завадно-Русскаго края, 238). Эту статью представлялъ Збаражскій на сеймѣ 1627 года. (Kuzakowicz, Dzieje kościołów wyzn. helw. w Litwie I, 172).

²⁾ Kazania wojnowe (III, O zgodzie domowej), въ собраніи разныхъ «Казанъ» Скарги (Kraków, 1600, 290).

³⁾ Polska niżna albo osada polska (1596). Въ подобномъ смыслѣ говорить

Въ соединеніи, или по крайней мѣрѣ, въ широкое сожителствѣ съ смежными государствами славянскими, Чешскими и Русско-Московскими, многіе Поляки видѣли пользу и выгоды не только для своего отечества, но и для всего славянства ¹⁾.

2. Славянское сознаніе въ польской исторической литературѣ.—Польскіе летописцы XII—XIV вѣка.—Григорій изъ Саноча, Длугошъ, Ваповскій, Мѣховита, Бѣльскіе, Кромеръ, Сарницкій, Стрыйковскій, Папроцкій, Венгерскій.—Польскіе географы.—Вопросъ о происхожденіи Славянъ и Поляковъ.—Орѣховскій, Кожаковскій, Демболовскій.

Ни одинъ народъ Славянскій не имѣлъ такихъ случаевъ познакомиться съ цѣлымъ славянствомъ, побывать почти во всѣхъ земляхъ славянскихъ, какъ Поляки. Ихъ видно на Лабѣ и Салѣ между Сербами, на Волтавѣ и Моравѣ между Чехами, на Дунаѣ между Словаками, даже и дальше на югѣ, въ самой Болгаріи и Сербіи. Съ другой стороны, они являлись и подъ Галичемъ, Киевомъ и Москвой. Со всѣми этими землями и народами Польша находилась въ безпрестанныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ. Такимъ образомъ, исторія Польши тѣсно связана и съ судьбами всѣхъ этихъ смежныхъ народовъ и государствъ по большей части славянскихъ. Объемъ польской исторіи все больше и больше расширяется вмѣстѣ съ распространеніемъ границъ Польши, особенно на востокъ въ земли Русскія и съ увеличеніемъ ея вліянія на всѣ смежныя государства. И въ самомъ дѣлѣ, ни у одного славянскаго народа не находимъ въ его исторіографіи столько извѣстій о другихъ народахъ славянскихъ, какъ въ исторической литературѣ польской. Въ ней, начиная съ Мартина Галла и Викентія Кадлубка до Длугоша, Мѣховиты, Ваповскаго, Хвальчевскаго, Кромера, Бѣльскаго, Папроцкаго, Сарницкаго, Стрыйковскаго, Пясецакаго и друг., находится множество извѣстій по исторіи чешской, русской, угорской и отчасти югославянской ²⁾. Свои данныя эти писатели собрали отчасти изъ устныхъ разказовъ очевидцевъ, бывавшихъ въ этихъ странахъ, отчасти изъ разныхъ письменныхъ

тогъ же Грабовскій въ другой статьѣ, Папроцкій, Верещинскій, Рысневскій и др. Ср. ниже отдѣлы: Поляки и Русскіе, Поляки и Югославяне.

¹⁾ Ср. отдѣлы: Чехи и Поляки, Поляки и Русскіе, Поляки и Югославяне. Здѣсь мы привели примѣры, касающіеся Польши и всего славянства.

²⁾ И въ краткихъ летописяхъ древнепольскихъ подлѣ событій польскихъ приводятся также событія чешскія; такъ напримѣръ, въ летописи малопольской (*Bielowski*, Моп. Polon. histor. II, 816). Въ одной летописи всемірной в чешской до 928 года. (Halsel: *Polnische prawa pol.* I, p. XXXV) и пр.

памятниковъ этихъ народовъ. Чтобы ближе съ ними познакомиться, приходилось имъ нерѣдко даже учиться другимъ славянскимъ языкамъ, особенно русскому и чешскому.

Эту связь исторіи Польши съ судьбою смежныхъ ей народовъ, особенно славянскихъ, чувствуютъ многіе польскіе историки и нерѣдко сами высказываютъ мысль, что, описывая судьбы своего собственнаго народа, они не должны упускать изъ виду и исторію другихъ Славянъ. „Если я описалъ не только исторію Поляковъ“, говорить знаменитый историкъ польскій XV вѣка Длугошъ, — „но и исторію Чеховъ, Угровъ, Русскихъ, Прусовъ, Литовцевъ и Нѣмцевъ, то я сдѣлалъ это обдуманно: ибо всѣ эти страны очень часто находились въ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ Поляками, либо по поводу одинаковаго языка, либо по поводу сосѣдства, даже и подъ правленіемъ однихъ государей“. Преемники же Длугоша, Мѣховита и Сарницкій, еще яснѣе указываютъ на необходимость соединенія исторіи польской съ общеславянскою; первый издаетъ свою польскую исторію, между прочимъ, для того, чтобы на ея основѣ кто-нибудь описалъ и объяснилъ, на память потомкамъ „весь народъ и всѣ страны Славянъ, чтобы остатки Славянъ не портились проклятыми заблужденіями. Кто же не знаетъ, что Гунны, Скиское племя, раззорили и завоевали Паннонію, родную землю Славянъ, и до сего времени ею владѣютъ? Кто же не видитъ, что Болгары, Сербы и Босняки преданы греческому обряду и поработены магометанами Турками? Кто не видитъ, что Далматы, Хорваты и Краинцы почти совсѣмъ раззорены Турками и чужими народами? Кто же сверхъ того не знаетъ, что Чехи осквернены разными ересями? Кто не знаетъ, что Русскіе и Москвитяне, живущіе въ обширнѣйшихъ сѣверныхъ странахъ греческаго обряда — схизматики, оторванные отъ святой церкви, и что они ежегодно разоряемы, тѣснены и продаваемы въ рабство Турками и Татарами? Кто же не читалъ, что Славяне Ляшскіе, жившіе при Балтійскомъ морѣ, теперь Нѣмцами, покорены Римскими императорами, что на ихъ мѣста вводились Нѣмцы, такъ что изъ нихъ, въ ихъ первоначальной родинѣ, остались лишь немногіе живущіе съ Нѣмцами по деревнямъ, особенно около Любека и Ростока? Одна только Польша, но Божьей милости, остается вѣрна римской церкви“.

Если Мѣховита желаетъ общеславянской исторіи, то Сарницкій прямо жалуется на небрежность польскихъ историковъ, которые начинаютъ свои разказы отъ Лѣха, „точно прежде не было народовъ славянскаго языка, распространеннаго отъ Чернаго моря на западъ

въ Западному океану, отъ Адриатики до сѣвернаго Ледовитаго, и точно они только теперь, восемьсотъ лѣтъ тому назадъ вышли на свѣтъ, какъ выдупленные изъ яйца. Нѣтъ сомнѣнія что мы имѣли до сихъ морь безглавую и несовершенную исторію". И такъ какъ никто болѣе способный не нахвренъ устранить этотъ постыднй недостатокъ, то Сарницкій самъ берется пополнить его на сколько возможно и создать болѣе прочную основу польской исторіи: онъ подробно разказываетъ о судьбѣ Славянъ уже со временъ внука Ноа, Асармота, предка Сарматовъ ¹⁾.

И въ самомъ дѣлѣ мысль объ исторіи общеславянской родилась прежде всего въ Польшѣ. Планъ написать исторію всѣхъ Славянъ, нарисовать ихъ судьбу приняли два польскіе историка XVI и XVII вѣка, Папроцкій и Венгерскій, и осуществили его, на сколько это было возможно при средствахъ и состояніи науки того времени ²⁾.

Желаніе познакомиться съ исторіею всѣхъ Славянъ побудило знаменитаго Мазовшанина Вароолоея Папроцкаго изъ Глаголь (1540 — 1614 гг.) посвятить всю жизнь генеалогическимъ изслѣдованіямъ и трудамъ о родахъ славянскихъ. „Мнѣ уже почти семьдесятъ лѣтъ“, говоритъ онъ въ послѣднемъ своемъ генеалогическомъ сочиненіи, — „и мѣ сѣ тридцати лѣтъ и больше слѣжу за древностію гербовъ и родовъ въ Славянскомъ народѣ, скитаясь въ разныхъ странахъ и трудясь надъ тѣмъ“ ³⁾. Папроцкій описываетъ на польскомъ и чешскомъ языкахъ „хорошія и дурныя дѣла князей и королей *славянскихъ*“, именно королей польскихъ и чешскихъ, князей русскихъ, литовскихъ, силезскихъ, моравскихъ, потомъ „славянскихъ“ родовъ, польскихъ, русскихъ, литовскихъ, чешскихъ, моравскихъ, силезскихъ и друг., также и епископовъ чешскихъ, моравскихъ и силезскихъ. О моравскомъ духо-

¹⁾ Dlugosz Hist. Polna. (1480, въ посвященіи Здѣкѣву Олесницкому), Matth. de Miechow Chron. Polon. (1521, въ предисловіи), Sarnicki—Annales de origine Polon. (1587, въ посвященіи польско-литовскому сенату). Первый издатель Длугоша, Гербуртъ (въ Добромиль 1615) посвятилъ свое изданіе дожу и сенату Венеціанскому: «Principem historiae Slavicae Dlugossum vobis, Veneti, adferro. Et quod ejusdem inclutae gentis et generis pars magna estis. Nam majores vestri ex Parthagonia ad Timarum Illyricum amnem nostro slavico sanguini permixti unam ex duabus gentibus fecere».

²⁾ Дубровлячанинъ Орбини писалъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія первыхъ трудовъ Папроцкаго.

³⁾ Stambach slenský (1609), въ одномъ изъ многихъ посвященій дворянскъ гербу Подкова. Ту же самую мысль и почти тѣми же словами Папроцкій высказываетъ и въ сочиненіи Ogród Królewski (1599, fol. 146).

венствѣ замѣчаетъ онъ, что оно первое посѣяло слово Божье между Славянами, отсюда распространилось въ Чехію, Польшу, Угрію, Литву и другія земли польской короны, гдѣ свѣщалось съ вѣрой греческою или русскою. Кромѣ того, Папроцкій всячески старается описать всѣ подвиги славнаго и стародавняго народа Славянскаго, и по этому поводу, прилежно собираетъ свѣдѣнія о немъ изъ разныхъ книгъ, чтобы слава и память Славянъ не погибла. Разказывая о происхожденіи и распространеніи Славянъ по всей южной, средней и восточной Европѣ, онъ замѣчаетъ, что всѣ они и въ послѣдствіи продолжаютъ любить другъ друга, какъ братья и потомки одного праотца, и всегда жили въ единомушіи. Взаимная любовь эта скрѣплялась и браками, и переходомъ Славянъ изъ однихъ земель въ другія, какъ это видимъ, напри- мѣръ, у Поляковъ и Чеховъ: многіе роды чешскіе и моравскіе пере- селялись въ Польшу, и на оборотъ, польскіе—въ Чехію. Дружба и лю- бовь обонхъ народовъ была такая, что они даже взаимно приглашали къ себѣ государей. Соединенія Славянъ въ одно политическое тѣло не желаютъ ихъ враги, особенно Турки, которые ожидаютъ отъ нихъ своей гибели; поэтому всячески стараются помѣшать избранію чеш- скихъ королей изъ рода Габсбурговъ для Московскаго князя въ до- роги Польскіе, ибо соединеніе этихъ государствъ было бы имъ опасно. Впрочемъ, со временемъ это, можетъ-быть, и осуществится. Указывая на ужасные успѣхи Турокъ, которые угрожаютъ уже и Чехіи, онъ умоляетъ Поляковъ и Чеховъ, чтобы они, „какъ люди одного народа и братья съ самаго начала обонхъ государствъ“, выступили сообща про- тивъ врага христіанства и такимъ образомъ показали бы ему и всѣмъ другимъ народамъ, что „славянское имя продолжаетъ существовать: вѣдь Турки не страшнѣе Татаръ, которыхъ Чехи триста лѣтъ тому назадъ побѣдили подъ Оломуцемъ на Моравѣ“¹⁾.

Если Папроцкій занялся послѣдованіемъ главной, по тогдашнимъ понятіямъ, части исторіи, то-есть, подвиговъ и судьбы славянскихъ государей и дворянства, то его соотечественникъ, Андрей Венгер-

¹⁾ Волѣ важнымъ сочиненіямъ Папроцкаго мы привели выше. Кромѣ тѣхъ, важнымъ: *Gniazdo spoty, z kąd herby guserstwa polskiego rozszedł swój nazę* (1578), и *Herby guserstwa polskiego* (1584). Дополненія къ этимъ разнымъ генеалогиче- скимъ сочиненіямъ «*Rapalipromena genealogiarum slavonarum*» (особенно русско- московскихъ) остались въ рукописи (по Юнгманну). Возвратѣ къ Полякамъ и Чехамъ объ общемъ дѣйствіи противъ Турокъ въ брошюрѣ «*Gwań na roganę*» (1596, по польски и по чешски).

ский материалъ планъ общеславянской церковной исторіи ¹⁾). Принявъ во вниманіе, что „славянскій языкъ далеко и широко распространенъ въ Европѣ и въ Азіи разными нарѣчіями“, онъ разказываетъ о крещеніи Болгаръ и другихъ Югославянъ, а также Чеховъ и Поляковъ; описываетъ возникновеніе гусситизма въ Чехіи и его проникновеніе въ Польшу; пространно разказываетъ о началахъ единства чешскихъ братьевъ, о распространеніи реформаціи, начавшейся въ славянскихъ земляхъ вообще раньше, чѣмъ въ нѣмецкихъ,—въ Польшѣ, Литвѣ и у Югославянъ, особенно у Словенцевъ и Хорватовъ ²⁾). Наконецъ, онъ говоритъ о крещеніи Русскихъ и о церкви русской, особенно о задуманномъ соединеніи православныхъ и диссидентовъ въ Польшѣ и Литвѣ. Не станемъ здѣсь распространяться объ этомъ сочиненіи Венгерскаго, которое страдаетъ, конечно, многими недостатками и неполнотой, нося на себѣ отпечатокъ своего времени; оно для насъ представляетъ интересъ только потому, что авторъ—одинъ изъ знаменитѣйшихъ богослововъ нѣктоликовъ въ Польшѣ—сдѣлалъ попытку собрать и свести въ одно всё самое важное, по понятіямъ того времени, событія въ жизни народовъ и представить картину разныхъ перемѣнъ въ церковныхъ обществахъ всѣхъ Славянъ.

Не забудемъ также, что и Стрыйковскій сталъ писать свою польско-литовско-русскую хроніку „изъ искренней любви къ нашимъ народамъ славянскимъ“ и съ большимъ трудомъ, пользуясь двумястами надежными историками, описалъ начало славянскихъ русскихъ народовъ ³⁾.

О славянскомъ своемъ происхожденіи, о родствѣ съ другими Славянами, читали Поляки во всѣхъ своихъ лѣтописяхъ и исторіяхъ съ древнѣйшихъ временъ, начиная съ первой попытки по отечественной исторіи въ началѣ XII вѣка. Они знали, что ихъ родина—„Славянское государство“ (regnum Sclavorum), какъ гласила и надпись надъ гробомъ величайшаго ихъ князя Болеслава Храбраго ⁴⁾.

¹⁾ Regensvolschas Adrianus (псевдонимъ Андрея Венгерскаго): Systema historico-chronologicum ecclesiarum Slavonicarum per provincias varias, praesertim Poloniae, Bohemiae, Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Moraviae etc. (Frajocki 1652).

²⁾ Польскіе католики гордились тѣмъ, что религиозное движеніе, известное подъ именемъ реформаціи, началось раньше у Славянъ (Чеховъ), чѣмъ у Нѣмцевъ. «Въ Славянскомъ народѣ», пишетъ неизвестный авторъ (Сарницкій?) книжки Collaqaum Pienkowskie (1866), «раньше, чѣмъ въ Нѣмецкомъ, стали являться защитники вѣр. христіанской вѣры противъ суевѣрій Рима».

³⁾ Kronika polska, litewska, amodaka, i mazuskiej. Wnzi Kijowamié, Moskiewskiéj etc. (1582, p. 89).

⁴⁾ Bielowski, Monum. Polon. histor. I, 330.

Въ первыхъ польскихъ лѣтописяхъ сохранились и нѣкоторыя важныя, хотя довольно запутанныя преданія изъ древнѣйшихъ временъ славянства: такъ, преданіе о первоначальномъ пребываніи Славянъ въ дунайскихъ земляхъ, о первоначальномъ единствѣ всѣхъ Балтійскихъ Славянъ, Ляховъ (Лехитовъ), начиная съ нижней Лабы, глубоко на востокъ за Вислу и проч.

Первый польскій лѣтописецъ, Мартинъ Галль. (1110—1135 г.), хорошо знаетъ, что, „Польша есть сѣверная часть Славянской земли“, окруженная Русью, Угріей, Моравой, Чехіей, Дацией и Саксоніей; съ другой стороны, Славянская земля тянется отъ Эракии черезъ Угрію и Каринтію до Баваріи и отъ Эпира по морю чрезъ Далмацію, Хорватію и Истрію до границъ Италіи къ Авиньоніи и Венеціи. Въ этой Славянской землѣ, замѣчаетъ его современникъ, Краковскій епископъ Матвѣй (1150 г.),—есть много областей, особенно Польша, Чехія и Русь, такъ-сказать, другой міръ, гдѣ живетъ народъ Русскій, по безчисленному своему множеству равняющійся звѣздамъ. О раскинутости „Славянскаго государства“ (Slaviae monarchia), то-есть, Польши, въ древнія времена знаетъ и Викентій, такъ-называемый Кадлубекъ (около 1206 г.). Больше свидѣній о Славянахъ имѣли ихъ преемники XIII вѣка, Богухвалъ, Паско (Вацко), Держва (Мержва?) и ихъ продолжатели. „Славяне говорятъ многими различными языками, понимая другъ друга, хотя немного и отличаются въ нѣкоторыхъ словахъ и въ произношеніи. Они происходятъ отъ одного праотца Слыва, имя котораго они употребляютъ до сихъ поръ, напримѣръ: Томиславъ, Ярославъ, Станиславъ, Вячеславъ. По древнѣйшимъ свидѣтельствамъ, колыбель всѣхъ Славянскихъ народовъ — Паннонія (то-есть, дунайскія земли), названіе славянское, происходящее отъ „панъ“, которое на разныхъ славянскихъ языкахъ значитъ „господицъ“, „князь“. Панъ основатель Паннонскаго государства, а его трое сыновей: Ляхъ, Русь и Чехъ — основатели государствъ Ляхскаго, Русскаго и Чешскаго. Въ послѣдствіи возникли и другія государства и княжества Славянскаго народа, какъ напримѣръ, Болгарское, названное по рѣкѣ Волгѣ, ранское (Сербія), Далматское, Каринтское, Ранское, Кошубское, Сербское и другія при Балтійскомъ морѣ и на Лабѣ, въ которыхъ княжили потомки князя Ляшка. Другое названіе Славянъ было Вандали или Вандалиты по рѣкѣ Вавдалу (Вислѣ) или по Вавдалу, потомуму Яфетъ, сыновья котораго заняли больше, чѣмъ четвертую часть Европы Русь, Польшу, Поморье, Кошубію, Сербію (иначе Саксонію), Чехію, Мора-

ию, Штирию, Каринию, Славонию (нынче Далмацию), Хорватию, Панонию (нынче Угрии), Валахию и много другихъ странъ" ¹⁾).

Вотъ вкратцѣ мнѣнія о происхожденіи Славянъ, распространенныя въ Польшѣ до XIV вѣка. Въ нихъ ясно пробивается сознаніе родства всѣхъ Славянскихъ народовъ, равно какъ и теорія о прибытіи Ляховъ и другихъ Славянъ въ западнатекия равнины съ юга, изъ дунайскихъ земель. Но эта теорія хотя на долго удержала за собою господство и авторитетъ, не осталась все-таки непркосновенною. Явилась теорія противоположная, предвѣдывающая о происхожденіи Поляковъ и вообще всѣхъ Славянъ изъ сѣверовостока, изъ Сарматіи или Руси. Это мнѣніе высказалъ уже въ половинѣ XV вѣка ученикъ архіепископа Львовскій Григорій изъ Санока († 1479 г.), провожавшій короля Владислава въ его походахъ въ Сербію и въ Болгарію, — въ своихъ, для своего времени, удивительно вѣрныхъ разсужденіяхъ о началѣ Польскаго народа по Викентію Кадлубку. Онъ, приближаясь больше всѣхъ къ своему соотечественнику XIX вѣка, Суворовскому, утверждалъ, что Поляки происходятъ отъ древнихъ Венетовъ, которые, оставивъ свою сѣверную страну, распространились черезъ Сарматію до рѣки Днѣстра и до Вислы. Когда число ихъ увеличилось, они перешли черезъ Дакію въ Мизію и постепенно заняли Далмацию и Импірію, такъ что не прерывавсь жили въ странахъ, начиная съ океана до Адриатики. Это мнѣніе подтверждаетъ и языкъ, который у всѣхъ живущихъ въ этихъ обширныхъ полосахъ земель одинъ съ незамѣтельными отбѣвами ²⁾. За Григоріемъ Саноцкимъ послѣдовали Ваховскій, Вѣльскій Мартинъ, Промеръ, Стрийковскій; но ни одинъ изъ этихъ многорѣчивыхъ писателей не высказался такъ хорошо, какъ Григорій въ нѣсколькихъ своихъ замѣткахъ.

Такимъ образомъ, съ XV столѣтія въ польской исторической наукѣ существуютъ два мнѣнія о происхожденіи Поляковъ и Славянъ вообще: одинъ защищаетъ ихъ начало съ сѣвера, изъ Руси, другіе, следуя своимъ древнимъ лѣтописямъ, выводятъ Славянъ съ юга.

Мы видимъ, что польскіе историки смѣшали два отдѣльные періода древней исторіи Славянъ—древнѣйшее преданіе о поселеніи

¹⁾ *Bielowski*, Monum. Polon. histor. I. 394, II. 16, 164, 266, 468. «W Panonicy to jest w Słowieskiej ziemi» пишутъ еще Поляки XVI вѣка (Powieść o założeniu klasztoru na Lysey Gorze).

²⁾ *Całkowicie* *Właśc. Gregorij Sanoce*. (*Waszewski*) *Pomniki* historyi i liter. pol. IV, 43; *oro* *ma*. *Histor. liter. pol.* IV, 10).

Славянъ въ дунайскія земли и о ихъ движеніи на сѣверъ за Карпаты, и послѣдующимъ затѣмъ событія въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х., обратное движеніе Славянъ изъ-за Карпатъ на югъ, за Дунай и на западъ, за Лабу.

Жизніе о происхожденіи западныхъ и сѣверныхъ Славянъ съ юга подтвердилъ особенно знаменитый историкъ Іоаннъ Длугошъ (1480 г.). Онъ, воспользовавшись не только своими польскими предшественниками но и другими источниками, между прочимъ и чешскими и русскими лѣтописями, и самъ одаренный умомъ и разсудкомъ, создалъ знаменитую для своего времени исторію польскую, которая служила образцомъ всѣмъ послѣдующимъ за нимъ польскимъ историкамъ и основой ихъ сочиненій и приобрѣла себѣ всероссійскій авторитетъ.

Длугошъ, слѣдуя примѣру русскаго лѣтописца Нестора и чешскаго хрониста Пулавы и украшая, подобно Державѣ, свой разсказъ разными библейскими именами, выводитъ Славянъ изъ Сенарской равнины, откуда они вышли носѣ Вавилонскаго столпотворенія и заняли Паннонію—первую и древнѣйшую родину Славянъ, Болгарію, Сербію, Рашію, Босну, Хорватію, Далмацію, Иллирію, Каринтію и другія страны по морямъ Адриатическому, Ионическому и Эгейскому; всѣ эти прекрасныя земли достались счастливому племени Славянскому. Оттуда же вышли братья Чехъ и Лѣхъ, и позже Русъ, на сѣверъ и заняли всѣ земли отъ Лабъ на востокъ глубоко въ Русь.

За Длугошемъ послѣдовали и другіе польскіе историки XVI вѣка, прибавляя къ его разсказамъ различныя выдумки, или пользуясь и сочиненіями, которыя, съ развитіемъ историческихъ наукъ во всей Европѣ, стали тогда все чаще появляться. Кроме того, вслѣдствіе увеличивающагося сближенія Славянскихъ народовъ въ XV и XVI вѣкахъ, польскіе писатели расширили кругъ своихъ познаній по этому предмету и стали приобретать новыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя имъ свѣдѣнія о другихъ Славянахъ. Мы здѣсь, разумѣется, не можемъ входить во всѣ подробности разныхъ этикъ, лишенныхъ всякой научной критики, мнѣній, въ ихъ оцѣнку и большую или меньшую ихъ вѣроятность, и ограничимся только нѣкоторыми болѣе интересными для нашей цѣли указаніями, особенно изъ древнѣйшихъ историковъ до половины XVI столѣтія.

Вскорѣ послѣ Длугоша, въ Польшѣ вновь явилась мысль о происхожденіи Славянъ изъ сѣверныхъ странъ. Бернардъ Валовскій (1450—1535 гг.) сталъ утверждать, что Славяне или Роксоланы происходятъ изъ сѣверовостока Европы, отъ озера Славна въ Московскихъ стра-

какъ, и что Польки, Чехи, Болгары и Славяне русскіе происходятъ отъ Мосоха или Москвы, сына Іафета; оттуда они перешли за Днѣпръ и Дунай и заняли всё земли между морями Чернымъ, Адриатическимъ и Эгейскимъ. Всѣмъ этимъ землямъ дали они новыя названія: Мисію назвали Болгаріей или Сербіей, Либурнію — Восней, Иллирики и Далмацию — собственною Славиніей ⁴⁾.

Современникъ Ваповскаго, Матвій изъ Мѣхова ревностно сталъ защищать древнее мнѣніе о происхожденіи Поляковъ съ юга, изъ Хорватин и Далмацин, отвергая ихъ выходъ съ Дона, изъ Роксолани или Руси. Славяне, какъ рассуждаетъ Мѣховита, австроны во всѣхъ своихъ или завоеванныхъ или земляхъ. Славяне искони живутъ въ южныхъ земляхъ, въ Македоніи, Далмацин, Албанин, Истрин, Хорватин и въ другихъ земляхъ; въ городахъ Македоніи, въ Филиппополѣ, Скопль, Софій, въ Дубровникѣ, во всѣхъ поселеніяхъ до самой Фессалии славянскій языкъ всегда употребился и употребляется. Для этихъ адриатическихъ Славяне св. Іеронимъ изобрѣлъ письмо „буквицу“ и въвелъ у нихъ богослуженіе на ихъ языкѣ. Изъ южныхъ же земель, изъ Славоніи, изъ города Посаровъ, въ незапамятное время вышли братья Чехъ и Лѣхъ на сѣверъ и заняли всё до тѣхъ поръ пустыя земли на Лабѣ, Одрѣ и Вислѣ; ихъ народы назывались Чехи и Лѣхи, какъ послѣдникъ до сихъ поръ называютъ Русскіе, Греки, Румыны и Татары, даже и Мадагры (Lengyel). Еслибы всё эти южные и западные Славяне происходили отъ Русскихъ, то ихъ языкъ былъ бы болѣе похожъ на русскій, чѣмъ на самою дѣлѣ. Чехи и Польки хотя по своему географическому положенію и ближе къ Русскимъ, но значительно разнятся отъ нихъ языкомъ и обычаями и меньше понимаютъ по русски, чѣмъ по далматски-славонски, хотя уже нѣсколько тысячелѣтій назадъ они вышли изъ этихъ югославянскихъ земель. Языкъ Далматовъ, Сербавъ и ихъ сосѣдей не одинъ и

⁴⁾ Хроника Ваповскаго (съ древнѣйшихъ временъ до 1535 года) отчасти утрачена; только часть ея (съ 1380 года), недавно отысканную, издавъ Малиновскій (1847—1848); послѣдній отдѣлъ, о царствованіи Сигизмунда, издавъ уже въ 1589 г. Хроника Ваповскаго знала Бромаръ и Стрѣйковскій; Мартинъ же Бъльскій, сокративъ ее, помѣстилъ въ своей всемирной хроникѣ. Мысль Ваповскаго о происхожденіи Поляковъ изъ сѣверной Руси опредѣлялъ ближе Христ. Варшевицкій; онъ выводитъ Поляковъ изъ Новгорода; языкъ Новгородцевъ больше всѣхъ похожъ на польскій, и сами Новгородцы такимъ своимъ подходятъ къ шляхтѣ казовской (De origine generis et nominis polonici dialogus 1680. Знаютъ только его содержаніе).

теть же съ русскимъ, и хотя Русскіе, Москвитяне и Болгаре и управляютъ богослуженіе на сербскомъ языкѣ, но все-таки народъ его не понимаетъ, и онъ представляетъ большія затрудненія даже для священниковъ, „владыкъ и батекъ“¹⁾.

Интересныя замѣчанія о единствѣ Славянъ представляетъ и Мартинъ Бѣльскій въ своихъ разсужденіяхъ о началѣ Славянскаго народа, которыя онъ помѣстилъ какъ введеніе въ сокращенной книгѣ по польскимъ хроникѣ Ваповскаго. Касаясь разныхъ названій Славянъ въ древнія времена, онъ замѣчаетъ, что Славяне наибѣе жили и прежде въ единствѣ: „Вѣдъ и нинче, не смотря на ихъ разбросанность по свѣту, они имѣють одинъ языкъ, хотя у разныхъ живущихъ между чуждыми народами, немного и измѣнились. Я думаю, что нѣтъ между нами такого дурака, который считалъ бы рѣчь русскую, московскую, сербскую, чешскую иною, чѣмъ нашу; все это одна рѣчь, и только послѣ недавняго общаго раздѣленія измѣнились въ ней нѣкоторые слова. Я видѣлъ теперь польскую біблію древняго писанія, въ которой находитса большая половина сербскихъ (sic) словъ; а эта Сербія лежитъ въ сосѣдствѣ Болгаріи и Босны, въ которой десютъ сильно княжилъ, пока его не истребили Турки. И нинѣ еще люди употребляютъ много славянскихъ словъ: говореніе по славянски (hospodinie), раніе; тамъ говоримъ имъ на славянской ладъ іте прагі, то-есть, шові; дѣти называютъ по славянски отца — tata; мы перестаемъ употребить одни славянскія слова, а хватаемса за другія. Одни только Русскіе и Чехи мало или ничего не измѣнили въ нашемъ языкѣ“. Приведши жалованную грамоту Александра Великаго Славянамъ, Бѣльскій продолжаетъ: „И теперь находится славянской языкъ во всѣхъ странахъ, начиная съ моря Ледовитаго, которое есть далеко за Москвою, до моря Венетскаго, которое называемъ Адриатическимъ; между ними расположены народы нашего языка. Прежде всего Москва, потомъ Русскіе, Поляки, названые отъ „полей“, Болгаре, Босняки или Сербы или „Русскіе“ („Rusacy“ смѣшалъ съ „Rascia“) — это все одно и то же. Далматин, Илирики, гдѣ была Либурия, Хорваты, Истры, Бургунды (sic); Истры — эти говорятъ на славянскомъ языкѣ по деревнямъ, въ городахъ же и по италянски. Многіе изъ нихъ при-

¹⁾ Chronica Polonorum (1521), въ письмѣ епископу Андр. Брицкому. Сравн. его же Tractatus de duabus Sarmatiis (1517, 1521). Но въ самой хроникѣ онъ производить Русскихъ отъ третьяго брата Чеха и Лѣха, Руса, который заселилъ обширныя земли русскія.

или чужіе обычаи, какъ напримѣръ, Волгаре, Вепляки, Раци, Хорваты — турецкіе, Бургунды, Поморане, Силезцы — иѣмецкіе, Истры и Далматы — италянскіе; но всё они, живя между чужимъ народомъ, употребляютъ свой природный языкъ ¹⁾.

Особенно обширно рассуждаетъ о началахъ Славянъ М. Кромеръ, посвятивъ этому предмету всю первую книгу своей польской исторіи ²⁾. Онъ выводитъ великій народъ Славянскій — назвавшійся или не „славъ“ или по „слову“, которое всегда исполняли, — изъ восточной Европы, изъ Руси, отъ древнихъ Венецовъ и Сарматовъ; оттуда, изъ сѣверо-востока вышли и западные Славяне на западъ въ земли на Вислѣ, Одрѣ и Лабѣ, и на югъ за Дунай, а не на оборотъ съ юга на сѣверъ. Польская исторія Кромера, переведенная позже и на польскій языкъ, сдѣлалась въ Польшѣ главною книгою по этому предмету и сохранила свое значеніе до самого XVIII столѣтія. Всѣ ея преемники на историческомъ поприщѣ пользовались ею болѣе или менѣе: такъ поступали Красновскій, Сарматовскій, Сарницкій, Павроцкій, Бѣльскій и друг., прибавляя къ ней разныя свои мнѣнія и выдумки.

Многорѣчивый Стрийковскій знаетъ Славянъ довольно хорошо; онъ бывалъ не только въ польскихъ и русскихъ земляхъ, но и у Югославянъ. Свѣдѣнія свои онъ черпалъ между прочимъ и изъ разныхъ лѣтописей русскихъ, изъ какой-то болгарской и славянской хроникъ, изъ ченскихъ Гайна и Дубравскаго. Стрийковскій, выводя Славянъ тоже изъ Руси, считаетъ собственнымъ стародавнимъ славянскимъ языкомъ — русскій, московскій, такъ какъ Русскіе, которыхъ называетъ Москвою, издавна жили въ своихъ полуночныхъ странахъ и оттуда не выходили, между тѣмъ какъ другіе Славяне, западные и южные, вышли оттуда, смѣшались съ другими народами. Сарницкій въ своемъ обширномъ введеніи въ польскую, — по его мнѣнію, безглавую — исторію, разказывая о началѣ, умноженіи и уменьшеніи всего славянскаго поколѣнія, думаетъ, что Славяне назвались такъ по причинѣ одного языка, какъ „одноязычники“; это имя всѣмъ равно пріятно. Въ введеніи же онъ довольно обширно описываетъ исторію южныхъ и западныхъ Славянъ, ихъ борьбу съ Византіяцами, съ Франками и пр.

¹⁾ Kronika wazytkiego Źwiata (1550, fol. 2-е изд. 1554 г.; въ 3-мъ изд. 1564 года; эта часть уже переделана по Кромеру). Сказанія Бѣльскаго о Славянахъ перешли и въ русскіе хронографы. (Поповъ, Изборникъ изъ русской хронографіи 131, 438).

²⁾ De origine et rebus gestis Polonorum (1555, и часто).

О Славянахъ много говоритъ и первый писавшій обширную хронку на польскомъ языкѣ Іоахимъ Бѣльскій, который считаетъ Славянами и древнихъ Иллировъ, Вандаловъ, Готевъ и проч. ¹⁾.

Наконецъ, о великомъ народѣ Славянскомъ, частью котораго считаются и Поляки, пишутъ и польскіе географы. Такъ вышеупомянутый Матвій изъ Мѣска въ своемъ описаніи Сарматіи (1517 г.) повторяетъ однажды сказанное уже въ своей исторіи: „Языкъ славянской семьи распространенный; на немъ говорятъ Сербы, Болгары, Бесняки, Хорваты, Славяне, Краинцы, Чехи, Моравяне, Поляки, Русскіе, Москвитяне и другіе. Всѣ они, живущіе въ обширныхъ земляхъ—Славяне“. Въ такомъ смыслѣ пишутъ и М. Бѣльскій, Крамеръ, Красинскій, Гуарини (Guarini), Седжизки и др. въ своихъ географіяхъ; и описанія восточной Европы, земель польскихъ и русскихъ.

Въ этихъ разныхъ рассужденіяхъ о началѣ Славянъ вообще, при чемъ ими ихъ производится отъ „смыла“, и отъ „слова“, и Поляковъ въ особенности, играетъ важную роль древнее преданіе о происхожденіи и названіи Поляковъ или Ляковъ отъ мифаго праотца Лѣха, брата Чеха и позже созданнаго Руса; вопросъ, который, странно сказать, занималъ ученыхъ славянскихъ еще въ XVIII столѣтіи до такой степени, что могъ возбудить очень живую полемику между чешскими и польскими учеными того времени.

Мы видѣли, что уже съ XV столѣтія мнѣнія польскихъ историковъ о первоначальной родинѣ Поляковъ, — названіе которыхъ они производятъ вѣрно отъ „полей“, — и ихъ мифическаго праотца стали расколоться: одни считали южную Хорватію первоначальной родиной Лѣха и Чеха, другіе стали ихъ выводить изъ Сарматіи, или тогдашней Руси. Приверженцы обоихъ этихъ противоположныхъ теорій сгруппировались около обеихъ главныхъ любимыхъ польскихъ историковъ XVI—XVIII столѣтій, Крамера и Бѣльскаго. Авторитетъ перваго признавали защитники сарматско-русскаго происхожденія Лѣха и Поляковъ; на авторитетъ другаго опирались защитники югославянско-хорватскаго происхожденія Чеха и Лѣха ²⁾. Но въ существованіе самого праотца своего Лѣха вѣрили почти всѣ писатели и вообще все польское общество.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ родились, какъ всегда и вездѣ бываетъ, и

¹⁾ Kronika Polska (1597, особая глава «о Славянахъ»).

²⁾ Объ этомъ преданіи сравн. между прочимъ *Maciejowski*, Polska pod względem obyczajów i zwyczajów, IV, 245.

другія разны, болѣе или менѣе странныя, мнѣнія о происхожденіи Поляковъ. Многіе, недовольные самымъ простыиъ фактомъ, что Ляхи или Поляки-Славяне, поселившіеся въ „лѣкахъ“ и „поляхъ“ на Вислѣ, стали искать начало своего народа во всѣхъ сторонахъ міра ¹⁾. Такъ, Орѣховскій производилъ Славянъ отъ Грековъ, съ правами которыхъ было много общаго у Славянъ. Въ Полякахъ, первоизъ славянскаго народѣ, соединены дѣятели Далматовъ и жители Македонягъ; греческое слово *κοιρας* сравниваетъ съ славянскимъ: *краль, король* ²⁾. Славный поэтъ Іоаннъ Кокановскій сомнѣвается въ существованіи Лѣха и Чеха; не упоминаемыхъ въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ и знающихъ мнѣніе о прибытіи Лѣха и Чеха изъ югославянской Хорватіи на сѣверъ баскою; напротивъ, южные Славяне вышли изъ сѣверныхъ странъ. Если и Чехи, и Поляки называются Славяне — Кокановскій намекаетъ здѣсь на „Славянъ“ въ тѣсномъ смыслѣ, то есть, западныхъ Югославянъ, — то это общее названіе: всѣхъ Славянъ, Русъ, Москвитъ, Болгаръ и Сербовъ. Отбрасывая происхожденіе Чеховъ и Лѣховъ отъ мифическихъ братьевъ, Кокановскій думаетъ, что Чехи — такъ какъ называютъ воѣ Славянскіе народы — происходятъ отъ кельтскихъ Цейковъ, упоминаемыхъ у византийскаго историка Протоція; а такъ какъ Поляки составляли прежде одинъ народъ съ Чехами и только со временемъ разошлись, то и они происходятъ отъ туда же. Самое названіе Ляхи осталось для Кокановскаго темнымъ; оно или сокращенное Поляки, Поляни, или происходитъ отъ Влаховъ, отъ бѣры латинской, или наконецъ, отъ какого-нибудь князя Лѣха или Лѣцца позднѣйшихъ временъ ³⁾.

Но высшаго совершенства въ производствѣ Славянъ и Поляковъ достигъ Дембоданцкій ⁴⁾. Онъ, въ своемъ нурьевскомъ сочиненіи, „по-

¹⁾ Такіе ученые до сихъ поръ водятся между Поляками, и Ляхи представляются или саксонскими Давами, египетскими Лагами, кельтскими Влаками, иллирскими Лиллигами, даже и „Лихими“, то-есть, несчастными (*Lichos*, нашу гдѣ такъ Чехи — *сестар*, счастіе).

²⁾ *Annales* (1554, введаніе), *Quirca* (1564, изд. Турофанго, 66).

³⁾ О *Szechu* и *Lechu*, *historia pagania*, въ полномъ собраніи его сочиненій (*Jan Kosciuszki*, *Kraków* 1868, р. 189—193). Справа и ниже его поему *Prorokos*. Отъ кавказскихъ Динговъ и Даговъ или Даговъ производилъ Чеховъ и Лѣховъ еще сто лѣтъ тому назадъ чешскій историкъ Добнеръ.

⁴⁾ *Wojc. Dębolski: Wywód jedynowłasnego państwa swiata, że najstarodawniejsze w Europie Królestwo Polakie etc. w panowaniu świata od Boga w raju postanowionym, i że język słowiański pierwotny jest na świecie* (Warsz. 1633). Уже современники насмѣхались надъ этимъ сочиненіемъ (*Biblioteka Warszawska*, 1854,

священномъ всѣмъ народамъ славянскаго языка“, серьезно доказываетъ, что королевство Польское или Силезское происходитъ прямо отъ Адама, Сива и Лафета, и что самими Богомъ уже въ раю ему назначено всемірное господство; что славянской языкъ есть первый на свѣтѣ, на которомъ—сирійскомъ—говорили Адамъ и Ной, и отъ котораго произошли всѣ остальные языки въ мірѣ. Такъ, напримѣръ, греческій языкъ есть славянской, какъ онъ и до сихъ поръ существуетъ вездѣ около Греціи, въ Фракіи, Болгаріи, Македоніи, Далмаціи и во всей Иллирии; самъ Гомеръ былъ Славянинъ. И Латинны говорили по славянски; отсюда же Иллирины (тѣ-есть, Словенцы) называютъ Италию также, какъ Поляковъ, то-есть, Ляхи или Влахи (чешск. Vlachi, польск. Włochi). Славяне происходятъ изъ государства Парадйскаго „Pogadzi“ (отъ первой гады) и Вавилона („babie jęzo“). По Сиву назвались Сивасами и по сыновьямъ Лафета, Гогу и Магогу (по славянски „Ляхъ“ и „Поляхъ“), Ляхи и Поляки. Въ земляхъ короны польской, по свидѣтельству всѣхъ древнихъ лѣтописцевъ польскихъ, русскихъ и чешскихъ, никогда не было Нѣмцевъ и никакого другаго народа; вслѣдствіе живутъ Поляки и Русь; отсюда же вышли Иллири (Югославяне) въ Далмацію и другія задунайскія земли. По пророчествамъ же Давида и Апокалипсиса, польскій орелъ, какъ преемникъ Гога и Магога, распространитъ свое господство надъ всѣмъ міромъ, и проч. Мы привели эти фантазіи патера Лисовчиковъ какъ интересное свидѣтельство, что уже тогда въ Польшѣ толковалось на основаніи библіи о всемірномъ господствѣ Славянъ или перваго ихъ народа и государства того времени, Польши. Что касается страннаго историческаго и этимологическаго выводовъ Демболовца, то имъ нечего удивляться: они повторятся иногда и въ наше время исторической критики и сравнительнаго языкознанія.

3. Славянское сознаніе въ польской книжноточеской, теологической, переводной литературѣ. — Мокчиновій, Кнапекій, Стоенскій. — Церковно-славянской языкъ въ Польшѣ. — Славянской монастырь въ Краковѣ. — «Дворянскіе» Горницкаго.

Поляки, живя посреди остальныхъ Славянъ, имѣя съ ними съ древнѣйшихъ временъ разныя сношенія и столкновенія, имѣли прекрасный случай познакомиться съ ними ближе, узнать ихъ обычаи

I, 473). Авторъ былъ священникомъ въ войскѣ извѣстныхъ Лисовчиковъ, которые свирѣствовали почти во всѣхъ славянскихъ земляхъ, отъ Волги до Шумавы и до Дуная.

и ихъ являть. Служители Поляковъ съ Чехами были такъ тѣсны, что чешскій языкъ, выработавшійся ранѣе польскаго, имѣлъ большое вліяніе на образованіе и развитіе послѣдняго и былъ извѣстенъ въ Польшѣ въ различныхъ кружкахъ до конца XVI столѣтія. Съ другой стороны, Поляки, спускаясь и сталкиваясь безпрестанно съ восточными своими сосѣдями, съ великими народами Русскимъ, знакомились съ разными его отраслями и нарѣчіями, начиная съ Перемишля и Люблина и кончая Псковомъ и Москвою. Преимущественно отъ Русскаго народа усвоены они и церковный славянскій языкъ, который когда-то раздался и на северъ отъ Барнага около Кракова, и употребленіе котораго возобновилось въ Краковѣ въ концѣ XIV вѣка, хотя на короткое лишь время. Наконецъ, Поляки, находясь въ дружескихъ связяхъ съ соседними владѣтельствами Угорско-Хорватскими, имѣли случай сходиться и съ разными Югославянами — Хорватами, Сербами и Болгарами ¹⁾.

Такимъ образомъ, Поляки могли легко познакомиться и съ языками своихъ сослуживцевъ. Считаю по всей справедливости свой народъ и свое государство первыми между Славянами, видя, что польскій языкъ распространяется съ большимъ успѣхомъ во всей юго-западной Руси, что онъ проникаетъ даже и въ сѣверо-восточную, въ Москву, и съ другой стороны, что онъ извѣстенъ и у западныхъ ихъ собратьевъ Чеховъ, Поляки — стали считать *своимъ* языкомъ первымъ славянскимъ языкомъ, понятнымъ и приятнымъ и для другихъ Славянъ.

Такъ, Мончакскій, издавая первый латинско-польскій словарь, замѣчаетъ, что его сочиненіе полезно и необходимо не только Полякамъ, но вообще и всѣмъ остальнымъ народамъ, государствамъ и племенамъ, которыя употребляютъ древнѣйшій и далеко, и широко распространенный славянскій языкъ: Поляки, Русскіе или Русины или Роксоланы, Мазовшане, Подоляне, Волыняне, Литовцы, Жмудь, Прусы, Кошубы, Освѣтимяне, Заторяне, Поморяне, Чехи, Мораване, Силезцы, Далматы, Хорваты, Босняки, Гунны, Авары, Рамы (въ Востѣ), Рацы, Мизы, Сербы, Болгаре, Галичане, Владимирцы, Команы, Краицы, Пожеганы (въ Славоніи), Фороулійцы (то-есть, Словенцы въ Горичѣхъ и Венеціи), Истры, Илиры, Галаты или Кочевяне (Gallates seu Coszovenses), Вандалы (то-есть, Венды), Москвитяне и часть Ка-

¹⁾ Объ отношеніяхъ Поляковъ къ Чехамъ, Русскимъ и Югославянамъ см. ниже.

рингид. Всѣ эти народы одного и того же славянскаго рода и языка, и различаются только нарѣчіями¹⁾.

Подобно труду Монинскаго, былъ изданъ извѣстный словарь латинско-польско-греческій Княпскаго, на пользу Поляковъ, Русскихъ, Славянъ (то-есть, живныхъ) и Чеховъ²⁾. О распространеніи и о модѣ славянскаго языка писалъ въ Польгѣ королевъ панъ уже въ XVI столѣтіи³⁾.

Польскіе филологи того времени знаютъ, болѣе или менѣе, и другіе славянскіе языки, особенно чешскій и русскій; но они все-таки остались далеко позади своихъ чешскихъ современниковъ, Грубая, Благослава и Бенешовскаго. Заборовскій, составляя новыя правила польскаго правописанія (1518 г.), сравниваетъ свой языкъ съ извѣстными тогда во всей Польгѣ чешскими⁴⁾. Первый грамматикъ польскій, Стрѣнскій (Олторіусъ), ограничился въ своей скудной грамматикѣ польскаго языка лишь нѣкоторыми указаніями на родственныя польскому языку. Такъ, трагунъ о звукахъ польской рѣчи, замѣчаетъ о *h*; что у Поляковъ оно не падаетъ рѣдко, лишь только въ русскіихъ словахъ, наприкѣръ, грамота; польское *th* произносится нѣкоторые менѣе образованные, какъ *t*; этогъ болѣе мягкій выговоръ свойственъ нѣкоторымъ народамъ Галетскаго или Славянскаго племена и проч.⁵⁾

Кромѣ языка чешскаго и русскаго, извѣстенъ былъ Полякамъ также употребляемый въ соседней русской деревнѣ церковно-славянскій языкъ, или какъ его въ Польгѣ иногда называли, болгарскій, даже и сербскій⁶⁾. Пользу его, особенно при переводахъ библіи на

¹⁾ *Lexicon latino-polonicum* (Regiomonti, 1564). Такъ на самомъ титулѣ и въ посвященіи королю Сигизмунду Августу, въ началѣ разныхъ похвальныхъ отхвалераній, находится и стихотвореніе Якова Любельяна, рекомендующаго за языкъ языкъ славянскій. Въ словарѣ есть также статья Меланхтона: *De origine gentis Henetae*.

²⁾ *Thesaurus latino-polono-graecus, seu promptuarium linguae latinae et graecae, Polonorum, Roxolanorum, Sciavonorum, Voemorum, usui accommodatum*. Такой титулъ находится на нѣкоторыхъ экземплярахъ Браковскаго изданія 1623 г.

³⁾ *De latissimo usu et maxima utilitate linguae Slavonicae* (Regiomonti 1569)— титулъ канцелярской книги Мартына Квятковскаго; даже библиографъ Залускій не могъ отыскать ея.

⁴⁾ См. ниже: Чехи и Поляки.

⁵⁾ *Polonicae grammatices institutio* (Crac., 1568).

⁶⁾ Сербскій его называють, наприкѣръ, Малавита въ своей польской исторіи и географіи.

польскій и другіе славянскіе языки, хорошо понялъ уже тогда одинъ изъ первыхъ не католическихъ дѣятелей въ Литвѣ, Симеонъ Будный. „Что касается славянскаго перевода“, говоритъ Будный въ предисловіи къ польскому переводу Новаго завіта, — „то я не только не бражу его, но очень имъ люблюсь и признаюсь, что я въ него научился многому. Мнѣ кажется, что всѣ переводчики нашего славянскаго языка, дѣйствіиные и будущіе, Поляки ии, Русскіе, Хорваты, или Чехи, которые захотѣли бы перевести Новый завітъ, не передадутъ, можетъ-быть, всего дѣлно, какъ должно быть, если не будутъ пользоваться этими древними своими переводами. Этотъ переводъ сдѣлавъ большіе соврѣшники для всѣхъ Славянъ; но что въ это, когда одни, какъ Чехи и Польки, все не знаютъ о немъ, а другіе, какъ Русскіе, Молдавитяне и пр., неправильно понимаютъ его“. Но вслѣдствіе съ тѣмъ Будный хорошо знаетъ, что славянскій переводъ того времени, — тогда еще не была издава Острожская Библия, — не безошибоченъ, и приводитъ нѣсколько такихъ мѣстъ изъ русскаго перевода Библии Скоринны и Московскаго Апостола, Евангелій и другихъ книгъ ¹⁾.

Слѣдя за измѣненіями своего языка, польскіе писатели находили, что нѣкоторыя устарѣлыя слова польскія встрѣчаются въ славянскомъ языкѣ. Такъ, наприжръ, они разсуждаютъ, что Поляки прежде, вмѣстѣ съ древними Славянами, называли тѣло — *плоть* (то-есть, плоть), палець — *персть*, мужчину — *отроць*, сатану — *враць* (врагъ); теперь этикъ словъ не слышно, развѣ лишь кое-гдѣ между поселянами, или между Русью и Москвою. Изъ славянскаго или „болгарскаго“ языка принимаютъ даже нѣкоторыя слова въ свой польскій (наприжръ, книга, глава) и справедливо сравниваютъ недостатки польской орфографіи (*sz, sz, szcs*) съ болѣе совершеннымъ правописаніемъ языка славянско-болгарскаго (*ч, ш, щ*) ²⁾.

¹⁾ Nowy Testament znnowy przełożony etc. (1574). Будный, происхожденія русскаго, старался распространять реформацію и посредствомъ русскіхъ книгъ. Посвящая русскій переводъ Лютерова катехизиса (Несвежь, 1562) Радавильмъ, онъ говоритъ, что «списана ся книжка того дѣла, абы ся ваши книжацкія милости не только въ чужомскіхъ языкѣхъ кохали, але абы ся тежъ в. к. н. в. того звава славного языка *словескою* розмилувати и овимъ ся бавити рачили».

²⁾ Skarga, Kazania (Kraków, 1600, р. 95, мимоходомъ говори о перемѣнахъ польскаго языка); Orzechowski: Politia (1566, рукоп.), и его же письмо Янушовскому 1564 г. (*Wisniowski Hist. lit. pol. VI, 381, 400. Maciejowski, Piśmiennictwo polskie, Dodatki 245*). Впрочемъ, слова «книга» и «глава», какъ ихъ пишутъ

Поляки хорошо знали, что на славянскомъ языкѣ отправляютъ богослуженіе не только православные и уніаты Русскіе, Болгаре и Сербы, но и Хорваты-католики, у которыхъ введеніе славянскаго богослуженія приписывали, по общему тогда мнѣнію, св. Іерониму. Ему же или св. Кириллу приписывали и письмо „славянское“, „русское“, „глагольское“ или „азбуку“, „бумвину“, „кириллицу“. Брѣмѣ того, Поляки помнили, хотя смутно, что въ отдаленныя времена и въ польской церкви раздавался „славянской“ языкъ; занесенный изъ сосѣдней Моравы. Еще въ началѣ XVII вѣка свѣтъ католическій епископъ польскій Пясецкій разказываетъ, что „Поляки и всѣ Славяне отъ природы отвращаются отъ козней и штуек Нѣмцевъ, и все выходящее оттуда считаютъ себѣ вреднымъ и отклоняютъ, какъ нѣчто подозрительное. Такъ и христіанской вѣрѣ не хотѣли учиться отъ Нѣмцевъ, а посредствомъ восточныхъ Грековъ, Кирилла и Меодія, присланныхъ изъ Царьграда“⁴⁾.

Орховскій: «knihi, hlawi» — скорѣе чешскія, чѣмъ «болгарскія». Ср. и выше слова М. Бальскаго.

⁴⁾ Piatecki: Chronica (Стас. 1645, р. 48). Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность св. апостоловъ Кирилла и особенно Меодія, архіепископа Моравскаго, простиралась и до Лашскаго племя, часть котораго, именемъ Бравовъ Хорваты и Слззаны, вошла въ составъ Велико-Моравскаго государства Святополька. На это указываетъ: а) извѣстіе въ паннонскомъ жизнеописаніи св. Меодія (гл. XI) о крещеніи «сильнаго поганскаго князя въ Вислѣхъ», то-есть, племени Вислѣвъ (*Шафарика Слав. Древности*, § 38, ч. 5) св. Меодіемъ; б) темныя слѣды славянскаго епископства въ Браковѣ (*Maciejowski Hist. prawod. slow. II, 325*, статья *Bartholomaeus ad Agrybiskuramъ Краковскіе* въ *польской энциклопедіи*; съ тѣмъ сравн. также слова Март. Галла (I, с. 16), что кончину Болеслава Храбраго оплакивали «Latinorum et Slavorum... incolae»). в) Въ русскихъ земляхъ было распространено мнѣніе, что св. Константинъ распространилъ правую вѣру и «русское» письмо въ Моравѣ, въ Чехахъ и въ Ляхахъ, заимствованное цѣлѣ латинскимъ (прибавленіе къ паннон. легендѣ о св. Константинѣ, румон. XV вѣка въ *Чтеніяхъ* 1863, 2, вошло и въ хронографъ 1494 г. и въ др.). г) Въ день 9-го марта (память св. апостоловъ славянскихъ) молятся въ епархіи Гѣльзенской: «Omnipotens sempiternus Deus, qui nos per beatos pontifices et confessores tuos nostrosque patronos Cyrillum et Methodium ad unitatem fidei christianae vocare dignatus est», и вспоминаютъ вкратцѣ и жизнь этихъ славянскихъ учителей (gentium Slavinarum primi doctores). (Встрѣчается въ книгѣ *Стан. Соколовскаго: Officia propria patronorum provinciae Poloniae* 1603, и потомъ часто. Молятся та же самая, что и въ чешской церкви). О другихъ слѣдахъ см. въ соч. *Петрушевскаго: Холмская епархія* (Львовъ, 1867, также въ Холмскомъ мѣсяцесловѣ на 1871 г.). Дѣятельность св. апостоловъ «славянскихъ епископовъ» въ Моравѣ и у другихъ Славянъ знаютъ польскіе историки и др., Даугошъ, Бальскій, Гоциусъ, Скарга и др.

Никонецъ, славянское богослуженіе возобновлено и въ Польшѣ, хотя ограничено только однимъ мѣстомъ и на короткое время. Въ концѣ XIV вѣка и Польша удостоена „особой милостью Спасителя; въ великую честь Славянскаго народа позволили оны отправлять богослуженіе на родномъ языкѣ, чего не досталось ни одному языку, кромя греческаго, латинскаго и еврейскаго“. Тогда, именно въ 1390 году, Польскій король Владиславъ и его супруга Ядвига, по примѣру славянскаго монастыря Прагскаго, основали такой же и въ Краковскомъ вѣдѣствѣ Клеварѣ при церкви св. Креста и перевели сюда изъ Прагскаго монастыря славянскихъ монаховъ. Это были католическіе монахи, бенедиктинцы хорватскіе, отправлявшіе богослуженіе на славянскомъ языкѣ, именованномъ тамъ-называемою глаголицей. Еще во второй половинѣ XV столѣтія (около 1470 г.) въ этой „славянской“ церкви употреблялось славянское богослуженіе, но скорѣ послѣ того замѣнено латинскимъ ¹⁾; хотя съ тѣхъ поръ и не раздавался въ польской столицѣ церковно-славянскій языкъ, но все-таки оны именно здѣсь проложили себѣ путь въ печать гораздо раньше, чѣмъ самъ польскій языкъ. Въ Краковѣ напечатаны первыя богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ греко-славянскимъ письмомъ, Осмогласникъ, Часословецъ и др., старшимъ Швайпольтъ Фіола (1491 г.) ²⁾. Такимъ образомъ, Польша имѣла случай познакомиться съ церковно-славянскимъ языкомъ довольно близко, и если и въ самой Польшѣ, въ Краковѣ, славянское богослуженіе прекратилось уже въ концѣ XV столѣтія, то оно было въ употребленіи близъ самой столицы польской, въ русскіихъ земляхъ, начиная съ Перемишля и Холма далеко на востокъ.

Но если въ Польшѣ знали объ употребленіи славянскаго языка въ церквахъ русской, болгарской, сербской и отчасти и хорватской, то вѣстѣ съ тѣмъ отъ нихъ не скрылось, что этотъ церковный „славянскій“, или „болгарскій“, или „сербскій“ языкъ довольно отли-

¹⁾ Dlugoss, Hist. I. B. 126; Liber beneficiorum dioec. Cracov. III, 225. (Monasterium sclavonicum S. Benedicti in Sieratz oppido ante Cracoviam sito). Объ этомъ упоминаетъ и Госіусъ (De sacro vernacule legendo, in opera, Paris. 1562, fol. 261). Церковь св. Креста называлась съ древѣйшихъ временъ „славянской“. (Grafowaki: Kraków i jego okolice, 70).

²⁾ О Фіолѣ: см., кромя рацныхъ бібліографій, ежедневную статью Вострейхера (1867). Еще около 1600 г. одинъ Русскій малютка, что въ Краковѣ сохъ много „лингъ словенскихъ великии сїлсепани замкненихъ, которыхъ на оуфѣ не выустать“, также и во Львовѣ. (Акты западной Россіи IV, стр. 304).

чается отъ собственныхъ общеупотребительныхъ нарѣчій этихъ народовъ¹⁾. Это обстоятельство получило и практическую важность въ спорахъ о литургическомъ языкѣ въ польской церкви XVI столѣтія. Когда, вмѣстѣ съ разными новыми идеями, въ Польшѣ явилась мысль замѣнить латинской языкъ въ церкви народныя польскія, то защитники перваго османились на примѣръ русской и юго-славянскихъ церквей, въ которыхъ употребляется не совсѣмъ понятный народу, даже и понамъ, языкъ. Такъ рассуждаютъ, между прочимъ, и два главные поборника католицизма въ тогдашней Польшѣ, кардиналъ Гозиусъ и иезуитъ Скарга²⁾. „Русь прежде всѣхъ“, говоритъ послѣдній, „отправляла литургію на нашемъ славянскомъ языкѣ ираотцовъ и теперь такъ дѣлаетъ; въ то время былъ понятенъ этотъ языкъ, который называется также болгарскимъ; нынче же не понимаетъ его ни одинъ Болгаринъ, ни Хорватъ, ни Москвитинъ, ни Русинъ, лишь послѣ большой науки и труда“. Но если уже народный языкъ считается необходимымъ въ богослуженіи и въ польской церкви, то пусть введутъ, но крайней мѣрѣ, существующій уже церковно-славянской. Такъ рассуждаетъ Гозиусъ. Указывая да то, что больше шестисотъ лѣтъ тому назадъ, Кирилль и Меодій получили отъ нашихъ дозволѣніе отправлять богослуженіе на славянскомъ языкѣ, какъ это недавно было въ церкви на Кленарѣ, Гозиусъ замѣчаетъ, что въ Моравіи и въ Польшѣ это скоро превратилось, принося больше вреда, чѣмъ пользы. „Едва ли есть другой языкъ въ мірѣ“, продолжаетъ кардиналъ, „который былъ бы больше распространенъ, чѣмъ нашъ, занимающій больше, чѣмъ четвертую часть Европы: ибо его употребляютъ Чехи, Моравяне, Кошубы, Русскіе, Москвитяне и Славяне, откуда мы полагаемъ свое происхожденіе, Далматы, Босняки, Хорваты, Болгаре, Расціане, Сербы и другіе народы. Впрочемъ, эти народы разнятся другъ отъ друга своими нарѣчіями, такъ что Полякъ меньше понимаетъ Славянина или Далмата, чѣмъ Швабъ или Швейцарецъ Голландца или Бургундца. Языкъ славянской или далматской болѣе изыщенъ, чѣмъ нашъ, такъ что если уже нужно переводить молитвы и священныя книги на простой языкъ, то слѣдуетъ переводить ихъ преимуще-

¹⁾ Ср., напримѣръ, выше слова Мѣхениты. Издатель (протестант.) польскаго канціонала Торунскаго (1595 г.), *Кресклякъ* (Arctimius), османился относительно употребленія народнаго языка въ церкви, — на примѣръ, нашихъ Славянъ, которые издавна, со временъ св. Кирилла, имѣютъ привилегію отправлять богослуженіе на своемъ языкѣ.

²⁾ Hosius: De sacro vernaculo legendo (l. c.), Skarga, Kazania (1600, p. 96).

ственно на тот языкъ, отъ котораго произошелъ нашъ, и который превышаетъ и другіе языки изяществомъ; кромѣ того, на него переведены св. Іеронимомъ священныя книги, такъ что его употребленіе представляетъ менѣе опасности. Но такъ какъ онъ употреблялся въ богослуженіи у насъ, у Чеховъ и у Мораванъ и потомъ исчезъ, то такъ случилось навѣрное не безъ причины. Наконецъ, что касается введенія простаго нарѣчія въ богослуженіе, то этого даже и Русскіе не допускаютъ».

Вліяніе родственныхъ языковъ славянскихъ на польскій въ лексикальномъ отношеніи было особенно значительно. Польскій языкъ принималъ много чешскихъ и русскихъ словъ; Орѣховскій попробовалъ ввести и „болгарскія“ слова. Вообще, введеніе разныхъ словъ изъ другихъ славянскихъ языковъ не было противно ни духу польскаго языка, ни общественному мнѣнію, и даже, не возбуждало порицанія со стороны строгихъ грамматиковъ. Такъ, извѣстный лексикографъ польскій XVII вѣка, Кванскій, жалуясь на излишнее употребленіе разныхъ словъ и оборотовъ латинскихъ, италянскихъ нѣмецкихъ, угорскихъ и турецкихъ современными Поляками, допускаетъ слова „Русскихъ (Moschos) и другихъ народовъ, которые употребляютъ славянское, не слышное отличающееся отъ нашего, нарѣчіе“¹⁾. Господствовавшее по этому предмету въ Польшѣ XVI вѣка мнѣніе высказывается особенно хорошо въ одномъ замѣчательномъ памятникѣ того времени: „Дворянинъ польскій“²⁾. Въ немъ, въ формѣ разговора между двумя шляхтичами, представляется руководство и образецъ для поведенія совершеннаго шляхтича. Между прочимъ, разсуждая о польскомъ языкѣ и стилѣ, шляхтичи спрашиваютъ:

«Такъ какъ нашъ польскій языкъ не особенно совершенъ, какимъ же языкомъ дворянинъ долженъ его поведать: чешскимъ ли, русскимъ, или хорватскимъ, или славянскимъ, и дозволяется ли ему воскресить давнія, такъ—сказать, умершія слова, если бы которое изъ нихъ пригодилось? Кромѣ того, желательно знать — который изъ всѣхъ родственниковъ нашъ языковъ — самый красивый».

На этотъ вопросъ получаютъ слѣдующій отвѣтъ:

«Чтобъ удовлетворить вашему требованію, скажу свое мнѣніе о тѣхъ и другихъ языкахъ. Но я долженъ начать невозможно издалека. Вопервыхъ, знайте, что нашъ языкъ самъ по себѣ не старъ, хотя Поляки уже давно говорятъ на немъ, но ро-

¹⁾ Szesaurus polono-latino graecus (Crac., 1621, предисловіе).

²⁾ Łuk. Górnicki. Dworzanin polski (Kraków, 1566, изд. Туровскаго, стр. 43—49). Здѣсь приводимъ мѣста, касающіяся всѣхъ славянскихъ языковъ; мѣсто о чешскомъ языкѣ см. ниже въ отдѣлѣ: Чехи и Поляки.

дился не очень давно из славянского. Ибо все эти языки, польский, чешский, русский, хорватский, боснийский, сербский, рацский, болгарский и другие — были прежде одним языком, как и один народ, славянский. Есть, конечно, и другие, которые говорят, что и народ, и язык русский, вѣроятно, самый древний, и что только от Руси произошли Славяне, названные от славя, такъ какъ мужественно вели себя; но оба этого, по причинѣ давности, не можеть приобрести вѣрнѣе свидѣній; кромѣ того, считая извѣстныя дѣла, это теперь разбирать. Довольно того, что большое число лѣтописцевъ согласно въ томъ, что Славянский народъ между тѣмъ, которые и привелъ, есть самый первый. Стало быть, изъ этого народа, когда одни переселились въ одну сторону, а другие въ другую, вышло и то что изъ одного языка родилось много разныхъ языковъ. Въ то время, по причинѣ незнанія ни письма, ни науки, была большая грубость какъ въ самихъ людяхъ, такъ и въ ихъ языкахъ, и только когда Болгаре, заимствовавъ буквы отъ Грековъ, и прибавивъ нѣсколько отъ себя, а другія измѣнивъ, стали кое-какъ писать, то трудомъ своимъ дошли со временемъ до того, что перевели много священныя книгъ съ латинскаго и греческаго на свой языкъ. Поэтому этотъ языкъ долженъ быть гораздо богаче нашего, такъ какъ на немъ писали раньше, чѣмъ у насъ. Отъ Болгаръ потомъ пришли письмо Радъ, Серби и Русь и другіе. Потомъ изобрѣтено уже болѣе изящное чешское письмо изъ латинскихъ буквъ; вѣроятно, это произошло потому, что Чехи ссѣдять съ народами неглубокими; они сразу стали говорить лучше, чище, красивѣе, соблюдая какое-то протягиваніе въ словахъ, подобно латинскому ударенію; поэтому они и приобрѣли себѣ такую славу у насъ, что ихъ языкъ считается красивѣе нашего. Можеть-быть, онъ богаче нашего, такъ какъ до Чеховъ раньше даше письмо и науки, но что касается красоты — это еще не рѣшенное дѣло.

«Итакъ, когда дворянину не хватаетъ польскихъ словъ, то онъ хорошо сдѣлаетъ, если позаимствуетъ изъ чешскаго скорѣе, чѣмъ изъ другихъ, потому что этотъ языкъ у насъ общепринятый (wzięty) и считается самымъ красивымъ. Такимъ образомъ, польская рѣчь приобретаетъ себѣ большую силу, по мнѣнію общества, которыми челонокъ всегда долженъ руководствоваться. Но еслибы попалось какое-нибудь чешское слово болѣе трудное, и вмѣсто того, для Полака было бы понятнѣе русское, хорватское или сербское слово, то въ такомъ случаѣ дворянинъ поступитъ лучше, если выберетъ изъ этихъ другихъ болѣе легкія и лучшія слова и отброситъ чешское. Но все это представляется его собственному усмотрѣнію, чтобы сообразить, которое слово болѣе подходитъ къ польскому слуху, которое яснѣе, которое точнѣе опредѣляетъ данную вещь».

Совѣтуя принимать также слова древнепольскія, кошубскія и прусскія, авторъ кончаетъ такъ:

«Который изъ этихъ языковъ, которые произошли изъ славянскаго, красивѣе всѣхъ — не знаю, какъ отвѣтить, ибо въ этомъ дѣлѣ не полагаюсь только на себя. Чешскій языкъ красивъ, но какъ будто немножко извѣженный (piezszęcasu) и мужнивъ мало идущій; русскій же суровъ; рацскій, сербскій, хорватскій, болгарскій имѣють уже что-то языкческое, такъ какъ она уже заразились отъ Турковъ; нашъ польскій кажется труднымъ, какъ будто бы у чело- вѣка полонъ ротъ, и онъ говоритъ на силу. Да, не знаю, какъ это рѣшить».

Итак, мы видим, что о преимуществах разных славянских языков польское общество в XVI столѣтїи толковало такъ, какъ часто случается и теперь у всѣхъ Славянъ. Но и теперь, и всегда на такой вопросъ останется только отвѣтить вмѣстѣ съ вѣчнымъ закономъ Крыскисъ: „Не знаемъ, что тутъ сказать; это дѣло вкуса“.

Какъ издатели чешскихъ книгъ разчитывали на болѣе широкій кругъ читателей въ разныхъ славянскихъ земляхъ, такъ и издатели польскихъ книгъ надѣялись найти имъ сбытъ и у другихъ славянскихъ народовъ, какъ это и было особенно въ польско-литовской Руси. Тамъ думали лексикографы Мюнчинскій и Кнаискій, какъ выше сказано; равнымъ образомъ, и издатели знаменитой польской Библии, такъ называемой Радзивиловской или Брестской (1563 г.), обращаются ко всѣмъ Славянамъ: „Вашъ жидовскіе священники“, говорителъ въ этой библии, — „собирали свой народъ звукомъ трубъ, такъ и теперь три трубы (гербы) знатнаго князя Николая Радзивилла изъ Литовскаго княжества трубятъ для всѣхъ людей языка славянскаго, чтобъ они охотнѣе сбѣжали къ Божьему слову“¹⁾. Польскія книги посвящались не только „наивнѣйшимъ и надревнѣйшимъ народамъ короны польской, но и всѣмъ другимъ народамъ славянскаго языка“²⁾.

4. Славянское сознание у польскихъ поэтовъ.

Славянское сознание является не только въ научной литературѣ польской, въ исторической, политической и филологической, но оно сильно господствуетъ и въ изящной литературѣ, въ поэзіи польской XVI и XVII вѣковъ. Въ этомъ отношеніи польскіе поэты соперничаютъ съ югославянскими: Кохановскій, Гроховскій, Коховскій считаютъ себя такими же славянскими поэтами, какими и Гундуличъ, Палмотичъ, Дібрдичъ.

Польскіе поэты того времени призываютъ „славянскую музу“, „славянскую Сафо“, „славянскую богиню“, чтобъ ихъ вдохновить. Они посвящаютъ свои „славянскіе стихи“, „Славянку въ польской одеждѣ“, „славянскія свои Камени“, „славянскую Каліопу, прибывшую на сѣверъ, гдѣ жилъ славный славянскій богатырь Лѣхъ“ и проч. своимъ друзьямъ и покровителямъ. Они воспѣваютъ разные событія, ожидая одобренія не только со стороны сыновей Лѣха, но и каждого истин-

¹⁾ Эта библияшла съ собою и въ Московекой Руси.

²⁾ Такъ, напримеръ, Демболовскій посвящаетъ свое фантастическое сочиненіе «Wywod jedynowtas, nego państwa świata», о которомъ см. выше.

ного Славянна. Они славят знаменитых Польскоу, „славянскихъ богатирей“ (Замойскаго, Мяснича), „славянского Геркулеса, происшедшаго изъ племени Лѣха славянской крови“ (Гербурта), „славянского Улисса“ (Геронима Ласкаго), „славянского Гектора“ (Стаи-слава Любомирскаго), „славянского Эпаминонда“ (Карла Ходковича), „славянского Сцевола“ (Голуба) и проч. Леонидъ Козановскій величается „славянскимъ соловьемъ“ и восклицается, что онъ „славянскими словами приблизился къ арфѣ Давида“; Мясковский называется „украшеніемъ языка и славы славянской“, Самуилъ Твардовскій — „славянскимъ Вергилиемъ, о которомъ Славянскіе народы не спорятъ, какъ Греческія племена о Гомерѣ, такъ какъ онъ изъ Великой Польши“; Шимоновичъ соперничаетъ съ Вергилиемъ „въ славянскомъ языкѣ“, и проч. Польскіе поэты, восхваляя другія произведенія польской литературы, славятъ ихъ и какъ плоды „славянскіе“ и рекомендуютъ ихъ читателямъ, какъ изданія, приносящія пользу языку славянскому, славному, обширному, стародавнему, на которомъ пероратъ Чехи, Поляки, Москва, Русь, Хорваты, Славяне (то-есть, ружные), Далматы, Рацы, Сербы и другіе славянскіе народы, и на которомъ выходитъ много знаменитыхъ сочиненій; радуются, что нашъ сарматскій языкъ не бѣденъ разными отраслями литературы, и что славянская муза удостоила эти произведенія вѣчной славы, которая будетъ продолжаться, пока будутъ существовать потомки славнаго Лѣха.

Польскіе поэты, воспѣвая славнаго дѣда, своего народа, „знатнѣйшихъ Славянъ“, „потомковъ славянского Лѣха“, живущихъ по холодной Вислѣ, по Днѣстру и подъ старыми сѣдыми Татрами, подвиги „славянскихъ богатирей и славянской молодежи“, погружаются и въ давнія времена единства всѣхъ Славянъ, изъ которыхъ происходятъ Поляки, залетаютъ въ мнимую прародину Лѣха, въ юго-славянскую Хорватію, Далмацію и Иллирію, гдѣ до сихъ поръ живутъ наши братья, наши кровные, и надѣются, что наши внуки освободятъ ихъ отъ чужой власти“. И когда польскіе пѣвцы умождаютъ навсегда, то ихъ могилы обвиваютъ музы „славянскимъ плющемъ“¹⁾.

¹⁾ Считаемо излишнимъ подробно приводить всѣ эти мѣста. Мы ихъ собрали изъ стихотвореній Якова Любельника (изъ словаря Мончинскаго 1564), Козановскаго 1584, Eleg. I, 6 Zgoda), Гроховскаго (Kalliopea Słowiańska, 1587, разныя Pieśni, 1606), Витковского (Sapho Słowiańska na gziemna sławę zwycięstwa Smoleńskiego, 1611), Мисковского (Hercules Słowiański, 1612, zbiór rytmów, 1622), Сарбевскаго (Odae II, 23), Твардовскаго (Legacya Zbaraskiego, 1639), Ободзкі-

Славянская идея вдохновляла и поразительна живца южнорусского Иоанна Козляновского. „Славянской идее“ даны восточные и славянские во всем сибирь подданы славянские. Амазонки принадлежат въ Скифию, и отъ нихъ родятся воинственные Савроматы и распространяются въ Азию и въ Европу. Они видны при высокой горѣ Прометей, они видны и съ другой стороны при Ледовитомъ морѣ, и пограничные римские орны пугаются ихъ, ибо они знаютъ дорогу и черезъ великій Дунай. Вотъ Венеты, по которымъ названо Венетское море; вотъ Россаны, по которымъ названъ Русский народъ; вотъ Ляхы, по которымъ назывались Ляхи; вотъ мотучие Цези, по которымъ называются нынѣшние Чехи ¹⁾. Вотъ Болгары, которые плывутъ впередъ по Дунаю; послѣ нихъ дѣльные Словѣне, одного съ ними рода; потомъ Сербы, потомъ Алыи, за ними Босняки и воинственные Хорваты съ своими знаменами. Противъ нихъ императоры выставляютъ со всѣхъ сторонъ войска, которыя однако предаются бѣгству, не будучи въ состояннхъ удержать ихъ напоръ. Народъ Славянской оперся о самый Адриатическй берегъ. Посмотрите, какъ онадится: лѣтъ одной руки — неизбѣжное оружiе, въ другой — мидная лопаточка; одни по всѣмъ сторонамъ стоятъ бдительно на стражѣ, друге строятъ оборонительныя стѣны. Нѣкоторые же обратились на западъ соимца и поселились за глубокими водами холодной Лабы. Тамъ одинъ народъ завладѣлъ почти всѣми землями, которыя Богъ окружилъ троимъ Нептуномъ. Потомъ Воевъ несетъ Оршакъ, и гдѣ-бы онъ ни пришелъ, видны его слѣды въ тѣхъ: кирчанныя соими, поваленныя дубы и рѣки, подернутыя ледяными вѣстами. Это славянѣ, либо за правду выдаваемое (ибо это этого не мѣждитъ), либо престо вымышленное, значило, что славян много лѣтъ встаетъ народъ съ полноты, силами котораго не одолѣеть всякая страна.

„Za laty miał wstać lud z północy,
Którego kraj południ nie miał zdołać mocy“ ²⁾.

скаго (Pandora starożytna monarchów polskich, 1641), Гавинскаго (Sielanki, 1650), Зикоронича (Sielanki, 1669), Кокочакета (Lytika polskie, 1674, Paalmodya polska, 1695), и др.

¹⁾ Сравн. выше мнѣніе Козляновскаго о Ляхахъ и Чехахъ.

²⁾ Въ стихотвореніи «Proroczes albo hold pruski» (то-есть, Альбрехта Прусскаго на сеймѣ въ Люблинѣ 1569 года), въ полвомъ собраніи сочиненій Кокочовскаго (Jan Kochanowski, Kraków 1585, 172—173). На знамени прусскаго князя востъ видѣть изображеннымъ все имъ славянское.

На славянскія страны, южныя и восточныя, обращаетъ внимание своихъ земляковъ еще въ половинѣ XVII вѣка нѣкто Гавинскій. Жалуясь на недостатокъ дѣльныхъ людей въ тогдашней Польнѣ, онъ убѣждаетъ, что еслибы въ ней были такіе люди, то отечество не только бы имъ погибало, но еще думало-бы и объ освобожденіи земель на Дунаѣ и на Босфорѣ, гдѣ теперь пахотъ невольникъ илѣдорочныя поля джазакъ плутуемъ, и гдѣ свирѣствуютъ гордые азычники; оно соединило бы побѣдоноснымъ походомъ горы Карпатскія съ Родонскими во Фракію, и достигнуло даже до великой Волги, привело-бы ее къ верогу родной Вислы¹⁾.

III.

Славянское вознание у Славянъ Балтійскихъ и Лабскихъ.

1. Славяне балтійскіе.

Балтійскіе Славяне—Бодричи и Лѣтичи и ближайшіе сосѣди послѣднихъ Поморяне, назывались общимъ именемъ цѣлаго племени чаще, чѣмъ другіе западные Славяне. Ихъ-то означаютъ лѣтописцы особенно названіемъ „Славянъ“ (Slavi, Sclavi), ихъ земли „Славянскими“ (Slavania, Sclavonia), ихъ языкъ „славянскимъ“. Такъ называли себя и сами Славяне. Ихъ князья, хотя иозже онѣмеченные, Мекленбургскіе, Ранскіе (Рюгенскіе) и Поморскіе, обыкновенно называють себя князьими „Славянскими“ (dux Slavogum), свои земли „Славянскими“ (Slavia), своихъ подданникъ „Славянами“ (Slavi, Slavi voatki), ихъ языкъ „славянскимъ“, совокупность разныхъ земскимъ повинностей „повинностями нашего народа Славянскаго“, старое домашнее право „славянскимъ“ (jus Slavicum),—все это въ противоположность сожителямъ Славянъ, Нѣмцамъ (Theutonici), ихъ языку и праву²⁾.

Самъ народъ Славянскій въ земляхъ Балтійскихъ хотя все больше и больше исчезалъ, передѣливаясь въ Нѣмцевъ, всегда зналъ о своемъ „славянскомъ“ происхожденіи. Еще въ концѣ XVII столѣтія единственные остатки балтійскихъ Славянъ, сохранившіеся за Лабой въ

¹⁾ Sielanki nowe, ze star. rękop. wyd. Żegota Pauli (Lwów 1843, p. 34).

²⁾ Доказательствъ не станемъ здѣсь приводить; множество ихъ найдется въ разныхъ актахъ и грамотахъ Балтійскихъ земель. Въ нихъ встрѣчаются, на примѣръ, такіа выраженія: quod slavice dicitur, воеводица, бископовица, могола, тригорки, подача и пр.

Люнебургской степи, потомки Бодричскихъ Древланъ, называли свой языкъ „славянскою рѣчью“ (сливенстя риць); о происхожденіи этой „Славянской рѣчи“ Люнебургскихъ Древланъ отъ общаго славянскаго языка и о родствѣ ея съ другими славянскими языками, особенно съ лужицко-сербскимъ, чешскимъ и польскимъ, хорошо зналъ ихъ священникъ Геннингъ (1691 г.). Съ другой стороны, самая восточная отрасль этихъ Балтійскихъ Славянъ, единственные остатки древнихъ Пожоранъ, Кошубы, тоже сохранили свое народное имя до сихъ поръ: называютъ себя „Словинцами“, свой языкъ „словинскимъ“¹⁾.

2. Лужицкіе Сербы. Френцель и Глицка.

Дольше, чѣмъ Балтійскіе Славяне, сохранили свою народность Лабскіе Сербы, хотя и они уступили уже большую часть своей территоріи Нѣмцамъ, уцѣлѣвъ только въ малой части Лужиць. И Сербы (Венды) всегда считались Славянами, ихъ языкъ признавался за славянской у Нѣмцевъ, Чеховъ, Поляковъ а равно и ими самими.

Славянское сознаніе является и въ маленькой сербской литературѣ, которая возникла не раньше нѣмецкой реформациі. Сербскіе священники, желая дѣйствовать на простой народъ, единственное сословіе говорящее еще языкомъ отцовъ, могли это дѣлать не иначе, какъ посредствомъ сербскаго языка. Но такъ какъ этотъ языкъ не былъ до тѣхъ поръ литературно обработанъ, то сербскіе писатели не разъ были вынуждены обращаться къ родственнымъ языкамъ, особенно къ чешскому. Такъ, уже первый переводчикъ Новаго Заветъ (рукописно) на сербскій (верхне-лужицкій) языкъ, Ник. Якубица (1548 г.) воспользовался чешскимъ переводомъ, принимавъ въ свой переводъ много чешскихъ словъ.

Значеніе славянскихъ языковъ, особенно чешскаго и польскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ и живое славянское сознаніе является особенно у сербскаго священника Михаила Френцеля (Бранцеля) 1628—1706.

¹⁾ О Древланѣхъ, Словинцахъ см. Доброскаго Slovanka I., Гильфердинга Пятиязыки Забалтійскихъ Древланъ и Глинянъ и Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря. Замѣтить, что на Руси знали и другое названіе Балтійскаго пригорья. Волинскій летописецъ (Ипат. лѣт.) разсказываетъ о Луцери, жевъ Польскаго короля Премыслава († 1296), что она была «рода князей сербскихъ, съ Кошубъ, отъ поморя Вязякаго, отъ Старога града за Кгданскомъ» (П. С. Р. I. II, 227). Названіе «Сербы» древнѣе названія «Славяне» (*Шафарика Слав. Древности* §§ 7, 8).

Занимаясь переводомъ разныхъ богослужебныхъ и священныхъ книгъ на сербскій языкъ, онъ пользовался и Библией на чешскомъ и польскомъ языкахъ, „какъ сестрами нашей рѣчи“. По примѣру чешскаго правописанія, онъ немножко поправилъ и правописаніе сербскаго языка. О распространенности „сербскаго“, то-есть, славянскаго языка, въ Чехіи, Польшѣ, Руси и другихъ странахъ хорошо знаетъ Френцель. По его словамъ, даже и „въ Китайскомъ царствѣ говорится по сербски“. Славянское сознаніе Френцеля является особенно въ привѣтѣ къ царю Русскому Петру. Когда Петръ ѣхалъ (1697 г.) черезъ Лужицу, то Френцель вручилъ ему три изданныя имъ книги (сербскіе переводы Евангелій св. Марка и Матвѣя 1670 г., посланій св. Павла къ Галатамъ и Римлянамъ, 1693 г. и одну проповѣдь 1688 г.), съ замѣчательной запиской на латинскомъ и сербскомъ языкахъ. Привѣтствуя съ восторгомъ „наяснѣйшаго и наисильнѣйшаго царя, непобѣдимаго императора и великаго князя, наимилостивѣйшаго господина царя Казанскаго и Астраханскаго, преогучаго князя очевь многихъ странъ“, Френцель продолжаетъ: „Намъ извѣстно изъ книгъ историческихъ, что Чехъ, Лѣхъ и Русь, три брата происхожденіемъ изъ Иллирии или Славоніи, около 500 г. по Р. Х. съ большимъ и безчисленнымъ войскомъ прибыли въ страны Сарматскія, въ то время пустыя, не воздѣланныя и не населенныя, и что они здѣсь основали три царства—Чешское, Польское и Русское. Чехъ съ своими сожителами занялъ Чехію вмѣстѣ съ обѣими Лужицами, Лѣхъ—Польскую землю при Вислѣ, жители которой сегодня называются, по плодороднымъ и равнымъ полямъ, Полянами, Русь—около Москвы. Русская или Московская земля есть великое и обширное царство, такъ что великій царь вѣдущею гбсодствуетъ отъ границъ Литовскихъ и отъ моря Каспійскаго до самаго Ледовитаго океана и до границъ царства Татарскаго, теперь любѣдовосно, далеко и широко даже и въ Татаріи. Въ самой Руси или Москвѣ царь почитается какъ какой-нибудь земной богъ. Русскіе считаютъ долгомъ слушаться его не иначе, какъ бессмертнаго бога; Русскіе вѣрятъ, что онъ все знаетъ, все можетъ, вѣрятъ, что отъ него происходятъ ихъ спасеніе, ихъ богатства, ихъ здоровье. Воля и слова князя—наивысшій законъ. Намъ также извѣстно черезъ историковъ, что ваше царское величество со всѣми своими подданными принадлежите къ греческой религіи, именно съ 989 года. Ибо въ томъ десятомъ вѣкѣ Владиміръ, ставъ самодержцемъ Русскимъ, женился на Аннѣ, дочери Царьградскаго императора Василя, и ввелъ христіанскую религію греческой вѣры и обрядовъ на Русь, или въ

Москвѣ. Въ этомъ обширномъ царствѣ нѣтъ никакихъ сектъ религіозныхъ, все думаютъ, вѣруютъ, исповѣдуютъ одно и то же; у нихъ совершенное единогласіе въ религіи. Право, царь есть цесарь и сильнѣйшій и непобѣдимѣйшій князь, у котораго есть безчисленная пѣхота и дворянство, огромное количество конницы, такъ что онъ 150,000 всадниковъ легко можетъ повести на войну. „Ваше царское и императорское величество почитаю и уважаю я, вендскій или сербскій проповѣдникъ и теологъ въ Луницѣ этого курфирства Саксонскаго, и такъ какъ Русскіе и Москвитяне говорятъ на нашемъ языкѣ сербскомъ или славянскомъ, то-есть, славномъ, представляю съ наибольшою покорностью и милостивѣйшему и милосерднѣйшему нашему царю мною, въ пользу Сербскаго народа, переведенныя и изданныя вендскія или сербскія священныя книги, наипокорнѣйше прося и желая, чтобъ они принесены были въ вашу Русь или Москву, такъ чтобъ и Москвитяне изъ этихъ моихъ книгъ научились и узнали процвѣтающую въ курфирствѣ Саксонскомъ правую и апостольско-лютерскую религію. Да здравствуетъ, да здравствуетъ царь и цесарь непобѣдимый и премоудчій“¹⁾!

И сыновья Михаила Френцеля, Авраамъ и Михайль, занимались славянскими языками. Авраамъ въ сочиненіи: *De originibus linguae Sogabicae* (1693—1696 гг.) сравниваетъ языкъ сербскій съ чешскимъ и съ польскимъ, замѣчая, что сербскій языкъ справедливо можетъ брать утраченныя слова изъ родственнаго славянскаго, польскаго и чешскаго. Въ началѣ этого сочиненія находятся, по обычаю того времени, стихотворенія разныхъ поэтовъ въ похвалу автора и Славянъ. Такъ, одинъ пишетъ, что „еслибы счастье Славянъ равнялось ихъ добродѣтели, то свѣтъ, трепещя, кланялся бы славянскимъ скипетрамъ“²⁾. Другой поэтъ говоритъ, что слава Френцеля распространится во всемъ славянствѣ и пр. Братъ Авраама, Михайль, занимался славянскою мнѣологіей (*De idolis Slavorum*, 1691 г.).

Сербскіе филологи обращали вообще на польскій и чешскій языкъ особенное вниманіе. Такъ, іезуитъ Тицинъ въ грамматикѣ сербскаго

¹⁾ О Френцелѣ и его сочиненіяхъ см. особенно статью К. Емча въ *Ученыхъ Запискахъ Сербской* (1871). Шриять Френцелъ на лужицкомъ и сербскомъ языкахъ (съ французскимъ переводомъ) напечатана *Книжка: Derer Oberlausitzer Sorbenwender umständliche Kirchengeschichte* (Görlitz 1767, p. 427), и *Дубровскій* въ журналѣ *Денница* (Варшава, 1842, стр. 104).

²⁾ Si par virtuti Slavis fortuna fuisset,
Orbis adoraret Slavica sceptrata tremens.

языка (Principia linguae wendicar quam antiqui wandalicam vocant, Prgae 1679) принялъ чешское правописание, и указывая на сходство сербскаго языка съ чешскимъ въ склоненіяхъ, спряженіяхъ и проч., говорить, что „наша рѣчь есть сестра чешской, происходя отъ той же самой матери Славянской, и поэтому справедливо, чтобъ она употребляла тѣ же самые знаки“. Это его мнѣніе, замѣчаетъ Тидинъ, раздѣляютъ и другіе Сербы.

IV.

Славянское сознание у Югославянъ.

I. Югославяне по преимуществу народъ «Словѣнскій, Словинскій». — Югославянская историческая литература. — Дятлопск. — Черва, Враничичъ, Орбини и др.

Славяне южные, занявшіе земли отъ Альпъ и Адриатическаго моря на востокъ до Чернаго, отъ Дуная на югъ къ Эгейскому морю, сохранили это свое племенное названіе больше и дольше, чѣмъ остальные ихъ братья. Славянами, Словѣнами они сами называли себя, и также называли ихъ и иностранцы. Враничевцы, Дреговичи, Берзаяи, Вагенеты, Езерцы и многія другія племена въ царствахъ Болгарскомъ и Византійскомъ были „Словѣне“, говорили на „словѣнскомъ“ языкѣ, равно какъ и македонскіе „Словѣне“ *κατ'ἑξοχήν*; на ихъ языкъ переведены первоначально нѣкоторыя богослужебныя книги Солуняниномъ Константиномъ, для ихъ языка изобрѣлъ онъ особое письмо. Этотъ славянскій, или вѣрнѣе, „словѣнскій“ языкъ сдѣлался и богослужебнымъ языкомъ сначала почти у всѣхъ Славянъ и сохранился и въ послѣдствіи у большей ихъ части до сихъ поръ, хотя и испыталь, подъ вліяніемъ разныхъ нарѣчій, разныя измѣненія. Но на славянскомъ языкѣ говорили не только Болгарскіе Славяне, а такъ называли и называютъ свой языкъ и Альпійскіе Славяне, Словенцы, сохранившіе до сихъ поръ свой „словенскій“ языкъ. Славянскимъ, „словенскимъ, словѣнскимъ или словинскимъ“ признавали свой языкъ и всѣ остальные Югославяне, Хорваты и Сербы, особенно поселенные по Адриатическому морю, начиная отъ Истрии до Скадра. Словѣнскій или словинскій языкъ раздавался не только въ ихъ богослуженіи подлѣ латинскаго, но и въ устахъ народа въ Истрии, Хорватіи („Славонія“), Далмаціи, Востѣ, Холмѣ, Зетѣ, Сербіи и прочихъ владѣніяхъ „Славянскихъ“ князей. Словинскій или словенскій языкъ, писанный латиницей или обоимъ словѣнскимъ письмомъ, такъ-называемымъ глагольскимъ и грекославянскимъ, употребляется и въ югославянской лите-

ратуръ: на немъ пишутъ и „славянскіо“ шестю даламатско-дубровнишкѣ:

Итакъ, мы видимъ, что слово Славяне, не смотря на свои различные названія: Хорваты, Хорватскы, Сербскы и Болгары, продолжаютъ называть себя древними названіемъ всего племени. Такимъ образомъ, они уже самимъ своимъ часто употребленнымъ названіемъ показываютъ свое происхожденіе, свою связь съ остальными одноплемениками на сѣверѣ. Названія „Славяне“ и „славянскій языкъ“ означали у нихъ въ общирномъ смыслѣ всѣхъ Славянъ, въ тѣсномъ же смыслѣ только ихъ самихъ, древнихъ Славянъ. Такъ понимали дѣло часто и другіе Славяне, особенно Чехи и Польша. Послѣдніе, производя себя отъ „Славянъ“ или „Славяновъ“, разумѣютъ тѣмъ Славянъ хорватско-далматскихъ, именно сѣверную ихъ половину, которая въ древнѣйшихъ временахъ называлась „Славяними“, землей „Славинскою“ (Slavonia).

Югославянскіе лѣтописцы и историки, слѣди за началомъ своего народа, знали, что ихъ предки вышли изъ сѣверныхъ странъ, — изъ Польши и Чехи⁴⁾, что они при царѣ Анастасіѣ или Константинѣ перешли черезъ Дунай у Видиня (Видина) и заняли землю Охридскую и Болгарскую; и что Болгаре назывались по рѣкѣ Волгѣ, откуда вышли; они же, и Сербы, и Влахы, и прочіе „все едино суть“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, знавъ изъ другихъ источниковъ, что въ Далмаціи и вообще на югѣ жили кордато и Готы, смѣшали ихъ съ Славянами и стали утверждать, что Готы и Славяне одинъ и тотъ же народъ. Эта „готоманія“ началась у Югославянъ довольно рано. Уже во второй половинѣ XII вѣка въ Діоклеѣ считали Готовъ Славянами и такъ было до самаго XVIII столѣтія. Нѣкоторые югославянскіе историки объяснили даже мадьярское названіе Славянъ „Тот“ отъ „Готъ“. Изъ прибрежной Хорватин и Далмаціи перешла эта теорія и дальше въ Сербію, и уже въ началѣ XIII столѣтія считали здѣсь Болгаръ людьми „отъ племени Гоги, нарекомаго быгурскаго“. Подобно тому сербскіе лѣтописцы считали древнихъ Давовъ — Сербани⁵⁾.

⁴⁾ Præfuz. Diocl. (ed. Lascaris) и хроника Корватокал (Lascaris, I), Троян. Врелат. (с. VII), болгарскій переводъ хроника Константина Манасія XIV столѣтія (срвн. Саборія Сак. Мѣд. 1937, 394, 4. Поповъ: Обзоръ русск. хронографовъ I, 155.) Житіе св. Симеона соч. Стевана Первович. (гл. XVII); изъ позднѣйшихъ Туберо, Орбини, Тропошскій лѣтописецъ, и др. Сербами считается Давовъ сербскій переводчикъ хронографа Зонары (Поповъ: Обзоръ, II 12).

Дѣятельность славянскихъ апостоловъ Константина и Меодія у западныхъ Славянъ извѣстна была и Югославянамъ по ихъ жизнеописаніямъ, обширнымъ легендамъ или краткимъ древнимъ, воздвигнутымъ словамъ и службамъ, которыя читались и у Болгаръ, и у Сербовъ, и у Хорватовъ. Северославянскіе князья даже и перекрестились въ памяти воздвигшихъ Югославянъ: такъ, Моравскій Святославъ сдѣлалъ Хорватскимъ княземъ, Блатенскій или Нантоцскій Коцель „княземъ Лѣнскимъ“. Отголосокъ этихъ древнихъ преданій сохранили и раннія лѣтописи болгарскія, сербскія и хорватскія; въ нихъ записано, что „словѣнскій языкъ Моравъ“ прощенъ св. Константиномъ и Меодіемъ, и что философъ „Костанцъ“ установилъ даже „книгу“ хорватскую. У Хорватовъ св. Константинъ уступилъ позже св. Іерониму, которому съ XIII вѣка стали принимать: изобрѣтеніе славянскаго письма и переводъ Священнаго Писанія. Это мѣло рас-
пѣстранилось и у западныхъ Славянъ, — у Чеховъ и у Поляковъ.

Турецкое пораженіе прекратило у Югославянъ почти всю литературную дѣятельность, зачатки которой стали такъ усильно развиваться. Подъ игомъ варваровъ не возможна была такая бы то ни было высшая умственная жизнь. При безпрестанномъ стукѣ оружія, въ дунайскихъ земляхъ нечего было и думать о какой-нибудь литературѣ. Вся литературная дѣятельность поработенныхъ Турками Югославянъ, Болгаръ, Сербовъ и отчасти и Хорватовъ, заключалась лишь въ бовословскихъ и скудныхъ лѣтописныхъ сочиненіяхъ. Остальные Югославяне или напрягали всѣ свои силы въ безконечной борьбѣ съ врагомъ всей европейской цивилизаціи (Хорваты, Черногорцы), или давно подпадавъ подъ власть чужаго элемента, только прощали (Словенцы): стало быть, и у обѣихъ этихъ отраслей югославянскихъ не было благодарной почвы для высшей духовной жизни.

Главнымъ, да можно сказать, и единственнымъ, убѣдительно литературной и вообще умственной дѣятельности Югославянъ осталось Далматское приморье. Здѣсь, въ сосѣдствѣ и подъ вліяніемъ Италіи и ея далматскихъ колоній продолжалась и развивалась литературная дѣятельность по образцу другихъ европейскихъ народовъ. Правда, славянскій элементъ здѣсь не былъ господствующимъ, находясь подъ властью чужаго, латинско-италианскаго элемента. Но, не смотря на то, въ прибрежной Далмаціи, особенно въ Дубровникѣ, стали процвѣтать и научная, и изящная литература въ смыслѣ и духѣ славянскомъ, хотя часто облеченная чужимъ покровомъ, латинскимъ или италіанскимъ.

История далацко-славянские, возвысившись над господствующей до тѣхъ поръ дѣтскою манерой, стали обрабатывать глубже и болѣе научнымъ образомъ историю своего народа. Этотъ ихъ народъ „словенскій“, или какъ его по латински называли — „иллирскай“, представлялся имъ члвкомъ великаго племени славянскаго, распространеннаго въ Европѣ и въ Азіи.

Дубровничанинъ Туберо-Черва (Пріевичъ), описывая событія своего времени (1490—1522 гг.), особенно югославянскія, угорскія, итальянскія, также и польскія, помѣщаетъ въ своихъ памятникахъ ¹⁾ и рассужденія о разныхъ народахъ славянскихъ. Онъ знаетъ, что въ землѣ Угорской короли живутъ разные народы славянскіе, а именно Славяки, которыхъ Мадьяры называютъ Тоты, то-есть, Готы (Góten); у нихъ языкъ общій съ Иллирами, которые живутъ отъ Адриатическаго моря до Дравы и называются Хорваты, Славоны и Рацы (Сербы). Этихъ вѣжныхъ Славянъ отдѣляютъ отъ сѣверныхъ, именно отъ Словяковъ, Мадьяры — Гунны. Послѣднихъ неманятъ Чеки и Поляки, какъ вторгнувшихся пришлоцовъ, и считаютъ, всѣ лежація между ними и Далматами земли беззавранно у нихъ отнятыми, полагая, что они происходятъ отъ Далматовъ, и когда-то занимали вплоть всѣ эти страны и что ихъ не раздѣляло никакое чужое племя. Такъ думаютъ они, вѣроятно, по слодству языка, ибо извѣстно, что у Чеховъ, Поляковъ и Далматовъ одинъ и тотъ же языкъ. Но другіе, по поводу такого же сходства въ языкѣ, думаютъ, что дѣло наоборотъ. Ибо судя по звуку русскаго языка (Rhaetianae linguae) считаютъ Русскихъ (Rhaetinos), жителей европейской Сарматіи предками, Славянскаго племени, и Славянъ (то-есть, вѣжныхъ), Чеховъ и Поляковъ ихъ потомками. Считаютъ невѣроятнымъ, чтобы какой-нибудь народъ Славянскаго (Иллирскаго) племени когда-нибудь проникалъ въ земли Русскихъ, осужденныя на непогоду и постоянный холодъ, а скорѣе, что Русскіе сами, по поводу своего размноженія, замѣнили свои невыгодныя жилища болѣе умѣреннымъ климатомъ. Итакъ, нѣкоторые отправились на западъ, перешли черезъ рѣку Вислу, дошли до Лабы и основали государства Чешское и Польское. Нѣкоторые спустились на югъ, и прогнавъ Даковъ, завладѣли не только задунайскими странами, которыя у нихъ позже отняли Угры, но и всю Иллирію, давъ

¹⁾ Commentariorum de rebus, quae temporibus ejus in illa Europae parte, quam Pannonia et Thracia eorumque finitimi incolunt, gestae sunt, libri undecim (изд. 1603 г.). Славянъ Черва называетъ обывновенно Slouini, Sloueni, изрѣдка Slaveni, Sclaveni.

этой странѣ свое названіе ¹⁾. Съ другой стороны Русскіе распространили свою власть и за рѣку Везу (Rha) и здѣсь занимають болѣе широкое государство и обширѣйшую столицу Москву. Славяне (то-есть, вѣдныя), потомки Русскіе (Rhaconogum ac Gothogum), назвали около 600 года по Р. Х. на Иллирїи, и какъ это бывало, принудили побѣжденных, вмѣстѣ съ нгомъ, принять и ихъ языкъ: Итакъ, значительная ихъ часть приняла названіе Славянъ; это показывается и самъ языкъ, который теперь Иллиры употребляютъ, и который почти ни въ чемъ не разнится отъ русскаго, развѣ что Далматы, живя подъ болѣе умѣреннымъ небомъ, произносятъ слова мягче, сохраняя нѣкоторые слѣды латинскаго языка и нравовъ. Съ другой стороны; вмѣстѣ съ „Рассіанами“ вышли отъ Волги рѣки (Rha) и нѣгъ родственники Болгаре и заняли Мизїю.

Далѣе въ своемъ сочиненїи Туберо еще нѣсколько разъ затрогиваетъ вопросъ о родствѣ всѣхъ Славянъ. Такъ, онъ рассказываетъ, что Чехи, отказавшись отъ иностранца Матвѣя Угорскаго, выбрали себѣ королемъ Польскаго Владислава, какъ своего соплеменника, одного и того же языка. Упомянувъ о страшныхъ успѣхахъ Турокъ въ Европѣ, онъ обращаетъ вниманіе на то, что они покорили уже большую часть Югославянъ, прачдѣвъ Чеховъ и Поляковъ. Описывая войну между Польшей и Москвою, онъ замѣчаетъ, что вообще больше всего отдѣляетъ людей различіе въ религіи, и что по этому поводу Москвитяне стремятся къ присоединенію единовѣрныхъ Русскихъ земель, которыя находятся подъ властью Поляковъ, и проч.

Теорїю о происхожденїи всѣхъ южныхъ и западныхъ Славянъ изъ сѣверныхъ, Русскихъ земель еще яснѣе представилъ другой Югославянинъ, ученый Хорватъ изъ Шибеника, Фаустъ Вранчичъ, высказавъ вообще вѣратцѣ—подобно Поляку Григорію изъ Санова—нѣкоторыя мнѣнія, до которыхъ дошла критика только нашего времени.

¹⁾ Колыбелью возобновленной Стеваномъ Неманей (1159—1195) Сербїи была жупа Раса, нынѣ Новый Пазаръ (между Черною Горой и княж. Сербскимъ), въ латинскихъ памятникахъ Rassa, Rascia, Raxia. По второй дѣднѣ и отчннѣ своей назывались перемы государи сербскіе королями «всѣхъ Русскихъ земель»; такъ назывались они и у своихъ сосѣдей, Югославянъ, Итальянцевъ и Угровъ (тох Raxiae, Rasciae, Raxiae), и самъ народъ сербскій (Rassiani, Rasciani, Raxiani); Мадыры до сихъ поръ называютъ Сербовъ Рацами (Rasci), и король Угорскій титулуется королемъ Расенинъ или Сербскимъ (Craze, Czar, Csek. Мнн. 1868, 336). Сходство названій «Rassia, Raxiani etc.» и «Rassia, Rascia, Raxiani» замечаетъ Черву въ его заключенїяхъ. То же самое видитъ и у Мартина Вальскаго.

На сколько известно, нѣтъ большаго народа на свѣтѣ, пишетъ Враничъ, „какъ нашъ Славянской: ибо онъ занимаетъ значительную часть Европы и Азіи, какъ пишутъ древніе космографы, и какъ мы видимъ теперь. Эту страну, которую мы теперь называемъ Русью или Москвою, называли древніе Латины и Греки азіяскою Сарматіей; другую же, которую мы теперь называемъ Польшею, — европейскою Сарматіей. Изъ Руси или Москви, болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, вышелъ одинъ народъ, и перешедъ черезъ Дунай, ошолъ у Грековъ Фракію, которую владѣть до сихъ поръ. Этотъ народъ называется Болгарами, потому что они вышли отъ рѣки Волги. Изъ Польской земли тоже вышли три большіе народа. Первое поколѣніе—Вандали, съ сѣвернаго приморья Нѣмецкой земли прогнанные Готами, пошли въ Галлію и потомъ въ Испанію, а оттуда въ самую Африку, во время св. Августина. На ихъ мѣсто пришли Славяне и сдѣлали много вреда Нѣмцамъ и завладѣли этимъ приморьемъ до самой Даніи. Поэтому та земля до днесь называется Поморье. Наконецъ, покоренные императорами Римскими, Карломъ Великимъ и тремя Оттонами, приняли христіанскую вѣру, языкъ и нравъ нѣмецкій и считаются больше Нѣмцами. Второй народъ славянской занялъ ту землю, которая именуется теперь Чешскою, Лужицкою, Силезскою и Моравскою. Онъ, находясь въ Нѣмецкой землѣ, сохранилъ свой собственный языкъ славянской, ибо Нѣмецкая земля, какъ пишутъ старыя космографы, доходила до самой рѣки Вислы, которая течетъ подъ городомъ Краковомъ, столицею короля Польскаго. Третій народъ, вышедъ изъ Польской земли черезъ горы Карпатскія, занялъ Паннонію; потомъ, перешедъ нѣсколько разъ рѣки Дунай, Драву и Саву до самаго южнаго моря, нанесъ много вреда и позора Римской имперіи, опустошая и поработая Македонію, Далмацію и остальные тѣ страны. Наконецъ онъ занялъ всю Далмацію и нынче ее населяетъ отъ Истріи до Македоніи и отъ моря до рѣки Дравы. Это началось во времена папы св. Григорія, какъ пишетъ онъ самъ и другіе писатели. Итакъ, уже съ тысячу лѣтъ Славяне владѣютъ этою землею и сохраняютъ свой языкъ, который гораздо чище, чѣмъ теперешній польскій или московскій, какъ о томъ можетъ судить всякій, кто понимаетъ тѣ языки, если только не пристрастенъ къ своему собственному. Языкъ далматскій, хорватскій, сербскій или босенскій (ибо все это одинъ языкъ) имѣетъ рѣчи или слова длинными, которыя очень гибки и легко выговариваются. Древній языкъ далматскій совсѣмъ истребили, какъ сдѣлали Римляне въ Галліи и въ Испаніи, такъ что теперь нѣтъ человѣка,

который могъ бы разказать, какъ говорилось передъ тѣмъ въ Далматин, Галліи и въ Испаніи“¹⁾).

Замѣчательно, что сѣверные Славяне ищутъ свое начало у южныхъ, Югославяне же—у сѣверныхъ. Чехи, Поляки и Лужицкіе Сѣрбы утверждають и даже упорно отстаивають свое происхожденіе изъ югославянской Хорватіи, отъ „Славянъ, Словаковъ“, отъ славянскихъ князей Чеха и Лѣха, владѣвшихъ около города Нсаровъ. Русскіе ищутъ, что ихъ предки Поляне, Древлане, Дреговичи, Словѣне и др. и вообще вся „Русь“ выжили отъ Дуная, гдѣ есть нынѣ земля Угорская и Болгарская. Съ другой же стороны, южные Славяне уже съ XII столѣтія производятъ свой народъ изъ сѣверныхъ земель, гдѣ нынѣ Чехія и Польша и обширная земля Русская, орошаемая Волгой. Интересное явленіе, свидѣтельствующее о всегда живомъ сознаніи родства и общаго національнаго единства у всѣхъ Славянъ на Дабѣ, Вислѣ, Днѣпрѣ, Волгѣ и Дунаѣ.

Сознаніе родства съ остальными Славянами привело и одного югославянскаго историка къ попыткѣ написать исторію всего славянства. Въ то самое время, когда на сѣверѣ Полякъ Папроцкій много лѣтъ сразу и съ большимъ трудомъ собиралъ матеріалы для генеалогіи „славянскихъ“ родовъ,—на югѣ, въ Дубровникѣ, Мадро Орбини думалъ о составленіи общеславянской исторіи и исполнилъ свой планъ, на сколько позволяли средства его времени, въ своей замѣчательной книгѣ, о „Славянскомъ государствѣ“, въ которой онъ, хотя на чужомъ, не славянскомъ языкѣ, говоритъ о началѣ всѣхъ народовъ славянскаго языка, о ихъ славѣ и ихъ успѣхахъ²⁾. Нечего упрекать автора въ томъ, что онъ видитъ Славянъ почти во всѣхъ племенахъ древней восточной Европы—въ Вандалахъ, Готахъ, Ге-

¹⁾ Предисловіе къ „далматской“ части семязычнаго словаря Чеха Лодерера, изд. въ Прагѣ въ 1606 году. Предисловіе писано въ Прагѣ въ день очищенія Богородицы въ 1065 году. Врѣмячъ пишетъ вездѣ «Словинцы», «Словяньскій». — О знаменитомъ Герберштейнѣ умалчиваемъ, такъ какъ онъ происхожденіемъ не Славянинъ.

²⁾ Il regno degli Slavi, hoggi corrottamente detti Schiavoni historia. Nella quale si vede l'origine quasi di tutti i popoli, che furono della lingua slava, con molte e varie guerre, che fecero in Europa, Asia e Africa; il progressò del imperio loro, l'antico culto, e il tempo della loro conversione al christianesimo. E in particolare veggonsi e successi de'Re che anticamente dominarono in Dalmatia, Croatia, Bosnia, Servia, Russia e Bulgaria (Pesaro, 1601), книга очень рѣдкая. Она переведена 1722 года на русскій языкъ (см. ниже). Мартинъ Роса (Ружичъ) сократилъ ее латинскими стихами (Madrid, 1686).

такъ, Аланахъ, Аварахъ, Иллирахъ и др. То же самое утверждаютъ его соотечественники еще два столѣтiя спустя.

Орбини жалуется, что слава народа Славянскаго между современными писателями не такъ извѣстна, какъ должна быть, что его славные подвиги покрыты густымъ туманомъ и погружены въ вѣчную ночь забвѣнiя. Но нечего удивляться: этотъ народъ изобилуетъ знаменитыми воинами, но у него не доставало ученыхъ писателей, которые прославляли бы безсмертiе Славянскаго племени. Другiя, гораздо менѣе значительныя, народы имѣтъ Славяне, извѣстны нынче только потому, что ихъ прославили ихъ ученые; таковы Евреи, Греки и другiе. Славянскому народу это не удалось; иностранцы писатели касаются его только мимоходомъ. А между тѣмъ подвиги Славянъ равняются подвигамъ всѣхъ народовъ мiра: они прославились въ Азiи и въ Африкѣ, и въ борьбѣ съ Александромъ Великимъ; они покорили Македонiю, Грецию и Иллирiю, заняли Мораву, Силезiю, Чехiю, Польшу и Балтiйское приморье, проникали въ Италию, Францiю, Испанiю и проч. Поэтому Орбини, изъ любви „въ своему народу Славянскому“ взялся за это дѣло, чтобы показать начало и успѣхъ ихъ государства, и какъ были они всегда знамениты и славны. Свой трудъ издаетъ онъ для прославленiя всего народа Славянскаго, въ воспоминанiе и свидѣтельство величiя и могущества ихъ предковъ. Встрѣчающiеся недостатки и ошибки пусть извинятся первому опыту по этому предмету; можетъ быть, со временемъ найдется другой писатель, который на основанiи этого труда напишетъ что-нибудь лучшее.⁴⁾

Орбини воспользовался почти всею тогда извѣстною и ему доступною историческою литературою у Славянъ и у другихъ народовъ. Изъ славянскихъ историковъ онъ знаетъ русскiя лѣтописи, Каллимаха, Бромера, Варшевицкаго, Гайка, Дубравскаго, Гельмольда и друг. На основанiи этихъ разныхъ источниковъ, рассказываетъ онъ о распространѣнiи Славянъ, то-есть, Славныхъ, на западъ и на югъ, о выходѣ Чеха и Лѣха изъ южной Хорватiи на сѣверъ, о войнахъ Сами съ Аварами и Франками, о Моравскомъ Святополкѣ, о дѣятельности св. Кирилла и Мефодiя и о изобрѣтенiи славянскаго письма—одного св. Иеронимомъ, другаго—св. Кирилломъ, о древней чешской и польской исторiи, о Славянахъ Балтiйскихъ, которыхъ погубилъ раздоръ, о Русскихъ, объ Иллирахъ, которые получили отъ Александра Великаго жалованную грамоту, и о другихъ народахъ, которыхъ онъ считаетъ Славянами и проч.¹⁾ Вторая, ббльшая половина книги посвя-

⁴⁾ Древнихъ Иллировъ считали Югославяне еще недавно своими предками. Во-

щина истории Югославянъ, Далмацин, Хорватин, Босны, Сербии и Болгарии. Въ книгѣ находятся двѣ картины, изображающія „Славянина отъ моря Нѣмецкаго“ и „Славянина Иллирскаго“.

Все это собрано здѣсь запутаннымъ, некритическимъ образомъ и лишено тѣперь всякой научной цѣны. Но для насъ не важенъ способъ, какимъ авторъ исполнилъ свою задачу, и который не хуже, чѣмъ методъ всѣхъ почти писателей того времени; а интересна одна только мысль его записать славу *всего* великаго Славянскаго народа.

Славянское сознание является и у преемниковъ Орбини, у известнаго далматскаго историка Луцича и Дубровничанина Градича ¹⁾, который написалъ для кардинала Распони особую статью „О народахъ славянскаго языка“, то-есть, о южныхъ и русскихъ (1670), Хорвата Витезовича (1696), у историковъ, писавшихъ о Словенцахъ, Мечизера (1612), Вальвавора (1689) и другихъ.

Изъ Далмацин и Хорватин долетали отголоски разныхъ теорій о происхожденіи Славянъ и въ запущенные монастыри сербскіе; и здѣсь въ Дечанахъ, Печи и Трношѣ монахи тоже записываютъ, что „мы ради славныхъ дѣлъ ратныхъ наречены есмь праведно Славяни“, и что „отъ Сармаціи имети нынѣ Русейскія державы мы вси азыци всякій въ свое время изидохомъ“, Лѣхи и Чехи, Сербы и Болгары, и проч. ²⁾.

2. Славянское сознание у югославянскихъ лингвистовъ, переводчиковъ Вибліи и проч. — Константины Костенскій, Труберъ, Далматини, Истриянинъ Вохоринъ.

Чувство родства и единства всѣхъ Славянъ слышится также и въ трудахъ югославянскихъ филологовъ и вообще изучавшихъ различныя нарѣчія южныхъ Славянъ.

Такъ какъ у Югославянъ „словѣнскій“ языкъ сдѣлался рано общепотребительнымъ, и вообще книжная дѣятельность на отечественномъ языкѣ началась уже въ IX—X столѣтіяхъ, то у нихъ явились

прось о національности Иллировъ была особенно важна для Хорватовъ, употреблявшихъ въ богослуженіи славянскій языкъ и глаголицу, изобрѣтеніе которой приписывали Иллиру-Славянину св. Ироюину. Но противъ этого мнѣнія явились и возраженія. Такъ, уже Раваалъ Лескоичъ защищалъ противъ Вранчица и др. славянское происхожденіе Иллировъ въ особыхъ статьяхъ. Срем. Kukuljević: *Knjigevidnici u Hrvatah* (особенно письмо Леваковича 1642 года, стр. 397).

¹⁾ *Гласник друштва сербской словесности* V, 22, 25; Сочиненія Гильбердинга I, 216.

²⁾ *Turgenev: Histor. Russiae Monum.* II, 236—249.

и первая попытка опредѣлить и правила этого языка, его формы и произношенія. Такъ, уже въ X вѣкѣ стали разсуждать о письменности и о грамматикѣ славянскаго языка чернорабочіе Храбръ и Юаннъ Экзархъ. Но такъ какъ этотъ „славянской“ языкъ не ограничился только первоначальными Славянами, то-есть, Болгарами, а сдѣлался переносимымъ и вообще литературнымъ языкомъ у Сербовъ и Русскихъ, даже отчасти и у Хорватовъ, подвергнувшись, такимъ образомъ, разнообразному вліянію, то не легко было постановить правила его, особенно въ то время младенчества всѣхъ наукъ. Онъ измѣнялся, смотря по тому, писали ли на немъ Болгаринъ, или „представлялъ“ ли болгарскій языкъ или русскія рѣчи на сербскій Сербинъ, или наконецъ, списывали ли Русскій вѣдомославянскій рукописи. Такимъ образомъ возникла у южныхъ и восточныхъ Славянъ большая путаница въ церковно-литературномъ языкѣ, и трудно было уже въ то время найти истинный чистый славянскій языкъ.

Уже въ первой повеснѣ XV вѣка одинъ болгарско-сербскій писатель, Константинъ Костеникій, въ своей статьѣ о произношеніи, считаетъ славянскій языкъ закономъ-то смѣсь всѣхъ другихъ славянскихъ языковъ. По его мнѣнію, Священное Писаніе переведено первоначально на „тончайшій и красивѣйшій русскій языкъ“, съ помощію и привѣщеніемъ словъ изъ языковъ болгарскаго, сербскаго, бесненскаго, словѣнскаго, хорватскаго и даже отчасти чешскаго. Для этой цѣли Кирилль философъ избралъ изъ всѣхъ этихъ племенъ людей, знающихъ греческій и славянскіе языки. Поэтому, хотя Русь и больше, рѣчь эта не называется ни болгарскою, ни сербскою, а „словѣнска, еме есть всѣхъ сихъ племенъ“¹⁾.

Когда у самой западной отрасли Югославянъ, у Словенцевъ и отчасти и у ближайшихъ ихъ сосѣдей—Хорватовъ, вслѣдствіе нѣмецкой реформациі, нѣсколько лицъ стали заниматься своимъ до тѣхъ поръ заброшеннымъ нарѣчіемъ и на немъ писать и издавать для народа книги, преимущественно богослужебныя, то они имѣли въ виду не только Югославянъ, но и всѣхъ Славянъ вообще, общимъ именемъ которыхъ назывался ихъ народъ „Словенскій“. Примъ Труберъ, оба Далматина Юрій и Антоній, Стефанъ Истрианинъ (Консулъ) издають свои переводы протестантскихъ книгъ всѣми письменами, которыя употреблялись тогда у Славянъ: нѣмецкими, кирилловскими и глагольскими, и посвящаютъ ихъ не только своимъ землякамъ, но и всѣмъ

¹⁾ Starine. Izdaje jugoslav. akademija I, 14.

христианамъ „до всѣхъ языкъ бы то имъ было страдать славянскаго языка“. Съ гордостью замѣчаютъ они, что „словенскій языкъ не сражается въ какомъ-нибудь убогѣ, а употребляется нѣтъ во многихъ могущественныхъ государствахъ, раздѣленный на нѣсколько нарѣчій. Ибо словенскій языкъ не только тотъ, который употребляется въ Краинѣ, Нижней Штири, Каринтн и въ соседнихъ странахъ, въ Хорватин, Далматин, Истрия и Словенской маркн; на немъ говорятъ и Чехи, Поляки, Москвитяне, Русскіе, Босняки и большая часть народовъ, находящихся подъ властью Турокъ; онъ даже и при дворѣ и въ канцеляріяхъ турецкихъ одинъ изъ главныхъ языковъ“. Словенскіе переводчики Библии воспользовались тогда и чешскою Библией „изъ-за нѣкоторыхъ древнихъ словенскихъ словъ“¹⁾.

Но хотя эти Словенцы и Хорваты и издавали книги на словенскомъ языкѣ, будто бы для всѣхъ Славянъ, а все-таки сознавали важную разницу въ отдѣльныхъ нарѣчійхъ славянскихъ. Справедливо замѣчаетъ Труберъ, что „Словенцы понимаютъ по хорватски гораздо лучше, чѣмъ по чешски или по польски, или по лужицко-сербски; и если этотъ, назначенный для Словенцевъ, славенскій переводъ прочтется Угорскимъ Словякамъ, Чехамъ, Полякамъ, Русскимъ, Иллирямъ, то они мало его поймутъ“²⁾.

Главное вниманіе обратили эти словенско-хорватскіе дѣятели протестантизма на всѣхъ Югославянъ, то-есть, не только на Словенцевъ, но и на Хорватовъ, Сербовъ и Болгаръ, которыхъ хотѣли присоединить въ новому вѣроученію. — „Хорваты, Далматы, Босняки, Сербы и Болгаре“, пишетъ Труберъ, „хотя и пишутъ на своемъ языкѣ, даже и двоякимъ письмомъ, но не имѣли до сихъ поръ ни полной Библии, ни катехизиса на своемъ языкѣ, и поэтому должны были прибѣгать къ часословамъ, молитвенникамъ и служебникамъ. Поэтому есть справедливая и большая нужда доставить этимъ народамъ набожныя книги на хорватскомъ и словенскомъ языкахъ, чтобы такимъ образомъ, по Вошней милости царство Христа распространялось въ Турцію“. На свои вопросы, правится ли и понимается ли переводъ, правописаніе

¹⁾ Хорватскій переводъ Аугсбургской коаессіи Антона Далматина и Стефана Истринина, напечатанный глаголицей и кириллицей (Тюбингенъ, 1562) словенскій переводъ Библии Юрія Далматина (Виттенбергъ, 1584, предисловіе); хорватскій переводъ Новаго Завета (Тюбингенъ, 1562; предисловіе):

²⁾ Словенскій переводъ Новаго Завета (Тюб., 1560, предисловіе); сравн. и предисловіе къ словенской библии Виттенбергской, 1584.

и письмо новой хорватской и кирилловской печати во всей Хорватии, Далмации, Сербии и Боснии, онъ получилъ утвердительные отвѣты ¹⁾.

Но всѣ эти планы распространения протестантизма между всѣми Югославянами, составленные Труберомъ, Далматинами, Стефаномъ Консуломъ, Юриичемъ, Бучичемъ и ихъ покровителями Унгнадомъ и Зринскимъ, все это скоро прекратилось. Католицизмъ восторжествовалъ вездѣ у Словенцевъ и Хорватовъ ²⁾. У остальныхъ Югославянъ протестантизмъ совсѣмъ не привился, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ. Между ними особенно извѣстнымъ сталъ Дубровничанинъ Франковичъ (*Flaccius Illyricus*) ³⁾.

Такъ какъ языкъ и правописание Трубера и Далматина отличались другъ отъ друга, то по желанію чиновъ краинскихъ, каринтскихъ и штирійскихъ, директоръ училищъ въ Краинѣ Адамъ Бохоричъ взялся опредѣлить правила словенскаго языка и написалъ краткую его грамматику (1584 г.) ⁴⁾. Въ ней авторъ выказалъ теплое сочувствіе къ остальнымъ славянскимъ народамъ и уже въ самомъ ея заглавіи замѣчаетъ, что изъ нея легко можно понять родство словенскаго языка съ московскимъ, русскимъ, польскимъ, чешскимъ, лужицко-сербскимъ, хорватскимъ и далматинскимъ. Бохоричъ, также какъ и Далматинъ, съ гордостью вспоминаетъ объ огромномъ

---

¹⁾ Письма Трубера къ королю Максимилиану 1560—1562 годовъ (въ хорватскомъ переводѣ Новаго Завета, Тюбингенъ, 1562, и въ *Notizenblatt, Beilage zum Archiv für Kunde österreich. Geschichtsquellen*, 1852, р. 201, 204, 215). Противъ этой протестантской пропаганды у Югославянъ принимала и папская курия свои мѣры; катхизисъ Каниція (Сумма наука христіанскаго, въ Римѣ, 1583), переведенный Сми. Будничемъ на языкъ «словинскій» (то-есть, сѣвъ нарѣчій церковно-славянскаго и далматско-славянскаго), напечатанъ латинскими буквами и кириллицей.

²⁾ О дѣятельности Трубера и др. см. особенно *Schnurrer: Slawischer Bücherdruck in Württemberg in 16 Jhd.* (Tübingen, 1799), отсюда у *Добровскаго Slawin*. Замѣтимъ, что уже Полякъ Венгерскій (*Regenvolscius*) разказываетъ объ этой югославянской реформаціи.

³⁾ Родился 1520 г. въ деревнѣ Бѣлѣ (Бѣло, Albona) у Дубровника (а не въ Истрии). О его сочиненіяхъ см. ниже, въ отдѣлѣ: Чехи и Югославяне.

⁴⁾ *Arcticae horulae succissivae, de latino-carniolana litteratura, ad latinae linguae analogiam accomodata, unde Moscoviticae, Rutonicae, Polonicae, Boemicae et Lusaticae linguae cum Dalmatica et Croatica cognatio facile deprehenditur. Praemituntur his omnibus tabellae aliquot Cyrillicam et Glagoliticam et in his Rutenicam et Moscoviticam orthographiam continentes* (Witebergae, 1581); на титулѣ слова «всѣми языки спознати хоце Бога» кириллицей, глаголицей и по словенски. Сравни *Добровскаго Slawin* (2-е изд., 13, 124).

пространствѣ, занимаемомъ славянскимъ языкомъ. „Разумѣю Славянами не какой-набудь въ заклустѣхъ и тѣснѣйшими предѣлами заключенный народъ, а называю и обнимаю этимъ именемъ всѣ земли и всѣхъ людей, которые говорятъ по славянски. Одноплеменниковъ мы найдемъ въ очень большой части свѣта, около Адриатическаго или древняго Венедскаго моря въ Турціи. На сѣверѣ Москвитяне и Русскіе, близъ Венедскаго моря. Между этими двумя Венедскими заливами есть Поляки, Чехи, Лужицкіе Сербы, южные Сербы и Болгаре и Словенцы. Во всѣхъ этихъ странахъ живутъ народы Славянскіе и говорятъ по славянски, хотя и разнятся немножко въ говорѣхъ и писаніи. Но все-таки всѣ они языкомъ меньше отличаются другъ отъ друга, чѣмъ, напримѣръ, разныя племена нѣмецкія—Саксонцы, Швабы, Нидерландцы и другія“. Замѣтивъ наконецъ, что императоръ Карлъ IV основалъ въ Прагѣ славянской монастырь въ память славянскаго происхожденія Чеховъ, авторъ выражаетъ желаніе, чтобы примѣру этого государя подражали и другіе.

Въ такомъ смыслѣ разсуждаютъ и другіе грамматики и лексикографы югославянскіе. Одинъ даже написалъ особое сочиненіе „О древности и распространеніи славянскаго языка“ и выразилъ желаніе, чтобы „всѣ Славяне, такъ какъ они одного языка, были-бъ и одной вѣры, особенно же любимѣйшіе Русскіе ¹⁾“.

3. Юрій Крижаничъ.

Ни у одного писателя югославянскаго и вообще славянскаго того времени славянское сознаніе не является такъ сильно, такъ могущественно какъ у Хорвата Юрія Крижанича Неблюшскаго (род. 1617 г., умеръ въ концѣ XVII столѣтія) ²⁾. Крижаничъ, посвятивъ себя духовному званію, пробылъ долго въ Римѣ. Здѣсь онъ познакомился посредствомъ своего соотечественника Леваковича съ русскими священниками, которые перестраивали тогда церковный языкъ у Югославянъ на русскій ладъ, и сталъ заниматься и вопросомъ о соеди-

¹⁾ Seb. Dolci: De illyricae linguae vetustate et amplitudini (1754). И современникъ и соотечественникъ Дольчи, Мих. Малишичъ, утверждалъ, будто всѣ Славяне стремились всегда къ Риму (*Макушевъ*: Объ истор. памяти. и бытописателяхъ Дубровника, 147).

²⁾ Биографіи Крижанича написали Kukuljević: Književnici и Hrvatah iz prvog pol. XVII vieka (Zagreb, 1869, 202), и Весеновъ: Католическій священникъ Сербъ (Хорватъ) Ю. Крижаничъ (въ журналѣ *Православное Обозрѣніе* 1870). Сравни. Rad judoslav. akademije, XVIII, 164.

неніи западной и восточной церквей, важнымъ особенно для славянскаго міра. Этотъ предметъ привелъ его и къ занятіямъ по разнымъ вопросамъ, касающимся исторіи и современнаго положенія всѣхъ Славянъ. Тогда онъ узналъ, что положеніе Славянъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ его желаніямъ, его идеаламъ, и увидѣлъ, что большая часть Славянъ далеко отстала отъ другихъ, болѣе образованныхъ и просвѣщенныхъ, европейскихъ народовъ, что многіе славянскіе народы, лишившись политической самостоятельности, находятся въ довольно жалкомъ положеніи. Поэтому Крижаничъ возымѣлъ великолѣпный планъ — трудиться, на сколько силы его позволяли, надъ просвѣщеніемъ всѣхъ народовъ славянскихъ. Для этой цѣли онъ выбралъ самый вѣрный путь — трудъ литературный по исторіи и языкованію славянскому, равно какъ и по разнымъ современнымъ славянскимъ вопросамъ.

Когда Крижаничъ возымѣлъ такую мысль — въ началѣ второй половины XVII столѣтія, — Польша, сильнѣйшее прежде государство славянское, находилась въ очень опасномъ положеніи. Это не была уже Польша Сигизмундовъ и Стефана Баторія: внутренніе раздоры и внѣшніе враги приводили ее на край гибели. На мѣсто этой дающей уже славянской державы вступаетъ другое государство славянское: Русскій царь, призванный Русскимъ, въ Польшѣ и Литвѣ живущимъ народомъ на помощь во имя „единовѣрія и единоплемя“, принимаетъ титулъ „царь всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи“ и возвращаетъ себѣ отчину св. Владиміра. Но мало того. Изнуренная Польша не видитъ другаго спасенія, какъ въ соединеніи съ восточною Русью. Самъ король Польскій созываетъ шляхту на сеймъ, на которомъ должно совершиться это „всему широко распространенному Славянскому племени необходимое дѣло и для смущенія завистныхъ всему Славянскому народу сосѣдей“ ¹⁾.

И вотъ тогда-то (1658 г.) является Крижаничъ въ домъ русскаго посольства въ Вѣнѣ и отправляется черезъ Польшу и Малороссію въ Москву къ „единственному въ мірѣ государю своего племени и языка, къ своему народу и на свою родину“ (1659 г.). Здѣсь, на Руси, онъ начинаетъ набрасывать свои мысли объ исторіи и современномъ положеніи всѣхъ Славянъ, и нѣсколько лѣтъ спустя, подноситъ царю Алексѣю Михайловичу знаменитое свое историко-политическое сочиненіе о состояніи Русскаго государства и всего славянства ²⁾.

¹⁾ Сравни. отдѣлъ: Поляки и Русскіе.

²⁾ Издана только часть *Безсоновымъ*: Русское государство въ половинѣ XVII вѣка (Москва, 1860). Эту «Политику», писанную по хорватски (съ примѣсью

„Причины, по которымъ я прибылъ сюда подъ крыло твоей милости“, говоритъ Крижаничъ въ посвященіи царю, — „слѣдующія: вопервыхъ, я нашелъ еще въ своей молодости, что нашъ языкъ славянскій другими языками очень испорченъ, чуть ли не совсѣмъ утраченъ. Поэтому я всегда желалъ, чтобъ онъ обработался и усовершенствовался, и чтобъ у насъ была хорошая его грамматика и словарь. Вотъ вторыхъ, я нашелъ, что Славянскій народъ раздѣляется на шесть отдѣловъ: на отдѣлъ русскій, польскій, чешскій, болгарскій, сербскій и хорватскій¹⁾. Всѣ эти отдѣлы имѣли когда-то своихъ доморожденныхъ царей или владѣтелей. А нынче одинъ русскій отдѣлъ, по Божьей милости, живетъ подъ тобою, царемъ и государемъ своего языка, а всѣ остальные Славяне подвластны чужимъ народамъ. Кромѣ того, бѣда и въ томъ, что есть только нѣкоторые отдѣльные исторіи у Русскихъ, Поляковъ и Чеховъ, а о цѣломъ народѣ хорошей исторіи вовсе нѣтъ. Нѣмцы же продолжаютъ распространять разныя клеветы и лжи о всемъ нашемъ народѣ, особенно о Русскомъ, завидуя его царству и славѣ, даннымъ ему отъ Бога. Поэтому я желалъ видѣть написанною такую исторію обо всемъ народѣ, въ которой была бы унижена и побѣждена нѣмецкая зависть съ своими клеветами и скверными хулами. Но не имѣя у себя нужныхъ средствъ для такихъ книгъ, я прибылъ къ твоему царскому величеству бить челомъ и просить нужнаго вспомошествованія для такого дѣла, которое я хотѣлъ бы совершить въ честь Богу и тебѣ, царю государю, и на пользу и утѣху всему народу. Втретихъ, я узналъ, что многія вещи, которыя весьма нужно знать, еще неизвѣстны и непонятны въ семь царствъ: именно—многія хитрости, которыми другіе народы обольщаютъ и дурачатъ насъ, Славянъ, особенно же сіе преславное царство. Поэтому я предпринялъ этотъ трудъ и написалъ то, что считалъ полезнымъ. Въ этихъ книгахъ приношу твоему царскому величеству нѣсколько политическихъ мыслей, которыя я собралъ со многимъ трудомъ, и которыя считаю полезными для правленія твоего величества“.

другихъ славянскихъ языковъ) латинскими письмомъ «абецедой», считали въ Москвѣ писанною на чешскомъ языкѣ. Она находилась въ палатахъ царя Алексѣя и министра Голицына (Сравн. *Соловьева* Ист. Россіи XIII, 194). Основательную біографію и полное собраніе и отдѣлку сочиненій этого знаменитаго Хорвата слѣдовало бы издать югославянской академіи.

¹⁾ Крижаничъ всегда пишетъ: Словенцы, словенскій, Ляхи, ляхскій, по латин. Slavini, Lechi. Въ грамматикѣ же (см. ниже): Словинцы, словинскій, Лехи, лехскій.

Авторъ „Политики“ является необыкновеннымъ знаткомъ исторіи всѣхъ Славянскихъ народовъ и ихъ тяжелаго положенія, ихъ униженія и посрамленія другими народами, особенно Нѣмцами. Единственный выходъ изъ этого положенія Славянъ видитъ онъ только въ помощи Русскаго царя и Русскаго народа, который одинъ только между Славянами сохранилъ свою независимость и управляется своими, не чужими государями. Не станемъ здѣсь разбирать всѣхъ мыслей Крижанича, начертанныхъ въ этой его книгѣ, а ограничимся только нѣкоторыми мѣстами, которыя касаются положенія всего славянства того времени. „Я часто думаю о жалкомъ положеніи всего нашего народа Славянскаго, раздѣляющагося на шесть отдѣловъ: русскій, польскій, чешскій, болгарскій, сербскій и хорватскій, и вижу, что мы унижены всѣми народами, изъ которыхъ одни насъ люто обижать, другіе гордо презираютъ, третьи насъ съѣдаютъ и пожираютъ наше имущество въ нашихъ глазахъ, и что всего прискорбнѣе, ругаютъ, осмѣиваютъ и ненавидятъ насъ, называя насъ варварами и считая насъ скорѣе скотомъ, чѣмъ людьми“. Причины такого презрѣнія—неумѣнье Славянъ и излишнее пристрастіе ко всему чужому. Но изъ этого не слѣдуетъ еще, что Славяне варвары. Иностранные писатели, пишучи о Славянахъ, всевозможно увеличиваютъ всѣ ихъ недостатки, выдумываютъ и безстыдно лгутъ. Дѣйствительные недостатки Славянъ это—глупость, необразованность въ сравненіи съ другими европейскими народами, склонность къ пьянству, расточительность, жестокость къ подчиненнымъ, крайность въ формѣ правленія (у Поляковъ слишкомъ своевольнаго, у Русскихъ слишкомъ крутаго), и податливость иностранцамъ противъ своихъ братьевъ. „Мы же въ своей глупости позволяемъ себѣ вдаваться въ обманъ и водемъ за другихъ, чужія войны дѣлаемъ своими, ненавидимъ другъ друга, враждемъ на смерть, братъ прогоняетъ брата безъ всякой нужды и причины. Иноплеменникамъ вѣримъ во всемъ, сохраняемъ съ ними дружбу и договоры, а сами себя стыдимся, отворачиваемся одинъ отъ другаго и истребляемъ другъ друга безконечно“. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ Славянъ это—чужебѣсіе, то-есть, излишняя любовь и склонность ко всему чужому, къ иностранцамъ, къ ихъ нравамъ и обычаямъ. Хотя иностранцы насмѣхаются надъ ними, живутъ ихъ трудомъ, — Славяне все это допускаютъ, позволяютъ имъ обдирать себя, да еще приглашаютъ иностранцевъ въ государи, особенно изъ Нѣмцевъ. Русскіе пригласили къ себѣ Варяжскихъ князей и думали и о шведскихъ королевичахъ; Поляки искали себѣ королей изъ всѣхъ

концовъ міра, въ своему стыду. Менѣе постыдно, если Югославяне, Болгаре, Сербы и Хорваты достались, вслѣдствіе завоеванія, подъ власть Туркамъ. Если нужно выбирать себѣ государя, то должно выбирать „не иностранца, а человѣка славянскаго рода“. Этотъ государь долженъ выдавать своихъ дочерей только за государей славянскаго рода или за свое дворянство. Разумѣется, что не слѣдуетъ отвергать все чужое, а хорошія вещи надо принимать, откуда бы то ни было, но съ осторожностью, такъ какъ иностранцы, подъ предлогомъ, что приносятъ хорошія вещи, стремятся вредить Славянамъ.

Особенно нападаетъ Крижаничъ на Нѣмцевъ. „Они насъ выжили изъ цѣлыхъ державъ“, вопіетъ Крижаничъ,—„изъ Моравы, изъ Поморья, изъ Силезіи, изъ Пруссіи. Въ Чехіи мало чѣ славянскаго остается въ городахъ. У Ляховъ всѣ города полны Нѣмцевъ и другихъ иноплеменниковъ. Мы ихъ холопы, воздѣлываемъ для нихъ землю, ведемъ войны въ ихъ пользу, чтобъ они безъ дѣла сидѣли въ городахъ и пировали, а насъ называли свиньями и собаками. Своимъ собачьимъ грызеніемъ и мученіемъ они множество нашихъ, между ними живущихъ, Славянъ довели до отчаянія, такъ что они стыдятся своего языка и рода, многіе скрываютъ свое происхожденіе и притворяются членами другаго народа“. Нѣмцы, захвативъ власть въ Угріи и въ Чехіи, въ Польшѣ и въ Литвѣ (то-есть, шведская династія), „рвутъ и мечутъ, что еще не могли достигнуть власти и въ Руси, которую самъ Богъ спасъ отъ прелютаго ига нѣмецкаго“. Поэтому изъ Славянъ они больше всего ненавидятъ Русскихъ, вредятъ имъ всячески, распространяютъ о нихъ самыя скверныя слухи, такъ что Русь презираютъ во всей Европѣ, и что всякая честь, всякая слава этого славнаго царства у Европейцевъ совсѣмъ уничтожены. Чтобы разровнять Славянъ, сѣютъ между нами внутренніе раздоры. Нужно же подумать, что мы, Русскіе люди,—одного языка съ Поляками и сыновья одного отца; для сего царства не можетъ быть большаго счастья, какъ еслибы между нами существовало братское согласіе. Еслибы мы имѣли согласіе и союзъ съ Поляками, то кто-нибудь изъ рода нашихъ свѣтлѣйшихъ царей давно сдѣлался бы королемъ Польскимъ“.

Не меньше ратуетъ Крижаничъ противъ другихъ враговъ Славянъ, противъ Грековъ. Они тоже „презираютъ Славянъ, имя которыхъ превратили въ подлое значеніе раба. Они причиной, что, по поводу различія религіи, безъ мѣры пролилась кровь между нами и нашими братьями, Поляками, и что до сихъ поръ въ Польшѣ не владѣетъ кто-нибудь изъ рода нашихъ свѣтлѣйшихъ царей“. Неосмысленно

разумно рассуждает Крижаничъ о раздѣленіи христіанской церкви на восточную и западную. „Глупо поступаетъ“, пишетъ этотъ просвѣщенный католическій священникъ, — „кто вмѣшивается въ чужіе споры, изъ которыхъ не можетъ выйти для него никакой пользы“. Славянъ не касается споръ обѣихъ церквей за первенство; для нихъ все равно, „что патриархъ Царьградскій и папа Римскій по этой причинѣ другъ съ другомъ спорять, дерутся и таскаются за бороды“. Скорѣе слѣдуетъ Славянамъ примирять обѣ враждебныя партіи, такъ какъ „отъ нашего народа, отъ Болгаръ, произошла одна изъ главныхъ причинъ раздора. Ибо, прежде всего, изъ-за Болгаръ учили Греки проклинать Римлянъ. Если нашъ народъ былъ причиной зла, то слѣдовало бы, чтобъ онъ былъ причиной и добра“¹⁾.

Что касается политическихъ убѣжденій, то Крижаничъ—приверженецъ неограниченной монархіи, или какъ теперь сказали бы, просвѣщеннаго абсолютизма, какъ это было отчасти на Руси при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Форму правленія, господствовавшую въ Польшѣ того времени, онъ считаетъ величайшимъ зломъ. Русскому государству онъ совѣтуетъ не распространяться постоянно только на сѣверъ и на востокъ, а скорѣе на югъ къ Черному морю,—здѣсь, съ помощію Польвовъ, уничтожить опасныхъ Крымскихъ Татаръ, потомъ перенести царскую столицу въ Перекопъ, оттуда выступить противъ Турокъ, и наконецъ, освободить, стонущихъ подъ ихъ игомъ, Славянъ.

Очень хорошо характеризуетъ Крижаничъ все теченіе славянской исторіи: „Во время царей Маврикія, Фоки и Юстиніана наши предки изъ Руси зашли за Дунай и завладѣли Болгарскою, Сербскою и Хорватскою землею. Но не соблюдали никакого хорошаго порядка, ни согласія между собою, поэтому скоро свое господство утратили и подпали подъ власть другихъ народовъ. Другой отдѣлъ славянскаго народа жилъ около Нѣмецкаго моря, въ Поморьѣ, въ Польшѣ, Силезіи, Чехіи и Моравіи. Но и тѣ, по поводу большаго своего несогласія и

---

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ (въ грамматикѣ) Крижаничъ высказывается и о формальной сторонѣ спора въ русской церкви того времени: «Не достойно изъ-за такихъ мелочей производить церковный раздоръ, ни изъ-за грамматическихъ ошибокъ соблазняться и разорить духовную любовь». Крижаничъ участвовалъ также въ этой борьбѣ съ расколомъ и вообще въ спорахъ о духовныхъ вопросахъ того времени; къ этому относятся его статьи: «Облаченіе на Соловецкую челобитную» (1675 г.) и «О святомъ крещеніи». (Описаніе рукоп. синодал. библ. II, 3, стр. 283, 284). И въ этихъ статьяхъ видно глубокое образованіе автора, вооружающее его надъ современниками, особенно въ Московской Руси.

общенія и сватовства съ Нѣмцами, подпали подъ власть Нѣмцамъ и въ постыдное рабство и онѣмечились такъ, что они нынче ни Славяне, ни Нѣмцы. И потомъ прогнали насъ Нѣмцы изъ поморскихъ, прусскихъ и ливонскихъ городовъ, и отъ всего того нынѣ Нѣмецкаго, а прежде Славянскаго моря. Въ послѣдствіи мы были очень разорены повальнымъ погромомъ диваго народа. Татары страшно опустошили и разгромили Русь и Польшу, долго ее мучили и отчасти мучать и до сихъ поръ. Но позже унижена и гордость Татаръ: Богъ далъ счастье князю Дмитрію Ивановичу Донскому и потомъ царю Ивану Васильевичу, что они прогнали Татаръ изъ Руси, Казани, Астрахани и Сибири. И такъ, опять мы расширили свои владѣнія. Но въ то же самое время какъ мы раскинулись на востокъ—съ запада мы сжались, ибо Нѣмцы насъ прогнали не силою, а обманомъ—отъ всего берега Варяжскаго моря и отъ очень выгодныхъ и нужныхъ пристаней. Народъ же, который пошелъ за Дунай, утратилъ уже свой языкъ, и владѣтелей славянскаго рода нигдѣ больше нѣтъ, какъ здѣсь на Руси. Поэтому на тебя одного, славный царь, смотритъ весь народъ славянской. Ты, какъ отецъ, изволь заботиться и стараться о своихъ растерянныхъ дѣтяхъ, чтобъ ихъ собрать. Заботься объ обманутыхъ и чуждою лестью одураченныхъ, чтобъ имъ возвратитъ разумъ, какъ сдѣлалъ тотъ отецъ въ Евангеліи блудному сыну. Ибо многіе изъ нихъ какимъ-то волшебнымъ напиткомъ—будто чашей Цирцеи—взбѣшены и въ скотъ превращены, что не понимаютъ тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыя выносятъ отъ иноплеменниковъ, и постыднаго позора не понимаютъ, но радуются ему и сами его ищутъ, то-есть, приглашая сами къ себѣ иноплеменныхъ государей. Ты, говорю я, одинъ, о царь, теперь намъ Богомъ данъ, чтобы помочь и задунайскимъ Славянамъ, Полякамъ и Чехамъ, чтобъ они начали сознать притѣсненія и позоръ свой, думать о просвѣщеніи народа и сбрасывать съ шеи нѣмецкое иго“.

„Задунайскіе Славяне, Болгаре, Сербы и Хорваты уже давно утратили не только немалое царство, но и всю силу, языкъ и весь разумъ, такъ что они уже не понимаютъ, что такое честь и достоинство, и не думаютъ о нихъ; сами себѣ никакъ не могутъ помочь, а имъ нужна внѣшняя сила, чтобъ опять стать на ноги и стать въ число народовъ. Ты, царь, если и не можешь, въ нынѣшнее тяжелое время, помочь имъ на совершенное поправленіе, ни царства того къ первоначальному существованію привести и устроить, то можешь, по крайней мѣрѣ, языкъ славянской въ книгахъ исправить и усовершенство-

вать и пригодными, разумными книгами тѣмъ людямъ глаза открыть, чтобъ они, какъ сказано, узнали, что такое честь, и думали о своемъ возстановленіи. Послѣ того и Чеховъ, и наконецъ, недавно и Поляковъ постигло одинакое съ Задунайцами бѣдствіе, то-есть, они утратили царство, силу, языкъ и разумъ. Пусть себѣ Поляки хвалятся обманчивою тѣнью царства и своею распущенной свободою; тѣмъ не менѣе свѣту извѣстно, что Поляки никакъ своимъ нуждамъ и бѣдствіямъ сами не могутъ помочь, чтобъ стать на ноги и возвратиться къ прежней чести. Эту поддержку, право и народное просвѣщеніе ты, царь, можешь легко Полякамъ дать, если только войдешь съ ними въ крѣпкій союзъ противъ Крымскихъ Татаръ“.

Крижаничъ хотя и призываетъ царя Русскаго помочь и западнымъ Славянамъ, то все-таки самъ отчаявается въ успѣхѣ такой помощи. „Что касается Поморья, Силезіи, Чехіи и Моравіи и приморскихъ городовъ: Гамбурга, Любека, Гданска, Риги и другихъ, которые когда-то были славянскіе, кажется, намъ напрасно и думать о завоеваніи этихъ странъ. Надо замѣтить, что очень рѣдко случается, чтобы какой-нибудь народъ опять возвратилъ тѣ владѣнія, которыя утратилъ, особенно когда они попали въ руки сильнаго врага. Поэтому и намъ, Славянамъ, слѣдуетъ отказаться отъ мыслей о владѣніяхъ и пристаняхъ Варяжскаго моря, и напротивъ, кажется выгоднымъ тянуться къ Черному морю и къ его берегамъ и пристанямъ, которые полезнѣе и нужнѣе варяжскихъ“.

Вотъ какія „политическія мысли“ предлагаетъ царю Русскому этотъ просвѣщенный Югославянинъ, любви котораго къ Славянамъ и къ Руси не охладилъ даже ссылка въ Сибирь, гдѣ онъ прожилъ полныхъ 15 лѣтъ (1661—1676 гг.). Прославляя силу и могущество русскаго государства, Крижаничъ наконецъ восклицаетъ: „О царь, ты держишь въ рукахъ чудотворный Моисеевъ жезлъ и можешь творить удивительныя чудеса. Пользуешься полнымъ самодержавіемъ, и поэтому, совершеннымъ повиновеніемъ своихъ подданныхъ, и можешь, по Божьей милости, просвѣщать и прославить не только сіе царство, но и весь народъ Славянскій“.

Но гдѣ же было думать Русскому царю XVII вѣка о такой политикѣ! У него былъ еще болѣе близкій вопросъ: осуществить свой титулъ „царя всея Руси“. Это удалось только черезъ сто лѣтъ по написаніи „Политики“, да и то не вполнѣ.

Крижаничъ задумалъ, какъ мы видѣли, написать и обширную грамматику славянскаго языка. Эту мысль онъ осуществилъ въ Сибиря

(1666 г.), написавъ „Грамматично исказанје об русскомъ језику“ ¹⁾. Русскимъ онъ называетъ церковно-славянскій языкъ, который былъ тогда въ употребленіи въ русской церкви и который, по ошибкѣ, называется словинскимъ“. Крижаничъ въ своей грамматикѣ не обработалъ этого языка въ томъ видѣ, какъ его нашелъ, а сталъ его поправлять по своему усмотрѣнію, такъ чтобъ онъ былъ понятенъ не только Русскимъ и Словинцамъ (то-есть, Югославянамъ), но и Чехамъ и Полякамъ. Стало быть, Крижаничъ думалъ составить какой-то общеславянскій языкъ, именно на основаніи „русскаго“ языка, отъ котораго произошли и другіе славянскіе языки, съ разными прибавленіями изъ другихъ языковъ. На такую мысль наводило его, между прочимъ, то обстоятельство, что, по его мнѣнію, языкъ у западныхъ и южныхъ Славянъ очень испортился, какъ это всегда бываетъ, когда народъ лишень политической независимости.. „У Болгаръ нечего искать: ихъ языкъ такъ утраченъ, что едва остались кое-какіе слѣды. У Поляковъ половина словъ примѣшана изъ другихъ разныхъ языковъ. Въ чешскихъ книгахъ находится языкъ чище польскаго, но онъ не мало испорченъ. Сербы же и Хорваты такъ потеряли свой отечественный языкъ (дилинску бесиду), что, кромѣ домашнихъ дѣлъ, не могутъ сказать ничего порядочнаго о другихъ дѣлахъ, какъ про нихъ кто-то и написалъ: Хорваты и Сербы говорятъ на всѣхъ языкахъ и не говорятъ ничего. Первое слово у нихъ русское, другое — угорское, третье—нѣмецкое, четвертое—турецкое, пятое—греческое или валашское, или албанское“. Лучшимъ языкомъ словинскимъ считаетъ рѣчь дворянъ въ турецкой Хорватіи.

Не наше дѣло разбирать и критиковать здѣсь этотъ трудъ; замѣтимъ только то, что Крижаничъ является необыкновеннымъ знатокомъ всѣхъ славянскихъ языковъ—русскаго и бѣлорусскаго, польскаго и чешскаго и разныхъ югославянскихъ нарѣчій. Чтобъ дать хотя какое-нибудь понятіе о грамматикѣ Крижанича и ея языкѣ, приведемъ нѣсколько его мыслей. Говоря о „словѣ г“ онъ замѣчаетъ: „Русјони, Лехи, Хервати и Серби право и ризко изрикајут слово глагол, равно какъ Греки гама. А Бѣлорусјани и Чехи јесут изгубили правнъ глас: и изрикајут никако сподобно ко хиру. Пишут глава, гора, град; а чтут будто хлава, хора, храдъ. Тим се облуджајут и никови Русјани, и за липо почитајут таково кметско и премерзко из-

¹⁾ Издаю въ *Чтеніахъ* 1848 и 1850 гг., оцѣнено *Даничицемъ* въ сборникѣ *Rad jugoslav. akademije XVI*.

риканје“. Изъ этого мѣста, между прочимъ, видно, что Крижаничъ, хорошо чувствуя недостатокъ знака для ѣ въ кириллицѣ, ввелъ — полтора вѣка до Караджича—латинское j, и выбросилъ ъ, который признаетъ только тамъ, „гди би јмала стојат воја гласница, какот съ вами за со вами“. Звуки носовые у Поляковъ для него странны и не нужны, также и русско-польское н. Двойственное число онъ отвергаетъ, потому что „херватски племенити људи“ (дворяне) считаютъ его „кметскимъ“. Окончаніе звательнаго падежа множественнаго числа—ови,—ове (синове) считаетъ лишнимъ, а форму „сини“ лучше и правильнѣе; окончаніе іе, е (царіе, свидетеле), по немъ, совсѣмъ испорчено и мерзко и проч. Во главѣ „въ чем се разнит словинскаго језика отмини (отмѣны—нарѣчія) најпаче руска, херватска и сербска“, рассматриваетъ отличія русскаго јзыка отъ хорватскаго и сербскаго, сравниваетъ бѣлорусскій съ польскимъ. Въ отдѣлѣ: „чим се разнит херватска отмина от сербскије, а згадјајетса зъ рускоју“, приводитъ нѣсколько такихъ чертъ: напримѣръ, русское и хорватское *писаць*—сербское *писао*, Русскіе и Хорваты могутъ замѣнять звательный падежъ именительныхъ, Сербы же и Поляки употребляютъ звательный падежъ правильно, и проч. Хорватская „отмина“, какъ атическое нарѣчіе въ отношеніи остальныхъ греческихъ нарѣчій.

Въ такомъ духѣ писана вся грамматика. Что автору не нравится—онъ называетъ неправильнымъ, ошибочнымъ, „кметскимъ“ (сельскимъ), приписываетъ чуждому вліянію нѣмецкому, греческому, жидовскому и проч.; выбрасываетъ или поправляетъ по другимъ нарѣчіямъ или по собственному произволу; все это для него „странщина“ (напримѣръ, јуноша за младенец), „безјащщина“ (по хорватскимъ Безякамъ кози превратно говоритъ, напримѣръ, виждъ за види), „кметщина“ (когда кто говоритъ грубије или застарени и отвикнѣени ричи и селскимъ кметомъ, а не племенитимъ људемъ обични, (напримѣръ, клеветъ за подружннк, лобзати за целовати“), „обезјанство“ (особенно по греческому јзыку, напримѣръ, једна тисуца за једно тисуце), и проч.

Оставляя въ сторонѣ критическую оцѣнку грамматики Крижанича, укажемъ только на то интересное обстоятельство, что Крижаничъ знаетъ равные јзыки славянскіе лучше, чѣмъ всѣ его предшественники, и что онъ былъ воодушевленъ мыслью создать, конечно, по своему усмотрѣнію, какой-нибудь общеславянскій јзыкъ ¹⁾.

¹⁾ Не забудемъ, что фантазіи о созданіи одного общеславянскаго јзыка рождались въ головахъ равныхъ писателей славянскихъ и послѣ Крижанича, и что

4. Славянское сознание у югославянских поэтов.—Гундуличъ, Палмотичъ, Дюрдичъ, Качичъ.

Славянское сознание воодушевляло и многих югославянских поэтов. Они, пишучи стихи на своемъ „словинскомъ“ (то-есть, особенно хорватско-далматскомъ нарѣчїи), не рѣдко залетаютъ далеко за предѣлы своего „словинскаго“ Югославянскаго народа, и обнимаютъ все „Словинское“ племя, тянущееся отъ Дубровника на сѣверъ, въ Чехію, Польшу и Русь.

Первое мѣсто между ними занимаютъ Дубровничане. Они, прославляя знаменитыя событія, замѣчаютъ, что они будутъ продолжаться во весь вѣкъ, пока будутъ течь славянскія рѣки, что ими прославится „весь славянскій языкъ“, что изъ-за нихъ радуются „всѣ державы нашего славянскаго языка“, который тянется отъ нашей страны до самаго Ледовитаго моря. Славу своихъ покровителей и любителей провозглашаетъ весь благодарный Славянскій народъ. Дубровникъ для нихъ гордость славянскаго народа, онъ вѣнецъ всѣхъ городовъ и народовъ славянскаго племени, онъ цвѣтъ Славянской державы и проч. ¹⁾.

„Словинскими“ поэтами въ болѣе широкомъ смыслѣ были и три первыя звѣзды на Парнасѣ Дубровницкомъ: Гундуличъ, Палмотичъ и Дюрдичъ.

Иванъ Гундуличъ вдохновился побѣдою соплеменныхъ Поляковъ подъ Хотиномъ (1621 г.) надъ султаномъ Османомъ, чтобы написать знаменитую эпопею „Османъ“ (1627 г.). Вспоминая, что уже миѳическій пѣвецъ, славный Орфей Болгаринъ, оставилъ свои пѣсни „славянскому своему языку“, чтобы ими прославлялись славные подвиги славянскихъ героев, отъ Александра Сербскаго (Македонскаго) до Сербскихъ государей изъ рода Неманичей, Милоша Обилича, Марка Краевича, затѣмъ города Дубровника, разныхъ угорскихъ героев, наконецъ всѣхъ королей польскихъ—Ягайловъ, Владиславовъ, Казимировъ и Сигизмундовъ (Шияшмановъ). Особенно прославился Сигизмундъ, который, съ Лѣха и Крака третій по имени, первый по славі, отнялъ

они являются даже до сихъ поръ. Вспомини мечты объ общеславянскомъ языкѣ Поляка Лянде, Чеховъ Юнгманна и Франты-Шумавскаго, Словака Геркеля, Словака Мадра, и др.

¹⁾ Сравни стихотворенія Ветранича-Чавчица (1482 — 1576), Ив. Гундулича (ода на Фердинанда Тосканскаго), Палмотичей Юниа († 1657, діалогъ Коломбо, ружои.) и Якова († 1680, Dubrovnik ponovljen), Ник. Бунича (стихотвореніе въ честь Юв. Палмотича), Богашиневича (Obkruženje Veša, 1684), и др.

вѣнецъ у сѣвернаго царскаго рода и побѣдилъ и западнаго Турецкаго царя, и сынъ его преславный королевичъ Владиславъ. Къ его ногамъ упало Московское княжество; онъ между Днѣстромъ и Дунаемъ истребилъ страшную амѣю турецкую и отомстилъ, такимъ образомъ, поражение и смерть своего предка подъ Варной, съ помощію удалаго Ходкевича и воинственныхъ казаковъ подъ Сагайдачнымъ. Передъ глазами воодушевленнаго поэта проходятъ всѣ предшественники и предки Владислава: Лѣхъ съ городомъ Гнѣзномъ, Кракъ съ Браковомъ, Премиславъ, другой Лѣхъ, оборонившій отъ Карла Великаго славянскіе народы, Мечиславъ и славный сынъ его Болеславъ, Казиміръ Млхъ, Болеславъ Кривоустый, Казиміръ II, Людовикъ польскій и угорскій, Ягайло, Владиславъ и всѣ его потомки до обоеихъ славныхъ Сигизмундовъ и Стефана Баторія ¹⁾.

Юрій Падмотичъ († 1657), воспѣвая Спасителя, замѣчаетъ, что его будетъ прославлять славянскій языкъ, который обнимаетъ разныя земли отъ Адриатическаго моря до пучины Ледовитаго ²⁾.

Славянское сознание поэта видно особенно въ драмѣ „Цапцислава“ (въ первый разъ представленной въ 1652 г.). Въ прологѣ является Слава съ подругою Хвалою и говоритъ, что она обошла все славянство и наконецъ дошла до южной Далмаціи, чтобы сказать, что въ тѣхъ земляхъ когда-то царствовалъ Круниславъ, который не нала-

¹⁾ Сравни. особенно пѣсни 10-ю и 3-ю (изданіе Загребское, 1844). Побѣду Хогвискую прославилъ также извѣстный хорватскій писатель *Иванъ Томко Маричичъ* въ драмѣ «Османшица» (Римъ, 1641); повесть въ ней, между прочимъ указываетъ на извѣстное несогласіе, на «своевольщину лешскихъ народовъ». Отъ сѣверныхъ народовъ, особенно отъ Чеховъ, Поляковъ и Угровъ, ожидали Югославяне вообще помощь и освобожденіе отъ Турокъ. Сравни. напримѣръ, прекрасное стихотвореніе Ветранича-Чавчица «*Tuzba grada Budima*» (Pjesme I, 52); въ немъ авторъ свѣтуетъ на страшное усиленіе Турокъ и на гибель Угрии, и восклицаетъ: «А теперь нѣтъ ни Угра, ни Чеха, ни Поляка, чтобы ожидать Турка въ полѣ съ копьемъ; нѣтъ уже Хорвата, ни витая изъ Востны, ни храбраго Далмата, Семиградца и Угровлаха».

²⁾ *Kristiada* (Rim, 1670 г., изд. Zagreb. 1852). Братъ Юрія, Юрій, посвящая Крестіаду кардиналу Барберини, говоритъ, что славянскій языкъ распространенъ больше всѣхъ языковъ, на которыхъ призывается и почитается имя Христа; что онъ по своей гладкости и своему богатству удивительно годится для поэзіи и вообще для изящной литературы. Экземпляръ перваго изданія Крестіады, хранящійся въ библиотекѣ Чешскаго музея, принадлежалъ прежде Вячеславу Войтъху графу изъ Штернберга, наивысшему судѣ королевства Чешскаго, который получилъ его въ подарокъ отъ сына славнаго поэта Гундулича, Франциска (1697 г.).

галь другой подати на подвластныхъ народовъ, кромѣ обязанности говорить на славянскомъ языкѣ. На это охотно согласились Москвитяне, Русскіе, Поляки, Поморяне и Вандалы, Чехи, Сербь, Босняки и остальные народы. Этотъ Круниславъ пошелъ на спокойное житье въ Эпидавръ и здѣсь тоже требовалъ только, чтобы жители говорили по славянски. Они это очень охотно приняли съ однимъ условіемъ, чтобъ у нихъ законы остались на латинскомъ языкѣ; своего же короля такъ полюбили, что городъ свой назвали по его дочери Цаптиславѣ (по славянски Цаптать или Цавтать—Eridaugus, Ragusa veschia). Въ другой драмѣ Палмотича „Бисерница“ сходятся въ Будинь разные герои, зять короля славянскаго въ Эпидавръ, Крунислава, Бойниславъ Сербскій, Людовикъ Чешскій, деспотъ Смедеревскій Лазарь, банъ Василій, отецъ котораго владѣетъ всѣми Москвитянами и Русскими, Ягайо польскій, банъ Хорватскій и Босенскій Матвѣй ¹⁾

Игнатія Дюрдича (1675—1797 гт.) вызываетъ самъ римскій поэтъ Овидій, чтобъ онъ писалъ поэзія на „словинской бесѣдѣ“, на которой онъ самъ хотѣлъ пѣть, и на которой пѣли не только многіе Дубровчане, но и славный Кохановскій, первый пѣвецъ польской крови, и другіе философы и пѣвцы „славянской бесѣды“, число которыхъ превышаетъ волны морскія, лучи солнечные и проч., и слава которыхъ будетъ процвѣтать во вѣки. Границы славянской бесѣды на востокѣ—гора Витошь и рѣка Марица въ Болгаріи, на западѣ—Драва и Адриа; оттуда славянская бесѣда простираетъ безмѣрно растянутыя свободныя руки черезъ плодородную Краину въ горы чешскія; къ нимъ примыкаетъ Литва и Польша, стрѣльцы чернорусскіе и удаляя Москва до ледяной Новой Земли, до границъ Китайскихъ и за Каспійское море до Персіи. Ее орошаютъ моря Адриатическое, Черное, Ледовитое и Нѣмецкое, рѣки хлѣбородная Одра и плодородная Сава, холодная Раба, большой Днѣпръ, гордая Висла, воинственная Драва, черныи Донъ, быстрый Дунай. Поэтому, кончаетъ Овидій, — пой на этой широко распространенной и славной бесѣдѣ ея и свою славу ²⁾.

¹⁾ Pavić: Historija Dubrovačke drame, 155, 164. Дубровничкіе драматическіе поэты вообще любили приводить въ своихъ пьесахъ героевъ изъ разныхъ странъ славянскихъ. Такъ, напримѣръ, въ драмѣ Пудича-Солтановича «Любича» (1666) эта дочь Угорскаго короля любитъ Бранислава, сына Чешскаго короля, но отецъ хочетъ ее выдать за Любимира, сына Польскаго короля. Въ драмѣ неизвестнаго автора «Крунослава», за героиню сватается сынъ Чешскаго короля (Pavić, 172, 195).

²⁾ Gjorgjić: Pjesni gazlike (Zagreb, 1855, 6). И въ жизнеописаніи св. Бенедикта Дюрдичъ говоритъ, что чудеса этого святителя украшаютъ «нашъ языкъ, кото-

Подвиги славянскихъ героевъ вообще часто воодушевляли югославянскихъ поэтовъ. Такъ, Богашиновичъ воспѣваетъ освобожденіе Вѣны Іоанномъ Собѣскимъ, „свѣтлымъ королемъ Польскимъ“, надѣясь, что онъ истребитъ совсѣмъ змѣю и освободитъ Югославянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прославляетъ онъ и другихъ, участвовавшихъ въ томъ дѣлѣ, югославянскихъ воиновъ изъ Хорватіи языка славянскаго, и изъ Дубровника, „гордости славянскаго языка“. Въ концѣ поэмы „кральница словинскаго језика“, описывая гибель своей державы, возбуждаетъ всѣхъ христіанъ къ войнѣ съ Турками. Петра Великаго воспѣваютъ и побуждаютъ къ истребленію Турокъ югославянскіе поэты Витезовичъ, Градичъ и Ружичъ ¹⁾.

Наконецъ, и Качичъ-Миошичъ, въ своемъ извѣстномъ собраніи богатырскихъ пѣсней о югославянскихъ герояхъ, перечисляетъ всѣ земли, которыя Александръ Великій завѣщалъ Славянамъ отъ моря Латинскаго до Балтійскаго, Сарматію, Босну, Далмацію, Московію, Полонію, Богемію, Унгарію, Славонію, Булгарію, Сербію, Русію и другія словинскія державы ²⁾.

V.

Славянское сознание у Русскихъ.

Б. Русская историческая и лингвистическая литература. — Лѣтописи. — Гивель. — Славинедній. — Поливарповъ. — Кошевичъ. — Манкиевъ. — Орбикъ.

Сознание первоначальнаго національнаго единства Славянъ является особенно въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля“ (около 1116 года). Лѣтописецъ, вѣрно сохраняя древнее преданіе о поселеніи Славянъ въ дунайскихъ земляхъ, куда они прибыли будто бы изъ Сенарской равнины послѣ Ванцлонскаго столпо-

---

рый обширнѣе другихъ, простирается отъ Адриатическихъ странъ до Ледовитаго моря вдоль и поперекъ отъ нѣмецкихъ границъ до Чернаго побережья. (изд. въ Дубровникѣ, 1784, 5). Въ своей славянской псалтыри (Saltjer slovinci, изд. въ Загребѣ, 1851, р. XVII). Диордичъ выражаетъ желаніе, чтобъ его ученые соотечественники, по его примѣру, писали больше на родномъ языкѣ славянскомъ. Диордичъ занимался также древней исторіей Иллиріи и Дубровника (*Макушевъ*: Ист. памяти. и бытописатели Дубровн. 129).

¹⁾ Vogašiniović: Obkriješje Veća grada (1684, и часто). Собѣскаго воспѣвалъ и другой поэтъ того времени, Канавеличъ (изд. въ Дубровникѣ, 1850). Сравни также отдѣлы: Русскіе и Югославяне.

²⁾ Razgovor ugodni naroda slovincakoga (1756, и часто).

творенія, разказываетъ объ ихъ распространеніи на сѣверъ и на западъ вслѣдствіе нападенія Влаховъ или Волоховъ: „По мнозѣхъ же временахъ сѣли суть Словѣни по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидоша ся по землѣ и прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарекошася; а се туже Словѣни: Хровате бѣши, и Серебъ, и Хорутане. Волохомъ бо, нашедшимъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и населящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове; а отъ тѣхъ Ляховъ прозваша ся Поляне, Ляхове, друзіи Лютичи, или Мазовшане, или Поморяне. Также и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекоша ся Поляне, а друзіи Древяне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ, а друзіи сѣдоша межью Припетью и Двиною и нарекоша ся Дреговичи; рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозваша ся Полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмера, прозваша ся своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новгородъ; а друзіи сѣдоша по Деснѣ и по Семи и по Сулѣ, и нарекоша ся Сѣверъ. Тако разиде ся словѣнскій языкъ“¹⁾

Итакъ, русскій лѣтописецъ знаетъ, что „бѣ единъ языкъ словѣнскъ: Словѣни, иже сѣдаху по Дунаеву, и Морава, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь“; знаетъ, что учителями Славянъ были уже апостолы Андрей и Павелъ, знаетъ наковонецъ, что между Славянами первые крещены Мораване св. Константиномъ и Меодіемъ, которые перевели священныя книги на славянскій языкъ и изобрѣли „грамоту словѣнскую, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ“. И вычисляя разные язви „Колена Афетова, иже живутъ въ странахъ полуночныхъ“, приводитъ между ними и „словѣнскій языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Вужане“ и проч.

Этотъ важный разказъ перваго лѣтописца о поселеніи и распространеніи Славянъ во всей южной и восточной Европѣ повторяютъ и другіе русскіе лѣтописцы позднѣйшихъ вѣковъ, сокращая или увеличивая его по своему. Такъ — чтобы привести хотя нѣсколько примѣровъ — составлялись лѣтописи „о Русской земли, отъ котораго колѣна Россійскіе и Славенскіе люди и по чему именуются Россія и Словяне, и откуда влечашесь родъ славянскихъ князей“²⁾; составлялись

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 3.

²⁾ Хронографъ и лѣтопись Астраханскаго архіепископа Пахомія 1649 года. (Рукописи Царскаго 199, А. Поповъ: Обзоръ русскихъ хронографовъ II, 236).

на всей Руси сказанія, что св. Константинъ распространилъ правую вѣру и „русское“ письмо у Мораванъ, Чеховъ и Ляховъ, и что первоначально Мораване, Чехи, Хорваты, Сербы, Болгаре, Ляхи, вся Далмація и Діоклитія и другіе съ ними смежныя народы были Русь, и славянскимъ языкомъ и письмомъ Бога хвалили и вѣру греческую держали; но что потомъ пришелъ Войтѣхъ, латинскій епископъ, и разрушилъ у западныхъ Славянъ правую вѣру и славянское письмо, прогналъ всѣхъ священниковъ правой вѣры и зацѣнилъ все латинскими обрядами ¹⁾. Подобно тому, въ разгарѣ иконолупии по поводу церковной уніи Брестской, православные утверждали, что свв. Кириллъ и Меѳодій посланы Константинопольскимъ патриархомъ Меѳодіемъ и царемъ Михаиломъ „до словенскихъ народовъ, при которыхъ тогожъ языка народове, Чехове, Моровяне, Ляхове и Угрове, не отъ востока латинского, але отъ столицы апостольской Константинопольской вѣру христіанскую первотне и съ початку приняли“, что Сватополкъ моравскій, принявшій греческую вѣру отъ Меѳодія, обратилъ въ христіанство Буривою чешскаго и жену его Людмилу, а черезъ чешскую княжну Дубровку принялъ православіе и Мечиславъ польскій ²⁾.

Когда и Русскіе начали знакомиться съ разными историческими и географическими прозведеніями западной Европы, особенно посредствомъ сосѣдней Польши, то древнія свои извѣстія о Славянахъ стали дополнять и разными выдумками. Разказы Бѣльскаго, Сарницкаго, Кромера, Стрыйковскаго и другихъ польскихъ историковъ о древней исторіи славянской и русской пошли въ ходъ и въ русской лѣтописной литературѣ, начиная съ конца XVI вѣка. Это видимъ мы въ хронографахъ и въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (напримѣръ, Густинской) XVII вѣка. Въ нихъ встрѣчаемъ уже разказы „о началѣ государства польскаго и чешскаго“, о жалованной грамотѣ Александра

¹⁾ Прибавленіе къ паннонск. легендѣ о св. Константинѣ, XV и XVII вѣковъ. (*Чтенія* 1863, II; *Бодланскій* славянскія письмена 109, LXIII); хронографъ 1494 г. (*Доброевскій*, Кириллъ и Меѳодій 118).

²⁾ Конкстенекій Зах. Паминодія или книга оборонъ католической святой апостольской восточной церкви (1621, рукоп., Описаніе рукописей синодальной бібліотеки II, 3 стр. 343), Слотрицкій: *Obgona weryfikasiej* (1621, отд. VI). И Густинскій лѣтописецъ, послѣдуя Кромеру и Бѣльскому пишетъ, что св. Меѳодій училъ «Славянъ и Ляховъ, имъ же уставъ словенскимъ языкомъ хвалити Бога, яко и доселѣ славянскіе народы своимъ языкомъ хвалятъ Господа и въ Браковѣ на Клепару, недавно престаши словенскимъ языкомъ службу Божию служити». (П. С. Р. Д. II, 236). Сравни. Обзоръ русск. хронографовъ (изд. Попова 135).

Великаго Славянамъ, о многословутомъ градѣ Москвѣ, яко таковое званіе прія отъ Мосоха, и о Словянѣхъ, яко тако прослнхомъ отъ славы, и Россн отъ расѣянн, объ идолахъ русскихъ Церковесѣ, Позвиздѣ, Ладѣ, Куналѣ, Коладѣ и др. Не довольствуясь простыми разказомъ перваго русскаго лѣтописца о распространеніи словѣнскаго языка, о его племенахъ, хронографы называютъ ихъ частями „едина Мосохова колѣна, аще и разны имень, но вси единъ Московскій народъ“, и утверждаютъ, что „истинный столпъ языка словенскаго въ Московстей земли“, и проч. ¹⁾.

Эти разныя фантастическія мнѣнія о древней исторіи славянскои и русской собрали въ одинъ сводъ особенно Иннокентій Гизель въ своемъ сокращеніи русской исторіи— „Синописисъ или краткое собраніе отъ разныхъ лѣтописцевъ о началѣ славяно-россійскаго народа“ (Кіевъ 1674) ²⁾. По примѣру польскихъ историковъ, въ особенности Стрыйковскаго, Синописисъ наполненъ разными именами въ родѣ князей Асармова, Мосоха, Роса, Козака и друг. Славяне назвались „отъ славныхъ дѣлесь своихъ“; Русскіе же „отъ росѣянн по многимъ странамъ племени своего, Росѣяны, а потомъ Россы; они отъ Славяновъ именемъ точію разнствуютъ, по роду же своему едино суть, и яко единъ и той же народъ славенскій, нарицается Славеноросскій или Славноросскій“. Праотцемъ всѣхъ Славянъ „былъ Мосохъ, шестой сынъ Іафета, внукъ Ноевъ; толкуеть же ся отъ еврейскаго славенски вытягающій и растагающій, отъ вытяганія лука и отъ расширения великихъ и множественныхъ народовъ Московскихъ, славенороссійскихъ, польскихъ, волынскихъ, чешскихъ, болгарскихъ, сербскихъ, карвацкихъ и всѣхъ обще, елико ихъ есть, славенска языка

¹⁾ *Половъ А.* Изборникъ русскихъ хронографовъ, 131, 438; жалованная грамота Александра, стр. 440, 445; изъ русскихъ хронографовъ взялъ ее позже 1661—1663 г. и Хорватъ Главинячъ, бывавшій въ Москвѣ. Густинская лѣтопись (1670 г.) въ П. С. Р. Д. П. Въ такомъ смыслѣ пишутъ также нѣкоторые «славяно-козацкіе писари» XVII—XVIII вѣковъ, Грабявка, Величко, Конисскій и др. Сравн. также Опис. рукоп. Румянцевскаго Музея (хронографы) и *П. Лавровскаго* статью о лѣтописи Якимовскои. На Стрыйковскаго ссылается между прочимъ и Мел. Смотрицкій въ своей Славенскои грамматикѣ (1619), которую озаглаживаетъ «просодією стихотворною»; онъ признаеть ее необходимою потому, что Овидій сочинялъ славянскіе стихи: «Овидія славнаго оиаго латинскаго пінту въ заточеніи тарматскихъ народовъ бывша и язмку ихъ совершеннъ намыина, славенскимъ діалектомъ стихи или вирши писавша».

²⁾ Синописисъ издана 18 разъ, послѣдній разъ 1836 г.

природѣ употребляющія“. Славяне помогали македонскимъ царямъ Филиппу и Александру. Послѣдній имъ пожаловалъ „привилегію или грамоту на пергаментѣ златомъ написанную во Александріи“. Князь славенороссійскій Одоандеръ завоевалъ Римъ, и проч. ¹⁾).

Западоевропейскія географіи или космографіи проложили себѣ дорогу и на Русь. Уже въ 1584 году переведена была космографія (и хроника) Мартина Вѣльскаго съ польскаго языка на русскій; въ XVII вѣкѣ была переведена космографія Меркатора и другія. Русскіе или просто переводятъ „съ римскаго языка“, или дополняютъ разказы подлинниковъ. Такъ, во переводной космографіи Славинецкаго, „языкъ славенскій — языкъ бога, разсѣянный на многія отрасли, Россійскую, Польскую, Боемскую, Иллирическую, Далматскую, Вендическую“; по другимъ, въ Европѣ „первое царство Россійское и Словенское, Русь, Польша, Литва, Угрия, Чехи, Мораве, Сербія“ и проч., въ ней есть царства Россійское — гдѣ „Волга раздѣляетъ татарскій языкъ со словенскимъ“ — и Болгарское, королевства Сербское, Угорское, Чешское, Польское и другіе ²⁾).

Разумѣется, Русскіе знали южныхъ Славянъ, Болгаръ и Сербовъ, соединенныхъ съ ними однимъ вѣренскоювѣданіемъ и однимъ богослужбнымъ языкомъ „славянскимъ“, ближе, чѣмъ западныхъ. О южныхъ Славянахъ, особенно о Сербсахъ и Болгарахъ, много разказывается въ хронографѣхъ русскіихъ, но многочисленнымъ югославянскимъ рукописямъ, переходившимъ на родотенную Русь ³⁾).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ на Руси не забывали и западныхъ Славянъ. Такъ, въ одной древнерусской грамматической попыткѣ, въ „Всѣхъ о грамотѣ и ея строеніи“ Ездокима на вопросъ: „чесо ради многи бунны во азбукѣ словенской, не како во иныхъ племенехъ“, сдѣланъ такой отвѣтъ: „понеже мнози усѣдци (sic) языка того, по

---

¹⁾ Въ примѣръ, какими источниками пользовались русскіе историки XVII вѣка, приведемъ источники вышеупомянутого Кошцетенскаго; кромѣ разныхъ русскихъ книгъ, у него были сочиненія Гвагнина, Вуйка, Длугоша, Вѣльскаго, Кромера, Бламовскаго, Орѣховскаго, Скарги, Соколовскаго, «исторіи словенскія или чешскія», хроника словенская, хроника сербская, синаксаръ и соборныя славянскія и др. (Опис. рукоп. синодальн. библ. II, 3, стр. 831).

²⁾ *А. Поповъ*: Обзоръ русск. хронографовъ (II, 87, 215). Славинецкаго космографія (рукоп., отрывки у Буслаева Истор. хрестом., 1185); другія космогр. *А. Попова*: Изборники изъ русск. хронографовъ, 459, въ *Временникѣ* (XVI кнѣзь).

³⁾ Сравн. отдѣлъ: Русскіе и Югославяне.

коемуждо усѣдцу и буквы наложены: Руси роди ѡ, а сіе ради Поляць, (Поляковъ) ѡ и глаголется гугниво, а сіе ради Болгарь и Русскихъ и Поляць Б, Ж, З, Ч, Ш, а сіе ради всѣхъ Словенъ ѡ, з, ѡ, ѡ, е, ю, я, а грамота словенска отъ иныхъ усѣдцовъ нерадѣниемъ была". Въ древнерусскихъ алфавитахъ въ числѣ разныхъ языковъ приводятся также языки русскій, сербскій, словенскій, чешскій; и между словами изъ этихъ разныхъ языковъ также чешскія („астьквучи", то-есть, stkvuci—бѣгъ или чисть), сербскія (витаже—бояре, витати) и проч. ¹⁾.

Итакъ, Русскіе во всей обширной землѣ Русской, Московской и Литовско-Польской всегда сознавали свое славянское происхождение; знали и жители „отъ страны полумощна глаголетца Двинскаго", колоніи Новгородскихъ Славянъ, что онъ „Русинъ отъ языка словенска", знали и жители Литовской Руси, что они „россійскіе Словяне", что они члены „велигороднаго и многаго словенскаго языка" ²⁾.

Могущественная сѣверовосточная Русь, распространившая свои предѣлы далеко на востокъ въ Азію, на югъ къ Каспійскому морю и къ Кавказу, рано стала обращать на себя вниманіе всѣхъ Славянъ. Не смотря на то, что понятія объ этой славянской державѣ часто были довольно смутны и вѣсны, всѣ Славяне, Поляки, Чехи, Лужицкіе Сербы и Югославяне любили гордиться тѣмъ, что ихъ славянскій языкъ раздается не только въ средней и южной Европѣ, но и далеко на сѣверѣ до Новой Земли, и на востокъ въ Азію до границъ Китая, что его знаютъ и Пятигорцы, Черкесы, Татары и другіе восточные народы.

Въ Москву прибываетъ южный Славянинъ Крижаничъ и въ этомъ государствѣ единоплеменнаго царя проповѣдуетъ мысль о единствѣ Славянъ такимъ образомъ, какъ ни одинъ Славянинъ ни до него, ни послѣ него.

Наконецъ, русскій престолъ занимаетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей всего мира, Петръ Великій, настоящій „царь славянскій", какъ его прозвали Югославяне. Задумавъ огромныя пре-

¹⁾ Гумеровичъ: Статія касающіяся др. слав. яз. 30; Ученныя записки II отд. имп. акад. наукъ I, 184—185.

²⁾ Живное описаніе св. Стевана Перискаго (Костомаровъ: Памятники стар. русск. литер., IV, 120. Сравни опис. рукоп. Руминцевск. Муз., 603); посольство литовскаго духовенства и вельможъ къ Папѣ Сиксту 1476 г. (то-есть, подѣлка 1606 г. Литер. сборникъ галицко-русской Матицы 1869, 223. Сравни Arkiv za povēstn. jugoslaw., IV, 357).

образованія своего государства и приводя ихъ въ дѣйствіе, онъ вызываетъ изъ всѣхъ славянскихъ земель искусныхъ и способныхъ людей, входитъ въ сношенія съ единовѣрными и единоплеменными Югославянами, которые всѣ, православные и католики, восторженно восхваляютъ его какъ своего освободителя и усердно предлагаютъ ему свои услуги. Симпатіи Югославянъ да и Чеховъ къ Русскому царю возбуждаютъ въ Вѣнскомъ дворѣ недовѣрѣе и опасенія. Петра наконецъ привѣтствуетъ въ забытомъ славянскомъ захолустѣ одинъ, Лужницкій Сербъ, какъ „своего славянскаго царя“¹⁾.

При Петрѣ издаются сочиненія, въ которыхъ сильно слышится славянское сознаніе. Поликарповъ издаетъ лексиконъ трехъязычный, то-есть, славянскій, греческій и латинскій (1704 г.). По немъ „изъ языка славянскаго аки отъ источника неизчерпаема прочіимъ многимъ произыти языкомъ, сирѣчь польскому, чешскому, сербскому, болгарскому, литовскому, малороссійскому и инымъ множайшимъ, всѣмъ есть явно. Не малую же и отсюда намъ языкъ славянскій имѣеть почеть, яко начало воспріять отъ самой славы. Ибо еже Грекомъ есть δόξα, латиномъ gloria, сіе намъ есть слава, отнюду же чрезъ имене производство отъ славы славенскій и родъ и языкъ преславное свое начало воспріаша“. Поэтому можно по примѣру Вибліи сказать и о „языцѣ нашемъ славянскомъ словѣ соименитомъ: И ты роде и языке славенскій, ничимже менши еси въ начальныхъ родѣхъ и языкѣхъ“. Поликарповъ издаетъ, между прочимъ, свой словарь и по той причинѣ, что этотъ „славенскій нашъ діалектъ, тако славный и прекрасный отъ толкикихъ вѣковъ, не токмо подъ державою благочестивыхъ нашихъ монарховъ расширяемой, но и по инымъ премногимъ странамъ употребляемый“, не имѣлъ словаря, „откуда бы наши природніи Славяне и приходящіи иносельцы во обиліи себѣ бесѣды славенскія непримѣсны почерпнули“, и поэтому вошли въ разговоръ и въ книги разныя „странныя реченія, напримѣръ, сербская, польская, малоросская“, и проч.

Въ такомъ смыслѣ пишетъ и Коніевичъ во „Введеніи во всякую исторію“ (1699 г.): „Славянороссійскій народъ едва не всю Европу о своимъ языкѣ преидеть“, такъ какъ онъ разумѣеть Поляковъ, Чеховъ, Мораванъ, Словаковъ, Кошубовъ, Илиріанъ, „даже до Азій Россеевомъ отероженный языкъ“; другъ друга понимаютъ не только

¹⁾ Сравн. обширнѣе объ этомъ отдѣлѣ: Русскіе и Югославяне, Русскіе и Чехи. О лужницкомъ Сербѣ Френцелѣ см. выше.

люди образованные, но и простой народъ. Всѣ они отъ славы и дѣлъ славныхъ, „именемъ и вещію, вонстину суть Славяне и вездѣ повыше описанныхъ земляхъ со всѣми бесѣдовати удобѣе могутъ“, между тѣмъ какъ другіе народы, напримѣръ, Италіанцы и Французы „порубежнаго не разумѣютъ языка“ и за границей своихъ земель суть „варвары тщеславніи“.

При Петрѣ А. Манжеевъ пишетъ (1715 г.) свое „Ядро Россійской исторіи“ по образцу западныхъ теорій того времени ¹⁾. Пространно говоритъ онъ о происхожденіи великаго, стародавняго и славнаго народа Славянскаго, который населяетъ большую часть Европы и нѣкоторыя страны Азии отъ моря Ледовитаго до Средиземнаго и Адриатическаго, отъ Балтійскаго или Варяжскаго до Чернаго и Хвалынскаго. „Славенскимъ языкомъ либо нѣчто розно, говорятъ: вси Великая, Малая, Бѣлая и Красная Русь, Поляки, Чехи, Волгаре, Сербы, Кроаты, Далматы, Рагузане, Каринты, Стеріяже и многіе прочіе народы“. Они назвались всѣ отъ славы и за храбрость свои получили отъ Александра Великаго грамоту, золотыми словами писанную и проч.

Петръ ищетъ ученаго, который могъ бы написать сочиненіе „о началѣ славянскаго народа и о его языкѣ“ и велитъ собирать въ Прагѣ книги, касающіяся того предмета (1712) ²⁾. Десять лѣтъ спустя выходитъ въ Россіи „книга исторіографія початія имени, славы и разширенія народа Славянскаго, и ихъ царей и владѣтелей подъ многими именами и со многими царствіями, королевствами и провинціями. Собрана изъ многихъ книгъ историческихъ чрезъ господина Мавроурбина, архимандрита Рагузскаго. Въ которой описуется початіе и дѣла всѣхъ народовъ бывшихъ языка славенскаго и единого отечества, хотя нынѣ во многихъ царствіяхъ разсѣялись, чрезъ многіе войны, которые имѣли въ Европѣ, во Азии и во Африкѣ. Расширенія ихъ имперіи и древнихъ обычаевъ, въ разныхъ временахъ, и познаніе вѣрм Христа Спасителя подъ многими владѣтелями. Переведена со италіанскаго на російской языкъ и напечатана повелѣніемъ и во время счастливаго владѣнія Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссійскаго“ (1722) ³⁾.

¹⁾ Приписывалось несправедливо князю А. Хилкову; изд. 1770, 1784, 1791, 1799. Сравн. также Опис. рукоп. Румянцевск. Муз. 391.

²⁾ Это порученіе царя исполнилъ Лейбницъ, составивъ краткую записку о Славянахъ. (Соловьевъ ист. Россіи XVII, 403).

³⁾ Мы вполнѣ привели интересное заглавіе русскаго перевода, отличающагося отъ заглавія италіанскаго подлинника М. Орбини *Il regno degli Slavi* (1601), о

Русское государство со времени своего великаго преобразователя, поднимаясь все больше, стало все больше обращать на себя вниманіе остальных Славянъ.

В.

Взаимныя отношенія между отдѣльными народами Славянскими.

Славянское сознаніе у народовъ Славянскихъ не ограничивалось только однимъ теоретическимъ признаніемъ племеннаго своего родства; оно являлось въ ихъ разнообразныхъ взаимныхъ сношеніяхъ и нерѣдко вело и къ практическимъ результатамъ въ жизни духовной и политической.

І.

Чехи и Поляки.

1. Древне-чешскія и древне-польскія преданія. Чешскіе и польскіе князья. Отношенія королей Премысла II и Вячеслава II въ Польшѣ.

Между Чехами и Поляками, единственными остатками западныхъ Славянъ, являются съ самаго начала ихъ исторіи особенно тѣсныя связи и сношенія. Обоихъ народовъ связываютъ уже древнѣйшія преданія, производящія ихъ отъ двухъ братьевъ Чеха и Лѣха; и Чехи, и Поляки, воюя, мирясь и всячески сносясь другъ съ другомъ, не перестаютъ повторять, что они происходятъ отъ двухъ славянскихъ князей-братьевъ, и что поэтому слѣдуетъ ихъ потомкамъ жить въ братской любви и защищать другъ друга.

Такое сознаніе играетъ важную роль во всей исторіи западославянскихъ народовъ.

Чехи, по своимъ древнѣйшимъ преданіямъ, вышли изъ Карпатской Бѣлой Хорватіи подъ начальствомъ своего старосты „Лѣха“ (то-есть, князя) Чеха, и вмѣстѣ съ другими племенами, поселились на рѣкахъ

которомъ см. выше. Книгу перевелъ Югославининъ, находившійся въ русской службѣ—Савва Владиславичъ, издалъ же Ѳ. Прокоповичъ. Петръ Великій, находясь въ 1722 г. въ Астрахани для персидскаго похода, требуетъ немедленной высылки себѣ этой книги (Соловьевъ И. Р., XVIII, 193).

¹⁾ *Продолженіе.* См. *Журналъ Мин. Народн. Просв.* ноябрь, декабрь 1873, январь 1874 года.

Волтавъ и Лабѣ. На верховьяхъ послѣдней рѣки, подъ горами Креконошскими, поселилось племя Хорватовъ. Полумифическія преданія и личности карпатскихъ Хорватовъ и Ляховъ являются и у ихъ вѣходцевъ Чеховъ: карпатскій князь Кракъ, основатель Кракова, отецъ Ванды, повторяется и въ чешскомъ князѣ Кракъ (Кровѣ), тоже основатель Кракова, отецъ мудрой Любуши. Преданіе объ истребленіи дракона карпатскимъ Кракомъ сохраняется и у креконошскихъ Хорватовъ, у которыхъ Трутъ погубилъ лютую змѣю. Имя ляхскаго Попела слышно и у Чеховъ въ названіи племеннаго князя Тетвы Попела, который будто бы прибылъ въ Чехію съ полками Чеховъ, и проч.

На близкое родство Чеховъ и Поляковъ указываютъ и одинаковыя безчисленныя названія лицъ, мѣстъ, горъ и водъ, встрѣчающихся въ земляхъ чешскихъ и польскихъ ¹⁾.

Чешскія и ляхскія племена не разъ соединялись и подъ однимъ государемъ, и только политическая незрѣлость Славянъ помѣшала сліянію обоихъ народовъ въ одинъ. Такъ было при Самѣ, Святополкѣ и чешскихъ Болеславахъ; такъ было и при польскомъ Болеславѣ Храбромъ. Но тогда Чехи, слѣдуя узкимъ династическимъ интересамъ своихъ князей, скоро отошли отъ Болеслава и соединились противъ него съ Нѣмцами. Болеславъ долженъ былъ уйти изъ Праги и оставить Чехію въ добычу князьямъ чешскимъ и ихъ союзникамъ Нѣмцамъ. Напрасно уговаривалъ онъ въ послѣдствіи чешскаго князя „вспомнить взаимное родство и примириться другъ съ другомъ и вмѣстѣ сопротивляться всѣмъ врагамъ, особенно же императору“ ²⁾.

Чешскіе и польскіе князья вообще, и какъ сосѣди, и какъ средние другъ другу, безпрестанно вѣшиваются въ дѣла сосѣдняго государства. Въ Чехію отправляются недовольные князья польскіе (Безпремъ, Збигнѣвъ), въ Польшу — чешскіе (Болеславъ, Яроміръ, Боривой), и вообще другіе недовольные Чехи (Славниковичи и Вершевичи). Чешскіе князья стремятся завладѣть Польшей, или по крайней мѣрѣ, распространить въ ней свое вліяніе. Подобное тому затѣваютъ и польскіе князья. Чешскій князь Брячиславъ вторгается въ Краковъ и въ Гнѣзно, возвращается оттуда съ богатою добычей и

¹⁾ Сходство Чеховъ и Поляковъ замѣчаютъ и многіе иностранные писатели. Такъ, напримеръ, нѣмецкіе летописцы Адамъ и Гельмольдъ (XI—XII вѣковъ) говорятъ, что Чехи и Поляки «*nec habitu nec lingua discrepant*», что «*est Polonis atque Boemis eadem armorum facies et bellandi consuetudo*», и пр.

²⁾ Thietmar Chron. (lib. VII, ed. Wagner, 206).

множеством плѣнниковъ ¹⁾ и обзываетъ Польшу къ подати, которая и платилась до конца XI вѣка. Чешскій князь Вратиславъ называется не только королемъ чешскимъ, но и польскимъ (1086 г.). Съ другой стороны, польскій князь Болеславъ III вторгается въ Чехію, съ цѣлью помочь Боривою въ достиженіи княжескаго достоинства.

Не смотря на всѣ такіе столкновенія, Чехи и Поляки не видѣли другъ въ другѣ природныхъ, національныхъ враговъ, какъ напримѣръ, въ Нѣмцахъ, а только сосѣдей ссорящихся и скоро примиряющихся ²⁾. Если Чехи и сталкивались съ Поляками, то все-таки, въ случаѣ угрожающей опасности со стороны Нѣмцевъ, искали у сосѣднихъ своихъ современниковъ опоры и защиты противъ общихъ враговъ всего славянства, въ особенности же западнаго. Это особенно видно при чешскомъ королѣ Премыслѣ II Отокарѣ (1253—1278 гг.). Не смотря на свое расположеніе къ нѣмецкому элементу, которымъ онъ наполнял города и окраины своего государства, Премыслъ все-таки чувствуетъ себя государемъ славянскимъ, связаннымъ съ польскими князьями болѣе крѣпкими узами, чѣмъ какія бываютъ между простыми доброжелательными сосѣдями. Онъ желаетъ жить въ неразрывной дружбѣ и союзѣ со всѣми польскими князьями, особенно же съ родственнымъ себѣ княземъ Краковскимъ и Сандомірскимъ Болеславомъ, и обзывается защищать ихъ земли отъ всѣхъ враговъ, особенно Русскихъ и Ламчниковъ. Онъ восстаетъ противъ притѣсненій монаховъ „славянскаго языка“ въ Чехіи и Польшѣ монахами нѣмецкими, къ стыду и ущербу „нашего королевства и народа языка славянскаго“. Подобно тому и его супруга, русская княжна Кунигунда (Винька), упрекаетъ аббатису Требницеаго монастыря Агнесу, крови польско-силезскихъ князей, что она, происходя отъ крови чешской и польской, благоприятствуетъ нѣмецкимъ монахамъ въ ущербъ монахамъ

¹⁾ Въ ихъ числѣ были также жители города Гедча, которые поселены при лѣвѣ Черницѣ на юго-западъ отъ Праги. Эти «Гедчане» еще въ XII вѣкѣ пользовались самоуправленіемъ (Cosmas Chron. Boh. I, 107). Прадѣлъ чешскаго летописца Космы былъ также Гедчанецъ.

²⁾ Такии враждебными столкновеніями объясняются нѣкоторые непріязненные отзывы чешскихъ и польскихъ летописцевъ о Полякахъ и Чехахъ; напримѣръ, описаніе бѣгства Болеслава Храбраго изъ Праги у Космы (I, 71), рѣчи князей—чешскаго Владислава и польскаго Болеслава, передъ сраженіемъ Трутнискимъ 1110 года (Cosmas I, 248, Martin. Gallus lib. III, с. 23); слова чешскаго князя Ольдриха: «Поляне, враги нашихъ земель» (Кракевдор. ркп.) и др. Но чешскіе и польскіе князья скоро опять примиряются, «confirmant foedera pacis, et hilares ad proprios remeant lares» (a. 1115).

своего языка и желаетъ, чтобъ она скорѣе поддерживала монаховъ „нашего и вашего языка“ ¹⁾).

Когда, наконецъ, несчастный король чешскій сталъ готовиться къ роковой борьбѣ съ соперникомъ своимъ Рудольфомъ Габсбургскимъ (1278 г.), то онъ особенно живо созналъ опасность, грозившую тогда со стороны Нѣмцевъ на всѣхъ западныхъ Славянъ, и необходимость крѣпкаго союза послѣднихъ, Чеховъ и Поляковъ. Поэтому и польскихъ князей призываетъ онъ на помощь противъ общаго врага Славянъ. „Помощь намъ подать вы должны и по слѣдующей причинѣ. Если, отъ чего да сохранить Богъ, случится, что насъ король нѣмецкій покорить и погубить, то ненасытная пасть Нѣмцевъ (*insatiabiles Tunc-pisogum hiatus*) расширится свободнѣе, и ихъ зловредная жадность распространится и на вашу землю. Ибо мы вамъ и вашимъ землямъ служимъ крѣпкимъ передгородіемъ вѣрной защиты: если оно не сможетъ устоять противъ бушующей грозы — отъ чего избави Боже! — можете уразумѣть, что тогда и вамъ грозитъ великая опасность, такъ какъ дерзкая алчность не довольствовалась бы только нашими покореніемъ, но расхитила бъ и ваше имѣніе, и кромѣ того, несносно тѣснила бы насъ, тяготѣла на насъ, свирѣпствовала противъ васъ. О, сколькими бѣдствіями тогда былъ бы преслѣдованъ вашъ многочисленный и Нѣмцамъ ненавидимый народъ! О, какому игу страшнаго рабства подверглась бы свободная Польша. О подѣ каковыми ударами погибалъ бы тогда весь вашъ народъ! Поэтому слышите намъ на помощь, слышите и дѣятельно потрудитесь отразить пламя еще далекаго пожара, соображая, что будетъ полезнѣе противиться зачаткамъ, чѣмъ тому, чтобъ всепожирающій огонь слишкомъ переселилъ отпоръ неустрашимаго, — и что тотъ, кто защищаетъ сосѣдній домъ отъ сожженія, предохраняетъ свое собственное жилище. По этой причинѣ усердно требуемъ, чтобъ вы вооружились на помощь намъ, которые происходимъ отъ вашего племени!“ ²⁾).

Но напрасно лилась кровь Чеховъ и соединенныхъ съ ними нѣкоторыхъ князей польскихъ на Моравскомъ полѣ: Габсбурги укрѣпились на Дунаѣ и въ Альпахъ.

Въ божевѣ близкія сношенія вступили Чехи и Поляки въ концѣ XIII вѣка. Тогда оба эти западо-славянскія государства были соединены

¹⁾ Dogiel, Codex diplom. regni Polon. I. 1. (Сравн. Niemcewicz: Zbiór pamiętników I, 309. Emler: Regesta Bohem. et Morav. II, 27); Palacky: Formelbücher I, 287, 288; Archiv für Kunde österreich. Geschichtsquellen XXIX, 46.

²⁾ Dolliner: Codex epistolaris Primislai Ottocari II, Nro 37.

въ одно чешскимъ королемъ Вячеславомъ II. Послѣ присоединенія Малой Польши къ Чешскому государству (1291 г.) и Велико-поляне провозгласили Вячеслава своимъ королемъ (1300 г.). На избраніе чешскаго короля въ польскіе подѣйствовало не только то обстоятельство, что онъ славился своимъ могуществомъ и богатствомъ, но и такія соображенія, что соединены будутъ „подъ однимъ государемъ Чехи и Поляки, во много отличающіеся по нарѣчіямъ славянскаго языка; ибо говорящіе на одномъ языкѣ соединяются скорѣе крѣпкими узами любви“¹⁾.

Соединеніе обѣихъ коронъ, чешской и польской, на головѣ Чешскаго государя, было кратковременно. Династическіе интересы польскихъ князей и происшедшія въ Чехіи, послѣ превращенія рода Премисловичей (1306 г.), смуты номѣшали и тогда соединенію Чеховъ и Поляковъ въ одно государственное тѣло. Въ послѣдующемъ затѣмъ времени не мало повредило дружескимъ отношеніямъ обонъ славянскихъ народовъ поведеніе чешскаго короля, авантюриста-Нѣмца, Юяна Люксембургскаго, помогавшаго заклатымъ врагамъ Польши, нѣмецкимъ рыцарямъ, и постоянно заявлявшаго свои притязанія на Польшу. Но по его смерти, отношенія между Чехіей и Польшею поправились: оба короля, чешскій Карлъ и польскій Казиміръ, часто заявляютъ другъ другу чувство „искренней и братской дружбы и любви“²⁾.

2. Гуситское движеніе. Чешскіе воины въ Польшѣ. Сношенія Гуса и Геронима съ Польшею и Литвою. Чехи и король Польскій Владиславъ и великій князь Витовтъ. Князь Сигизмундъ Корибутовичъ и другіе Поляки и Русскіе въ Чехіи. Сношенія Чеховъ съ Владиславомъ и Свидригайломъ. Сраженія Липонское и Вилкомірское.

Въ болѣе близкія сношенія вступили Чехи и Поляки во время великаго гуситскаго движенія XV вѣка. Вмѣстѣ съ движеніемъ рели-

¹⁾ По словамъ современника, Петра архимандрита Збраславскаго (Chronicon Aulae Regiae, in Dobner: Monum. histor. Boem. V, 131). Сравн. также Archiv für Kunde österrreich. Geschichtsquellen XIV. Замѣтимъ, что со времени короля Вячеслава II (1300 г.), чешскіе или Пражскіе гроши стали извѣстны на всемъ славянскомъ востокѣ, въ Польшѣ (Archid. Gnesn. apud Sommersberg II, 95, Hesel: Pomniki prava I, 277, часто въ грамотахъ) и въ Литовской Руси; въ послѣдней, напримѣръ, въ одной грамотѣ второй половины XIV вѣка, приводятся семь копѣ грошей широкихъ, чешской монеты». (Опис. рукоп. Румянцев. муз., 117). «Чешская монета въ Польшѣ и Литвѣ была подлѣ польской, Бранковской, литовской, русской». И въ сношеніяхъ великаго князя Швигригайла съ Великимъ Новгородомъ, 1433 года говорится о чешскихъ грошахъ. (Коцебу: Свидригайло, 181).

²⁾ Сравн. договоры обонъ государей (списки въ архивѣ Чешскаго музея).

гіознымъ проявилось въ значительной силѣ и движеніе національное, направленное противъ Нѣмцевъ. Чехи, поднявъ борьбу съ цѣлою почти западною Европой, въ особенности же съ Германіей, стали искать союзниковъ и естественно, обратили вниманіе на своихъ ближайшихъ сосѣдей и соплеменниковъ, Поляковъ и соединенныхъ съ ними юго-западныхъ Русскихъ. Къ такому сближенію способствовала также угрожающая и Польшѣ опасность со стороны Нѣмецкаго племени: и государство Польско-Литовское боролось уже больше столѣтія съ нѣмецкими рыцарями, которые, вѣдрившись на балтійскомъ поморьѣ, все болѣе и болѣе тѣснили Польскій народъ.

Симпатіи Чеховъ къ сосѣднему славянскому государству обнаружались особенно сильно въ то время, когда оно въ началѣ XV вѣка собиралось нанести рѣшительный ударъ Нѣмецкому ордену. Хотя Чешскій король Вячеславъ IV стоялъ на сторонѣ ордена, однако многіе Чехи и Мораване послѣдили на помощь Полякамъ противъ общихъ враговъ. Въ сраженіи Дубровенскомъ или Танненбергскомъ (1410 г.) наемные Чехи и Мораване составляли особый отрядъ польско-литовскаго войска подъ четвертымъ знаменемъ св. Юрія. Ихъ начальниками упоминаются Соколъ, Збиславецъ, Сарновскій (?). Кромѣ того, были нѣкоторые Чехи и около самого короля Владислава, именно — любимецъ его Іоаннъ Соколъ, староста Радзынскій, и Іоаннъ изъ Товачова ¹⁾. Чехи остались въ польской службѣ и послѣ побѣды Танненбергской, не смотря на то, что король Вячеславъ, испуганный пораженіемъ Нѣмцевъ, сталъ созывать всѣхъ своихъ подданныхъ, чтобы вооружиться противъ новаго „нападенія Татаръ“ ²⁾. Король Владиславъ, въ виду возобновленія войны съ рыцарями, продолжалъ сноситься съ чешскими воинами и просилъ именно пана Костку изъ Поступиць, чтобы онъ, въ случаѣ войны съ крестоносцами, не только пошелъ ему на помощь, но и остановилъ бы тѣхъ, которые хотѣли бы идти къ Нѣмцамъ (1413 г.). Въ походѣ Поляковъ противъ Нѣмцевъ 1414 года участвовало тоже много Чеховъ, и въ томъ числѣ ротмистры и воины Семечка изъ Семчиць, Отто изъ Робусъ, Янко изъ Дубницы, Мартинъ Глубоцкій, Станиславъ изъ Доброй Воды, Вуковецъ, Гусъ, Жавъ и др. ³⁾.

¹⁾ Обширное описаніе сраженія Дубровенскаго у Длугоша (начало XI книги). Чешскіе наемные воины были также и въ нѣмецкомъ войскѣ. По болѣе позднимъ свидѣтельствамъ, участвовалъ въ сраженіи и Живка (въ польскомъ войскѣ).

²⁾ Palacký: Dějiny doby husitské I, 171. (Приводимъ вездѣ второе изданіе исторіи Палацкаго объ этомъ періодѣ).

³⁾ Письмо короля къ Косткѣ 1413 года (Raszyński, Codex diplom. Lithua-

Подлѣ этихъ военныхъ связей Чеховъ и Поляковъ, завязались между ними и другія сношенія. Не мало способствовали сближенію обонхъ западно-славянскихъ народовъ и Пражскій университетъ, въ которомъ находилось много Поляковъ, составляя одинъ изъ его такъ-называемыхъ „народовъ“. Гусъ былъ въ нерешскѣ съ королемъ Владиславомъ и защищалъ Польшу и Литву, „славянское царство“, противъ клеветъ еретичества со стороны одного нѣмецкаго профессора. За Гуса вступались на соборѣ Константскомъ, кромѣ чешскихъ павовъ, и многіе „вѣрные паны Польскаго королевства“, какъ ихъ называетъ самъ Гусъ, именно оба посла короля Владислава—Янушъ изъ Тулинкова и Завиша Чарный изъ Грабова, паны Воруца, Дуинъ, Балицкій и другіе. Поляки навѣщали Гуса въ тюрьмѣ; у него былъ слуга Полякъ, и самъ Гусъ признаеть, что у него на соборѣ не было другаго друга, кромѣ Бога и одного польскаго доктора ¹⁾.

Вѣрный другъ Гуса, Іеронимъ Пражскій, пребывалъ (1413 г.) нѣкоторое время въ Краковѣ, при дворѣ королевскомъ, и произвелъ тамъ большое впечатлѣніе своими проповѣдями. Оттуда отправился онъ къ великому князю Витовту на Литву и здѣсь, своимъ дружескимъ поведеніемъ относительно православныхъ Русскихъ, приводить католиковъ въ недоумѣніе ²⁾.

При такомъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ и Литвѣ, не удивительно, что одинъ чешскій шляхтичъ при дворѣ Витовта могъ позволить себѣ безнаказанно сказать, что Гуса несправедливо осудили и сожгли ³⁾.

Когда, наконецъ, Чехи взяли за оружіе чтобы отомстить срамъ, нанесенный сожженіемъ Гуса всему славянскому языку, и освободить правду закона Божіаго и языкъ славянскій, то они обратились за союзниками къ своимъ славянскимъ братьямъ на востокъ, къ Полякамъ и къ соединеннымъ съ ними юго-западнымъ Русскимъ въ Литвѣ. Король польскій Владиславъ Ягайло и великій князь литовскій Александръ-Витовтъ начинаютъ проявлять все большее и большее внима-

---

ніе, 170). Квитанціи многихъ ротмистровъ и воиновъ польскихъ и чешскихъ 1415—1416 гг. находятся въ главномъ архивѣ Варшавскомъ.

¹⁾ Письма Гуса въ сборникѣ Палацкаго—Documenta M. I. Hus, p. 30, 63, 85, 99, 104, 105, 111, 116, 127, 256, 258; Петръ изъ Младемовица ib. 256, 258, 260, 264; и проч.

²⁾ Palacký Dějiny husit. I. 169, Documenta M. Hus, 506. О пребываніи Іеронима въ Русскихъ земляхъ см. выше.

³⁾ Саго, Geschichte von Polen III. 511.

ніе къ дѣламъ чешскимъ, хотя далеко не такъ, какъ того требовали интересы Чеховъ и вообще всего славянства. Но при тогдашнемъ положеніи дѣлъ нельзя удивляться нерѣшимости обоимъ государямъ: съ одной стороны, дѣйствовали ихъ личное расположеніе, симпатіи ихъ подданныхъ, польскихъ и литовско-русскихъ, въ Чехамъ, боровшимся съ заклятыми врагами славянства, съ Нѣмцами, съ которыми и Польша, и Литва тоже вели столѣтнюю войну, а съ другой стороны римско-католическое духовенство страшно ратовало противъ всякихъ сношеній съ проклятыми чешскими еретиками, угрожая страшными наказаніями на томъ и на этомъ свѣтѣ.

Этихъ неловкимъ положеніемъ надо объяснять частыя колебанія особенно короля Владислава: то онъ является другомъ, то опять врагомъ Чеховъ, и наконецъ всячески старается ихъ примирить съ католическою церковью. Витовтъ оказывался болѣе твердымъ, не прерывая дружескихъ сношеній съ Чехами.

Чехи, провозгласивъ вѣроломнаго и ненавистнаго короля Сигизмунда лишеннымъ чешскаго престола, подумали о соединеніи съ восточнымъ государствомъ Польско-Литовскимъ и въ теченіе 1420 года три раза предлагали Владиславу чешскую корону. Чешскіе послы, представляя причины, по которымъ врагъ ихъ народа Сигизмундъ не можетъ быть чешскимъ королемъ, указывали и на то, что онъ общій врагъ Чеховъ и Поляковъ, противъ которыхъ безпрестанно подстрекаетъ нѣмецкихъ рыцарей. Наконецъ, они напомнили польскому королю, что если онъ не приметъ предлагаемой ему чешской короны, то не будетъ сподойно царствовать и въ своемъ королевствѣ¹⁾. Но недавно крестившійся польскій король, пугаемый католическимъ

¹⁾ О чешскихъ посольствахъ въ Польшу обширно разсказываетъ Длугошъ I, 428—442. Сравни. *Palacký Urkundl. Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges* I, 92, сравни. 45. Некоторыя граматы по этимъ посольствамъ Чеховъ въ Польшу и Литву приводитъ и Пельцель въ своей статьѣ о князѣ Сигизмундѣ Корибутовичѣ; въ ихъ числѣ и одно чешское письмо Прананъ къ Витовту. (Сравни. также *Biblioteca Warszawska* 1864, III. *Výbor z liter. české* II, 350).— Планъ гуситскихъ Чеховъ объ избраніи Владислава въ чешскіе короли встрѣтилъ, разумеется, сопротивленіе со стороны чешскихъ католиковъ. Одинъ (*Nicolaus Böhemus potavius Spoušpiensie*) предостерегаетъ Чеховъ отъ короля изъ Польши, и въ своемъ пасквилѣ расточаетъ всевозможныя клеветы на Поляковъ, называя ихъ ворами, разбойниками, врагами духовенства и церкви, ругателями святителей, и проч. (*Höfler: Scriptores rerum hussit.* I, 564).—Замѣтимъ еще, что Венеціанцы совѣтовали папѣ согласиться на то, чтобъ Владиславъ принялъ чешскую корону (*Acta archivi Veneti, ed. I. Safarik, II, 618*).

духовенствомъ, не могъ рѣшиться принять изъ рукъ „еретиковъ“ предложенную ему корону чешскую. Поэтому Чехи съ большимъ удовольствіемъ приняли предложеніе самого Витовта—взять въ свои руки правленіе Чехіи. На сеймѣ Кутногорскомъ (въ сентябрѣ 1421) Чехи признали князя Витовта своимъ королемъ, и съ тѣхъ поръ называли его обихованно „король чешскій выспрошенный (król český požádaný)“¹⁾.

Чешскіе послы, отправленные къ Витовту, Вилемъ Костка изъ Поступицъ, Витеславъ изъ Юнштова, Гласъ изъ Каменицы и Батъизъ (Витеславъ) прозванный Пиво, попались въ плѣнъ на дорогѣ въ Ратиборѣ, славянскомъ городѣ, принадлежавшемъ опавшему князю Іоанну. Это событіе произвело большое волненіе не только въ Чехіи, но и въ Польшѣ и въ Литвѣ. „Во всей землѣ Польской и Литовской“, пишетъ одинъ современникъ, „поднялся великій шумъ и крикъ въ общинахъ изъ-за плѣненія вѣнжъ Чеховъ. Народъ говоритъ: хочетъ король или не хочетъ, но если онъ (Іоаннъ) не отпуститъ ихъ на свободу изъ этого плѣна, то мы хотимъ ихъ отыскать и даже большимъ кровопролитіемъ, потому что онъ хочетъ разорвать совершившееся уже соединеніе между нами и нашими братьями Чехами“²⁾.

Витовтъ и Владиславъ и его илемянникъ, князь Сигизмундъ Корыбутовичъ, убѣдительно требовали выпущенія плѣнниковъ, угрожая и войною. „Владиславъ и Витовтъ“, пишетъ Сигизмундъ Корыбутовичъ, „никакъ не хотѣли оставить Чеховъ, а хотѣли имъ помогать, какъ своему народу и своимъ подданнымъ“. Въ особенности рьяно принялся за это дѣло Витовтъ. Онъ уговаривалъ Пражанъ, чтобъ они, въ отмщеніе князю Іоанну и для освобожденія плѣнниковъ, послали войско съ одной стороны, между тѣмъ какъ онъ съ другой стороны вышлетъ князя Сигизмунда Корыбутовича. Но князь опавскій предупредилъ опасность, выдавъ пословъ императору Сигизмунду³⁾.

¹⁾ Palacký Dějiny hnutí. II, 116, Palacký: Urk. Beitr. I, 121, срани. 187. Срани. также письмо императора Сигизмунда къ маркграфу Бранденбургскому 28-го сентября 1421 г. (Palacký: Urk. Beitr. I. 64).

²⁾ Письмо Аврама Чернаго (Miger) къ князю Іоанну изъ Воачки 23-го сентября 1421 г. Palacký: Urk. Beitr. I, 153 (срани. его Hist. гусит. II, 123), Scriptores reg. siles. VI. 13.

³⁾ Script. reg. siles. VI, 10, 12. Palacký: Urk. Beitr. I, 148, 152, 156. Около того времени (2-го января 1422 г.) жемтуръ Дюнабургскій писалъ своему магистру, что Витовтъ принялъ гуситовъ подъ свое покровительство, что король

Прямо участвовать въ дѣлахъ чешскихъ Витовту удалось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда его партія въ Прагѣ чрезъ убіеніе священника-демагога Іоанна взяла верхъ и стала возлагать всѣ свои надежды на „выпрошеннаго короля чешскаго“¹⁾.

Витовтъ не только ревностно ходатайствовалъ за Чеховъ у папы²⁾, желая ихъ примирить, но и выслалъ наконецъ въ Чехію князя Сигизмунда Корибутовича съ войскомъ. Подъ хоругви князя Сигизмунда стекались въ Краковъ не только Поляки, но и православные Русскіе, особенно изъ Галичской Руси. Горько жаловался потомъ король Владиславъ на „жителей земли Русской въ области Львовской и въ другихъ мѣстахъ“, что они, когда онъ чрезъ старосту-генерала русскаго Спитка Тарновскаго, призывалъ ихъ къ оружію противъ гуситовъ за деньги, не охотно послушались этого приглашенія, между тѣмъ какъ съ княземъ Сигизмундомъ и безъ денегъ спѣшили на помощь гуситамъ „противъ своего спасенія и чести“³⁾.

Князь Сигизмундъ Корибутовичъ, вступивъ съ польско-русскимъ войскомъ въ чешскія земли „для защиты закона Божіаго и общественнаго добра“ (1422 г.), объявлялъ вездѣ, что онъ приходитъ во имя Александра-Витовта „выпрошеннаго короля Чешскаго“, какъ его уполномоченный управитель, чтобъ овладѣть землей и защищать ее противъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; увѣщевалъ всѣ партіи сохранять миръ другъ съ другомъ и прибыть на сеймъ въ городъ Чаславъ, гдѣ примутся нужныя для земскаго порядка мѣры. Чтобы приобрести себѣ расположеніе гуситовъ, онъ причащался еще въ моравскомъ городѣ Уничевѣ подъ обоими видами. На сеймѣ Чаславскомъ онъ

Польскій находится у него, и что оба хотѣтъ тайкомъ сойтись съ великимъ княземъ Московскимъ. (Napieraky: Index corporis histor.-dipl. Livoniae, Esthon., Sigon. No 1005).

¹⁾ По словамъ одного русско-литовскаго лѣтописца, «Чешское королевство великую честь держало вадъ славнымъ господаремъ» (изд. Даниловича 62, изданіе А. Попова, 48).

²⁾ Папа, жестоко нападав на Витовта за принятіе чешской короной изъ рукъ еретиковъ, замѣчаетъ между прочимъ, что имѣнціе курьеры и князья не позволяютъ ему занять чешское королевство, хотя бы и самъ императоръ Сигизмундъ не противился тому. (Palacký Urkundl. Beitr. I, 206).

³⁾ Palacký: Urkundl. Beitr. I, 303. — О князѣ Сигизмундѣ Корибутовичѣ въ Чехіи см. особенно Палацкаго Ист. гусит. II., также статью Стадницкаго объ Олгердовичахъ (Bibl. Ossolińskich, 1865, VI, или въ Bracia Władysława Jagielly, 50). Объ немъ писалъ Пельцель въ журналѣ Abhandlungen der böhm. Gesellschaft der Wiss. (1786, p. 360).

былъ единогласно признанъ собравшимися панами и городами правителемъ земскимъ, обѣщавъ защищать законъ Божій. Также и Таборы, и въ главѣ ихъ вожди Жижекъ, Хвалъ, Буховець и городскія общины Таборъ, Домажлицы, Клатовы, Сушица, Песекъ и другія, приняли его какъ „помощника и высшаго правителя земскаго“, общая ему повиноваться. Новый правитель или губернаторъ чешскій назывался „Сигизмундъ, Божією милостію князь Литовскій, назначенный яснѣйшимъ княземъ и господаремъ Александромъ-Витолдомъ Божією милостію княземъ великимъ литовскимъ, королемъ чешскимъ, выпрошеннымъ для защиты и освобожденія закона Божія и успокоенія и устроенія земли Чешской, и признанный панами земскими, панами Пражанами, рыцарями, панонами (дѣтьми боярскими), городами и всѣми общинами закону Божіему склонными, вполне и безъ препятствій и съ единодушіемъ“¹⁾.

Князь Сигизмундъ, или какъ называли его Чехи въ отличіе отъ императора Сигизмунда, „Корыбутъ“, отселъ управлялъ Чехіей къ общему удовольствію не только Пражанъ и гуситскихъ пановъ и городовъ, ко и Таборовъ. Между нимъ и Жижекю завязались потомъ особенно дружескія отношенія, такъ что они называли другъ друга „отцемъ“ и „сыномъ“. Когда позже, вслѣдствіе стараній польскаго духовенства, Владиславъ и Витовтъ отклонились отъ „еретическихъ“ Чеховъ, то и князь Корыбутъ вынужденъ былъ оставить Чеховъ. Но онъ это сдѣлалъ неохотно, и не смотря на всѣ предпринимавыя въ Польшѣ мѣры противъ гуситовъ, возвратился потомъ самовольно съ дружиною въ Чехію, къ великому гнѣву Владислава (1424 г.). Последній напрасно сваливалъ съ себя всякое соучастіе въ этомъ дѣлѣ и конфисковалъ имущество Корыбута и его сподвижниковъ: недовѣріе къ Полякамъ у сосѣднихъ народовъ было такое, что войско польское, прибывшее въ Мораву воевать противъ гуситовъ, не было даже принято австрійскимъ герцогомъ и вернулось домой. Князь Корыбутъ остался въ Чехіи нѣсколько лѣтъ, пользуясь пріязнью особенно Пражанъ, какъ ихъ выбранный господарь (панъ), и воюя въ рядахъ гуситскихъ. Онъ и другіе воины польскіе и русскіе участвовали въ блестящей побѣдѣ надъ Нѣмцами подъ Устьемъ (1426 г.). Въ этомъ сраженіи, по словамъ современной пѣсни, „князь Сигизмундъ съ плачемъ Богу молился, войско къ сраженію увѣщевая и землякамъ бодрость прида-

¹⁾ Archiv Český III, 239; I, 213; Palacký: Urk. Beitr. I, 192, 194, 287; Script. reg. sil. VI, 30. Сравни. Staří letopisové čestí, 52,

вая. Его Поляне, Чехи и Мораване, доблестные паны Пражане враговъ храбро били¹⁾. Но Корнбутъ, стараясь примирить Чеховъ съ папою, скоро лишился пріязни Пражанъ. Когда въ Чехіи узнали объ этомъ планѣ, то наущеніемъ самихъ чашническихъ священниковъ, Корнбутъ былъ заточенъ и высланъ изъ Чехіи. Съ нимъ оставили Чехію и Поляки (1427 г.). Горько жалуются на это происшествіе современники: „священники насъ съ цѣлымъ міромъ поссорили; мы лишились и Польши, откуда прежде доставлялась намъ помощь. Такимъ образомъ, отплатили Пражане Полякамъ за ихъ услуги и помощь противъ враговъ!“²⁾. Но не смотря на это оскорбленіе, Корнбутъ скоро является опять въ числѣ чешскихъ воеводъ. Онъ занялъ городъ Гливици въ Силезіи (1430 г.) и участвовалъ въ побѣдѣ Чеховъ надъ Нѣмцами у Домажлиць (1431 г.).

Кромѣ Корнбута, мы встрѣчаемъ въ чешскихъ войскахъ и другихъ Поляковъ и Русскихъ. Такъ, панъ Добеславъ Пухала, который былъ въ числѣ гуситскихъ гейтмановъ въ Силезіи и владѣлъ городомъ Крейцбургомъ; Петръ Полякъ, гейтманъ въ Нѣмціи, и другіе гейтманы въ силезскихъ вѣрвостяхъ. Между сподвижниками знаменитаго гейтмана Таборскаго Рогача изъ Дубой († 1437 г.) упоминается и польскій панъ Вышекъ Рачинскій³⁾.

Въ числѣ Русскихъ, помогавшихъ Чехамъ въ тяжелой ихъ борьбѣ съ Нѣмцами, замѣтны особенно два князя Острожскихъ. Первый, Фридрихъ, „князь Русскій“ (такъ называется онъ въ одной современной чешской пѣснѣ), отличился особенно въ сраженіи Утскомъ, командуя, вмѣстѣ съ двумя чешскими гейтманами, цѣпниками (войско вооруженное цѣпами). Позже былъ онъ гейтманомъ въ моравскомъ городѣ Брячиславлѣ и участвовалъ въ разныхъ военныхъ подвигахъ Чеховъ въ Силезіи, въ Польшѣ и въ Угріи (1434); упоминается еще въ 1438 году въ Польшѣ, какъ помощникъ гуситскаго пана польскаго Спытеа изъ Мельштына, какой-то наемный воинъ короля Владислава въ походѣ въ Чехію, куда онъ отправился съ 200 всадниковъ. Вслѣд-

¹⁾ Vybor z liter. české II, 306.

²⁾ Vybor z liter. české II, 310. Staří letopisové čestí 71. Также епископъ Таборскій Николаѣ изъ Пельгримова (1444 г.) упрекаетъ Пражскихъ поповъ, что *in principem Lithuaniae Sigismundum irruerunt.* (Script. rer. bussit. II. 690).

³⁾ Пухала и Полякъ упоминаются часто въ силезскихъ письменныхъ памятникахъ около 1430 г. (Script. rer. siles. VI). Сравни ниже письмо императора Сигизмунда къ королю Владиславу. Рачинскій прибылъ въ Чехію уже въ 1421 году посломъ Витовта. Сравни. Staří letopisové čestí 103.

стві долголѣтняго пребыванія въ Чехіи, онъ сталъ совсѣмъ Чехомъ. Другой князь Острожскій, вѣроятно сынъ или племянникъ Фридриха, Вячеславъ, поминается въ 1460 году между гейтманами гуситскаго авантюриста въ Австріи Вячеслава изъ Рахманова (Младванька ¹).

Поляки и Русскіе оставались въ чешскихъ войскахъ, не смотря на всѣ угрозы короля Владислава ²).

Отчужденіе официальной Польши и Литвы, то-есть, ихъ правителей, отъ Чеховъ было кратковременно. Когда, по смерти Витовта (1430 г.) возникли серьезные споры между Польшей и Литвой, и литовскій великій князь Болеславъ Швитригайло ³), братъ короля Владислава, сталъ сноситься съ врагами Польши, особенно съ императоромъ и съ нѣмецкими рыцарями, то король Владиславъ опять сталъ сближаться съ Чехами. Князь Корыбутъ и панъ Пухала были приняты въ службу короля, и Чехамъ стала доставляться тогда изъ Польши всяческая помощь. Горько жалуется на эту поддержку Чеховъ Поляками, императоръ Сигизмундъ. „Прекратите помощь“, пишетъ Сигизмундъ Владиславу, „которую оказываютъ Чехамъ Сигизмундъ Корыбутъ, Пухала и многіе другіе; всѣми крѣпостями въ Силезіи, еретиками завоеванными, владѣютъ одни Поляки. Еретики явно продаютъ въ Польшѣ свою добычу, вольно покупаютъ въ Краковѣ оружіе, лошадей и другія потребности, что имъ приноситъ пользу и чѣмъ они гордятся“ ⁴).

¹) О Фридрихѣ Острожскомъ см. особенно Длугоша (кн. XI): Квитанція его королю Владиславу (Краковъ 4-го іюня 1438 г., cum decemtia equis, quora nobis-sim vergus Bohemiam duxerimus) хранится въ главномъ архивѣ Варшавскомъ; въ ней онъ пишется «Fridericus dux de Ostrogog» (sic) им. «Ostrog», какъ видно по печати съ гербомъ князей Острожскихъ (надпись не разборчива), а на другомъ мѣстѣ (грам. 1428 г.) пишется «Fredericus dux Russiae alias Ostroch.» (Script. reg. siles. VI. 59) Чешская грамота Вячеслава Острожскаго (Václav Knieže z Ostrova) въ сборникѣ Archiv Český IV, 334. Сравни. Палацкаго Dějiny česk. národu IV. 1, 439.

²) Такъ, еще въ 1431 г. король Владиславъ угрожаетъ разными наказаніями своимъ подданнымъ, «которые помогаютъ Чехамъ». (Raszyński Codex dipl. Lituan. 351). — Съ другой стороны упоминаются Поляки и Русскіе и въ войскахъ императора Сигизмунда; такъ въ сраженіи Вышеградскомъ (1-го ноября 1420 г.) погибли панъ Валицкій и Юрій князь Смоленскій; въ сраженіи Нѣмецко-Бродскомъ (8-го января 1422 г.) попались въ плѣнъ панъ Завиша Чарный изъ Грабова и Боровскій.

³) Имя этого великаго князя пишется такъ, какъ онъ самъ писался по русски: «Швитригайло», «Швитригайло» (въ грамотахъ и русско-литовск. лѣтописяхъ). И Чехи называли его «Švidrgal» или «Švidrhal» (Starí letopis. čeští 113). Облинованная форма этого имени есть Свидригайло, Свидригелло.

⁴) Письмо отъ конца мая 1431 г. (Палацкій Ист. гусит. II, 367). Сравни. также

Вслѣдствіе побужденія со стороны Корнбутовича, король Владиславъ сдѣлалъ тогда вновь попытку примирить Чеховъ съ Рикомъ. Для этой цѣли было устроено обыкновенное, по духу тогдашняго времени, преніе между чешскими и польскими теологами. Это преніе, веденное на чешскомъ и на польскомъ языкахъ, конечно, не повело ни къ чему. Напрасны были и всѣ слова стараго короля, увѣщавшаго Чеховъ къ возврату къ католической церкви. „Если и всѣмъ вѣрующимъ слѣдуетъ жалѣть о вашемъ заблужденіи“, сказалъ Владиславъ, „то тѣмъ болѣе мнѣ и моему королевству по поводу сосѣдства королевствъ и родства языка“¹⁾. Но не смотря на эту неудачу, сношенія между Польшею и Чехіею становились все болѣе тѣсными и дружескими. Въ 1432 году прибыли послы польскаго короля въ Прагу; пошли уже и въ томъ же году первые вспомогательные отряды чешскіе въ Польшу на помощь противъ нѣмецкихъ крестоносцевъ, и Пухала сталъ нанимать Чеховъ въ военную службу. Позже Сиротки и Таборы стали собираться въ сѣверовосточной Чехіи въ походъ въ Польшу²⁾. Особенно дружески относились къ Полякамъ Сиротки, приверженцы покойнаго Жижки. Они, находясь лѣтомъ 1432 года въ Силезіи, отправили пословъ къ королю Владиславу, который пребывалъ тогда близъ границы, въ Пабяницахъ, и предложили образовать болѣе тѣсныя государственныя связи между Чехіею и Польшею. Чешскіе послы были приняты торжественно и дружелюбно, и между Чехами и Поляками заключенъ тогда союзъ „противъ всѣхъ Нѣмцевъ“³⁾.

Script. rer. siles. VI, 119—120. Въ искреннюю готовность Поляковъ подать помощь противъ еретиковъ Сигизмундъ не вѣрилъ и раньше. Когда на съѣздѣ Лудкомъ (1429 г.) польскіе паны предлагали свою помощь противъ гуситовъ въ Силезіи, то императоръ отвѣтилъ имъ недовѣрчиво: «Что же сдѣлаютъ Поляки противъ Поляковъ?». Mosbach: Prżyszupek do dziejów polskich, 92; Script. rer. siles. VI, 83.

¹⁾ Длугошь I, 577.

²⁾ Script. rer. siles. VI, 107, 117, 120. Страхъ передъ предстоящимъ соединеніемъ Чеховъ и Поляковъ былъ такой, что уже весной 1431 г. распространился въ Пруссіи слухъ, будто Корнбутъ и Пухала, «страшные и настоящіе еретики», стоятъ съ войскомъ уже на границахъ прусскихъ, и что чешскіе послы присутствовали на сеймѣ Краковскомъ вслѣдствіе союза Чеховъ съ Поляками. Но этотъ слухъ оказался невѣрнымъ. Сравни. Коцебу: Свигригайло 106; Daniłowicz: Skarbiec diplom. Litwy II, 117; Grünhagen: Die Hussitenkämpfe der Schlesier 204.

³⁾ Такъ говорили польскіе послы угорскимъ чинамъ 10-го августа 1432 г. (Письма угор. палатина Ник. изъ Горы и епископа Загребскаго Іоанна; Martene et Durand: Collectio monum. ampliss. VIII, 161, 164; Палацій Ист. гусит. III, 53; Длугошь I, 605). Лѣтомъ 1432 г. (18-го іюля) Швигригайло упрекаетъ

И уже 8-го сентября того года гейтманы Сиротскій Іоаннъ Чапекъ изъ Санъ и Таборскій Отикъ изъ Лозы, какъ союзники польскаго короля, своего доброжелателя и покровителя, посылають, отъ имени всѣхъ Чеховъ - гуситовъ разметныя грамоты (объявленіе войны) нѣмецкому ордену ¹⁾.

Весною же 1433 года Сиротки подъ гейтманомъ Чапкомъ изъ Санъ пошли черезъ Силезію и Великую Польшу на помощь Полякамъ противъ рыцарей въ Пруссію и Новую Марку и дѣйствовали здѣсь вмѣстѣ съ польскимъ войскомъ подъ Сендзивоемъ изъ Остророга. Когда же Чапекъ въ завоеванномъ городѣ Тчевѣ поймалъ нѣсколько Чеховъ, служившихъ рыцарямъ, то велѣлъ ихъ всѣхъ сжечь, „потому что они помогали Нѣмцамъ противъ собственнаго своего народа и противъ короля и королевства Польскаго, одинаковаго съ ними языка“ ²⁾.

Съ другой стороны, великій князь Литовскій Швитригайло, воюя съ королемъ, домогался пріязни Чеховъ и охотно принималъ предлагаемую ему отъ нихъ помощь, особенно отъ вождей войска Таборскаго, именно отъ Сигизмунда Корыбутовича, Прокопія Великаго, Дивиша (Діонисія), Борьва изъ Милетинка, Павла Совинскаго, Вилема Костки изъ Постуницъ и Смела Голицеаго. Между Швитригайломъ и этими чешскими полководцами заключенъ былъ какой-то договоръ для взаимной помощи; на послѣднихъ возлагалъ Швитригайло главныя свои надежды.

Въ письмахъ, писанныхъ по чешски (изъ Новгородеа, 29-го апрѣля 1431 г.) взятимъ чешскимъ вождямъ, Швитригайло благодарить милаго своего племянника за предложенную помощь противъ всѣхъ враговъ и за агитацію въ его пользу между чешскими гейтманами, обѣщая

Владислава за тѣсныя его связи съ Чехами (Voigt, Gesch. Preuss. VII, 595; Dąbrowski, Scahbies II; 134).— Польскій историкъ начала XVI вѣка Ваповскій, разсказывая о предложеніи Чеховъ, приводитъ рѣчь ихъ пословъ: «Чехи—народъ Полякамъ братскій и родственникъ, одного съ ними происхожденія и языка, не желаютъ ничего лучше, какъ чтобы Польша освободилась отъ всѣхъ сильныхъ враговъ»; и указывая на нихъ, то-есть, императора, Литву, Молдаву и нѣмецкихъ рыцарей, (Чехи) предлагали королю свое войско: «взгляда котораго Нѣмцы даже вынести не могутъ» (изд. Малиновскаго II, 158). О соединеніи съ Чехами противъ императора и нѣмецкихъ рыцарей думали Владиславъ и Витовтъ уже въ 1423 г.; въ 1428 году сами Чехи предлагали свои услуги противъ рыцарей. (Voigt VII, 456, 511.

¹⁾ Martene VIII, 240; Voigt VII, 601.

²⁾ Даугошъ I, 634. Сравни. Voigt, VII, 616, Палацкій, Ист. гусит. III, 126. Въ службѣ польской упоминается Чапекъ еще въ 1449 г. (см. ниже).

ему и съ своей стороны помощь въ случаѣ нужды, и просить его дѣйствовать на этихъ вождей и старшинъ, „чтобъ они эту пріязнь, которую они къ намъ имѣютъ, укрѣпили и усилили, ибо и мы хотимъ вамъ также помогать, гдѣ вы въ насъ будете нуждаться“. Въ такомъ же смыслѣ пишетъ онъ чешскимъ гейтманамъ и панамъ, „своимъ милымъ друзьямъ“ ¹⁾. Въ концѣ 1431 года Швитригайло отправилъ своего посла въ Чехію. Около того же времени находился у Швитригайла, недавно примкнувшій къ гуситамъ, князь Опавскій Вячеславъ ²⁾.

Неизвѣстно, какъ и чѣмъ кончились эти переговоры между Швитригайломъ и Чехами; но еще въ 1433 г. Таборцы, именно ихъ гейтманъ Бедрихъ (Фридрихъ) изъ Стражицы, заявляли желаніе помогать скорѣе Швитригайлу, чѣмъ Владиславу ³⁾.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, Чехи являются помощниками Польши и Литвы, а съ другой—государи этихъ земель обѣщаютъ и

¹⁾ Списки этихъ писемъ прислалъ король Владиславъ императору Сигизмунду (Raszynski Cod. dipl. Lithuan. 351), а тотъ — прусскому магистру. Письма напечатаны въ *Časopise Česk. Mus.* 1831, 290. Языкъ въ нихъ чистъ съ незначительными отклоненіями. Приведемъ здѣсь письмо Швитригайла къ чешскимъ полководцамъ (нынешнимъ правописаніемъ):

Česnému knězi, knezu Prokopu, vyššému Kapitánu vojsky Tábořskej, i také velmožným i sľavným pánoťm, panu Divušu Bořikovi, panu Paulu Sovinskému, panu Vilhelmu Kostce, podkomořemu českému, i panu Smitřovi Holickému, přítelom našim milým osobným bud dán.

Svidrigal z buoře miľosti veliki kněz Litevský i Ruský etc. Naša, přiezeň (przen) napřed s přilělskum pozdrovenim. Česný Kneze a vielmožni i sľavni pánové! Iakoz kněz Sigmunt, synovec náš, bratr váš, jest k nám poslať svého verného sľuhu a dobře hodného panoři Mečka, toho lista ukazatele, dávajeoce nám věděti, kterak bijeste k nám osobno přiezni (przezny) byli s niemi, a kterak bijeste nám pomáhati chcieli na naše nepřetele, kdezъ by nám toho pořebie bylo. Z toho děkujeme vašej miľosti vieliko i vysoko, poněvať my (me) také chceme s vámi zase přiezeň (przen) jmieti i vám pomáhati, kdezъ vám bude potřebie. Protož prosimy vašej miľosti, abyjeste tuto jistě přiezeň potverdili i poslili, jakož byjeste najlépe uměli. Také prosimy Vašej miľosti, abyjeste tomuto Mečkovi o všem úpně dověřili, což od nás s vámi mľuviti bude, jakož bychme sami s vašů miľosti mľuvili.

Dán v Nověhradci v neděli pо sv. Iifem. A. D. etc. trescesimo primo. Подъ тѣмъ же самымъ числомъ Швитригайло писалъ о предлагаемой помощи Чеховъ и маршалу ордена (Коцебу: Швитригайло, 92). Съ чешскимъ языкомъ этой грамоты Швитригайла сравн. ниже приведенную русскую его грамоту.

²⁾ Коцебу 104, 133.

³⁾ Script. reg. siles. VI, 127.

Чехамъ свою помощь въ случаѣ нужды ¹⁾. Но мало того. Уже тогда думали о возведеніи на чешскій престолъ молодаго королевича Владислава, и довѣріе обоихъ братьевъ, Владислава и Швитригайла, къ Чехамъ было такъ велико, что оба представляли свой споръ на рѣшеніе чешскаго сейма (1433 г.): Чехи являются посредниками и между Польшей и Литвой ²⁾.

Но прежде, чѣмъ это могло состояться, перемѣнилось положеніе дѣлъ и въ Чехіи, и въ Литвѣ. Вскорѣ послѣ того вспыхнула въ Чехіи внутренняя война, кончившаяся почти совершеннымъ истребленіемъ демократическихъ и воодушевленныхъ славянской взаимностью Сиротковъ и Таборовъ: изъ страшнаго сраженія Липанскаго (30-го мая 1434 г.) вышли побѣдителями аристократическая партія католиковъ и умѣренные гуситы-чашники, и признали, наконецъ, столь ненавистнаго Чехамъ императора Сигизмунда своимъ королемъ. Черезъ годъ послѣ Липанскаго сраженія рѣшена была и судьба Швитригайла въ сраженіи у Вилкомира на рѣкѣ Святой (1-го сентября 1435 г.). Войско Швитригайла состояло преимущественно изъ православныхъ Русскихъ (изъ Литвы) и изъ вспомогательныхъ полковъ татарскихъ, нѣмецкихъ и чешскихъ, или какъ выражаются литовско-русскіе летописцы, изъ „гостей Ракушанъ (Австрийцевъ), Слезавъ или Сляжанъ и Чеховъ“ ³⁾. Главнымъ вождемъ войска Швитригайла былъ князь Сигизмундъ Кормбутовичъ. Королевское войско польско-литовское одержало побѣду; Кормбутовичъ попалъ въ плѣнъ и здѣсь погибъ. Такъ кончилъ жизнь этотъ замѣчательный литовскій князь, одинъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ мысли о соединеніи государствъ Чешскаго, Польскаго и Литовско-русскаго ⁴⁾.

¹⁾ Чеховъ помогавшихъ Польшѣ боялся Швитригайло, какъ видно изъ письма Владислава къ нему 1432 г. (Расзуѣнскі Cod. dipl. Lith. 369).

²⁾ По словамъ Прокопія, — на соборѣ Базельскомъ (Палаціи Ист. гусит. III, 96). Здѣсь и папѣ Костка защищаль короли Польскаго, «союзника Чеховъ» противъ клеветы крестоносцевъ.

³⁾ Изд. Даниловича 59, Попова 53, Нарбутта 47.

⁴⁾ Отъ брата Сигизмунда Кормбутовича, Феодора, производились литовско-русскіе князья Вишневецкіе и Збаржскіе. Киевскій митрополитъ Исая, обращался въ 1631 г. къ князю Іереміи Вишневецкому, приводить въ числѣ его предковъ и «Жигмунта», который «для великой дѣльности рыцерской взятый былъ на королевство чешское», (Акты зап. Россіи IV, стр. 528). Польскій поэтъ Твардовскій, воспѣвая (1630 г.) посольство князя Христофора Збаржскаго въ Турцію, тоже приводить въ числѣ его предковъ князя Сигизмунда Кормбутовича:

Послѣ сраженія Вилкомирскаго сдѣланы были опять попытки къ примиренію Швитригайла и Владислава, при посредничествѣ легатовъ Базельскаго собора и Чеховъ, которые заявили полную готовность къ тому. Императоръ Сигизмундъ обѣщаль Швитригайлу всякую помощь съ своей стороны и со стороны воинственнаго народа Чешскаго, и отправилъ по этому поводу въ Литву своихъ пословъ, Мартинка изъ Баворова и Николая Брезинку (1436 г.). Чѣмъ все это кончилось — не извѣстно ¹⁾.

3. Польская партія въ Чехіи, борьба ея съ австрійско-нѣмецкою партіей. — Юрій Подѣбрадеиъ и Казиміръ. — Восшествіе Ягайловичей на чешскій престолъ. — Польскіе гуситы.

Государственное соединеніе Чехіи и Польши хотя и не осуществилось, однако, осталось любимую мыслью національной чешской партіи, именно ревностныхъ гуситовъ всѣхъ сословій. Это и проявилось по смерти императора Сигизмунда (1437 г.). Католическо-аристократическая партія представила своимъ кандидатомъ Нѣмца, австрійскаго герцога Альбрехта. Но противъ этой кандидатуры заявила сильное сопротивленіе національная партія, которая не хотѣла и слышать объ избраніи чешскаго короля нѣмецкой крови. „Чехамъ слѣдовало бы беречься и всѣми силами остерегаться“, восклицаетъ тогда одинъ чешскій патриотъ къ своимъ соотечественникамъ, „чтобъ они не подпали подъ правленіе чужаго народа, особенно же нѣмецкаго, ибо, какъ свидѣтельствуютъ чешскія лѣтописи, этотъ народъ есть наисвирѣпѣйшій къ пораженію народа Чешскаго и Славянскаго. Нѣмецъ принесетъ съ собою только истребленіе Чешскому и Славянскому народу. Чехи, если не могутъ имѣть государя изъ своего народа, должны подумать о другомъ Славянскомъ народѣ, должны искать себѣ государя Славянскаго народа, а Нѣмецкаго никакъ не принимать“ ²⁾.

Stawzy Zygmunt na czeskie królestwo się sadzi,
Gdzie ozdobne z ochoczych chorgwie prowadzi.
Zkąd wiela sławny zwycięstw powróciwszy w domu

Tonie u Świąty, z krwawego uchodzc pogromu». (Legacya ks. Kr. Zb., р. 5. Тотъ же самый князь Христофоръ заступался на сеймѣ 1627 г. за Славянъ, братъ его Юрій въ 1619 г. — за Чеховъ.

¹⁾ Сравн. письмо императора Сигизмунда Швитригайлу отъ 1-го февраля 1436. (Коцебу, 213; Daniłowicz: Skarbiec II, 166).

²⁾ Krátké sebrání z Kronik českých (въ изд. Далимилы Ганки 226, Палацкіи Ист. гусит. III, 269. Еще въ 1429 г., когда Альбрехтъ владѣлъ Моравіей, Чехи

Противники Альбрехта были особенно ревностные чашники, шляхтичи, города и остатки Таборовъ. Во главѣ ихъ паны—Гинекъ Птачекъ изъ Пиркштейна, Алешъ Гелицкій изъ Штернберга, Юрій изъ Подѣбрадъ, Костка, Змералики, Борьки, гейтманъ Таборовъ Бедрихъ и другіе. Они, соображая, что „Нѣмцы всегда были и суть главными врагами народа Чешскаго, Польскаго и всего Славянскаго, и что избраніе нѣмецкаго государя въ чешскіе короли было-бъ и въ настоящемъ, и въ будущемъ величайшимъ зломъ не только Чешскому народу, но и всему Славянскому“, обратили свое вниманіе на сосѣднее славянское государство, Польшу¹⁾. Когда, въ день избранія короля (27-го декабря), большинство голосовъ высказалось за Альбрехта, то партія Птачка вышла изъ сейма и стала агитировать во всей землѣ въ пользу короля Польскаго, который заявилъ уже желаніе принять чешскую корону и сносялся съ своею партіей въ Чехіи²⁾. Въ мартѣ 1438 г. отправлены были въ Краковъ чешскіе послы, предлагавшіе, неизвестно по какимъ причинамъ, чешскую корону не самому королю Владиславу, а младшему его брату Казимиру. Польскій сеймъ въ Брочинѣ, большинствомъ голосовъ, рѣшилъ принять предлагаемую корону чешскую. Великій князь Литовскій Сигизмундъ и большинство свѣтскихъ вельможъ защищали особенно противъ епископовъ, во главѣ которыхъ былъ старый врагъ чешскихъ еретиковъ, Збигнѣвъ Олешницкій, мнѣніе, что интересы Польши не позволяютъ, чтобы три короны римская, угорская и чешская соединены были на головѣ опаснаго Польшѣ Нѣмца. Казиміръ принялъ чешскую корону, между прочимъ, „изъ сожалѣнія къ бѣдствіямъ Чешскаго королевства одного съ польскимъ языкомъ“³⁾.

Напрасно Альбрехтъ старался склонить короля Владислава, чтобы онъ не позволялъ своему брату принять чешскую корону. Польскій король отклонилъ отъ себя всѣ такіа представленія, указывая, между прочимъ, и на то, что у Казимира, избраннаго въ чешскіе короли, нельзя отнимать этого права, ибо „Поляки и Чехи—народы одного языка и одного происхожденія, между тѣмъ, какъ у нихъ обоихъ съ Нѣмцами нѣтъ ничего общаго“⁴⁾.

требовали отъ короля Сигизмунда. — поручить эту землю пану или князю языкомъ чешскаго или славянскаго» (Надацкій II, 319).

¹⁾ Staří letopisové čeští, 106.

²⁾ Сравн. особенно писема Алеша Гелицкаго 1438 г. въ сборникъ Archiv český II, 4.

³⁾ Длугошъ I, 700, 712.

⁴⁾ Dogiel, Codex dipl. reg. Polon. I, № 10; Dlugosz I, 702.

На помощь польской партіи послано было въ Чехію 4000 войска подъ начальствомъ воеводъ—познанскаго Сендзивоя (Судивоя) изъ Остро-рога и сандомірскаго Іоанна изъ Тэнчина. Они соединились съ Таборами и съ отрядами другихъ пановъ и городовъ польской партіи и выступили къ Табору, находя вездѣ большія симпатіи въ народѣ. Противъ соединенныхъ Чеховъ и Поляковъ Альбрехтъ призвалъ всю Германію на помощь. Онъ указывалъ на то, что еще недавно было достаточно дѣла съ одними Чехами; если же теперь Чехи соединятся съ Поляками, то угрожаетъ большая опасность святой римской имперіи и всему Нѣмецкому народу ¹⁾).

Главнымъ центромъ военныхъ дѣйствій австрійской и польской партій былъ Таборъ. Война стала принимать болѣе обширные размѣры, когда самъ король Владиславъ вторгнулся въ Силезію, гдѣ князья Опольскіе, Глоговскій, Ратиборскій и Олавскій признали Казимира королемъ Чешскимъ. Но стараніемъ папы и Вазельскаго собора удалось, наконецъ, заключить перемиріе между Альбрехтомъ и Владиславомъ (1439 г.) ²⁾).

Послѣ скоропостижной смерти Альбрехта (1439 г.), Чехи, по неизвѣстнымъ причинамъ, уже сами перестали усердствовать въ пользу польскаго кандидата. Только Таборы и нѣкоторые города и шляхтичи старались еще объ избраніи Казимира или самого короля Владислава, уже напрасно ³⁾). Но не смотря на избраніе Альбрехта баварскаго большинствомъ избирателей, партія польская, и во главѣ ея Таборскіе и Іоаннъ Колда изъ Жампаха, Бедрихъ изъ Стражницы, Венешъ Мокровусскій, Іоаннъ Гертвикъ изъ Русинова, не переставали дѣйствовать въ пользу Владислава и возставать противъ „Нѣмцевъ“ и ихъ друзей. Гертвикъ, гейтманъ Чаславскаго края, и Колда прямо назывались „слугами короля польскаго“; Колда сносился съ Краковскимъ кастеляномъ Іоанномъ изъ Чижева и съ воеводой Іоанномъ изъ Тэнчина. Таборы изъявляли желаніе, чтобы чешскій король былъ того языка, который бы Чехи понимали, общали помощь Колдѣ, слугѣ короля польскаго, и предоставляли рѣшить всѣмъ любителямъ „чешскаго и славянскаго языка“, кто старается о возвышеніи Чешскаго народа, ихъ ли партія, или тѣ, которые хотятъ помогать чужеземцамъ и вводить въ землю Нѣмцевъ ⁴⁾). Польская партія по-

¹⁾ Письмо Альбрехта городу Франкфурту, у Палацкаго Ист. гускт. III, 291.

²⁾ Сравни объ этомъ Палацкаго III, 291; Dogiel I, № 9.

³⁾ Palacký Dějiny nár. česk. IV, I, p. 5, 14, 29, 31.

⁴⁾ Сравни письма 1441—1443 гг. въ сб. Archiv Český I, 366, 369, 380. Письмо

могала и Владиславу въ Угріи: именно въ его службѣ были здѣсь Іоаннъ Чапекъ изъ Санъ и самъ Болда (1442—1443 гг.)¹⁾.

Взаимныя симпатіи между Чехами и Поляками проявились особенно, во время національнаго короля чешскаго Юрія Подѣбрадскаго (1457—1471 г.). Юрій, въ началѣ своего царствованія, всячески старался заключить съ королемъ Казиміромъ, съ своимъ „братомъ“, дружескій союзъ, зная, что никакой другой союзъ не принесетъ Чехамъ такихъ выгодъ, какъ союзъ съ Польшою. Поэтому между королевствами Чешскимъ и Польскимъ нѣсколько разъ заключались союзы и договоры о вѣчной дружбѣ и братствѣ обоихъ государствъ и возобновлялись древніе, тому подобныя, трактаты²⁾. Во время личнаго свиданія съ Казиміромъ въ Глоговѣ (1462 г.), Юрій увѣщевалъ польскаго короля подумать о чести и древности ихъ народа и помочь ему противъ папы и Нѣмцевъ, такъ какъ и они Польшѣ, ради Пруссіи, сдѣлали много стыда и вреда³⁾. И Казиміръ показалъ свою дружбу Юрію, когда тотъ, какъ „еретикъ“, приговоромъ папы лишень былъ чешскою короною. Папа предлагалъ тогда чешскую корону Казиміру (1466 года), особенно потому, что и Чешское королевство почти одного языка и народа съ польскимъ. Тогда и возставшіе противъ своего короля чешскіе аристократы-католики обратили свое вниманіе на польскаго короля, „такъ какъ у Чеховъ и у Поляковъ почти одинаковый языкъ“, и призывая Казиміра на чешскій столъ (1467 г.), просили его между прочимъ—не позволять, чтобъ „еретикъ“ господство-

---

Болды (лат.) Іоанну изъ Чижева въ архивѣ чешск. музея. Таборскія общины (Таборъ, Жатець, Песекъ, Клатовы) называютъ еще въ 1443 г. Владислава польскаго своимъ господиномъ (domino nostro Poloniae, Ungariae etc. regi adhaerentibus, хроника Николая изъ Пельгримова. Script. rer. hussit. II, 737).

¹⁾ Чапекъ называетъ еще въ 1449 г. короля Казиміра своимъ господиномъ; въ этомъ году (8-го октября) онъ, князь Тѣшинскій Волекъ (Волеславъ) и Николай Маршалекъ изъ Дубовца примиряли въ Освѣтнѣ короля Казиміра съ Николаемъ изъ Владивина. Въ 1442 г. Вочекъ изъ Позорницъ и Драготуша прини-малъ отъ короля Владислава часть долга за Чаша изъ Санъ (ex Sahan) и При-бика изъ Кленоваго (Граметы, писанныя по чешски, въ главномъ архивѣ Варшавскомъ). О Болдѣ см. ниже.

²⁾ Справ. Dogiel: Cod. dipl. Pol. I. №№ 17—19; Palacký: Urkundliche Beiträge zur Gesch. Böhmens im Zeitalter Georg v. Poděbrad, 367, 460, 474, и др. (Festec. ger. austr., XX).

³⁾ Eschenloer (современный писарь Вратиславскій)—Geschichte Breslau's, ed. Kunisch, I, 189. Справ. Палацкаго Ист. чешск. нар. IV, 2, 180.

валъ въ „королевствѣ славянскаго рода“¹⁾. Казиміръ, однако, не только не принялъ предлагаемой ему съ обѣихъ сторонъ чешской короны, но и старался примирить Юрія и съ возставшими панами, и съ папой и исполнить, такимъ образомъ, желаніе чешскаго короля „не допускать гибели и разоренія королевства дружественнаго и одного съ нимъ языка славянскаго“²⁾. Поэтому Казиміръ, „глубоко жаль о гибели славнаго чешскаго королевства и природнаго языка славянскаго“, отправилъ въ Чехію своихъ пословъ, Станислава изъ Остро-рога воеводу Калишскаго, Якова изъ Дубна, старосту Краковскаго и Іоанна Длугоша. Польскимъ посламъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, удалось наконецъ заключить по крайней мѣрѣ перемиріе между королемъ и возставшими панами (1468 г.). Юрій согласился на это единственно изъ особенной любви къ королю Казиміру и съ глубокою благодарностью признавалъ усиліе „милѣйшаго своего брата“ о водвореніи спокойствія въ нашемъ Славянскомъ народѣ³⁾.

Польское посредничество является и въ войнѣ между Юріемъ и королемъ Матвѣемъ Угорскимъ. И тогда тѣ же самые послы короля польскаго старались прекратить вражду между Чехіей и Угріей, но напрасно. Дружескія сношенія между Чехіей и Польшей не прекращались, и Юрій уже тогда (1468 г.) давалъ Казиміру надежду на избраніе одного изъ его сыновей въ чешскіе короли⁴⁾.

Въ Польшѣ повторялось тогда тоже, что было нѣсколько десятилѣтій тому назадъ во время гуситскаго движенія. Національныя симпатіи привлекали Поляковъ и ихъ короля къ славянскимъ ихъ брать-

¹⁾ *Scriptores rer. hussit.* III, 225; Длугошъ II, 394, 405. Сравни. *Dogiel* I. № 17, 18; *Niemcewicz: Zbidr pamiętnikdw* I, 364.

²⁾ Длугошъ II, 435.

³⁾ *Archiv český* IV, 147—164; *Urkundliche Beiträge*, 496. Сравни. Палацкаго *Ист. чешск. нар.* IV, 2, 415. Дипломатическимъ языкомъ въ этихъ переговорахъ былъ, кромѣ латинскаго, и языкъ чешскій (сравни. особенно *Archiv český* IV, 160). Какъ видѣть чешскій король охотно принимаетъ посредничество польскаго короля и его пословъ, такъ равнымъ образомъ нѣсколько лѣтъ назадъ (1454) Казиміръ объявлялъ, что онъ въ спорѣ съ нѣмецкими рыцарями приметъ посредничество чешскаго короля, но только съ тѣмъ условіемъ, что въ этомъ дѣлѣ слышенъ будетъ совѣтъ однихъ только Чеховъ съ исключеніемъ нѣмецкихъ советниковъ (Длугошъ II, 163). Такъ и позже (1465—1466) послы чешскаго короля посредничали между королемъ Казиміромъ и Олешницкимъ княземъ Конрадомъ и его женою въ дѣлѣ Мазовіи и (Червоной) Руси (Грамоты въ главн. архивѣ Варшавы).

⁴⁾ Палацкій *Ист. чешск. нар.* IV, 2, 468, 474.

ямъ; но съ другой стороны, этимъ симпатіямъ немало мешали религиозныя антипатіи и проклятія высшаго католическаго духовенства, ратовавшаго противъ всякаго общенія съ чешскими „еретиками“. Но національныя симпатіи оказывались все-таки сильнѣе. По словамъ одного свѣдущаго современника, „Поляки не мешаютъ Чеховъ, и оба они, будучи одного языка, не допустятъ гибели другъ друга. Ересь ихъ никакъ не раздѣляетъ. Правда, Поляки расположены къ папѣ болѣе, чѣмъ Чехи; но еслибы не было въ Польшѣ сопротивленія со стороны знатныхъ прелатовъ и ихъ друзей, то христіанское послушаніе было бы въ Польшѣ рѣже, чѣмъ въ Чехіи. Воже сохрани“, восклицаетъ этотъ Нѣмецъ, — „чтобы соединились въ ересь Чехія и Польша!“¹⁾

На эти взаимныя симпатіи Поляковъ и Чеховъ жалуются самъ легатъ папы, епископъ Лавантскій Рудольфъ. Когда онъ, въ началѣ 1468 года, предлагалъ чешскую корону марграфу бранденбургскому Фридриху, то указывалъ ему на опасность въ случаѣ принятія этой короны польскимъ королемъ: польскіе прелаты и вельможи убѣждены въ правѣ польской короны на Новую Марку. Это право они намѣрены проявить послѣ того, какъ король приобрететъ Чехію. Поэтому Польша находится съ обѣими партіями въ Чехіи въ дружескихъ сношеніяхъ. Въ случаѣ, если Юрій умретъ, или откажется отъ своей короны, то она, вѣроятно, достанется Казиміру или его сыну, и тогда Польша возьметъ не только Марку, но и Австрію, и другія земли. Если еретическая Чехія достанется Польшѣ, то надо опасаться, что еретичество не уменьшится, а скорѣе умножится, къ великому стыду христіанства. Польскіе священники долго благопріятствовали ереси, многіе польскіе вельможи и нѣмалыя ея отравлены, и многіе еретическіе священники въ Чехіи — Поляки²⁾.

Избраніе короля Матвѣя чешскимъ королемъ со стороны чешскихъ китежниковъ ускорило и избраніе польскаго королевича Владислава наследникомъ чешскаго трона. Это и сбылось еще при жизни Юрія, и по его вліянію на сеймѣ Пражскомъ (въ іюнѣ 1469 г.). Польскій король принялъ это предложеніе, и національная партія на сеймѣ Петровскомъ была за тѣснѣйшій союзъ съ Чехами³⁾. Дѣла чешскія сдѣ-

¹⁾ Eschenloer, нѣм. изд. Бувиша II, 89, латин. въ Script. rer. slav. VII, 148.

²⁾ См. Drouzen, Geschichte der preuss. Politik II, I, p. 343. Кроме священниковъ, были въ Чехіи и разныя польскіе ремесленники, челядь и пр. (Ср. в. Staff leter. čestí, 172).

³⁾ Присутствовавшій тогда въ Петровѣ нѣмецкій магистръ совѣтовалъ не

зались, такимъ образомъ, дѣломъ польскаго королевскаго дома, и Польша должна была, наконецъ, явно вступить въ пользу Чеховъ. „Поляки“, пишетъ современникъ, „никакъ не хотятъ бросить еретика и оставить чешское королевство въ рукахъ угорскаго короля“¹⁾.

По смерти Юрія Подбродскаго (1471 г.), на избирательномъ сеймѣ въ Кутной Горѣ Чехи, большинствомъ голосовъ, выбрали польскаго королевича Владислава своимъ королемъ (27-го мая). Посольство польскаго короля, Добеславъ изъ Куровенкъ, воевода Люблинскій („панъ Любельчикъ“), между прочимъ, припомнилъ собравшимся на сеймѣ чешскимъ чинамъ одинаковое происхождение Чеховъ и Поляковъ, долголѣтнюю и столь часто доказанную взаимную ихъ любовь, такъ что никто и не помыслилъ, чтобъ они когда-нибудь другъ съ другомъ ссорились и воевали. Онъ указывалъ дальше и на вѣрную дружбу между Казиміромъ и Юріемъ, изъ которыхъ первый искренно и усилленно старался прекратить всѣ постигшія Чехію бѣдствія, второй же самъ желалъ имѣть наследникомъ польскаго королевича Владислава²⁾.

Чешское посольство, во главѣ его панъ Цтиборъ изъ Цимбурга, гейтманъ (наместникъ) Моравскій, было принято въ Краковѣ торжественно. Владиславъ: принялъ предлагаемыя условія, и въ присутствіи польскихъ пановъ и чешскихъ пословъ былъ провозглашенъ чешскимъ королемъ. Свою рѣчь къ чешскимъ посланцѣмъ держалъ онъ на польскомъ языкѣ. И Чехи, и Поляки видѣли въ избраніи польскаго королевича возвышеніе „славянскаго языка славянскаго“, особенно въ отношеніи къ другому претенденту чешской короны, королю Матвѣю³⁾.

На помощь новому королю чешскому вмѣшался въ чешско-угор-

принимать условія, чтобы польскій король обязался помогать чешскому противъ всѣхъ его враговъ. (Voigt: Gesch. Preuss. IX, 25).

¹⁾ Eschenloer (Script. rer. siles. VII, 227). Палаціи IV, 2, 516, 537, 572.

²⁾ Подробности объ избраніи Владислава у Палаціаго V, 1. Отрывокъ рѣчи пана Любельчика (по Ватиканск. рукописи) сообщаетъ Gołębiowski: Dzieje Polakii za panow Kазимієrза, 268. Король Казиміръ вознаграждалъ поже пана Добеслава за его услуги и путешествіе: «Bohemiam veniss in nostris et reipublicae necessitatibus» (28-го мая. 1487 г., грамота въ гл. архивѣ Варшавскомъ).

³⁾ Длугошъ II, 167; Archiv český, IV, 455; Dobner: Monum. Boem. histor. II, 438; Палаціи V, 1, 33. Разные документы, касающіеся избранія Владислава, см. въ об. Archiv český IV, 444—456, VI, 78. Сравни также Dogiel—Cod. dipl. Polon. I, № 20; здѣсь въ числѣ условій избранія приводится на второмъ мѣстѣ, чтобы въ чешскомъ королевствѣ во всей публичной жизни употреблялся одинъ только «языкъ славянскій».

скую войну и король Казимиръ, но не былъ уже въ состояніи соединить всѣ земли чешской короны подъ скипетръ своего сына. Только по смерти короля Матвѣя, удалось Владиславу не только возстановить цѣлость чешской короны, но и присоединить къ ней корону угорскую.

Чешское государство соединено съ польско-литовскимъ посредствомъ только одной династіи — Ягайловичей. Въ интересѣ Чеховъ и всего Славянства надо сожалѣть, что не исполнилось желаніе нѣкоторыхъ Чеховъ, заявленное въ 1471 году, чтобы чешская корона засіяла на головѣ самаго короля польскаго и великаго князя литовскаго и русскаго Казимира. Такая федерація славянскихъ народовъ — чешскаго, польскаго и литовско-русскаго, придала бы совершенно другой характеръ исторіи средней и юго-восточной Европы ¹⁾.

Вслѣдствіе вступленія Ягайловичей на чешскій тронъ, государства чешское, польское и литовское вошли въ болѣе близкія сношенія. Всѣ эти государства, управляемыя родомъ Ягайла, считались будто однимъ цѣлымъ, особенно относительно вѣнскихъ враговъ. Такая солидарность интересовъ обнаружилась, напримѣръ, въ войнѣ князей литовскаго и Московскаго (1501 г.). Александръ литовскій тогда прямо вызывалъ короля угорскаго и чешскаго Владислава, чтобы онъ подалъ ему помощь, во имя родства и братской любви, противъ Ивана Московскаго. После же королей польскаго и угорско-чешскаго въ Москвѣ всячески старались о примиреніи обоихъ сосѣднихъ государствъ, и въ случаѣ отказа, угрожали Ивану и войною со стороны своихъ королей, которые считали своимъ долгомъ помогать своему „брату и княжеству литовскому, откуда сами вышли, и гдѣ начался ихъ родъ“ ²⁾.

Особенно тѣсныя сношенія между Чехами и Поляками завязались при королѣ Сигизмундѣ I, опекунѣ молодого короля чешскаго Людовика. Чехи любили Сигизмунда и прямо требовали отъ него, „чтобъ

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь, что стѣнной портретъ короля Казимира находится, въ числѣ разныхъ произведеній живописи 1479 года, въ древнемъ замкѣ въ Пискѣ, городѣ южной Чехіи.

²⁾ Акты Запада. Россіи I, ММ 186, 187, 188. Посолье Владислава въ Москвѣ называется «Матѣишъ Чемецкскій, королевскій постельничій», вѣроятно, изъ чешскаго рода владѣвъ изъ Чемецъ, члены котораго упоминаются въ XIII—XVI вѣкахъ. Интересно, что въ рѣчи его, по русски приведенной, Владиславъ называется всегда по чешски «краль, кравекское величество», а не «кромь, король».

онъ, какъ Полякъ, заботился о чешскомъ королевствѣ подъ польскимъ родомъ⁴⁾, и часто говорили ему о своихъ дѣлахъ и просили его совѣтовъ. Сигизмундъ, признавая „искреннюю любовь и уваженіе“ Чеховъ къ своей особѣ, часто обращаетъ вниманіе на дѣла въ сосѣднемъ чешскомъ государствѣ. Успѣхи и побѣды польскаго короля Чехи нерѣдко считали своими собственными и радовались имъ. Когда Сигизмундъ началъ войну съ Альбрехтомъ брусскимъ (1520), то король чешскій Людовикъ строго запретилъ вербовку воиновъ въ Чехію и въ Моравію въ пользу Альбрехта, предоставляя это, въ случаѣ нужды, самому королю польскому. Этою войною любимаго короля Сигизмунда съ Нѣмцами очень интересуется одинъ изъ знаменитѣйшихъ пановъ чешскихъ, Вилемъ изъ Перинштейна, желая ему всевозможныхъ успѣховъ противъ враговъ „нашего языка“¹⁾.

Такимъ образомъ осуществилось, хотя и не вполне, давнее желаніе чешской національной партіи увидѣть корону св. Вячеслава на головѣ „славянскаго“ государя королевской крови польскаго. Что это не случилось раньше и болѣе тѣснымъ образомъ, что Чехія и Польша не сдѣлались однимъ государствомъ, это произошло преимущественно отъ того, что гуситское движеніе не распространилось у Поляковъ въ такой стѣпѣ, какъ у Чеховъ. Благодаря усилію польскаго духовенства, которое всячески старалось удалить отъ Польши „еретическую заразу“, Поляки и ихъ государи безпрестанно удерживались отъ болѣе тѣснаго союза съ проклинаемыми своими чешскими братьями, къ которымъ ихъ одинаго привлекали живѣйшія національныя симпатіи.

Но не смотря на всѣ строжайшія мѣры, гуситство проложило себѣ все-таки путь и въ Польшу. Еще на Константскомъ соборѣ самъ импе-

⁴⁾ Множество письменныхъ памятниковъ по чешскимъ дѣламъ во время Сигизмунда находится въ Acta Tomisiana (ср. IV, 197, V, 110, 155, 235 и др.). Письмо Перинштейна въ сб. Archiv český II, 142. Ср. Палацкого Ист. чешск. нар. V (1, 2, періодъ чешскихъ Ягайловичей). Чехи въ сношеніяхъ съ Сигизмундомъ и съ другими Поляками употребляли, кромѣ обыкновеннаго языка латинскаго, и чешскій языкъ: такъ, напримѣръ, по чешски пишутъ Вилемъ изъ Перинштейна Сигизмунду и ташискому князю Казимиру (Archiv český I, II), панъ Генрихъ изъ Розенберга Сигизмунду (Палацкій, Ист. чешск. нар. V, 2, 300); братья изъ Вербна на Брунташѣ заключаютъ известный договоръ съ Сигизмундомъ по-чешски (1515, грамота въ гл. архивѣ Варшавск.), и пр. Не забудемъ, что Сигизмундъ, въ началѣ XVI вѣка, былъ королевскимъ наместникомъ въ Силезіи, и что секретарь короля Владислава, Прокопъ Малый изъ Цетана, по смерти его, вступилъ въ службу польскаго короля.

раторъ Сигизмундъ заявилъ, что и въ Польшѣ есть приверженцы гуситства; на то же самое жалуются и король Владиславъ, и сеймъ, собравшійся въ новомъ мѣстѣ — Борчинѣ (1423 г.). Да, польскіе епископы вынуждены были строго смотрѣть за подвластными себѣ духовенствомъ, опасаясь и въ его рядахъ встрѣчать „приверженцевъ и защитниковъ еретической злобы Іоанна Гуса“; папы и ихъ легаты жалуются, что гуситскими ересью заражаетъ и Поляковъ, и еще въ 1454 году назначенъ былъ въ епархіяхъ Великой Польши особый *inquisitor haereticae pravitatis*. Сами Чехи въ 1435 году вступаются за гуситовъ въ Польшѣ. Въ числѣ приверженцевъ гуситства въ Польшѣ извѣстны особенно паны Спытекъ Мельштынскій, Авраамъ Збонскій и Остророги. Во мѣтвіяхъ и взглядахъ славнаго Іоанна Остророга о взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви замѣтно вліяніе новыхъ гуситскихъ идей¹⁾.

Изъ польскихъ духовныхъ лицъ, приверженцевъ Виллефа и Гуса, извѣстенъ особенно Андрей Галка изъ Добчина (около 1449 г.), который, по поводу этихъ мѣтвій, долженъ былъ оставить Польшу и уйти въ Силезію²⁾. Польскаго происхожденія былъ и гуситскій священникъ Пражскій Михаилъ, называемый Полякомъ († 1480 г.), изъ шляхетскаго рода Чемовскаго въ Великой Польшѣ. Присоединившись къ гуситамъ, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью у Пражанъ; онъ дѣйствовалъ и въ пользу избранія Владислава въ чешскіе короли³⁾.

Любопытно, что польское духовенство хотя и ратовало всячески противъ чешскихъ еретиковъ, но все-таки не забывало, что эти еретики одного съ Поляками происхожденія славянскаго. Самый рьяный противникъ гуситовъ, Збигнѣвъ Олешницкій, епископъ Краковскій, еще при концѣ своей жизни мечталъ о возвращеніи своихъ славянскихъ братьевъ, Чеховъ, въ лоно католической церкви. Приглашая извѣст-

¹⁾ Сравни его знаменитое *Monumentum pro reipublicae ordinatione congestum* (1459 г.), въ журналѣ *Roczniki towarzystwa przyjaściół nauk Poznań*. I, 269. Остророгъ резко нападаетъ на излишнюю покорность папѣ, на аннаты, на разныя злоупотребленія въ церкви, на симонію, индульгенціи и пр.

²⁾ *Więzniewski, Hist. Lit. pol.* III, 224, 425 (польская пѣснь Галки въ честь Виллефа). Въ 1451 году упоминается въ Таборѣ польскій священникъ Іоаннъ Галекъ, недавно бѣжавшій изъ Польши (Палацкій, *Ист. чешск. нар.* IV, 1, 401), — ктожели Галка?

³⁾ Палацкій, *Ист. чешск. нар.* V, 1, 201; *Starí letopisové čeští*, 503; по нимъ же (221) Михаилъ «хотя и Полякъ, все-таки былъ усерднѣйшій (náramný) приверженецъ чаши Христовой».

наго миссіонера Капистрана изъ Моравы въ Польшу, онъ радуется его прибытію „къ народамъ славянскаго языка“ и надѣется, что ему, можетъ-быть, удастся истребить ересь у Чеховъ— „благородной отрасли Славянъ“. „Если обратишь этотъ народъ“, кончаетъ Збигнѣвъ свое письмо (2-го августа 1451 г.),— „то обяжешь собою навсегда не только тотъ народъ, но и народы польскій, силезскій и славянскій; ибо мы по поводу единства языка, которымъ соединены съ Чехами, жаждемъ ихъ спасенія, какъ своего собственнаго“¹⁾.

4. Чешскіе войны и чешское военное искусство въ Польшѣ и въ русскихъ земляхъ.

Чехи, издавна народъ воинственный²⁾, въ теченіе гуситскихъ войнъ сдѣлались первымъ военнымъ народомъ въ Европѣ. Жижка и его преемники проложили военному дѣлу новый путь, создали новѣйшую стратегію и военную науку. У Чеховъ учились потомъ воевать другіе народы, пребывая въ ихъ рядахъ, или призывая ихъ и къ себѣ.

Мы видимъ въ теченіе XV вѣка въ разныхъ земляхъ средней и восточной Европы чешскіе наемные полки, или какъ они обыкновенно назывались, „роты“. Они воюютъ въ Угріи, въ Дунайскихъ земляхъ юго-славянскихъ, въ Польшѣ и въ Литвѣ и въ сосѣднихъ земляхъ нѣмецкихъ. О многихъ этихъ войнахъ можно повторить слова, которыя написалъ одинъ чешскій поэтъ о знаменитомъ стратегѣ чешскомъ второй половины XV вѣка, Вячеславѣ Волчкѣ изъ Ченова, что онъ, участвовалъ въ военныхъ предпріятіяхъ на Лабѣ, Дунаѣ, Вислѣ и Днѣпрѣ³⁾.

Мы уже часто имѣли случай говорить о чешскихъ военныхъ отрядахъ въ Польшѣ и о польскихъ и русскихъ войскахъ въ чешскихъ земляхъ. Наемныя роты чешскія встрѣчаются на службѣ польскаго короля, особенно съ половины XV вѣка, въ долготнѣй его войнѣ съ нѣмецкими рыцарями. Такія же роты находились и на сторонѣ рыцарей, такъ что Чехи, служа чужимъ интересамъ, не разъ сражались другъ съ другомъ. Въ числѣ чешскихъ гейтмановъ и ротмистровъ, служившихъ въ Пруссіи королю польскому, былъ и вышеупо-

¹⁾ Письмо у Длугоша II, 75. Сравн. письмо Збигнѣва папѣ 1423 г. (Palacky: Urkundl. Beiträge zur Gesch. des Hussitenkrieges I, 283).

²⁾ Уже Гельмольдъ (XII вѣка) пишетъ: Bohemia habet viros bellicosos.

³⁾ Богуславъ изъ Лобковицъ (Палацкій IV, 1, 458).

минутый панъ Колда изъ Жампаха (1455—1457 гг.), и кромѣ того, многіе другіе, Врѣзакъ изъ Бѣлой, Урбанъ изъ Старицы, Капунъ изъ Смириць, Ольдрихъ изъ Смолотель, Ковва изъ Собѣсувъ, Главачъ изъ Голедча, Иоаннъ изъ Ризенбурга, Иоаннъ Вальдштейнъ изъ Скалы, Чернинъ изъ Худениць, Еникъ изъ Мечкова, Прибикъ изъ Заградки, и другіе. Эти наемныя войска доставляли Казимиру много хлопотъ. Такъ какъ онъ часто былъ въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и не могъ имъ платить, то они отказывались отъ военной службы и даже брались за оружіе. Такъ поступила (1457 г.) и рота Колды, и другіе ротмистры въ землѣ Освѣтиской ¹⁾.

Чешскія роты встрѣчаются и дальше на славянскомъ востокѣ—въ Литвѣ и въ Русскихъ земляхъ ²⁾. Объ участіи такихъ военныхъ ротъ изъ Чехіи, Австріи и Силезіи въ сраженіи Вилкомирскомъ мы говорили уже выше. Въ походѣ Витовта противъ Пскова (1426 г.) находились и чешскіе полки ³⁾. Въ 1447 году одинъ моравскій панъ, имя котораго не извѣстно, отправился изъ Мазовіи съ 600 всадниковъ къ Новгородскому князю Юрію на помощь противъ Нѣмцевъ ⁴⁾. Чешскіе наемныя войны часто встрѣчаются въ Литвѣ въ началѣ XVI вѣка. Когда въ 1500 году великій князь литовскій Александръ готовился къ войнѣ съ Московскою Русью, то нанималъ войско въ Польшѣ, Чехіи, Моравѣ, Силезіи и Германіи; главнымъ гейтманомъ этихъ „братьевъ“ были Чехъ Иоаннъ Черный и Полякъ Иоаннъ изъ Каркова. Это наемное войско стояло подъ Смоленскомъ, и Черный, кромѣ того, вмѣстѣ съ Станиславомъ Глѣбовичемъ, вторгнулся и въ Псковскую землю ⁵⁾.

¹⁾ Объ этихъ чешскихъ ротахъ сравн. особенно разказъ Длугоша о прусской войнѣ; также Voigt: Gesch. Preuss. VIII и Палацкаго Ист. чешск. нар. IV, 1, 442. Множество квинтацій (1458—1480 гг.) польскихъ и чешскихъ ротмистровъ, служившихъ польскому королю, хранятся въ главномъ Варшавскомъ архивѣ, нѣкоторые въ архивѣ чешскаго музея. Большая часть писана по-латыни, нѣсколько по-чешски (объ этихъ см. ниже).

²⁾ Влагославъ въ своей чешской граматикѣ (333) приводитъ моравскую поговорку: «divná chasa, lotrovina žmud, Litva—per contemptum quasi diceret Scythae, ut Scytharum colluvies», и объясняетъ Литву словомъ «čertovina». Не знаемъ, происходитъ ли это съ XV вѣка, или еще съ XIV вѣка, со временъ воеванія чешскаго короля Иоанна съ Литвой.

³⁾ «Земля чешская, Чехи (Чахи)», въ Никоновск. лѣтоп. V, 92, Воскрес. лѣтоп., 93 (П. С. Р. Л., VIII).

⁴⁾ Письмо нѣмецкаго магистра у Карашина, Ист. Гос. Росс., V, прил. 316.

⁵⁾ Сравн. хроника Бѣльскихъ, Мѣховиты, Стрѣжковскаго, Быховца (изд. Нарбутта, 70) подъ 1500 г. Иоаннъ Черный, вѣроятно, тотъ же самый чешскій

Въ 1513 году и Миталъ Глинскій нанималъ воиновъ въ Германіи, Силезіи и Чехіи на службу въ великому князю Московскому Василію; въ числѣ этихъ наемниковъ упоминается и ротмистръ Чехъ Лата или Лада, мѣщанинъ Краковскій ¹⁾. Въ 1517 году были чешскіе и моравскіе воины въ польско-литовскомъ войскѣ въ Сѣверской землѣ и въ Псковской землѣ подъ Опочкой; здѣсь потерпѣли они отъ Русскихъ поражение ²⁾. Такъ и въ 1520 году, въ войнѣ съ Альбрехтомъ прусскимъ, король Сигизмундъ нанималъ воиновъ и въ Чехіи. Въ войскѣ польскомъ было тогда нѣсколько тысячъ Чеховъ подъ ротмистрами Іоанномъ Жеротинскимъ, Вячеславомъ Пѣтипескимъ, Древичскимъ, Змешкаломъ, Костелакомъ и др. ³⁾.

Такимъ образомъ чешскіе воины распространяли новое военное искусство и въ восточныхъ славянскихъ земляхъ. Кромѣ того, знакомы своихъ земляковъ съ новой стратегіею и пробывшіе въ чешскихъ войскахъ польскіе и русскіе воины. Въ ихъ числѣ былъ и знаменитый польско-литовскій полководецъ Николай Фирлей, который, по свидѣтельству Папроцкаго, проведши свою молодость въ чешскомъ войскѣ, ввелъ, или скорѣе, распространилъ въ Польшѣ, въ началѣ XVI вѣка, чешскій таборъ, то-есть, воевое укрѣпленіе ⁴⁾.

Военное искусство Чеховъ XVI вѣка проложило себѣ путь на востокъ и юго-востокъ Европы. Въ Польшѣ чешскіе полководцы или гейтманы были такъ обычны, что возникла даже и пословица „Полякъ—панъ, Чехъ—полководецъ (со Polak, to pan, со Czech, to het-

---

гейтманъ, который вмѣстѣ съ Самуиломъ Пражскимъ, въ 1469 г., опустошилъ Силезію (Длугошъ II, 448). Подъ названіемъ Черникъ, Чернякъ и «Сугна Вохемис, «Сугне» онъ упоминается въ 1501—1502 гг. (Псковск. лѣт. въ П. С. Р. Д. IV; 275; Акты Запада. Россіи I, 273. Turgenev: Hist. Russ. Monum., Supplem. 319, 322, 327). «Jan Polák z Karnkova» былъ въ 1479 году гейтманомъ въ замкѣ Глубокой въ южной Чехіи (грамота въ архивѣ чешскаго музея).

¹⁾ Decius: De Jagellonum familia (Срас., 1521, 85); Warowski (изд. 1889 г., 552); Strzykowski (736).

²⁾ «Чахи, Дяхи, Угрове, Мураве, Мазовшане, Волохи, Сербове». Псковск. лѣт. (П. С. Р. Д., IV, 291); Bielski Kron. Źwiata и Strzykowski къ 1517 г.

³⁾ Acta Tomiciana, V, 131, 157, 293. Какой-то военный начальникъ Лука Мораванинъ (Luca Moravus) упоминается въ 1509 году, въ сраженіи съ Татарами (Warowski, 538). Какъ чешскіе воины нанимаются за польскія деньги, такъ и позже Чехи нанимали войска въ Польшѣ, особенно въ турецкіи войны въ Угріи. Такъ, напримѣръ, чешскій сеймъ 1543 года постановляетъ, чтобы гейтманъ нанялъ козаковъ изъ польскаго королевства.

⁴⁾ Herby gycerstwa polskiego, 387.

тап)⁴, которая была известна еще во второй половине XVI вѣка ¹).

Во вскусныхъ чешскихъ войнахъ нуждались, особенно въ-важномъ въ то время устройствѣ боевыхъ воевъ или табора, какъ его усовершенствовали Жижка и его преемники. Уже въ войнѣ Поляковъ съ нѣмецкими рыцарями (1433), въ которой первымъ помогли чешские Сиротки, важную роль играло воевое укрѣпленіе ²). Такъ было во всѣхъ войнахъ на славянскомъ востокѣ съ XV до XVII вѣка. Воевое укрѣпленіе или таборъ употребляли польскія и казацкія войска. Казацкій таборъ, какъ его описываетъ очевидецъ еще въ первой половинѣ XVII вѣка, вполне соответствуетъ табору чешскихъ войскъ XV вѣка ³).

Не можемъ здѣсь заняться подробнымъ описаніемъ боеваго порядка, употреблявшагося съ XV вѣка — по примѣру чешскаго ⁴) — въ

¹) Приводитъ ее Сарницкій: *Księgi hetmańskie* (рукопись, сравн. *Słoworism naukowy im. Ossolińskich* 1830, IV, 101).

²) Въ 1433 году (8-го февраля) силезскій князь Конрадъ предлагаетъ нѣмецкому магистру услуги двухъ Силезцевъ, которые «mit der wogenborg wol künpen als undert keyn Beheme», и извѣщаетъ его, что «was die Polan thun werden wieder uwer gnade, das werden sie mit der wagenborg thuen» (*Script. rer. siles. VI, 121*). И Бальскій (*Крон. пол. 344*) говоритъ, что въ этой войнѣ «przed wojskiem wszędzie wrzodz chodzili Czechowie dla stawienia obozu».

³) Beauplan: *Description d'Ukraine* (1660 г., р. 47, пишетъ «tabort»). Происхожденіе слова «таборъ» темно; у Чеховъ оно встрѣчается уже въ Краледворской рукописи (Ярославъ), у Полянновъ и у Русожихъ съ XV вѣка. Длугошъ (I, 803), разказывая о сраженіи подъ Варной (1444), пишетъ, что войско короля Владислава не устроило воевъ въ таборъ (more tabor). Поляки, впрочемъ, употребляли обыкновенно слово oboz, а Русскіе (казаки) таборъ. Встрѣчающійся въ древней Руси еще въ XIII вѣкѣ «товаръ» соответствуетъ новому «таборъ». Изображеніе польскаго оboza (въ сраженіи Обертмынскомъ 1531 года) помѣстили Бальскіе въ своихъ хроникахъ. Значеніе табора видно, напримѣръ, въ войнахъ Поляковъ и казановъ при Наливайкѣ 1596 года (*Heidenstein: Reg. polon., 328 sq., Bielski Kрон. polska, продолженіе, изд. Туровскаго, стр. 1750—1765*), при Павлюкѣ, Остранидѣ и другихъ 1637 — 1638 г. (*двѣнникъ Омольскаго, изд. Туровскаго, 50, 117*), въ сраженіи Цецорскомъ съ Турками 1620 г. (*Baliński: Studia histor. 255*), и пр. Интересно сравнить отступленіе Наливайка на Украйнѣ и славный отступательный походъ Жижки изъ Угрии 1423 г. (*Stafi letop. Zeitl, 57—61*). Въ Московской Руси воевое укрѣпленіе называлось гуляй-городъ; употреблялось съ первой половиной XVI вѣка (*Карамзинъ, Ист. Рос. Росс., VII, прил. 302*). Въ 1629 году одинъ попъ предложилъ царю Михаилу проектъ — устроить «походный городокъ, называемый Радкоубъ», въ которомъ войско могло бы «держаться и укрываться, какъ въ настоящемъ неподвижномъ городѣ» (*Соловьевъ, Ист. Россіи, IX, 389*).

⁴) Сравн. Палацкаго *Ист. гусит. II, 216, Sázorip Ssak. Mus. 1828, II; 1836, I.*

восточной Европѣ, и укажемъ только на одно, для нашей цѣли наиболѣе интересное, обстоятельство. Польская военная терминологія XV и XVI вѣковъ перенята, по большей части, отъ Чеховъ, какъ она выработалась у нихъ въ теченіе долготѣнныхъ войнъ въ первой половинѣ XV вѣка. Нѣкоторыя нѣмецкія, или скорѣе, съ нѣмецкаго на чешскій ладъ передѣланныя, названія перешли въ польскій языкъ не прямо изъ нѣмецкаго языка, а уже чрезъ посредство Чеховъ¹⁾. Приведемъ вѣдь нѣсколько такихъ названій изъ военной польско-чешской терминологіи, собранныхъ нами изъ разныхъ памятниковъ XV и XVI вѣковъ²⁾. Общее у Чеховъ названіе полководцевъ—гейтманъ (hejtman, hajtman) принято и у Поляковъ: hetman³⁾; также и rotmistr (rotu majstr), puška. Раздѣленіе чешскихъ войскъ встрѣчаемъ и въ Польшѣ: huf (huf, uf — полкъ), šik — szuk (боевой строй), hufy spraviti, šikovati, — hufy sprawić, szukować, posiłci — posiłki, posileczne ufy, harcownik, harcovati — harcownik, harcować; jízdní, pėsi — jezdni, pieszy, pravá, levá ruka—prawa, lewa ręka, hešlo—hasło и др. Названія оружія: stfelba—strzelba, dělo—działo, puška, hufnice, tarasnice, hakownice, ručnice — puszka, hufnica (ufnica), tarasnica, hakownica (działa polnij, uffny i terasny)⁴⁾, rucznicza (rusznica) и др. Боевые возы, ихъ устройство, ихъ названія одинаковы или похожи: такъ у Чеховъ встрѣчающіяся слова и выраженія: plac, brána, placní řady, krajní řady i vozu, krajní vozu v řadích, řád (šikovaných) vozuov, picní vozu, kładenie vozuov и др.—соотвѣтствуютъ польскимъ: plac (runk), brana (такъ часто подлѣ brona), runkowe rzędy, skrajne rzędy, rzędowne wozy, rząd obozowy, picne wosy, kładenie obozu, и проч.

Изъ польскаго языка перешли нѣкоторыя изъ этихъ словъ и къ Русскимъ, особенно юго-западнымъ, напримѣръ, слова: гетманъ, рот-

¹⁾ Съ XV вѣка и Нѣмцы переняли нѣсколько чешскихъ словъ по военному дѣлу, напримѣръ, bizschaele, pisschulle, pišchscale (pištala — пицаль), haufnicz (haufnice), rafese (равеса), kawle (кауле), possatke (посадка), и др.

²⁾ Чешскія стратегическія сочиненія XV вѣка: Гайка изъ Годѣтина, Жижки, Волчка изъ Ченова (Výbor z liter. české, II); Staří letop. české, Archiv český и пр. Польскія стратегическія сочиненія XVI вѣка: М. Бѣльскаго (Sprawa rycerska 1569), гетмана Тарновскаго (Consilium rationis bellicae 1558, O orbonie Koronnej 1579; Pamiętniki jańszaga, Chwalczewski и др. Интересно, что въ военныхъ порядкахъ чешскомъ (Гайка), польскомъ (Тарновскаго) и западно-русскомъ (1507 и 1512 гг.) находится особая статья о покровительствѣ пчеламъ.

³⁾ Кромѣ «hetman», встрѣчается и форма «heuthman» (Chwalczewski, I, 109).

⁴⁾ «Bombardae, quae tarasnicze seu huffnice vocantur», пишетъ король Сигизмундъ 1512 г. (Grabowski: Ojczyzste spominki, I, 235).

мистръ, шихъ (šik), шиховати, гуфъ, стрѣльба, пушкарь, дѣло, пушка, пицаль, гаковница, ручница и друг. ¹⁾.

5. Габсбурги — чешскіе короли.—Ихъ стремленіе къ овладѣнію Польшею.—Посольства чешскихъ паковъ въ Польшѣ.—Поляки и Чехи 1618—1620 годовъ.

Съ гибелью короля Людовика въ несчастномъ сраженіи Мохачскомъ (1526 г.), прекратилась польская династія Ягайловичей на чешскомъ престолѣ. Польскій король Сигизмундъ, предъявляя свои „права“ на чешскій столъ по поводу родства, предлагалъ себя Чехамъ въ короли и просилъ чешскихъ министровъ дѣйствовать въ его пользу противъ его соперниковъ. Но Сигизмундъ вообще велъ дѣла такъ вяло и небрежно, что при выборахъ въ Чехіи даже не было и помину о какой-нибудь польской партіи. Съ другой стороны, сами Чехи давно забыли примѣръ своихъ предковъ, искавшихъ себѣ въ теченіе всего XV столѣтія государя „славянскаго“, и единогласно выбрали въ короли Нѣмца, Фердинанда Габсбургскаго ²⁾.

На эту безпечность польскую, на неумѣніе короля Сигизмунда воспользоваться случаемъ и соединить съ короною польско-литовскою и короны чешскую и угорскую, жалуется сами Поляки позднѣйшихъ вѣковъ. Они прямо называютъ тогдашнее поведеніе Польши политическою ошибкою, такъ какъ Поляки, безъ всякаго сопротивленія, позволили, чтобы домъ австрійскій, „нѣмецкое племя, враждебное всему племени славянскому“, завладѣлъ обоими народами, и умноживъ свою силу, сдѣлался опаснымъ для своихъ сосѣдей; между тѣмъ оба народа могли быть тогда присоединены къ Польшѣ, и такимъ образомъ, предохранены отъ оуѣмеченія, и особенно „Чехи, которые принявъ къ себѣ нѣмецкія колоніи, нравы и языкъ, лишились и славянскаго происхожденія“ ³⁾.

¹⁾ Сравни литовскіе статуты и грамоты (Акты Зап. Россіи, Акты Зап. и Южной Россіи, и др.).

²⁾ Письма Сигизмунда къ Чехамъ и Силезійцамъ у Догела (Cod. dipl. Polon. I. №№ 28 — 30), Acta Tomiciana VIII, 254, 264, Mosbach: Prżyszynki do dziejów pol. 137. Тогда былъ распространенъ и слухъ, что Фердинандъ побуждалъ и великаго князя Московскаго противъ Сигизмунда, такъ чтобы тотъ не могъ помочь Людовику противъ Турокъ, «quo et facilius rex Ludovicus sic destitutus periret, et Ferdinandus Hungariam et Bohemiam, quod semper votis omnibus cupiebat hac data occasione invadere et occupare posset». (Turgenev: Hist. Russ. Monum. I, 132).

³⁾ Andr. Max. Fredro. Gestorum populi poloni sub Henrico Valesio (Dantisc 1652, 202), Piasecki Chronic. (1645, 71).

Габсбурги, соединивъ короны угорскую и чешскую, старались позже завладѣть и упраздненнымъ послѣ Ягайловичей престоломъ польскимъ. Для достиженія этой цѣли, они задумали воспользоваться симпатіями Поляковъ къ подвластнымъ Чехамъ и поэтому отправляли въ Польшу своими посланниками особенно чешскихъ вельможъ.

По смерти Сигизмунда-Августа, императоръ Максимилианъ старался объ избраніи себя или сына своего Эрнста въ польскіе короли. Кандидатура эта оказалась очень затруднительною: общественное мнѣніе въ Польшѣ было противъ избранія Нѣмца вообще и Габсбурга въ особенности. Противъ него ратовали публицисты и ораторы, ѣдко и жестоко нападали на Нѣмцевъ, „народъ слѣпый, ненавидимый людямъ и богамъ, поносящій всѣ націи подъ солнцемъ, народъ-пьяницу. Съ такимъ народомъ у насъ никогда не можетъ быть согласія. И языку-то нашему скоро научится всякій чужеземецъ, кромѣ Нѣмца, и струны-то наши на лютнѣ не гармонируютъ съ нѣмецкими, и нашъ бѣлый орелъ не подходитъ къ черному“. Избраніе же Габсбурга значитъ вѣчныя войны съ Москвою, Турками и Татарами, „внутри же угнетеніе, насиліе, давленіе нашего языка, нашихъ законовъ и обычаевъ. Хотите знать — правда ли это, взгляните на Чеховъ. Долго ли устояли ихъ права при господствѣ Австріи? Забывъ Бога, стыдъ и свой долгъ, подтвержденный присягою, Габсбургъ тотчасъ же началъ искоренять ихъ законы, жечь ихъ привилегіи, налагать на нихъ несносное иго, давать имъ новые законы по своей прихоти, унижать значеніе королевскаго совѣта. Бѣдняки очутились въ вѣчномъ рабствѣ у этого вѣроломнаго тирана и едва сохранили кожу, чуть не каждый годъ искупая свое достояніе несносными позорными подачами“¹⁾.

При такомъ положеніи дѣлъ, когда, по согласнымъ свидѣтельствамъ всѣхъ современниковъ, народъ „удивительно ненавидѣлъ Нѣмца и Австрійца“, явились въ Польшу два посла императорскихъ, чешскіе министры Вилемъ изъ Розенберга, наивысшій буртграфъ Пражскій,

¹⁾ Разныя современныя статьи по этому предмету собраны въ двухъ рукописяхъ XVII вѣка (въ университет. Варшавск. библіотекѣ №№ 394, 599); такія же статьи напечатаны Broel-Plater (Zbiór pamietników do dziejów polskich II, III), Noailles (Henri de Valois et la Pologne en 1572, III); сравн. также Трачевскаго: Польское Безкорольеве (242). О стремленіяхъ австрійскаго дома къ приобрѣтенію польской короны см. особенно статью профессора В. Томка, пользовавшагося чешскими и австрійскими архивными документами (Časopis Česk. Mus. 1851, 1853, польскій переводъ въ Biblioteka Warszawska 1857, IV).

и Вратиславъ изъ Пернштейна, наивысшій канцлеръ. Императоръ послалъ именно этихъ двухъ чешскихъ вельможъ, предполагая—какъ хорошо замѣчаетъ секретарь тогдашняго французскаго посла въ Польшѣ ¹⁾—что они, по поводу сходнаго съ Поляками языка, будутъ имъ болѣе благосклонно приняты и легче сойдутся съ ними. Первою заботой императорскихъ пословъ было разсѣять, или по крайней мѣрѣ, ослабить всеобщее подозрѣнiе и негодование Поляковъ противъ Габсбурговъ. Поэтому они, прибывъ въ Польшу, стали защищать императора противъ непрязненныхъ для него слуховъ, будто онъ нарушалъ права Чеховъ, и указывали между прочимъ на то, что „въ Чехiи ни одинъ Нѣмецъ и чужеземецъ не можетъ себѣ купить имѣнiя, ни отправлять должность, если не сдѣлался гражданиномъ“; наконецъ, просить прiязни Поляковъ „намъ, какъ посламъ его императорскаго величества, и кромѣ того, природнымъ Чехамъ, друзьямъ и братьямъ вашимъ, съ которыми имѣются издавна славные союзы и договоры королевствъ Чешскаго и Польскаго“ ²⁾.

Вмѣстѣ съ послами императора прибыли въ Польшу и послы чешскихъ чиновъ, отправленные туда по порученiю чешскаго сейма, Владиславъ Лобковичъ, Альбрехъ Капунъ изъ Свойкова и Андрей Зутеръ. На чешскомъ сеймѣ (1573 г. 28-го января), всѣ три чина королевства чешскаго внимательно соображали и припоминали себѣ, какъ чины и обыватели королевства польскаго всегда жили въ хорошей дружбѣ, любви, прiязни и братствѣ съ чинами и обывателями этого королевства и до сихъ поръ живутъ, и такъ какъ они очень желаютъ, чтобы чѣмъ дольше, тѣмъ большая дружба и любовь съ королевствомъ польскимъ продолжалась, и чтобы оба королевства имѣли однихъ владѣтелей или родственныхъ другъ другу, то они постановили на сеймѣ, отправить особыхъ пословъ въ предстоящему сейму польскому, съ уполномоченною грамотой и инструкцiей подъ земскою печатью. Эти послы должны всячески стараться, чтобы чины Польскаго королевства

¹⁾ Chojszin (изд. Лондонск. 1789 г., 247). Также по Гейденштейну (Reg. polon. ab excessu Sigismundi Ang. libri XII), императоръ послалъ Чеховъ, «ob cognationem utriusque gentis gratiores futaros ratus» (ed. 1672 г. р. 12).

²⁾ Письмо (польское) пословъ къ Малополякамъ 13-го октября 1572 г., инструкцiя аббату Цирю 30-го октября (Noailles III, 191).—Авторъ политическаго стихотворенiя «Rozstawa Lecha z Piastem», рекомендуя въ королю сына императора, замѣчаетъ, что смыслъ послѣдняго «знають чешскiй языкъ, который имъ понимаютъ», и что въ случаѣ избранiя Габсбурга, Польша прiобрѣтетъ себѣ помощь Чеховъ, какъ это было при Казимирѣ и Сигизмундѣ, которые съ помощiю Чеховъ и Силезийцевъ разбивали Пруссаковъ, и даже послали ихъ подъ самую Олоту.

приняли въ свои государи и короли его императорское величество, какъ короля чешскаго, нашего всемилостивѣйшаго государя, или ка-кого-нибудь изъ его наслѣдниковъ ¹⁾.

На избирательномъ сеймѣ въ Варшавѣ, 9-го апрѣля 1573 года, Розенбергъ держалъ рѣчь на чешскомъ языкѣ, рекомендуя Полякамъ эрцгерцога Эрнста. Между прочимъ, онъ указывалъ и на то, что предлагаемый кандидатъ знаетъ чешскій языкъ, и что „польскій и чешскій народъ одного и того же происхожденія, и поэтому они сходны въ нравахъ, языкѣ и вообще во всѣхъ дѣлахъ и поведеніяхъ. Во всемъ томъ, по правдѣ, никакой другой народъ не подходитъ ближе къ польскому и никакимъ образомъ не можетъ съ нимъ сравниваться, какъ чешскій; оба они и теперь связаны взаимною любовью, такъ что хотя въ это время и находятся подъ управленіемъ разныхъ королей, но все-таки называютъ другъ друга братьями и считаются однимъ и тѣмъ же народомъ“ ²⁾.

Подобно Розенбергу, и послы чешскихъ чиновъ вспомнили, что нѣтъ другихъ двухъ народовъ, которые происхожденіемъ, языкомъ, законами, учрежденіями и обычаями были бы другъ на друга такъ похожи, какъ польскій и чешскій; ихъ государства основаны двумя братьями при лучшихъ предзнаменованіяхъ, тѣмъ тѣ, которыя окружали дѣло Ромула и Рема. Оба народа и государства были соединены при королѣ Вячеславѣ II; при Владиславѣ Ягайлѣ и его потомкахъ жили они въ тѣснѣйшей дружбѣ, и по смерти короля Юрія Подѣбрадскаго Чехи обратились къ своимъ родственникамъ, друзьямъ и сосѣдямъ Полякамъ и избрали себѣ въ короли Владислава; ибо не трудно было владѣть Чехами королю, который воспитывался дома между Поляками — народомъ, съ Чехами почти во всемъ сходнымъ. Отъ дочери Владислава, Анны, происходитъ и императоръ и король Максимилианъ; было бы желательно, чтобъ онъ сдѣлался королемъ поль-

¹⁾ Постановленія чешскаго сейма т. 2.

²⁾ Рѣчь Розенберга въ латинскомъ переводѣ напечатана современной брошюрой (*Legatio S. C. Maj. idiomate bohémico in castris habita*), также у Гельдеста, Бальбина, Брозль-Пяттера. Чешскій языкъ рѣчи Розенберга показался французскому послу, епископу Монлюку, важнымъ преимуществомъ; онъ, по словамъ его секретаря, находилъ «большое затрудненіе въ томъ обстоятельствѣ, что послы императора будутъ держать свою рѣчь на чешскомъ, польскому близкомъ, языкѣ и, такимъ образомъ, будутъ понимаемы всѣми, между тѣмъ какъ онъ самъ не могъ говорить какъ только по латински». По свидѣтельству того же лица, Розенбергъ, «человѣкъ умѣренный и скромный», не увлекъ слушателей, говоря слишкомъ тихо (*Obciopia 312, 327*). Сравни. *Bielski Kron. pol. (175)*.

сливъ. Такимъ образомъ, соединены будутъ короны угорская, чешская и польская, и Чехи и Поляки, народы съ самаго своего начала наиболѣе тѣсно другъ съ другомъ связанные, будутъ жить по прежнему вмѣстѣ ¹⁾. Въ Германіи носились даже слухи, впрочемъ невѣроятные, что сынъ императора предлагаетъ между прочимъ присоединить чешское королевство къ польской коронѣ ²⁾.

Но всѣ эти старанія императорскихъ и чешскихъ пословъ были напрасны. Полякамъ понравился только самъ посланникъ Розенбергъ, какъ природный Чехъ и „Славянинъ“; само-жь его посольство не достигло своей цѣли ³⁾.

Ненависть Полякамъ къ Нѣмцамъ была такова, что когда на съѣздѣ Краковскомъ Іоаннъ Мышковскій произнесъ только имя императора, поднялся противъ него такой крикъ, что чуть его не прогнали изъ собранія. Подобное тому случилось и на избирательномъ сеймѣ. Когда епископъ Пюцкій, желая склонить Мазовчанъ къ выбору Эрнста, показалъ имъ его портретъ, то сенаторъ Вольскій сталъ нападать на домъ австрійскій, который-де неработилъ уже довольно королевствъ, и свое богатство и свою силу употребить, навѣрное, къ притѣсненію польской свободы. Особенно сильно возставалъ противъ австрійскаго дома Ходкевичъ, такъ что послѣ его рѣчи никто не посмѣлъ уже вспомнить объ Эрнстѣ. Сами императорскіе послы, по одному свидѣтельству, и дѣлъ свята, все природные Чехи, подружившись съ Поляками на пиршествахъ и увидѣвъ свободу ихъ, вспомнили, что я они прежде пользовались таковою же, но что потомъ ее у нихъ отняли, стали притѣснять ихъ налогами, и стремиться истребить ихъ языкъ; поэтому, и они, какъ братья, стали предупреждать Поляковъ, остерегаться австрійскаго ига ⁴⁾.

Розенбергъ произвелъ на Поляковъ такое благопріятное впечатлѣніе, что уже тогда нѣкоторые Поляки желали его имѣть королемъ.

¹⁾ *Litterae et statibus regni Bohemiae ad ordines regni Poloniae et M. D. Lithuaniae et Legatio a statibus Bohemiae ad ordines regni Poloniae*, и отвѣты польскихъ и литовскихъ чиновъ знаемъ изъ рукописи университетской бібліотеки Варшавской (№ 394, fol. 192—200). Сравни польскую хронику І. Бальскаго (893), и соч. Трачевскаго (428).

²⁾ Письмо французскаго посла въ Германіи, Шомберга, къ герцогу 'Анжу, 29-го августа 1572 г. (Noailles III, 290).

³⁾ Heidenstein *Har. polon.* 25.

⁴⁾ Граціанъ, секретарь папскаго нунція въ Польшѣ, кардинала Коммендоні (Vita Commendonii, ed. Patav. 1685, 212, сокращено у Нѣмцевича: *Zbiór pamiętników*, I, 56).

На избирательномъ сеймѣ (1573 года 7-го мая) популярный Станиславъ Шафранецъ, вмѣстѣ съ Станиславомъ Горкою, предложили Розенберга, какъ человѣка богатаго, славнаго происхожденія и Чеха. Но этотъ планъ не удался: избранъ былъ французскій принцъ Генрихъ Валуа ¹⁾).

Поляки хотя и не исполнили желанія императора, однако очень радушно отнеслись не только къ его посланцѣ Чехамъ, но и поблагодарили чешскихъ чиновъ за ихъ посольство. Они считали его знакомъ особой пріязни обоихъ королевствъ и народовъ, чешскаго и польскаго, которые произошли отъ крови двухъ братьевъ; общали соблюдать стародавнюю дружбу съ родственнымъ Чешскимъ народомъ, союзными братьями и друзьями своими, при какомъ бы то ни было королѣ; положили, что во всякомъ случаѣ польскій король долженъ будетъ соблюдать стародавнія связи съ родственнымъ народомъ чешскимъ и не будетъ относиться къ нему враждебно. Чешскіе же чины, съ своей стороны, принявъ съ благодарностью этотъ отвѣтъ Поляковъ, просили императора и короля возобновить всѣ древніе договоры между королевствами чешскимъ и польскимъ, жившими всегда въ хорошемъ сосѣдствѣ и согласіи, братствѣ и любви ²⁾.

Польскій престолъ упразднился уже черезъ годъ послѣ бѣгства новозбраннаго короля Генриха. Въ числѣ кандидатовъ на польскій престолъ явились и Габсбурги, самъ императоръ Максимилианъ и эрцгерцогъ Эрнстъ и Фердинандъ. Посломъ отъ Максимилиана въ Польшу былъ Розенбергъ.

Но противъ кандидатуры императора образовалась вновь сильная оппозиція. На съѣздахъ шляхты, равно какъ и на избирательномъ сеймѣ, раздавались ѣдкия рѣчи противъ Нѣмцевъ вообще, и противъ императора, и опять выставлялись, въ примѣръ Полякамъ, лишеніе своей свободы, Чехи. Тогда выставлена и кандидатура Розенберга. Ее поддерживали многіе Поляки, особенно часть мелкой шляхты, а изъ влиятельныхъ лицъ Шафранецъ, Горки, Зборовскіе, Фирлей и другіе, желая имѣть королемъ Розенберга, какъ „пана стариннаго рода и Чеха, человѣка своей крови и своего языка и природнаго своего брата“ ³⁾.

¹⁾ Современный событіямъ авторъ Orzelski: *Bezkrólewia Książ obśmiego skuli dzieje Polski 1572—1576* (изд. 1856 г. II, 169).

²⁾ Отвѣты польскихъ и литовскихъ чиновъ на письмо и посольство чешскихъ чиновъ 21-го апрѣля 1573 г. (въ рукоп. Варшавск. библ. № 394). Постановленія чешскаго сейма 1574 г.

³⁾ О кандидатурѣ Розенберга сравн. особенно Орельскаго и Генденштейна, также его современную біографію Врезана (*Żywot VII. Rosenberka* 208, 321).

Но избраніе чешскаго пана въ польскіе короли не удалось, и тогда Поляки раздѣлились на двѣ партіи: сенаторы вельможи избрали императора Максимилиана, шляхта — Стефана Баторія. Тогда-то Розенбергъ отправился и въ Польшу. Въ Андреевъ онъ былъ торжественно принятъ Поляками; всѣ передъ нимъ встали съ открытыми головами и посадили его на первое мѣсто. Здѣсь (29-го января 1576 г.) чешскій министръ держалъ къ нимъ длинную рѣчь въ пользу императора, на чешскомъ языкѣ, „Полякамъ болѣе пріятномъ и повятномъ“ ¹⁾.

Между тѣмъ отправилась въ Вѣну къ самому императору польская депутація съ тѣмъ, чтобъ объявить ему его избраніе въ короли одною изъ партій и имъ была принята 18-го января 1576 года. На польскую рѣчь вождя этой депутаціи Серадскаго, воеводы Ласкаго, императоръ, извиняясь, что не знаетъ по польски, отвѣтилъ на чистѣйшемъ чешскомъ языкѣ, къ большому удовольствію пословъ ²⁾.

Предстоящему избранію чешскаго короля въ польскіе очень обрадовались Чехи. „Если всемогущій Господь Богъ“, говорили чешскіе чины на сеймѣ 1576 года, „королевствамъ Чешскому и Польскому дать одну голову, то это, навѣрное, послужитъ къ прославленію и распространенію языка славянскаго между всѣми народами, и врагамъ всего христіанства къ немалому страху“ ³⁾.

Но и тутъ императору не удалось добиться короны Ягайловичей. Еще меньше посчастливилось обомъ эрцгерцогамъ, послѣ которыхъ, между прочимъ, восхваляли и ихъ знаніе, близкаго къ польскому, чешскаго языка ⁴⁾.

Десять лѣтъ спустя, по смерти короля Стефана (1586 г.), Габсбурги опять стали домогаться польскаго трона. Кандидатами выставлены были сначала нѣсколько эрцгерцоговъ, а потомъ одинъ изъ нихъ — Максимилианъ. Старая исторія повторяется: не смотря на проявившуюся ненависть противъ Нѣмцевъ, одна польская партія провозгласила себя въ пользу Максимилиана.

Главнымъ посломъ Габсбурговъ въ Польшѣ былъ и тогда чеш-

¹⁾ Orzelski II, 50, 70; III, 69; Niemcewicz: Zbiór pam. II, 99.

²⁾ Tomek (Časop. Česk. Mus. 1851, II, 122); Albertrandu: Panowanie Henr. Walez. i Stefana Bat. (Kraków, 1849, 58).

³⁾ Постановленія чешскаго сейма 1576 года, статья «о королевствѣ Польскомъ».

⁴⁾ Tomek (Časop. Česk. Mus. 1851, II, 116); Albertrandu 37; Orzelski II, 183; Heidenstein, 74. Сравни. также памятники Дачицкаго изъ Геслова (Časop. Česk. Mus. 1828, II, 81).

скій панъ, Оломуцкій епископъ Станиславъ Павловскій. Онъ долженъ былъ, между прочимъ, представлять Полякамъ, что эрцгерцоги хотя и не знаютъ польскаго языка, но говорятъ на чешскомъ и посредствомъ его скорѣе выучатся и по польски. Въ рѣчи же своей къ польскимъ чинамъ (14-го августа 1587 г.) Павловскій, предлагая выбрать въ короли одного изъ Габсбурговъ, между прочимъ восклицаетъ, что этого требуютъ отъ Поляковъ первые основатели и праотцы чешскаго и польскаго народовъ, ихъ сосѣдство, древніе союзы и договоры, и наконецъ, ихъ „сходство въ языкѣ, нравахъ и законахъ“ ¹⁾.

И Чехи рады были ожидаемому возвышенію своей королевской династїи, и что „сроднятся Ляхи, Мораване и Чехи и будетъ новая утѣха“ ²⁾. Въ то же время и Полякъ Папроцкій, приверженецъ австрійской партїи, выражалъ надежду, что подъ правленіемъ Габсбурговъ и Поляки, подобно Чехамъ, успокоятся и возвысятся ³⁾.

На этотъ разъ дѣло кончилось не такъ мирно, какъ прежде. Максимилианъ, отвергаемый большинствомъ Поляковъ, задумалъ добиваться польскаго трона съ оружіемъ въ рукахъ, но былъ разбитъ подъ Бичиною (1588 г.) и заплатилъ за свою попытку плѣномъ. Радость по поводу пораженія Максимилиана была тогда въ Польскѣ общаю. Съ восторгомъ воспѣваютъ современные польскіе поэты эту неудачу Нѣмцевъ, природныхъ враговъ Польши, погубившихъ Чеховъ и Угровъ и готовившихся то же самое сдѣлать и съ Поляками, и восхваляютъ побѣдителя Бичинскаго, гетмана Іоанна Замойскаго, прославившаго Бичину на весь міръ, на печальную вѣсть Нѣмцамъ, и противившагося австрійскому тиранству; за то онъ будетъ славенъ передъ другими славянскими богатырями. Но не только современники, но и позднѣйшіе Поляки считали большою заслугою Замойскаго, что онъ помѣшалъ избранію Габсбурга, и такимъ образомъ, спасъ свой народъ отъ несчастной судьбы Чеховъ ⁴⁾.

¹⁾ Mayer: Stan. Pawłowski Gesandtschaftsreisen nach Polen, 252, 322.

²⁾ Современная пѣснь 1588 г. (Jireček: Rozprawy, 78). Сравни. выше слова Бешовскаго.

³⁾ Pamięć nierządu w Polsce r. 1587. Папроцкій посвятилъ это стихотвореніе Розенбергу и надѣется, что онъ, любимый и уважаемый Поляками, успокоитъ ихъ отечество. (Изд. Туровскаго, при «Hetman» 41, 55).

⁴⁾ Сравни. оды Іоак. Вальскаго (I, VI, XIV. Carminum liber, Стас., 1588) и Гроховскаго пѣснь «Kallioru Słowieńskiej na zwycięstwo pod Wyszyną» (въ собранїи его повѣй 1607 г., стр. 449); Piasecki Chron. (106, 269).—Максимилианъ вѣтилъ и на царскій престолъ русскій еще при жизни царя Феодора, какъ видно

Первою заботой императора Рудольфа было освободить Магдебурга изъ тюрьмы. Для этой цѣли явился, уже въ третій разъ, Розенбергъ въ Польшу. Первое свиданіе его съ Замойскимъ произошло на границѣ силезско-польской, въ Старинѣ (въ февралѣ 1589 года). Здѣсь завязался между обоими западно-славянскими государственными людьми замѣчательный разговоръ о славянскихъ дѣлахъ того времени. Замойскій напомнилъ Розенбергу, что онъ, какъ Чехъ, долженъ заботиться прежде всего объ интересахъ Славянскаго народа, который прежде былъ столь славенъ и могущъ, а теперь, по большей части, глубоко упалъ. Одни-де только Чехи и Поляки берегутъ еще достоинство и свободу Славянскаго народа. Онъ, Розенбергъ, занимая въ стародавнемъ процвѣтающемъ Чешскомъ королевствѣ первое мѣсто, можетъ считаться первенствующимъ лицомъ всего народа Славянскаго и поэтому долженъ болѣе заботиться о достоинствѣ и свободѣ своего народа, чѣмъ служить чужой жадности и быть помощникомъ ихъ притѣсненію. Не только весь христіанскій міръ, обращаетъ особое вниманіе на трагуемое нынѣ дѣло, но о немъ будетъ судить и потомство; поэтому онъ долженъ стараться опровергнуть мнѣніе, будто-бы онъ противился интересамъ Славянскаго народа. Даже если бы послѣ всѣхъ страшныхъ бѣдствій войны Поляки были побѣждены, какая же произошла-бы изъ этого выгода Чехамъ кромѣ той, чтобъ они сами позорно предали родственные народы чужому рабству, и не безъ большой опасности для самихъ себя, способствовали къ распространенію господства Нѣмцевъ и къ приготовленію и себѣ такой судьбы, которая постигла другіе славянскіе народы. По всѣмъ этимъ причинамъ Замойскій выразилъ надежду, что Розенбергъ несомнѣнно больше подумаетъ о своемъ народѣ и о своемъ отечествѣ, чѣмъ о чужомъ могуществѣ и честолюбіи. Розенбергъ, внимательно выслушавъ эти слова, отвѣтилъ, что онъ поступитъ такъ, какъ этого требуетъ благо отечества и вѣрность къ его государю. Въ продолженіе переговоровъ Замойскій, замѣтивъ, что королевства Угорское и Чешское поставлены въ числѣ наслѣдственныхъ земель австрійскаго дома, обратилъ на эту ошибку вниманіе Розенберга, который былъ очень благодаренъ за такую любезность¹⁾.

изъ письма короля Стевана Тарновскому 1585 г. (Zródła do dziejów pol., wyd. Grabowski i Przędziecki, I, 62).

¹⁾ Содержаніе разговора Замойскаго съ Розенбергомъ передалъ секретарь перскаго Гейденштейнъ. Сравни. также отчетъ Розенберга императору у Майера (Stan. Pawłowski 415).

Нѣсколько дней спустя Максимилианъ, отказавшись отъ польскаго престола, былъ освобожденъ изъ тюрьмы.

Эти событія, впрочемъ, нисколько не помѣшали дружескимъ отношеніямъ Чеховъ и Поляковъ. Между королевствами Чешскимъ и Польскимъ были возобновлены всѣ древніе договоры и союзы, и по прежнему восстановлены „искренняя любовь, согласіе и хорошее сосѣдство“¹⁾. Дружескія отношенія обонхъ западо-славянскихъ государствъ продолжались ненарушимо до роковаго 1618 года.

Равно какъ въ первой половинѣ XVI вѣка, польскіе вельможи, по примѣру чешскихъ пановъ, домогались первенства передъ мелкою шляхтой, такъ, съ другой стороны, въ Чехіи въ началѣ XVII вѣка составленъ былъ Вячеславомъ Вкинскимъ планъ — преобразовать Чешское государство въ такую же шляхетскую республику, какъ была Польша. Когда жъ одинъ иностранный посланникъ при императорѣ въ Прагѣ замѣтилъ автору этого проекта его сходство съ польскимъ государственнымъ устройствомъ, то Вкинскій ему отвѣтилъ, что вѣдь „Чехи и Поляки—братья“²⁾.

Между тѣмъ и въ Польшѣ, и въ Чехіи произошли важныя перемены, которыя повліяли и на ихъ взаимныя отношенія. Польскій тронъ занялъ король-иезуитъ Сигизмундъ III, и его содѣйствіемъ распространилась въ Польшѣ усердная и успѣшная пропаганда въ пользу исключительнаго католицизма и радикальная реакція противъ многочисленныхъ некатоликовъ, или какъ ихъ называли, „схизматиковъ“ и „еретиковъ“. Съ другой стороны, католицизмъ въ Чехіи сильно упалъ, и некатолики „еретики“ (лютеране, чешскіе братья и утраквисты) приобрѣли себѣ важныя права и свободу. Такимъ образомъ, отношенія Чеховъ къ польскому правительству—но еще не къ польскому обществу—значительно измѣнились.

Чехи могли разчитывать на симпатіи Польши, какъ единоплеменники, но какъ „еретики“, они возбуждали ненависть строго католическаго польскаго правительства. Во взаимныхъ отношеніяхъ обонхъ

¹⁾ Чешскій сеймъ 1589 г., памятники Дачицкаго (Сазер. Сєск. Мув. 1828, II, 92). О событіяхъ по поводу кандидатуры Максимилиана см. особенно вышеупомянутую статью Тома. О сраженіи Бычынскомъ существуетъ, между прочимъ, и одно русское донесеніе (Памятники диплом. сношеній I, 1159).

²⁾ Gindely: Kaiser Rudolf II und seine Zeit (I, 340). О стремленіяхъ польскихъ вельможъ во время, такъ-называемой, кокошней войны 1536 г. см. Бальскаго, Хрон. польск. (577).

славянскихъ народовъ случилось то же самое, что мы видѣли, два столѣтія тому назадъ, во время русскаго движенія.

Въ 1618 году Чехи востали противъ своего короля изъ дома Габсбурговъ. Восстаніе Чеховъ взволновало тогда всю Европу и отражилось и на сосѣдней Польшѣ. Король Сигизмундъ, въ самомъ началѣ столкновенія Чеховъ съ императоромъ и королемъ Матвѣемъ, старался уладить дѣла между ними. Поэтому (17-го сентября 1618 года) онъ просилъ Чеховъ отказаться отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій, замѣчая, что онъ очень скорбитъ о ихъ возстаніи по поводу „привязанности и любви къ этому королевству, которое съ нашими жено уже при нашихъ предкахъ и бывшихъ короляхъ польскихъ въ королевствѣ сосѣдствѣ и согласіи“. Въ такомъ смыслѣ писалъ онъ и Силезцамъ. Съ другой стороны, онъ старался повліять и на императора въ смыслѣ примиренія съ Чехами ¹⁾.

Когда же Чехи выбрали себѣ въ короли курфирста Пфальдскаго Фридриха, то въ Прагу явились послы короля польскаго, съ увѣщаніемъ примириться съ императоромъ. Чешскіе члены отвѣтили Сигизмунду (14-го ноября 1619 года), что не могутъ уже отказаться отъ новоизбраннаго короля и просили его, чтобъ онъ не переставалъ благопріятствовать и покровительствовать чешской коронѣ „ради большой дружбы и согласія, существующаго между обоими королевствами и народами, чешскимъ и польскимъ, и ради одинаго языка и одинаго начала обоихъ народовъ и стародавнихъ, всегда исполнѣ соблюденныхъ, договоровъ и союзовъ“ ²⁾.

Сигизмундъ и строго католическая партія въ Польшѣ съ негодованіемъ смотрѣли на развитіе дѣлъ въ Чехіи. Многіе польскіе вельможи, духовные и свѣтскіе, были готовы на всѣ услуги австрійскому дому; да и самъ старшій гетманъ Жолкевскій, узнавъ о выборѣ пфальцграфа Фридриха, замѣчаетъ, что „нечестно и непріятно смотрѣть на все это, сложа руки; кто знаетъ, что намѣреваются дѣлать эти еретники“ ³⁾.

Но такъ какъ общественное мнѣніе въ Польшѣ было противъ

¹⁾ Современныя Pavel Skála ze Zhoře (Historie Česká od v. 1602—1622, vyd. Tieftrank, II, 397, 442), и Khevenhiller (Annal. Ferdinandei, IX, 199).

²⁾ P. Skála, III, 396; Khevenhiller, IX, 332, 682.

³⁾ Письмо его къ великому секретарю Заданку 1619 г. (Zbiór pamiętników histor. o dawniej Polsce, VI, 295). Много писемъ по чешскимъ дѣламъ, см. у Моссаха: Wiadomości do dziejów polskich.

вмѣшательства въ чешскія дѣла и вообще противъ всѣхъ враждебныхъ дѣйствій относительно Чеховъ, то король, не рѣшаясь дѣйствовать по своему собственному желанію, созвалъ въ концѣ 1619 года сеймъ въ Варшавѣ и предложилъ ему на обсужденіе угрожающую Польшѣ, со стороны Силезіи и Угрии, опасность и нечальное положеніе католицизма во владѣніяхъ императора. Но сеймъ не соглашался со взглядами короля, совѣтовалъ нисколько не вмѣшиваться въ чешскія дѣла въ пользу императора и обращалъ вниманіе на то, что австрійскій домъ никогда не благопріятствовалъ Польшѣ, а потому и король ничѣмъ ему не обязанъ. Напротивъ, корона польская имѣетъ съ чешскою стародавніе договоры и дружескія связи, жила съ нею до сихъ поръ въ дружескомъ согласіи и мирѣ. Кромѣ того, пусть король сообразитъ, что споръ Чеховъ съ Габсбургами не касается одной только религіи, но стародавнихъ привилегій чешскихъ, которыя Чехи справедливо приобрѣли себѣ отъ прежнихъ своихъ королей: Впервыхъ, дѣло идетъ о свободномъ выборѣ короля; еслибы Поляки задумали помѣшать этому похвальному обычаю, то, по справедливому Божьему наказанію, могла-бъ и ихъ постичь подобная участь, за которую-бъ отвѣтствовали своимъ потомкамъ¹⁾.

Тогда (1619 г.) издалъ одинъ „Богу, королю и отечеству вѣрный польскій шляхтичъ“ интересную брошюру, излагая въ ней семьдесятъ важныхъ причинъ, по которымъ королю польскому, сенаторамъ и шляхтѣ не слѣдуетъ сопротивляться неизбежной самозащитѣ въ Угрии и Чехии. Авторъ, между прочими причинами, приводитъ и тѣ, что Угры и Чехи защищаютъ самое справедливое дѣло противъ Австрійцевъ, что Чехи и Поляки одного происхожденія, отъ братьевъ Чеха и Лѣха, и что силезскіе князья—настоящіе наслѣдники королей польскихъ: идти безъ справедливой причины на ихъ истребленіе не что иное, какъ свирѣпствовать въ собственныхъ внутреннихъ дѣлахъ²⁾.

¹⁾ Объ этомъ «сеймѣ» (вѣроятно, только собраніе коронныхъ совѣтниковъ), знаемъ изъ рукописной части исторіи Скалы (IX, 580, продолженія въ бібліотекѣ чешскаго музея).

²⁾ Septuaginta graves et arduae rationes, ob quas regem Poloniae, nec non senatores et nobilitatem regni defensionem in Hungaria, Bohemia et alibi locorum inevitabili necessitate susceptae, non adversari decet etc. (Posonii, 1619); также и по-польски; по-чешски приводитъ ихъ Скала (рукоп. IX, 58). Авторъ—князь Юрій Збаражскій, братъ вышеупомянутаго Христофора, потомокъ лавовскихъ Корбутовичей. Противъ этой брошюры издалъ отвѣтъ Плодскій епископъ Стефанъ Дубельскій (Responsio ad 70 rationes, 1620). Изъ брошюръ Л. Зречицкаго (Nowiny

И силезскіе князья, и чины старались отвратить Польшу отъ всякаго вмѣшательства въ чешскія дѣла. Въ письмѣ (29-го мая 1620 г.) къ польскимъ сенаторамъ, они защищаютъ полное право Чеховъ выбирать себѣ королей и указываютъ, между прочимъ, на древніе договоры, заключенные между славными королевствами Польскимъ и Чешскимъ, между двумя народами, тѣсно родственными по происхожденію, языку и учрежденіямъ; говорятъ, что прежніе короли польскіе, Владиславъ Ягайло и Казиміръ не предпринимали ничего враждебнаго противъ Чеховъ, и что Поляки помогали имъ тогда противъ королей Сигизмунда и Альбрехта Австрійскаго. Если Польша теперь будетъ помогать императору, то со временемъ угрожаетъ опасность и польской свободѣ. Въ концѣ своего письма Силезцы, во имя единства происхожденія и языка чешскаго и польскаго, просятъ сенаторовъ, чтобы они хорошо извѣстили короля о положеніи дѣлъ чешскихъ ¹⁾.

Король Сигизмундъ, не могши явно вмѣшаться въ чешскія дѣла въ пользу императора, постарался, по крайней мѣрѣ, косвенно дѣйствовать противъ ненавистныхъ еретиковъ и позволилъ извѣстнымъ казакамъ-лисовчикамъ, этому „сброду воровъ и разбойниковъ“, какъ ихъ называютъ Чехи, вторгнуться въ Угорскія и Чешскія земли ²⁾. Эти лисовчики участвовали и въ роковомъ для Чешскаго государства сраженіи на Бѣлой Горѣ, 8-го ноября 1620 года.

Такимъ образомъ и Польша, хотя косвенно, способствовала паденію Чехіи. О тѣхъ же самыхъ Чехахъ, которыхъ, вмѣстѣ съ Поля-

---

z Czech i o przycudzeniu tych ludzi, 1619 г.) видно, что Краковскіе Жиды, Гданьчане, Зборовская конгрегация и друг. послали Чехамъ деньги и разныя матеріалы.

¹⁾ Ad venatores regni Poloniae scriptum silesiacum (современная печать). Силезцы отправляли посольство въ Польшу отъ всей короны чешской еще вслѣдъ за Бѣлогорскимъ сраженіемъ и заявили на польскомъ сеймѣ (3-го декабря 1620 года) желаніе, чтобы «оба братскія королевства жили по прежнему въ дружескихъ отношеніяхъ». Поляки, принявъ съ благодарностью это заявленіе, замѣтили, что надо было ожидать того отъ родственниковъ и единоплеменныхъ народовъ. *Meszach, Dwa poselstwa do Polski, 68, 116.*

²⁾ Противъ высылки лисовчиковъ въ Чехію и въ Угрію являлись протесты въ самой Польшѣ. Такъ, напримѣръ, протестовали депутаты Краковскаго воеводства. (*Zbióg ramieŃników, VI, 282*); Мат. Золецкій совѣтуетъ лисовчикамъ не вышиваться въ чужія дѣла и обратить оружіе противъ Турокъ (*Copia listu utrapionej ojszuczki do gusegatawa Lisowskiego, 1621*). Военныя дѣйствія этого бича славянскаго описалъ вышеупомянутый Двуболецкій. Разныя подробности о лисовчикахъ см. въ обширномъ ихъ исторіи М. Двудушицкаго.

нами, называвъ первыми представителями Славянскаго народа еще тридцать лѣтъ тому назадъ величайшій государственный человекъ Польши Замойскій, — о тѣхъ же Чехахъ писали тогда въ Польшѣ, напримѣръ, слѣдующее: „Хотя Чешскій народъ считается родственнымъ. Полякамъ, такъ какъ оба народа производятъ свое начало отъ двухъ родныхъ братьевъ, — но онъ все таки сильно отдалился отъ польской доблести и отъ польскаго духа; онъ — народъ, во всемъ подходящій къ Москвѣ“¹⁾.

Со времени паденія Чешскаго государства и вслѣдствіе наступившихъ въ немъ многочисленныхъ перемѣнъ въ политическомъ и національномъ его отношеніяхъ, нѣмнѣлиши и взаимныя связи между Чехами и Поляками, и если продолжали обнаруживаться, то по большей части, только на научномъ вопринцѣ.

Но само ваденіе независимости Чеховъ, и вслѣдствіе того, усиліе Габсбурговъ, не переставало возбуждать въ Полякахъ тяжелыя и непріятныя чувства. Когда (1688 г.) король Іоаннъ Собѣскій сталъ собираться на помощь императору противъ Турковъ, то на сеймѣ, въ печати и пр. раздались громкіе голоса противъ такого плана. „Мы никогда не хотѣли государей изъ австрійскаго дома, а теперь мы должны взяться за оружіе, чтобъ удержать подъ нѣмъ игомъ нашихъ братьевъ въ Угріи, Моравіи, Чехіи и Хорватіи. Не Турки, а Бранденбургъ и Австрія — вотъ наши вѣковые враги!“²⁾.

6. Духовныя связи Чеховъ и Поляковъ. — Христіанство. — Чешская и польская шляхта. — Университеты Пражскій и Краковскій. — Единство чешскихъ братьевъ въ Польшѣ. — Чешскій языкъ въ Польшѣ. — Взглядъ Поляковъ на чешскія дѣла.

Рядомъ съ тѣсными взаимными отношеніями Чеховъ и Поляковъ въ области политической, международной, сложились и ихъ взаимныя духовныя связи.

Чехи (съ Моравянами) раньше являются на историческомъ поприщѣ, чѣмъ Поляки; они раньше принимаютъ христіанство и христіанско-европейскую культуру. Все это переходитъ къ ближайшимъ ихъ сосѣдямъ и соплеменникамъ Полякамъ преимущественно отъ нихъ.

¹⁾ Bart. Pogodziński: Nowiny z Czech i o przyrodzeniu tych ludzi (1620). О военныхъ событіяхъ въ Чехіи того времени есть нѣсколько брошюръ польскихъ, о которыхъ сравн. особенно Дзедушицкаго.

²⁾ Rogalski: Dzieje Jana III Sobieskiego, 130.

Изъ Водной Морави распространились зачатки христіанства и къ южнымъ лядскимъ племенамъ, именно на верхнюю Вислу. Позже, посредствомъ Чеховъ, чешской княжны Добравы, князь польскій Мечиславъ, принявъ христіанство. Латинскій обрядъ восторжествовалъ въ Чехіи, равно какъ и въ Польшѣ, не безъ содѣйствія втораго епископа Пражскаго, Славниковича Войтѣха. Войтѣхъ, равно какъ Кириллъ, Мессодій и Вячеславъ, сдѣлались общими патронами Чеховъ и Поляковъ, стоя рядомъ съ св. Станиславомъ¹⁾. Король Владиславъ-Ягайло передъ сраженіемъ Тауценбергскимъ надеется на помощь святыхъ польскихъ патроновъ, Станислава, Вячеслава и Войтѣха. Длугошъ, окончивая свой историческій трудъ, благодаритъ тѣхъ же святыхъ. Побѣду Хотинскую (28-го сентября 1621 года, день св. Вячеслава) нѣкоторые Поляки приписывали помощи „чешскаго князя св. Вячеслава, одного съ Поляками происхожденія“²⁾.

Взаимныя связи между Чехами и Поляками поддерживались и частію переходомъ дворянскихъ, или какъ у обоихъ назывались, шляхетскихъ родовъ. Особенно въ Польшѣ многіе роды производятся изъ Чехіи, напримѣръ, Окша, Веняда, Огончикъ, Одровонжъ, Помянь и друг.³⁾, Чешская и польская шляхты, имѣя одинаковыя корни, то-есть, древне-славянскій родовой бытъ, поддерживали дружескія отношенія и сознание сходства и братства до позднѣйшихъ временъ⁴⁾.

Съ половины XIV вѣка многіе Поляки стали посѣщать вновь открытый Пражскій университетъ, составляя одну изъ четырехъ его націй. Въ самомъ концѣ этого столѣтія (1397 г.) учреждена польскою королевою Ядвигою въ Прагѣ для литовскихъ студентовъ особая коллегія (родъ семинаріи), которая поручена надзору трехъ Че-

¹⁾ Сравни приведенныя выше Officia patron. prov. Polon. Съ другой стороны чешскій король Премысль II Отжкаръ является большимъ почитателемъ св. Станислава (Dógiel Cod. dipl. г. Polon, I, 1; Niemcewicz: Zbiór pamiatników I, 309).

²⁾ Kobiernycki: Historia Vladislai principis, 824. Самое имя Вячеслава «Wacław» Поляки приняли прямо отъ Чеховъ; въ древней польщизнѣ XIV вѣка встрѣчается польская форма этого имени «Wanclaw».

³⁾ Сравни генеалог. сочиненія Длугоша, Папроцкаго, Омовскаго, Несецкаго. Шайнбоха (Nowe zakłose histor., 781) выводитъ всѣ гербы польскіе изъ Чехіи.

⁴⁾ Сравни выше о монгольской войнѣ, о Розенбергѣ въ Польшѣ, о планѣ Вилнскаго; о посѣщеніи Адамомъ изъ Штернберга Луки Горки 1684 г. (Сбор. Сѣк. Муз. 1830, 441) и пр. Замѣтимъ здѣсь, что и древне-польская шляхта XIV—XV вѣковъ раздѣлялась, какъ чешская, всегда на два разряда: шляхтичей (nobiles) и влодыжъ (milites).

ховъ (монаха Іоанна изъ Щевни и Пражскіхъ мѣщанъ Брижа и Нѣбра), а позже и проповѣднику достопамятной часовни Вилдеевской. Студенты польскіе и литовскіе посѣщали Пражскій университетъ до второй половины XV вѣка, то-есть, до запрещенія папы, чтобы никто не приходилъ въ „еретическій“ университетъ Пражскій (1469 г.)¹⁾.

По примѣру Пражскаго, устроенъ былъ университетъ или академія въ Краковѣ (въ 1384 году), возобновленная Владиславомъ Ягайломъ въ 1400 году. По его словамъ, она должна была просвѣщать Польшу и возвышать такъ, какъ Пражскій университетъ Чехію. Сюда перешли и многіе профессора изъ Праги, польскаго, чешскаго и нѣмецкаго народа²⁾.

Особенно тѣсны и дружескія сношенія завязались между Чехами и Поляками вслѣдствіе переселенія многихъ приверженцевъ церкви единства чешскихъ братьевъ въ Польшу. Чешскіе братья, съ самаго ихъ начала преслѣдуемые и католиками и утравкистами, наконецъ, послѣ чешскаго возстанія (1547 года), вынуждены были выселиться изъ Чехіи (1548 году). Они, не зная, куда обратиться, выбрали, наконецъ, страну родственникъ себѣ по языку Поляковъ³⁾. Въ Польшѣ единство чешскихъ братьевъ скоро приобрѣло себѣ большое значеніе вмѣстѣ съ остальными протестантскими церквами лютеранъ и кальвинистовъ. Братья основали много „сборовъ“ (церквей), особенно въ Великой и въ Малой Польшѣ, и скоро стали считать въ своихъ рядахъ много приверженцевъ изъ знатныхъ родовъ польскихъ, особенно великопольскихъ—Лещинскихъ, Кротоскихъ, Остророговъ и друг. Въ Польшѣ они издавали чешскія книги и переводили ихъ на польскій языкъ⁴⁾.

¹⁾ О польскихъ студентахъ въ Пражскомъ университетѣ (1367—1467 г.) см. Monumenta histor. univers. Prag. I, отсюда у Мучковскаго: Wiadomoś o założeniu univers. w Krakowie; в Литовской коллегии—Монш. II, папская грамота 1469 г. Theiner: Монш. Polon. histor., II, 164. Въ началѣ XV вѣка магистръ Андрей изъ Броду въ числѣ народовъ въ Пражскомъ университетѣ приводитъ не только Поляковъ, но и Русскихъ—esse Plutani, esse Bythani, esse Poloni, etc. (Script. rer. russit. II, 155).

²⁾ Мучковскій, 73, Другошъ, lib X, p. 167). Въ драмѣ Academia Cracoviensis (1537 г.) Польша разговариваетъ Чехамъ объ учрежденіи Краковской академіи Евангелической и объ ея упадкѣ; Чехія же утѣшаетъ Поляковъ, что и у нихъ будетъ такой университетъ, какъ Пражскій.

³⁾ Comenius: Hist. fratrum bohem., 28.

⁴⁾ Напримѣръ, чешскій кавціональ въ Шамогулакѣ (1561); польскій его переводъ вышелъ въ Королевцѣ 1554 г.

Съ оставшимися въ Чехіи и особенно въ Моравіи братьями, польскіе братья находились, вѣржда въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ. Польскіе братья часто посѣщали съѣзды чешско-моравскихъ братьевъ, собираемые особенно въ Моравіи, въ Преровѣ, Лидницѣ, Слезонахъ и пр.; и здѣсь трактовали и о своихъ дѣлахъ; свою молодежь посылали на воспитаніе въ Чехію и Моравію ¹⁾. Съ другой стороны, и чешскіе, и моравскіе братья ходили въ Польшу и сюда же обратились они вновь, когда, послѣ Бѣлогорскаго сраженія, ихъ вторично изгнали изъ чешскихъ земель. Велікопольское Дешно, сдѣлалось ихъ средоточіемъ: здѣсь жили и дѣйствовали великій Комацскій, здѣсь издавались и многія книги на чешскомъ языкѣ еще до половины XVII вѣка.

Такимъ образомъ, Чехи и Поляки приходили въ самое близкое общеніе. По-польски говорилось и въ сборахъ польскихъ и моравскихъ; съ другой стороны, и чешскій языкъ развивался въ Польшѣ; такъ, напримѣръ, на съѣздѣ братьевъ чешскихъ и польскихъ (изъ Велікой и Малой Польши и Литвы) въ Лешнѣ (1635 г.), Комацскій, по всеобщему желанію, держалъ проповѣдь на чешскомъ языкѣ ²⁾. Въ Польшѣ издавались многія чешскія книги, читались и переводились на польскій языкъ. Нѣкоторые знаменитые чешскіе братья, природные Чехи, сдѣлались и польскими писателями, такъ, напримѣръ: Рокита, Рибинскій, Турновскій и др. ³⁾.

Важнымъ послѣдствіемъ, взаимныхъ отношеній Чеховъ и Поляковъ въ области духовной, было значеніе чешскаго языка въ Польшѣ и его вліяніе на польскій языкъ.

Чешскій языкъ развивался и установился гораздо раньше, чѣмъ польскій, и на немъ уже въ XIII — XIV вѣкахъ существовала довольно богатая литература не только духовная, но и свѣтская; съ начала

¹⁾ Чешскіе воспитатели требовались и въ Польшу, такъ, напримѣръ, въ 1608 г. Пражскій ректоръ Бахачекъ послалъ одного воспитателя пану Стадницкому (Czapor, Česk. Mus. 1845, 624).

²⁾ Zoubek: *Život Jana Am. Komenského*, 32, 35.

³⁾ О чешскихъ братьяхъ въ Польшѣ сравн. сочиненія Благослава, Ласкякаго, Коменскаго, Венгерскаго, Гинделя, Лунашевича, Dekrety jednoty bratrské, и др. Братья Чехи, пишучи по-польски, часто употребляютъ чешскія слова, чистыя, или передѣланныя на польскій ладъ, напримѣръ: podstatny, wprośnię kadość, zawirka, przekażka, dziesięćtek, pokrzystwo, prę, przedni, i chuci и др. Лунашевичъ, сообщая въ своихъ сочиненіяхъ о польскихъ диссидентахъ множество братскихъ памятниковъ польскихъ XVI вѣка, часто не понимаетъ такихъ словъ.

же XV вѣка, съ развитіемъ религіозно-національнаго движенія онъ приобрѣлъ себѣ во всей публичной жизни такое значеніе, о какомъ въ Польшѣ не было и помину. Польша все еще находилась подъ исключительнымъ господствомъ латинскаго языка, которое прекратилось только въ половинѣ XVI вѣка. До этого времени нельзя и говорить о какой-нибудь польской литературѣ; почти все писалось на латинскомъ языкѣ — статуты, лѣтописныя, историческія, духовныя и другія сочиненія; на польскомъ же языкѣ записывались только какъ-бы случайно, между прочимъ, нѣкоторыя духовныя пѣсни, статьи, части библіи, и наконецъ, переводы статутовъ и нѣкоторыхъ юридическихъ формулъ.

Съ христіанствомъ перешли въ Польшу и чешскія духовныя пѣсни, молитвы и переводы Библіи, и если въ теченіе времени они, подъ вліяніемъ мѣстнаго нарѣчія, и подвергались измѣненіямъ, то все-таки сохранили до XV вѣка болѣе или менѣе чехизмовъ, да и чистыя чешскія слова и обороты. Такіе чехизмы встрѣчаются въ пѣсняхъ Bogarodzica (приписываемой св. Войтѣху), Salve regina, въ пѣсни ко св. Маріи и др. Въ нихъ находимъ, напримѣръ, слова: *bozporodin, zwolom, wslawiona, nadzieje, Jakajse i rancize, Tezho potehnoného, piod swotota tv'eho, swatého ducha schráná, poklad, dárec,* и проч.¹⁾ То же самое видимъ и въ древне-польскихъ молитвахъ XV вѣка (Отче нашъ, Богородица, Вірую, и др.: *jenž jsi, tvá vuola; od zlého, s tabú, vstápiš, z mrtvých vstáš, pane, wszechmogućy* (подлѣ *wszechmogący*), *pragnący* (подлѣ *pragnący*), *rapnu,* и др.²⁾ встрѣчается и исповѣдь на чисто чешскомъ языкѣ³⁾.

Библію Чехи стали переводить по частямъ уже съ X вѣка. До начала XIV вѣка были уже переведены части Евангелія, Псалтырь и другія книги, а въ XIV вѣкѣ сдѣланъ былъ полный сводъ Библіи на

¹⁾ Wiszniewski, Hist. lit. pol. I, 384 (Bogarodzica также въ изд. Презвѣцкаго 1866, срвн. *Časop. Česk. Mus.* 1872, 335). Но подлѣ духовныхъ пѣсней съ чехизмами встрѣчаются такія пѣсни (съ начала XV вѣка) и на чистомъ польскомъ языкѣ (Wiszniewski, VI, 415, Maciejowski: *Piśmiennictwo polskie, Dodatki*). Чешскія слова пишетьъ нымѣшнимъ правописаніемъ.

²⁾ Кеппенъ: *Собраніе словенск. памяти.*, 90, *Časop. Česk. Mus.* 1848, 93; Maciejowski: *Piśm. pol., Dodatki* 47, 87, 100. Но гораздо чаще встрѣчаются чисто польскіе переводы безъ всякой чешской примѣси, или съ очень рѣдкими чехизмами, напримѣръ, декалогъ изъ конца XIV вѣка, житіе св. Властіа нач. изъ XV вѣка, житіе св. Анны и Іоакима XV вѣка, разныя молитвы и проповѣди XV вѣка, и пр.

чешскомъ языкѣ. Между тѣмъ, полный сводъ Библии на польскомъ языкѣ былъ сдѣланъ только два вѣка спустя, въ началѣ второй половины XVI вѣка, хотя отдѣльныя попытки перевода частей Библии на польскій языкъ относятся къ XIV столѣтiю. Чешскія библии переходили и въ Польшу, и здѣсь ими пользовались вмѣсто своихъ польскихъ, а позже и для перевода на польскій языкъ ¹⁾.

Чешскій переводъ Псалтири былъ извѣстенъ и польскому ея переводчику XIV вѣка, съ латинской вульгаты, но онъ пользовался имъ довольно благоразумно, сообразно духу польскаго языка. Въ польскомъ переводѣ остались только нѣкоторые чешскія слова и формы, напримѣръ: *miłość* вмѣсто *miłość*, *lizat* вмѣсто *lizać*, *skutkuow* вмѣсто *skutków*, *czynie* вмѣсто *czynią*, *jej* (*guyu*) вмѣсто *ji* (*gy*), и другія. Большое вліяніе чешскаго языка замѣтно въ польскомъ переводѣ Библии, сдѣланномъ въ началѣ XV вѣка. Польскій переводчикъ, не заглядывая въ латинскую вульгату (кроме нѣкоторыхъ книгъ), прямо переводилъ или списывалъ съ чешскаго текста Библии по рецензии конца XIV и начала XV вѣка. Да часто и читалъ онъ неправильно; такъ, напримѣръ, онъ пишетъ „*na świecie*“ вмѣсто „*násieše se*“, „*stworzenie*“ вмѣсто „*stygzenie*“, „*a konce*“ вмѣсто „*okence*“, „*wiek*“ вмѣсто „*véc*“ и проч.; повторяетъ и ошибки чешскаго переводчика: *szlachcionka*—*šlechtiana* (*nobilis* вмѣсто *nobilis*), *z cudzołożnej macierze*—*z cizolożné matere* (*de adultera matre* вмѣсто *de altera matre*) и проч.; употребляетъ много чисто чешскихъ словъ, напримѣръ, названія мѣсяцевъ: *brzezień*, *dęben*, *prosiniec* и проч. ²⁾.

¹⁾ Чешская библия начала XV вѣка хранится въ (недоступной) библиотекѣ Замойскихъ въ Варшавѣ; другая (пис. 1476—1478 гг. въ Каменцѣ) была въ капитальной библиотекѣ Влодавской, теперь у г. Мулинскаго въ Варшавѣ (*Biblioteka Warszaw.* 1872, III, 129).

²⁾ Обширно объ этомъ см. Nehring: *O psalterzu florentyńskim* (1871); Małecki: *Biblia Królowej Zofii* (1871); Jireček: *Bibli staropolská* (*Časop. Česk. Mus.* 1872, 297, сравн. *Časop.* 1864, 136). Для сравненія приводимъ здѣсь начало библии древне-чешской (Лесковецкой) и древне-польской:

W poskacie stworzil Buch nebe y zemi, ale zemie bula neuzyteczna a prazdna, a tmy biechu nad twarzi propasty, a duch bozy nazwiesse sie nad wodami. Y powiedye buoh: bud swietlo, i stworzeno jest swietlo. A widyev boh swietlost, ze jest dobra, y rozdielil swietlost ode tmy, y nazwal jest swietlost dnem a tmy nocy,

Na posqtcze bog stworzyl niebo y szemyo, alye szemya bila nyeuszyteczna a przozna, a czmi bili na twarzi przepaszczy, a duch boszy nazsweczye nad wodamy. Y rzekl bog: bqdz szwyatlo, y stworzono szwyatloszcz. A uszrzal bog szwyatloszcz, ysze gest dobra, y rozszdzyl szwyatloszcz ode czmi, y nazwal gest

Большее или меньшее количество таких чехизмовъ и вообще слѣдовъ чешскаго вліянія можно встрѣтить во всѣхъ памятникахъ духовной литературы польской до первой половины XVI вѣка. Но замѣтимъ, что въ отыскиваніи и опредѣленіи чехизмовъ въ польскихъ памятникахъ того времени надо быть очень осторожнымъ; въ число ихъ нельзя безусловно относить, напримѣръ, слова, которыя встрѣчаются въ древнемъ и нынѣшнемъ чешскомъ языкѣ, но которыхъ нѣтъ уже въ нынѣшнемъ польскомъ. Хотя оба западно-славянскіе языка, съ перваго появленія чешскаго и польскаго народовъ, являются уже вполне установившимися и опредѣленными, но все-таки ихъ сходство до сихъ поръ поразительно и въ лексикальномъ, и въ грамматическомъ отношеніи. Это сходство обнаруживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше мы заглядываемъ назадъ. Многія слова могли быть извѣстны и древнимъ Полякамъ, и Чехамъ, но уцѣлѣли только у послѣднихъ, между тѣмъ какъ у первыхъ вышли изъ употребленія или замѣнены другими. Такъ, въ нѣкоторыхъ польскихъ памятникахъ XV и начала XVI вѣковъ (въ молитвахъ, въ проповѣдяхъ, въ духовныхъ пѣсняхъ, въ книгахъ Іоанна изъ Кошичекъ, Опеца и др.) встрѣчаемъ слова: skutki, krasny, zapad. obiatować, drzewie, dzie, siedło (то-есть, мѣсто), licemiernik, lubieżni, (то-есть, чешское lŕbezny), wiarować się (чешск. warovati se), dufanie, wsdychanie, slubiła, stepali, wielmi, bydlenie, и друг., которыхъ въ нынѣшнемъ польскомъ нѣтъ, или которыя приняли здѣсь другое значеніе. Но изъ этого нельзя еще заключить, что эти слова — чешскія, и что они не были и въ древне-польскомъ языкѣ¹⁾.

Чешскими библіями не переставали пользоваться польскіе переводчики до второй половины XVI вѣка, когда польскій языкъ уже совсѣмъ установился, и польская литература стала выше чешской. Чешскою библіею пользовался и переводчикъ такъ-называемой Библіи Шарфенбергера или Леополиты, доминиканецъ Леонардъ (1561, 2-е изд. 1574, 3-е изд. 1577), а также позже Вуекъ²⁾.

Y vskynen gest wecxer a z gitra den geden. Y opiet wocie buob-bud stwznenye vprostrzied wod, etc.

szwyatloszys dnyem a szmi nocsz. Y uskynyl wyecszyor a s yutra dzeyn geden. Lepak rzecze bog: bodz stworzenye w rozsrod wod, etc.

¹⁾ Такъ, нѣкоторыя слова въ первомъ изданіи книги Опеца (1522) въ послѣдующихъ изданіяхъ замѣнены другими: wczawic — objawic, dostojen — godniwy, dzialac — skynid, wesele — wesoło, ženszszukapani, gospodynie — boze, и пр. (Wizniewski, Hist. lit. pol. VI, 383).

²⁾ Muczkowski: O Janach Leopolitaeh i bibliach Szarfenbergerowskich. Справн.

Значеніе и важность чешскаго языка въ Польшѣ, особенно въ богословской литературѣ, признаеть еще во второй половинѣ XVI вѣка польскій переводчикъ „Постилы“ Мартина Лютера (1574), Геронимъ Малецкій. „Хорошій переводчикъ“, пишетъ онъ, „который хочетъ переводить съ нѣмецкаго языка, долженъ хорошо понимать по-нѣмецки и не только быть хорошимъ Полякомъ и правильно и исправно употреблять обороты, но долженъ знать и чешскій языкъ, потому что польскій и чешскій языки — одна рѣчь, не смотря на то, что каждый изъ этихъ языковъ имѣеть свои собственные выраженія или особенности. И такъ какъ Чехи раньше, чѣмъ Поляки, перевели Библию и другія книги Лютера на свой чешскій языкъ, то мы, Поляки, должны были и въ нынѣшнее время брать много словъ отъ Чеховъ и употреблять ихъ, особенно въ теологій“.

Новый наплывъ чешскаго языка и чешскихъ книгъ въ Польшу наступилъ, въ половинѣ XVI вѣка, вслѣдствіе переселенія туда чешскихъ братьевъ.

Сказанное здѣсь о вліяніи чешскаго языка на духовную литературу польскую касается и свѣтской литературы древне-польской, но только отчасти.

Въ юридическихъ памятникахъ древне-польскихъ XIV—XV столѣтій, въ переводахъ статутовъ, городскихъ правъ и проч., не замѣтно никакого вліянія чешскаго языка; въ нихъ польскій языкъ чистъ, какъ онъ употреблялся въ юридической и въ обыденной

Wiszniewski, Hist. lit. pol. VI, 549, Jocher Obraz bibliograf. II, 78. Для сравненія приводимъ здѣсь начало 4-й главы ев. св. Мат. изъ чешской библии (1506 г. (другихъ изданій въ Варшавѣ нѣтъ) и изъ 1-го изданія библии Леопольта 1561 г. (нынѣшнимъ правописаніемъ):

Tedy Ježíš vedon jest na púst' od ducha, aby byl pokušen od ďábla. A když se postavil čtyřiceti dní a čtyřiceti nocí, potom jest zládněn. A přistápnv pokušitel řekl jemu: Ivi-li syn boží, rsiš, at' kámenie tote chlebové budú. Kterýž odpovédn řekl jemu: Psáno jest sajisté: Ne samým chlebem živ jest člověk, ale každým slovem, které pocházze z ust božiech.

Tedy Jezus wiedzion jest na puszczą od ducha, żeby był pokuszon ode diabła. A gdy się pościł czterdzieści dni i czterdzieści nocy, potym łaknął. I przystąpiwszy do niego kusiciel rzekł mu: „Jeżeliś ty jest syn boży, przykaż, aby to kámenie chlebem się stało *). On odpowiedziawszy rzekł: Napisano jest: Nie samym tylko chlebem żywie człowiek, ale wszelkim słowem, które pochodzi z ust bożych.

*) Nowy Testam. 1556 г.: rzecz, by kamienie to chlebem było.

жизни ¹⁾). Въ другихъ польскихъ сочиненіяхъ того времени замѣтно чешское вліяніе, хотя, повторяемъ, оно относится болѣе къ формальной сторонѣ языка, къ словамъ, между тѣмъ какъ грамматика, стиль и проч. чисто польскіе. Такъ, напримѣръ, въ запискахъ янычара, писанныхъ по-польски Сербомъ Константиновичемъ около 1500 года, встрѣчаемъ чисто чешскія слова: *pořád*, *siódłak*, *dobytek* (то - есть, скотъ), *statek*, *Uhti*, *uherský* (подлѣ *Węgrzy*, *węgiorski*) и др. ²⁾. Отдѣльные слова чешскія встрѣчаются и у позднѣйшихъ писателей польскихъ—у Рея, Кохановскаго, Бѣльскаго и др., напримѣръ: *cidzić* (*ciditi*), *tesarz*, *prozna*, *woda ratokowa*, *kus*, *honies* и др. ³⁾.

Чешское вліяніе замѣтно и въ нынѣшнемъ языкѣ польскомъ; въ немъ остались до сихъ поръ чешскія слова, не передѣланныя на польскій ладъ, напримѣръ: *obywatel*, *smutek*, *hodowac*, *hojny*, *hardy*, *hańba*, *hańsło*, *ohydny* (древнепольск. *ohisny*) и др.

И правописаніе чешское имѣло вліяніе на польское. Это вліяніе замѣтно особенно въ статьѣ Станислава Заборовскаго о польской орфографіи (1518 г.). Заборовскій старается установить колеблющуюся орфографію польскую; по примѣру чешскаго правописанія Гуса, введеніемъ диакритическихъ знаковъ въ латинскую азбуку и примѣнить правила чешской орфографіи къ польской. Звуки *ч*, *ш*, *ж*, и свойственный западнымъ Славянамъ звукъ *і* (*rz*) означаетъ, по примѣру Гуса, съ одной точкой *с*, *s*, *z*, *г*, также и твердое *л*—*l*; звуки *цъ*, *съ*, *зь*, *нь*, *мъ*, и проч. — въ двумя точками *с*, *s*, *z*, *п*, *р* и проч.; даже и свойственный польскому языку звукъ *dz* означаетъ по-чешски *d'*. Заборовскій вообще хорошо знакомъ съ чешскимъ языкомъ; онъ знаетъ, что вмѣсто польскихъ носовыхъ звуковъ Чехи выговариваютъ и пишутъ обыкновенно *и* (*giku*, *budu*), иногда *а* (*svatý*, *proklatý*), и проч. ⁴⁾.

¹⁾ Сравни. древне-польскіе переводы статутовъ, изд. Леловелемъ и Гельцелемъ, выписки изъ земскихъ и судебныхъ книгъ, изд. Приборовскимъ, Гельцелемъ, Малковскимъ; Магдебургское право, изд. Вишневскимъ, и др.

²⁾ *Pamiętniki jańszara* (изд. Warszawa, 1828). Сравни. *Jweńska Rosprawy z obora historie, filologie a literatury*, I. «*Wuherska ziemia*», «*Wuherskie ksiązde*», «*Wuhryz albo Węgrzy*» пишетъ и авторъ книги «*Powieść o założeniu klasztoru na Łysej Gorze*» XVI вѣка.

³⁾ Сравни. также одну чешско-польскую пѣсню (слезезку) свѣтскаго содержания, изъ XV вѣка («*Chci ja na rannu żałować, niechciałať mi trochy dać*» etc.) *Sitzungsberichte der kais. Akademie XXXIX*, 636.

⁴⁾ *Zahorowskiego: Ortografia polska, z łacini. przez A. Kucharskiego* (Warszawa, 1825).

Но этотъ способъ правописанія привился къ польскому языку только отчасти; Поляки частію остались при недостаточномъ древнемъ правописаніи составленіемъ разныхъ буквъ. Только въ первомъ изданіи Описанія Сарматіи (Tractatus de duabus Sarmatiis), Матвѣя изъ Мѣхова, 1517 г., слѣдовательно, за годъ до изданія статьи Заборовскаго, встрѣчаемъ предлагаемую имъ орографію. Мѣховита пишетъ напримѣръ: hore, more, krzecot, Turagaga, Cirkaci, Drohicien, Zidacop, Drecsuayue, Tracsuayue и проч. Но уже въ изданіи той же самой книги 1521 года эти слова написаны: gogzey, morze, krzecot, Turzagora, Czuykaczy, Drohuczyn, Zudaczuow, Drzewianie, Trawianie, и проч. Хотя съ XVI вѣка польскій языкъ сталъ быстро развиваться, и польская литература скоро опередила чешскую, но все-таки чешскій языкъ сохранилъ свое значеніе въ Польшѣ до самаго конца XVI вѣка.

Изъ польскихъ земель испытала чешское вліяніе вообще особенно Силезія, съ XIV вѣка присоединенная къ чешскому государству. Правда, во время этого присоединенія, Нижняя Силезія была уже отгѣмечена, да и въ Верхней, остававшейся польскою, высшія сословія поддавались уже германизаціи. Но рѣшительная побѣда національнаго элемента въ Чехіи въ XV вѣкѣ отразилась и на этой провинціи чешской короны. Чешскій языкъ сталъ распространяться въ Верхней Силезіи, гдѣ еще сохранялся польско-славянскій элементъ, именно въ княжествахъ Опольскомъ, Ратиборскомъ, Тѣшинскомъ, Освѣтискомъ и Заторскомъ. Грамоты на чешскомъ языкѣ издають въ XV, XVI, даже и въ XVII столѣтіяхъ князья, намѣстники, вельможи и города верхней Силезіи ¹⁾. Въ княжествѣ Опольско-Ратиборскомъ чешскій языкъ пріобрѣлъ себѣ даже законное господство. Въ 1561 году чины этого княжества, на сеймѣ въ Ополѣ, одобрили особое земское уложеніе, утвержденное королемъ въ слѣдующемъ году. Это уложеніе написано на чешскомъ языкѣ и издано въ 1563 году ²⁾. Оно составлено особенно по образцу моравскаго земскаго уложенія,

¹⁾ Сравн. множество силезскихъ документовъ на чешскомъ языкѣ въ сб. Archiw Śląski, особенно «Zapisy Kowelské 1480—1571» (II, 393). Нѣсколько силезскихъ грамотъ на чешскомъ языкѣ хранятся въ архивахъ Чешскаго музея и Варшавскомъ. О распространеніи чешскаго языка въ Верхней Силезіи даже въ XVII вѣкѣ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и генеалогическое сочиненіе Папроцкаго «Stambuch śleski» (1609 г.), посвященное многимъ силезскимъ дворянскимъ родамъ.

²⁾ Zřízení zemské kníž. Opolského a Ratiborského i jiných Krajov k nám přitahájcích (Hořomane 1563, 2-е изд. Nisa, 1671).

изъ котораго нѣкоторыя статьи даже прямо выписаны (напримѣръ, о дорогахъ, объ открытіи суда), или по крайней мѣрѣ, очень къ нимъ подходятъ (напримѣръ, присяга земскихъ судей). Языкъ—чисто чешскій, и только иногда встрѣчаются польскія слова, особенно юридическіе термины (*wagunek, posah, obizna, matetizna* и друг.). Господство же чешскаго языка въ публичной жизни выражается въ особыхъ отдѣлахъ (XX, XXI, XXV): „Въ судѣ всѣ чужеземцы и туземцы должны говорить по-чешски или на понятной этому языку рѣчи, а не иначе. Приговоры должны быть провозглашаемы и вписываемы въ книги на чешскомъ языкѣ. Всѣ на другихъ языкахъ—нѣмецкомъ и латинскомъ, писанныя свидѣтельства и пр. должны быть представляемы земскому суду въ чешскомъ переводѣ“.

Въ Тѣшинскомъ княжествѣ нѣмецкій и латинскій языки уступили чешскому съ половины XV вѣка (первая грамота Тѣшинскихъ князей на чешскомъ языкѣ 1442 года), и съ того времени до самаго XVIII столѣтія грамоты князей и дворянъ Тѣшинскихъ издаются на чешскомъ языкѣ. Господство чешскаго языка въ Тѣшинскомъ княжествѣ выражено также и юридическимъ путемъ, въ земскомъ уложеніи (1592 г.), составленномъ на чешскомъ языкѣ почти слово въ слово согласно съ Опольско-Ратиборскимъ ¹⁾.

Въ княжествахъ Освѣтимскомъ и Заторскомъ чешскій языкъ остался господствующимъ и послѣ ихъ присоединенія къ Польшѣ (1453 г.). На чешскомъ языкѣ писаны грамоты Освѣтимскихъ и Заторскихъ князей Іоанна, Премислава (Премка), Казимира и чешскихъ и польскихъ воиновъ, воевавшихъ въ Освѣтимѣ противъ польскаго короля Казимира (1457—1458 гг.). По-чешски писаны и грамоты, касающіяся особенно имѣній польскаго рода Мышковскихъ (1473—1559). Эти грамоты издають польскіе короли, старосты краковскіе и освѣтимскіе, судьи и вассалы освѣтимскіе, заторскіе и другіе, и пишутъ земскіе писаря освѣтимскіе, все природные Поляки. Любопытна, напримѣръ, грамота 1523 года, которою намѣстникъ верхней Силезіи, тѣшинскій князь Казимиръ, улаживаетъ споры между Март. Мышковскимъ, стольникомъ краковскимъ, и нѣсколькими тѣшинскими дворянами, въ присутствіи комиссаровъ Польскаго короля, епископа Ка-

¹⁾ Práva a zřízení zemské kníž. Těšínského (Polotaus, 1592); переведено въ концѣ XVII вѣка на языкъ латинскій, и только въ 1796 г. на нѣмецкій. Много чешскихъ грамотъ находится въ архивахъ Тѣшинскаго суда и Тѣшинской думы (Biermann: Gesch. des Herzth. Teschen 162, 245. Einige Quellen zur Gesch. Schlesiens überhaupt. u. des N. Teschen insbesondere, вь Бернскихъ Schriften V, 176).

менецкаго, воеводы и кастеляна Сандождьрскихъ и др. Чешскій языкъ въ этихъ грамотахъ чистъ, почти безъ полонизмовъ, которые размножаются въ грамотахъ только съ теченіемъ времени (otčizna, matefizna; pańienka, rosah, ličba, и др.). Чешскій языкъ употребляли Освѣтимиане и сосѣди ихъ въ Краковскомъ воеводствѣ и въ перепискѣ съ Чехами и Мораванами: такъ, напримѣръ, по-чешски пишутъ Северианъ Балицкій, староста Освѣтимскій, опавскому судѣ Планкнару (1534 г.), Христ. Комаровскій, кастелянъ Сандецкій, епископу Оломудскому Павловскому (1595 г.) и пр. Вслѣдствіе совершеннаго присоединенія княжества Освѣтимскаго и Заторскаго къ польской коронѣ (1564 г.) постановлено, что съ тѣхъ поръ вся officialная переписка должна быть ведена на польскомъ языкѣ ¹⁾).

Знаніе чешскаго языка было распространено въ Польшѣ еще въ XVI вѣкѣ, да еще притомъ чешскій языкъ считался тутъ чуть-ли не выше польскаго, къ неудовольствію польскихъ патриотовъ.

Поляки, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ Чехами во времена гуситскаго движенія, знакомились съ чешскимъ языкомъ отчасти на самомъ мѣстѣ, въ Чехіи, отчасти въ Польшѣ посредствомъ многихъ прибывшихъ туда Чеховъ, особенно военныхъ. Чехи въ сношеніяхъ съ польскими и съ литовскими государями употребляли не только общій тогда латинскій языкъ, но и свой природный чешскій ²⁾. Поляки же, съ своей стороны, не стѣснялись говорить съ Чехами по польски: такъ, чешскіе и польскіе теологи въ Краковѣ (1431) говорили на своихъ языкахъ, переговоры между королемъ Юріемъ и польскими послами велись преимущественно по чешски, равно какъ и переговоры съ новоизбраннымъ королемъ чешскимъ Владиславомъ, ко-

¹⁾ Некоторые грамоты Освѣтимскія 1457—1551 гг. хранятся въ архивахъ Чешскаго музея и главнымъ Варшавскомъ; о другихъ упоминаютъ Чацкій (O śiew. i pol. prawach, I, 54) и Вишневскій (Hist. lit. pol. VI, 379). Восемь грамотъ, касающихся рода Мышковскихъ 1481—1559 гг., сообщилъ Шапецкій въ Miscellanea Ogasov. II, 94; двѣ такія грамоты, 1473 и 1474 гг., хранятся въ главномъ архивѣ варшавскомъ. Некоторые Освѣтимскія и Заторскія грамоты вписаны — на чешскомъ языкѣ — и въ польскую (коронную) метрику. Постановленіе польскаго сейма 1564 г. см. въ *Volumina legum* II, 656.

²⁾ Упомянемъ здѣсь о шуткѣ, разказанной Длугошемъ (I. B. 207). Въ переговорахъ чешскаго короля Вячеслава IV съ польскими послами въ Прагѣ 1410 г. первый сталъ съ ними говорить по-чешски, такъ какъ оба языка, чешскій и польскій, слодны и другъ другу понятны. Но польскіе послы возразили ему, что это не такъ, ибо слово «siodlak» значитъ по-чешски поселянина, а по польски «сѣдельника».

торый ствѣчалъ по польски; по чешски говорилъ на польскомъ сеймѣ и Розенбергъ, посланникъ императора Максимилиана, и на томъ же языкѣ говорилъ съ Поляками самъ императоръ и пр. Да Поляки в, соединенные съ ними, Литовскіе Русскіе, иногда сами употребляли чешскій языкъ, напримѣръ, вышеупомянутые князья Литовскіе Сигизмундъ Борыбутовичъ и Швитригайло, русскій князь Вячеславъ изъ Острога, подольскіе воеводы Судивой изъ Остророга и Іоаннъ изъ Тэнчина, послы Казимира къ Юрію Подѣбрадскому Станиславъ, изъ Остророга и Яковъ изъ Дубна, вышеупомянутые Мышковскіе и др. Наконецъ, въ польскую метрику (главный архивъ) записывались чешскія грамоты (касающіяся князей Освѣтimsкаго и Заторскаго и другихъ силезскихъ княжествъ) уже во второй половинѣ XV вѣка, слѣдовательно, гораздо раньше, чѣмъ грамоты на польскомъ языкѣ ¹⁾).

Чешскій языкъ употреблялся и въ переговорахъ между чешскими наемными поляками въ Польшѣ и королями польскими. Такихъ доку-

¹⁾ Сравни Archiw český III, 18, 462; IV, 160. Чешскія записи въ Метрицѣ коронной (въ гл. архивѣ Варшавскомъ) съ 1484, 1488, 1490, 1494 г. и др. Прежде здѣсь начало двухъ чешскихъ грамотъ, записанныхъ въ коронной метрицѣ, 1484 г. (нн. XV, fol. 78) и 1540 (1552 г.) (нн. LXXX, fol. 146). Въ первой Jan Olbrecht, z bohošie milosti král Polský, najvyšší kněz Litevský, Ruský, Pruský, pán a dědic, proni jistec a dlužnik dťuhu duole psaného, a my Ondřej z Tenčina kastelan Vojnický, Pret (sic) Myškovský z Přetišova, Kastelan Vělnunský, Jan Myškovský z Přetišova, Kastelan Osvětimsky, Beneš Pohorský, Mikołaj Porambský, sudie země Osvětimské, a Petr Porubský (sic), synovec jeho, rukojmě a sponusilbec v jeho milosti a za jeho milost králevská všichni rakt společně a nerozdělně, každý z nás, jako za své vlastní dťuh, vyznáváme tímto listem všem vnobec i každému gđáše, že jsme dťužni dťuhu pravého a spravedlivého nám vděk a v naši pišnu potřebu poušičaného (sic) dva tisíc zlatých dobrých uherských červených na zlase i na vúde spravedlivých osvícenému kniežeti, knězi Hanušovi Osvětimskému a Zátorskému a kněžně Barboše manželce jeho, etc. etc. V Krakově v pásek před sv. Janem Křtitelem etc. Другою грамотою король Сигизмундъ-Августъ подтверждаетъ (1552 г. въ Петровѣ) грамоту отца, писанную idiomate bohémico 1540 г. и приводитъ ее вполнѣ: »My Vavřinec Myškovský z Mirova a naspytkovicech kastelan Sandecký, Severin Bonar z Balce etc., najvyšší správca země Krakovakiej. Tak jakož král I. M. pán náš milostivý nám ráčil poručiti ku krémě Vlovenskiej jeti a tam cestu ztu akz, ktoru dáva se škoda nemaža v skarbě I. K. M., ohledati, i tudsieš jej (sic) tak ustanoviti, že by byla opravena a formamъ byt dobrý a vđydscky projезд svobodný, známo šiníme tímto listem našim všem, kdež toho bude potřebi, že za povučením I. K. M. jsme o tu cestu ztu takové postanovení ušinili etc. etc. Dán u krému Vlovensakiej v pondělí po svatej Hedvidze léta etc.». Замѣтимъ здѣсь, что эта чешско-польская грамота XVI вѣка писана уже латинскими шрифтомъ, а не обыкновеннымъ тогда у Чеховъ письмомъ нѣмецкимъ; подобно тому латинскимъ шрифтомъ писана и Освѣтimsкая грамота 1551 г. (въ архивѣ чешскаго музея).

ментовъ (разметныхъ грамотъ, квитанцій и пр.) на чешскомъ языкѣ сохранилось нѣсколько отъ XV вѣка, особенно отъ временъ короля Казимира, часто нуждавшагося въ военной помощи чешскихъ войскъ ¹⁾).

Въ концѣ XV вѣка известный гуманистъ Конрадъ Цельтесъ, пребывая въ Краковѣ (1488—1490 гг.), учился здѣсь по чешски и по польски, и одна его здѣшняя любовница писала ему письмо на чешскомъ языкѣ (1500 г.); его же латинскія стихотворенія объяснялъ одинъ польскій ученый по чешски ²⁾. Въ Краковѣ издалъ (1532 г.) Польскій астрологъ Михаэль изъ Шадка сочиненіе „Прогностикъ“ на чешскомъ языкѣ. Чешскія книги посвящались и природнымъ Полякамъ, и продавались въ Польшу еще во второй половинѣ XVI вѣка. Такъ напримѣръ, Конать посвящаетъ свою книгу „Pravidlo lidského života“ (1528 г.) Христофору Шидловецкому, воеводѣ Краковскому; Мелантрихъ приобрьлъ себѣ привлегію польскаго короля для продажи чешскаго перевода гербарія, и пр.

О распространеніи чешскаго языка въ Польшѣ даже во второй половинѣ XVI вѣка сохранилось еще интересное свидѣтельство. „Нашъ Полякъ“, пишетъ вышеупомянутый Лука Горницкій въ своемъ „Дворянинѣ Польскомъ“, — „отъѣзжай хоть версту отъ дома, сейчасъ же захочетъ говорить не иначе, какъ только на томъ языкѣ, гдѣ немножко

¹⁾ Приведемъ здѣсь известныя намъ грамоты чешскія въ Польшѣ: двѣ вышеупомянутыя грамоты 1442 и 1449 гг.; четыре грамоты 1455 г. и одна 1458 г. (изд. въ Брестѣ Куявскомъ, Торунѣ и Мариенбургѣ), касающіяся чешскихъ воиновъ въ польской службѣ (двѣ въ архивѣ чешскаго музея, двѣ въ Варшавскомъ главномъ архивѣ, одна у г. Дембовскаго въ Варшавѣ; сравн. Maslejowski Piśmiennictwo polskie III, Dodatki, 197); такія же (квитанціи) 1465 года (въ чешскомъ музеѣ), 1486 года (у г. Подчашинскаго въ Варшавѣ, сравн. Biblioteka Warsz., 1872, III, 142), 1488 г. (квитанція Альбрехта Костки изъ Поступиць королю Казимиру, въ архивѣ Варшавскомъ); нѣсколько разметныхъ грамотъ Казимиру воиновъ Кольды (podle rádné Koldovy roty) 1457 г. (въ чешскомъ музеѣ); наконецъ вышеупомянутыя записи Освѣтискиа. Приведемъ начало одной грамоты 1455 г.:

Kazimír z božie milosti král Polský, veliký kněz Litevský, dědic a pán Ruský a Pruský etc. Vyznáváme tiemto cistem obecně přede všemi, ktož jej uzřie aneb štuc slyšeti budú, že jsme uhodili s osvíceným knížetem, knížem Přemkem Osvětimským a Tošeckým, s bratrem našim milým i se všemi jinými dobrými lidmi jeho rodu o službu na druhého čtvrt léta i přijali sme a mocí toho listu za naše přijímanie služebnŭky od dánie sv. Appolonie, etc. etc. Языкъ этихъ грамотъ вообще чистъ; полонизмы встрѣчаются рѣдко (больше всего въ грамотѣ 1442 г., здѣсь и «ханзе»—ksiaze, князь), на пр. zdradil, niht (nygdt), vyští (wysstim), odnoviti podvyšeni, и пр.

²⁾ Sitzungsberichte der kais. Akademie. Wien 1868, October, 144.

пробилъ. Если былъ въ Италии—то употребляетъ за каждымъ словомъ „signor“, если во Франціи—то „par ma foi“, если въ Испаніи—то „posotros cavaglieros“, а иной, хотя бы и не былъ въ Чехіи, а только переѣхалъ черезъ границы Силезіи, и то уже не хочетъ иначе говорить, какъ только по чешски, и Богъ знаетъ какой будетъ этотъ его чешскій языкъ. И если ему скажутъ, чтобъ онъ говорилъ на своемъ языкѣ, то онъ отвѣтитъ, что забыть, или что природный языкъ кажется ему грубымъ, и чтобъ это доказать, вырветъ какое-нибудь древне-польское слово изъ пѣсни Богородица и сопоставитъ его съ какимъ-нибудь гладкимъ чешскимъ словечкомъ, чтобъ указать грубость своего языка и красоту чужаго; наконецъ, чуть ли не каждый ораторъ въ польскомъ языкѣ употребляетъ чешскія слова вмѣсто польскихъ, какъ будто это чрезвычайно красиво“. На вопросъ одного дворянина, не нравится ли ему, когда Полякъ беретъ въ польщизну чешскія слова, Лука отвѣчаетъ: „нечего нравится, когда имѣется собственное польское слово, и отбросивъ его, заимствовать изъ чужаго языка на его мѣсто, и вмѣсто „stany kogonne“ (чины государственныя) говорить „stawy kogonne“; ибо это ни что другое, какъ будто бы прогнали Поляковъ изъ земли, а Чеховъ въ нее принимали; какой въ томъ смыслъ — видеть всякій. Конечно, гдѣ не стало бы польскаго слова для той вещи, которую Поляку слѣдовало бы назвать, или еслибъ въ переводѣ съ одного языка на другой онъ нуждался въ чужомъ словѣ,—то не только не порицаю того, когда онъ возьметъ слово изъ сголь сходнаго съ нашею рѣчью языка, какъ чешскій, но позволительно взять и изъ латинскаго, особенно, если слово было бы легко понятно или уже немножко принято. Такъ поступали и наши славные польскіе ораторы, между тѣмъ какъ выѣшшимъ пришло на мысль безстыдно совать въ свой языкъ странныя чужеземныя слова и, вмѣсто отличныхъ словъ польскихъ, вставлять гораздо худшія чешскія. Поэтому мало понимаемъ этихъ новыхъ Цицероновъ и совершенно не понимаемъ того, что они намъ предлагаютъ письменно. Они же думаютъ, что это очень умно такъ говорить, или такъ писать, чтобъ ихъ понимали немногіе, или никто; но въ этомъ, конечно, ошибаются“¹⁾.

Вставка чисто чешскихъ словъ, то-есть, не измѣненныхъ на польскій ладъ, встрѣчается у нѣкоторыхъ польскихъ писателей даже второй половины XVI вѣка. Въ числѣ ихъ Кленовичъ, познакомившійся

¹⁾ Dworzanie polski (1565, изд. Туровскаго 43).

съ чешскій языкъ на мѣстѣ (въ 1570 г. онъ былъ въ южной Чехіи), иногда нарочно, безъ всякой нужды, вставляетъ чешскія слова, чтобы только процементировать знаніемъ чешскаго языка. Такъ, въ своей познѣ „Worek Judaszów“ (1600 г.) онъ пишетъ: „jeM się nie szatrzy“, прибавляя: „szatzenie (то-есть, setzeni) po czesku, boszenie po polsku“; „daje szeskie słowo; po polsku idziecie“; „pokuta, po czesku *rokamie* quasi rokatanie“; „szelma, monstrum poczeska“, и пр. Даже цѣлыя чешскія фразы вводятся иногда въ польскіихъ сочиненіяхъ того времени ¹⁾.

На Чеховъ и вообще на чешскія отношенія обращали всегда вниманіе въ Польшѣ. Знаніе чешской исторіи, права и пр. было здѣсь довольно распространено не только между польскими историками, но и въ болѣе широкихъ кружкахъ ²⁾. Уже выше мы сказали, что польскіе историки, разказывая о судьбахъ своего народа, не упускаютъ изъ виду и сосѣднихъ народовъ, особенно русскій и чешскій; такъ поступаютъ, на примѣръ, Длугошъ, Мѣховита, Хвальчевскій, Кромеръ, Бѣльскій, Папроцкій и др., пользуясь чешскими лѣтописями и историками и устными разказами очевидцевъ ³⁾. Чешскую исторію обрабатывали въ Польшѣ и особо. Валентій Полидамъ, занимаясь чешскою исторіей, успѣлъ издать древнѣйшій ея періодъ; большую часть этого изданія занимаетъ рѣчь Лѣха къ Чеху, въ которой первый побуждаетъ послѣдняго къ славѣ, и отвѣтъ Чеха, который благодаритъ брата за любовь и восхваляетъ чешскій народъ ⁴⁾. Мартынь Бѣльскій помѣстилъ въ свою „Хронику всего міра“, кромѣ хроники польской и угорской, краткую хронику чешскаго народа, — по словамъ, сказаннымъ въ ней Любушей — „народа благороднаго языка славянскаго“. Свѣдѣнія свои Бѣльскій черпалъ особенно изъ чешской хроники Гайка ⁵⁾. Примѣры изъ чешской

¹⁾ Орѣховскій (Dyalog albo rozмова окоło ekekusy polskiej korony 1562), говоря о чешскихъ сеймахъ, приводитъ слова чешскаго короля при открытіи сейма по чешски (изд. Туровскаго 59).

²⁾ Сравни, на примѣръ, что пишетъ Горницкій о судебномъ порядкѣ чешскомъ (Rozмова о elekusy etc. изд. Туровскаго, 51).

³⁾ Длугошъ—важный источникъ чешской исторіи XV вѣка. Экземпляръ чешской хроники Пулкавы находился и въ рукахъ епископа Збигнѣва Олешницкаго, который сдѣлалъ въ ней нѣсколько поправокъ (Palacký: Radhost, II, 471).

⁴⁾ Historia de rebus gestis Bohemorum (Стас., 1535), посвященная чешскому королю Фердинанду. Знаемъ ее только изъ Вишнеvsкаго (Hist. lit. pol. VIII, 72).

⁵⁾ Kronika wszytiego swyata (изд. 1550 г., fol. 136—153, повторена также въ изданіяхъ 1554 и 1564 гг.). Разказывая о крещеніи князя Боривоа, Бѣльскій замѣчаетъ, что „król Swatopluch z bojarinem ruskim był jego kmiotrem“.

исторіи часто приводили польскіе писатели, публицисты, поэты и ораторы. Тамъ, напримѣръ, часто указываютъ на гуситское движеніе, враждебно или дружелюбно, смотря по тому, принадлежатъ ли ایشانъ къ католикамъ, или къ диссидентамъ. Первые, стало быть, жалѣли о заблужденіяхъ „знаменитаго народа славянского, братьевъ и сосѣдей нашихъ Чеховъ“ по поводу еретика Гуса и кровавыхъ происшествій изъ того войнъ желали, чтобъ ихъ отечество было избавлено отъ такихъ бѣдствій; другіе же радовались, что оппозиція противъ суетвѣрій Рима явилась прежде всего у Славянъ, у Чеховъ, и горячо защищали „благочестиваго“ Гуса противъ обвиненій его въ еретичествѣ¹⁾.

Особенно интересовались Поляки судьбами Чеховъ послѣ избранія послѣдними Габсбурговъ въ ихъ короли и послѣдовавшаго затѣмъ постепеннаго ослабленія древней чешской свободы и возвышенія королевской власти. На это обстоятельство польскіе публицисты и ораторы не перестаютъ обращать вниманіе своихъ соотечественниковъ. „Возьмите Чеховъ, своихъ братьевъ“, восклицаетъ Орѣховскій, — „спросите ихъ, за что казнилъ ихъ Фердинандъ? Скажутъ, за то, что мы не хотѣли идти съ Фердинандомъ противъ Саксонскаго курфирства противно нашимъ привилегіямъ. Спросите ихъ, возлагаются ли эти большіе и безпрестанные подати и налоги въ Чехіи съ позволенія чешской короны, или только по повелѣнію и принужденію королевскому? Чехи отвѣтятъ, что на чешскихъ сеймахъ дѣлаются такія предложенія со сторонъ Фердинанда: Милые папы, его королевское величество прежде просить, а потомъ хотеть, чтобъ было по сему“²⁾.

И дѣйствительно, положеніе Чеховъ подъ властью Габсбурговъ играло, какъ мы выше видѣли, важную роль на избирательныхъ сеймахъ польскихъ и значительно повліяло на неуспѣхи Габсбурговъ въ Польшѣ. Польскіе писатели и ораторы даже въ XVII вѣкѣ не могли забыть несчастія „братскаго народа Чешскаго“, лишеннаго Габсбургами его независимости, и предостерегали своихъ земляковъ отъ австрійскаго дома³⁾.

¹⁾ Сравн. напримѣръ, Orzechowski: Dyalog (1562), и Guincunx (1564); Colloquium Piotrkowskie (Сарницкаго? 1564), Niemojewski: Odpowiedź na książki Herbesta (1569), сочиненія Другоша, Госіа, Скарги, Венгерскаго и пр.

²⁾ Dyalog (изд. Туровскаго, 59); послѣднія слова приводятся по чешски.

³⁾ Сравн., напримѣръ, Пясецкаго (Chron. 269, 587), Фредра (Gest. pop. polon. sub Henr. Val., 202), Ольшевскаго (Censura candidatorum, 1669 г.), Липскаго (Wojna Chocimska, 111), и др.

Чехи, по общественному мнѣнію въ Польшѣ XVI вѣка, считались гордыми и любящими роскошь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и правдивыми и твердыми въ исполненіи обиданнаго слова. По словамъ Рея, какъ Чехи любятъ держать свое слово, такъ и Поляки, если хотѣтъ дать кому-либо обиданіе, то связываютъ себя „чешскимъ“ словомъ¹⁾. „Чешское слово“ въ Польшѣ въ XVI и XVII вѣкѣ означало вообще вѣрное исполненіе обиданнаго, на что можно было положиться „А za ja Czeah słowo dzieriec?“ — „Co Czech słowo trzumas?“ Такія и имъ подобныя выраженія встрѣчаемъ у Кромера, Сарницкаго, Папроцкаго, Рысинскаго и другихъ²⁾.

Съ другой стороны, и въ Чехіи хорошо знали Поляковъ, ихъ исторію, государственныя учрежденія, языкъ и литературу. Мы видѣли, что польскими отношеніями интересовались многіе чешскіе писатели; что природные Чехи, приверженцы церкви чешскихъ братьевъ, сдѣлались и польскими писателями и такимъ образомъ, отплатили Полякамъ за чешскаго писателя, природнаго Поляка Папроцкаго. Событіями въ сосѣдней и родственной Польшѣ интересовались и въ Чехіи³⁾. Хотя польскій языкъ вообще не повліялъ на чешскій, но

¹⁾ Przemowa krótka do poszczęego Polaka stanu guserskiego (о разныхъ народахъ, стихи въ сочиненіи Рея Zwierciadło 1568, изд. Краковск. 1848 г. стр. 163). Pierwej sąu co zagnęo i w Polsce znowiano, Tędy te czechkim słowem kdzieręac obęzano. Конечно, хорошія отношенія между Чехами и Поляками не исключали и насмѣшекъ другъ надъ другомъ, Такъ, напримеръ, тотъ же Рей насмѣхается надъ однимъ „Чехомъ, который не боялся Татаръ: Czech jeden na Podole jechał kozakować, i poszał się w swym męstwemъ dziwnie wysławować, и потомъ убивалъ. (Pętki albo rozkisauch ludzi przypadki dworskie). Ах. Квятка, авторъ юмористическаго стихотворенія, о „Вавинской республикѣ“ (Mogęcoszesa Wawinickie, 1617 г.) нацѣнаетъ сдѣл стихи съ „Золотой бабы, Московской, и съ бабы, колдуны, которая по лѣтописямъ—ведѣла Чехамъ, воевавшимъ съ Лучанами, съезъ осла, и продолжаетъ: „I tak czechowie osła na jej słowo zjedli, Słęzacy łęb z язума, Polski nieosiedli (Wiszniewski Hist. lit. pol. VI. Dodatek). То же самое повторяетъ и вышеупомянутый Погодзинскій. Съ другой стороны; вышеупомянутый Чехъ Николай ругаетъ Поляковъ, чешскій лѣтописецъ насмѣхается надъ „дурачками Поляками“, принимавшими фальшивую монету (1436 года „Stafi letopisъ 66ti 98), панъ Птиборъ изъ Цимбурга изображаетъ „Льва“ живущего въ Польшѣ (Nadani pravdy a lzi 1467 г.), и пр. Сравн. также чешское письмо угорскаго короля Матѣя о Полякахъ 1472 г. (Archivъ český VI, 49).

²⁾ Кромеръ (гл. 13), Сарницкій (Annales 192), Папроцкій (Diadochus гл. 3 и посвященіе чешскимъ министрамъ 12), Рысинскій (Przypięci polskie 1629 г., р. 105).

³⁾ Сравн. памятники Жидка, Дачицкаго, Быдшовскаго и др., разные „новины“ (вѣдомости) о польскихъ дѣлахъ, и пр. — Энциклопедія Чеха Павла Жидка

все-таки многие Чехи, пребывая в Польше, волею-неволею подверглись влиянию этого близкаго языка. Такъ, напримеръ, во сждѣтвѣ Благослава, чешскій братъ Червенка, пребывая в Чехии, Моравии, Пруссии и Польше, часто смѣшивалъ эти нарѣчія и употреблялъ слова и обороты польскіе, прусскіе и моравскіе. То же бывало и съ іезуитомъ Гостунскимъ, который, долго пробивъ въ Польше, смѣшивалъ въ своихъ проповѣдяхъ чешскій и польскій языки ¹⁾.

II.

Чехи и Балтійско-Лабскіе Славяне.

I. Сношенія Чеховъ и Балтійско-Лабскихъ Славянъ.

Чехи, столкнувшись, подобно другимъ своимъ сосѣдямъ и соплеменникамъ на Лабѣ, съ врагами всего славянства Нѣмцами, вышли изъ этой борьбы побѣдителями и не лишились, подобно своимъ сѣвернымъ братьямъ, ни національной, ни политической самостоятельности. Но хотя Чехи и мужественно продолжали отражать напоръ Нѣмцевъ, у нихъ все-таки возникали иногда опасенія, устоятъ ли они въ этой неравной борьбѣ, и не постигнетъ ли и ихъ судьба ихъ лабскихъ и балтійскихъ братьевъ. Вѣдь Чехи всегда знали, что когда-то на сѣверѣ ихъ сосѣдами были не Мишенскіе и Бранденбургскіе маркграфы, а Сербы и Стодоряне; что и въ Лужицахъ, присоединенныхъ позже къ чешской коронѣ, жили Сербы, хотя уже подъ властью нѣмецкихъ господъ; что и дальше на сѣверѣ была земля Славянъ (Slavonia), Бодричей и Лутичей, съ которыми нѣмецкіе государи безпрестанно воевали ²⁾. Хотя чешскіе полки и не разъ помогали нѣмецкимъ войскамъ противъ языческихъ Славянъ Балтійскихъ, но все-таки они не забывали, что это ихъ соплеменники. Языкъ чешскій и языки

находящаяся въ Краковѣ, приписывалась въ Польшу известному Твардовскому. (Срв. статью Мучковскаго 1835).

¹⁾ *Wlachsław Grammatika* 289, *Jungmann Hist. liter. česke*, 122. Одна польская пѣсня Червенки находится въ польскомъ національн. изд. 1598 г. О полонизмахъ въ чешскомъ переводѣ памятниковъ Константиновича. см. *Rozprawy Igrska*, 1.

²⁾ Названія «Сербы, Сербія», въ смыслѣ земель Мишенской и Лужицкой, встрѣчаются у чешскихъ лѣтописцевъ и у другихъ писателей до XVI—XVII вѣка. О походахъ Нѣмцевъ противъ Славянъ разказываетъ нѣмецкій лѣтописецъ Косма подъ 985—987 годами.

Лабскія и Балтійскія Славяне, осѣдші Саксоніи, были такъ близки другъ другу, что Пращскіе епископы назначались и Саксонціи, являющіе совершенно языкъ славяноскій¹⁾: таковы были первый и третій епископы Пращскіе Титмаръ (973 г.) и Титагъ (998 г.). Изъ племени Лютичей, изъ Стодорской земли, вышла мать святаго ихъ князя Вячеслава, Драгоміръ; съ Лютичами вѣдревке были у чешскихъ князей договоры о взаимной помощи, которые всегда вѣрно соблюдались и еще въ концѣ X вѣка возобновлялись: еще тогда чешскій князь Болеславъ, разставаясь съ своими вѣрными союзниками Лютичами и зная ихъ непримиримую вражду къ Нѣмцамъ, утѣшалъ ихъ, что прійдетъ время, когда и они имъ отомстятъ²⁾.

Но это время не явилось: Лютичи, вѣстѣ съ Сербами и Бодричами, вскорѣ были истреблены Нѣмцами. И даже сами Чехи способствовали гибели своихъ сѣверныхъ братьевъ: еще въ 1147 году моравскіе князья и Оломуцкій епископъ участвовали въ крестовомъ походѣ Нѣмцевъ и Датчанъ противъ Бодричей и Лютичей. Земли побѣжденныхъ Славянъ заняли, общіе всѣмъ западнымъ Славянамъ враги, Нѣмцы.

При дружественныхъ отношеніяхъ Чеховъ и Лютичей весьма вѣроятно, что чешскіе язычники сносились съ Радигощю и съ Аргоной, и что Боги балтійскихъ Славянъ были извѣстны и Чехамъ. Такъ въ одномъ древнечешскомъ словарѣ XIII вѣка, въ такъ-называемой *Matex Verboqum*, приводятся и нѣкоторыя божества Балтійскихъ Славянъ: Сватовиць, Радигощъ, Триглавъ, Вѣлбогъ и др.³⁾.

2. Мнѣнія Чеховъ о гибели Балтійско-Лабскихъ Славянъ.

Послѣ паденія лабскаго и балтійскаго славянства, не могли и Чехи остаться нетронутыми отъ притязаній Нѣмцевъ, ненависть и надменность которыхъ противъ всѣхъ Славянъ характеризовалъ такъ хорошо чешскій летописецъ XII вѣка Косма.

Нѣмцы стали распространяться въ землю Чешскую и Моравскую, и такимъ образомъ, угрожать и чешской народности. Эту опасность почувствовали Чехи преимущественно во время великой своей борьбы XV вѣка почти со всю Европой вообще, и съ имперіей Римско-Гер-

¹⁾ Сравн. летописи Космы (I, 36, 49, 62) и Титмара (ad a. 990).

²⁾ Гальвердингъ. Ист. балт. Славянъ, 237, *Österr. Ostsk. Mus.* 1863, 157. Не забудемъ, что послѣдніе воювы оставили Чехію только въ самомъ концѣ XI вѣка (Сьомас, I, 197).

нашею въ особенности. Нѣмцы тогда съ яростью бросились на древнихъ своихъ національныхъ враговъ, которыхъ, кромя трю, какъ еретиковъ, были подъярочленіемъ римской церкви. Чехи королю унажили дѣли Нѣмцевъ и усердно приглашали всѣхъ вѣрныхъ и равнодушныхъ любителей своего народа къ борьбѣ съ „природными врагами нашими, Нѣмцами, которые, не имѣя никакой причины, на насъ извѣтъ всегда злятся, и какъ нашему языку сдѣлали на Рейнѣ, въ Миснии, въ Пруссіи и его воеводствахъ, такъ и намъ думаютъ сдѣлать и занять мѣста преганниковъ“¹⁾.

Въ это бурное время, когда національная ненависть Чеховъ и Нѣмцевъ и вообще Славянъ проявилась въ высшей степени, Чехи не разъ вспоминали съ грустью и горечью о судьбѣ своихъ Лабскихъ и Балтійскихъ братьевъ. „Нѣмцы“, жалуются неизвѣстный авторъ въ одномъ памятникѣ того времени, — „ведя славянскій языкъ преслѣдовали и вытѣсняли; такъ, занявъ этотъ нѣмецкій сбродъ Лужицкую и Сербскую земли и заселивъ страны первоначально чешскаго и славянскаго происхожденія. Сербскій народъ занималъ когда-то всѣ земли отъ Саксоніи, начиная отъ Старгарда на востокъ до земли Прусской. Нѣмецкій языкъ укралъ у насъ и землю Брауншвейгскую, Люнебургскую, Магдебургскую, Гальберштадтскую, Бранденбургскую, Мекленбургскую и Вѣлгардскую“²⁾.

Чехи, зная объ онемеченіи большей части лабскаго и балтійскаго славянства и съ огорченіемъ вспоминая объ этомъ, знали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и о жалкомъ состояніи языка и социальнаго положенія остатковъ Славянъ въ Германіи. Такъ одинъ лѣтописецъ чешскій XVI вѣка не согласенъ съ производствомъ Чеховъ отъ „Вандавовъ, то-есть, Сербовъ“, и возстаетъ противъ этого мнѣнія, которое противно не только всѣмъ историкамъ, писавшимъ о началѣ Чешской земли, но и характеру чешскаго языка: „Ибо“, замѣчаетъ онъ, „не мы говоримъ сербскою рѣчью, а Сербы онемѣщали нашу съ своимъ, то-есть, нѣмецкомъ, и употребляютъ ее“. Другіе писатели чешскіе XVI и XVII вѣковъ упрекаютъ современныхъ Чеховъ въ томъ, что они дотытъ свой языкъ нѣмецкимъ, какъ Сербы; они знаютъ, что память Славянъ или Виндовъ служитъ до сихъ поръ множествомъ названій городовъ и селъ въ Лабскихъ земляхъ, и что ихъ остатки живутъ въ

¹⁾ Манифестъ Пржемысла, 1420 г. (Archiv Český, III, 242.)
²⁾ Krátké dějiny a Kronik českých. (1437 г.), изд. Ганжа, 229, 241. Стр. выше стр.

Саксоніи, въ Маркахъ, въ Лужицѣ и въ другихъ странахъ, но въ такомъ предѣлѣ, что Нѣмцы не позволяютъ имъ селиться ни въ какихъ городахъ, ни въ которыхъ выгнанныхъ ихъ предковъ, и что они вынуждены работать, какъ холопы, по деревнямъ: „Славянскій языкъ уже слишкомъ униженъ и оскорбленъ, такъ какъ онъ истребленъ не только во всей землѣ Мишенской, Брауншвейгской, Люнебургской, Бременской и друг., но также и на Лабѣ. Во всѣхъ этихъ земляхъ до самого моря Сѣвернаго, иначе Балтійскаго, простирающихся больше, чѣмъ на сто миль, какъ въ Лужицахъ, въ обѣихъ Маркахъ Бранденбургскихъ, Саксоніи, Поморьѣ, Мелленбургѣ, Лауенбургѣ, Гольштейнѣ до самыхъ заливовъ Даніи. Народъ такъ безчестно оскорбленъ пришлецами за то, что они не позволяютъ никому, родившемуся отъ славянскихъ или сербскихъ родителей, учиться ремеслу, не терпятъ никого въ цѣхъ и не допускаютъ къ ремесламъ и занятіямъ, пока онъ не докажетъ присягой, что происходитъ не отъ славянской, а отъ нѣмецкой крови ¹⁾).

Было надъ чѣмъ призадуматься Чехамъ, глядя на судьбу лабскихъ и балтійскихъ своихъ братьевъ: вѣдь и положеніе Чеховъ— послѣ паденія ихъ независимости (1620 г.)—стало все больше и больше подходить къ положенію презираемыхъ остатковъ Лабскихъ Сербовъ. Съ ужасомъ смотритъ на упадающую чешскую народность ревностный патріархъ XVII вѣка Богуславъ Бальбинъ. Разказывая объ охраненіи чешскаго языка предками, онъ думаетъ, что ихъ побуждали къ тому примѣры сосѣднихъ земель лабскихъ и балтійскихъ, бывшихъ некогда славянскими, и въ которыхъ славянскій языкъ, вслѣдствіе разныхъ происковъ, осужденъ на рабство или совсѣмъ изчезъ; съ огорченіемъ вспоминая о жестокомъ и безчеловѣчномъ поведеніи Нѣмцевъ противъ несчастныхъ Балтійскихъ и Лабскихъ Славянъ, онъ обращается къ своему народу съ слѣдующими словами: „Эти примѣры, будучи близки и ясны, могутъ Чехамъ и народамъ славянскаго имени напоминать общую опасность и наставить ихъ съ величайшей пользой, чтобы предупредить угрожающее имъ зло ²⁾).

Въ другой стороны, и Лужицкіе Сербы хорошо сознавали, что ихъ

¹⁾ Чешскія хроники Кутена (1539) и Велеславина (1585), введеніи; Kronyka Boleslavaká (то-есть, Далмичъ), изд. П. Ешина 1620 г. (предисловіе), Благослава: Чешская грамматика (232).

²⁾ Balbin: Miscellanea histor. regni Bohemae (lib. III, p. 236), Dissertatio apologetica pro lingua slavon. praecipue bohem., 21.

одноплеменные наводятся въ Чехии, въ Польшѣ и въ другихъ странахъ. Это сознаніе, какъ мы видѣли выше, имѣло дѣйствительные результаты относительно сербскаго языка. Взаимныя сношенія между Чехами и Лужицкими Сербами поддерживала учрежденная повше (1704, 1716 гг.) для Сербовъ и до сихъ поръ существующая католическая семинарія въ Прагѣ.

III.

Поляки и Славяне Балтійско-Лабскіе.

1. Сношенія Поляковъ съ Балтійско-Лабскими Славянами.

Славянскія племена, заселившія обширныя равнины по рѣкамъ Одрѣ и Вислѣ на сѣверъ до Балтійскаго моря, на западъ до самой Лабы, происходили отъ одного корня. Эти жители „полей“ и „лѣхъ, лядъ“ — всѣ они были „Ляхи“. Это подтверждаетъ общій этимъ Славянамъ языкъ, ихъ бытъ и древнія преданія. Объ этомъ національномъ единствѣ Ляховъ Балтійскихъ и Вислянскихъ знали и другіе Славяне: такъ русскій лѣтописецъ разсказываетъ, что „Словѣне пришедши съдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзи Лютичи, или Мазовщане, или Поморяне“¹⁾.

Ляховъ раздѣлила исторія: восточная ихъ половина — Поляне, Славяне, Хорваты, Мазовшане и Поморяне сложились въ одно политическое цѣлое съ христіанскимъ устройствомъ, между тѣмъ какъ западные Ляхи, Бодричи и Лютичи, очутившись въ особомъ положеніи, погибли въ неравной борьбѣ съ Нѣмцами. Не удалась попытка Болеслава Храбраго соединить всѣхъ Ляховъ и вообще всѣхъ западныхъ Славянъ въ одно государственное тѣло. Лютичи и старинные ихъ союзники Чехи сами воспрепятствовали осуществленію этого плана. Ему благопріятствовали только Лабскіе Сербы. Хотя ихъ дѣди, въ борьбѣ Болеслава съ Нѣмцами, были главнымъ театромъ войны, хотя многочисленныя толпы Гломачей, Сербинчанъ и другихъ уводились въ дѣлѣ въ Польшу; но все-таки сербскіе породскіе стражи, „вѣтники“, сносятся съ своими польскими соплеменниками и передаютъ имъ вѣренныя себѣ города. Но не всѣ Сербы присоединились тогда къ

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 3. Польскій языкъ оказалъ большія услуги аристократу Поморяне и Лютичей, Оттову Вавбергскому. (Bielowski—Модж. Polon. histor. II, 126, 128).

Польшѣ; не рѣка Сала, на которой Болеславъ омытыи новыя границы Польскаго государства, отдѣляла его отъ Германіи, а только Лабэ и Гадштровъ (Эльстеръ), и отъ нѣмецкаго ита освободились только одни восточные Сербы, Мильчане и Лужичане и присоединились къ Подляцѣ.

Польша не оказалась на столько сильною, чтобы навсегда удержатъ за собою эти пріобрѣтенія: скоро послѣ смерти великаго Болеслава, границы Польскаго государства были отгѣснены опять дальше на востокъ до Бобра, Лабскіе Сербы выданы на жертву алчному нѣмецкому элементу, и на всегда пропало время, когда они, на одной народной пѣснѣ, не зная еще ни словечка по нѣмецки, ходили на Нѣмцевъ.

Съ другой стороны подпали, и Балтійскіе Славяне подъ власть Нѣмцевъ; напрасно старается еще ихъ защищать могучій польскій князь Болеславъ III: и Рана, и западное Поморье сдѣлались добычей Нѣмцевъ, равно какъ и земля Бодричей, и земля Стодорянъ.

2. Мнѣнія Поляковъ о гибели Балтійско-Лабскихъ Славянъ.

Утрату славянскихъ земель лабско-балтійскихъ Поляки долго не могли забыть. О „железныхъ столбахъ“, водруженныхъ на Салгъ или Солавѣ, какъ граняхъ Польши, не разъ вспоминаютъ и позднѣйшіе Поляки, и еще въ 1454 г. Краковскій воевода Янъ изъ Чижева, въ присутствіи короля Казимира и многихъ вельможъ, справедливо жалуется на то, сколько земель Польша дозволила, въ своей безопасности, занять Нѣмцамъ, особенно Лужицы и землю Любушскую, безправно оторванныя отъ польской короны ¹⁾.

Отголоски древняго національнаго и отчасти и политическаго единства всѣхъ Лиховъ звучать еще въ памяти Поляковъ не только XIII-го, но и позднѣйшихъ вѣковъ. Въ Польшѣ хорошо знали, что эти „Вандали или Венды и Поляки—были и суть одинъ народъ“. Польскіе лѣтописцы, разказывая, что какой-то мнѣнцескій польскій князь, Лешекъ III, раздѣлилъ свою землю между двадцатью своими сыновьями, приводятъ въ числѣ удѣловъ и Кашубію, нижнее Поморье, Рану, Бодричей, Варновъ, Дреслянъ—названныхъ такъ отъ лѣсовъ или

¹⁾ Boguslawski: Rys dziejów-serbo-śląskich, 208. Еще въ концѣ XVII века одинъ польскій поэтъ восклицаетъ: «Elba, twój korony ściana, niegdy, say Bolesławie», котораго «ściana Kazał Kolumbu Korac i na Elbie». (Lipki—Wojna Ciesnaka, 3, 196).

деревь, — Сторѣлецъ, жившійся генеръ Бранденбургъ, Силезія и равнина земли по рѣкамъ Лабѣ, Одрѣ, Пинѣ, Деленцѣ, Уарѣ, Раминцѣ, Варнавѣ, Гаволѣ, Супревѣ, Траувѣ или вѣско Траувинѣ, и другія области Польши между моремъ Балтійскимъ, Лабой и Гаволой. Во всѣхъ этихъ земляхъ жили прежде Славяне и построили, существующіе и до сихъ поръ, города: Букревецъ или Либекъ, Плоня, Бременъ (отъ бремени), Добинъ, Висмаръ, Ратисборъ, Иловъ, Зверинъ, Розтокъ и другіе. Всѣ эти Славяне или большая ихъ часть — такъ рассуждаютъ польскіе историки — находились когда-то подъ властью Болеслава Храбраго, но послѣ его смерти оторваны отъ польской орляны и подпали подъ власть разныхъ господъ.

На отмеченіе этихъ славянскихъ земель часто жалуются и позднѣйшіе польскіе писатели и напоминаютъ своимъ соотечественникамъ, чтобъ они вспомнили, „сколько польскихъ земель отнято у нихъ Нѣмцами“. Почти всѣ эти Славяне (Лехиты — Лахи, Венды, Вандалы), жившіе при морѣ Балтійскомъ, поработены нѣмецкими государями, вытѣснены и прогнаны, особенно высшіе сословія, и замѣнены нѣмцами колонистами, такъ что изъ Славянъ остались немногіе по деревнямъ, говоря „на польскомъ или славянскомъ языкѣ“, хотя и испорченномъ. Такъ, и въ Бранденбургѣ жили Славяне, говорившіе на польскомъ языкѣ, и въ Саксоніи Сербы или Вандалы, и память Славянъ сохраняютъ здѣсь и до сихъ поръ многія названія мѣстъ; да и Мекленбургскіе князья происходятъ отъ князей славянскихъ Бодричей, именно отъ Прибислава Никлотовича, также и князья поморскіе польско-ляшской крови; и если они сражаются въ рядахъ Нѣмцевъ противъ Поляковъ (какъ это случилось при Таушенбергѣ), то поступаютъ противъ своего народа¹⁾.

Лужицкіе Сербы, пробудившіеся къ новой, хотя и ограниченной литературной жизни, стали изучать ближайшіе себѣ языки славянскіе, польскій и чешскій, и сравнивать ихъ съ своимъ; такъ, напримѣръ, дѣйствовали уже въ XVII вѣкѣ оба Френцеля. Между Сербами въ Нижней Лужицѣ возобновилъ, или скорѣе, началъ литературное дѣяніе, природный Полякъ, Богумиль Фабриціусъ (1701—1741 гг.).

¹⁾ Такъ рассуждаютъ польскіе историки Вогузаль и Писки (Biskowski Mon. Pol. hist. II, 479, 429), Длугошъ (I, 66, 186, 287), Матвій изъ Милева (предисловіе къ польской исторіи; дивизио Скармива), Скармивичъ (1662), Пискивичъ (1717) и друг.

Наконецъ замѣтимъ, что и на умирающіе остатки Бодричей, на Дрездяхъ, имя которыхъ было извѣстно Полякамъ еще въ XIII вѣкѣ, первый у Славянъ обратилъ вниманіе польскій ученикъ Юаннъ Потоцкій¹⁾.

IV.

Поляки и Русскіе.

1. Древнія преданія о происхожденіи Ляховъ и Руск. — Поляки и юго-западныя Русскіе (Русины). — Польскій языкъ на Руск и русскій въ Польшѣ. — Унія. — Борьба Поляковъ и юго-западныхъ Русскихъ въ XVII вѣкѣ.

Національное единство и родство поселившихся на сѣверъ отъ Карпатъ, на Вислѣ и на Днѣпрѣ племенъ славянскихъ, позднѣйшихъ Ляховъ и Руск, является въ древнихъ польскихъ и русскихъ преданіяхъ. Они выводятъ этихъ Славянъ изъ дунайскихъ земель, изъ Панноніи или Угорской земли. На это родство указываютъ и разныя, болѣе или менѣе древнія сказанія о трехъ братьяхъ-выходцахъ — Чехѣ, Лѣхѣ и Русѣ, выселившихся будто съ юга на сѣверъ, о происхожденіи Поляковъ изъ русскихъ земель, изъ Новгорода, и проч. Память о первоначальномъ родствѣ и общемъ происхожденіи отдѣльныхъ племенъ славянскихъ за Карпатами сохранилась, кромѣ того, и въ некоторыхъ одинаковыхъ ихъ названіяхъ. Такъ, напримѣръ, племя, поселившееся на сѣверномъ склонѣ Карпатъ или Хребтовъ, Карваты или Хорваты, раздѣлилось со временемъ на двѣ половины, изъ которыхъ западная примкнула къ Польскому народу, восточная же — къ Русскому; жившіе на самомъ восточномъ краю тогдашняго славянскаго міра племена, Вятичи и Радимичи, производились отъ Ляховъ еще въ XII вѣкѣ; близки и названія Киевскихъ и Куявскихъ Полянъ, Сѣверянъ на Деснѣ и въ Силезіи, поморскихъ и русскихъ Волянъ, и пр. ²⁾.

Въ IX—X вѣкахъ изъ этихъ закарпатскихъ Славянъ составились

¹⁾ Voyage dans quelques parties de la Basse Saxe pour la recherche des antiquités slaves ou vendes (1795).

²⁾ Замѣтимъ, что этнографическія границы между Лягами и Русью почти не совпадали; онѣ идутъ и теперь по Вислѣ, Вепрѣ и Бугу, какъ было, вообще говоря, уже въ IX—X вѣкахъ. Только между Вислой и Бугомъ Ляхское племя подвинулось немножко на востокъ, въ ущербъ русскому. Сравни, между прочимъ, соч. Петрушевича: Холмская епархія (Львовъ, 1867, также въ Холмскомъ издѣсствѣ на 1871 годъ).

два государства и два народа: на западъ — Польша (Ляхи), на востокъ — Русь. Оба они стали развиваться своимъ особымъ путемъ: Поляки, примкнувъ къ западу, приняли и ея цивилизацію; Русские же вошли въ кругъ цивилизаціи восточной, византийской. Это религиозное и культурное разъединеніе обоихъ славянскихъ народовъ придало ихъ исторіи рѣшительный поворотъ и имѣло сильное вліяніе на взаимныя ихъ отношенія въ послѣдующіе вѣка.

Польша и Русь, два смежныя государства, находились въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ. Польскіе князья безпрестанно вѣтпиваются въ дѣла Руси, особенно юго-западной, Карпатской, Волынской и Кіевской, и наконецъ завладѣваютъ ею. Съ другой стороны, и русскимъ князьямъ не чужды интересы сосѣдней Польши. Польскіе полки стояли часто подъ Галичемъ, Владиміромъ, Кіевомъ, Полоцкомъ, Смоленскомъ и Москвою, Русскіе же — подъ Краковомъ, Завихостомъ и Варшавой; нерѣдко въ древне-славянскихъ земляхъ по Вислѣ, Днѣпру, Двинѣ и Волгѣ, въ братоубійственныхъ войнахъ, проливалась кровь Лѣха и Руса, долго не рѣшался споръ о ихъ первенствѣ на сѣверо-востокѣ Европы, пока, наконецъ, не водружено было русское знамя надъ Варшавой.

Не смотря на упорную борьбу и вражду Поляковъ и Русскихъ, на ихъ частыя столкновенія, эти два Славянскіе народа всегда ясно сознавали общее свое происхожденіе и родство. Поляки не забывали, что Русь, будто бы другой міръ, есть часть славянской земли и что народъ Русскій, безчисленнымъ своимъ множествомъ, равняется звѣздамъ; въ Польшѣ раздавались голоса: „братья милая Руси, потягните за едино сердце“; въ случаѣ же враждебнаго столкновенія обоихъ народовъ, сознавались, „яко дьяволъ есть вовергъ вражду сію межѣ нами“, и не разъ „створиша межѣ собою клятву Русь и Ляхове, аще по семь коли будетъ межѣ ими усобица, не воевати Ляхомъ русское челяди, ни Руси лядьской¹⁾).

---

¹⁾ Письмо Краковскаго епископа Матвѣя (см. выше); такъ-называемая Ипатіевская лѣтопись, то-есть, лѣтопись княжества Волынска-Галичскаго, хорошо знающая событія въ сосѣдней «лядской» землѣ (П. С. Р. Л., II, 156, 169, 209). Подробностей о частыхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ Ляховъ и Руси мы здѣсь, разумѣется, не можемъ приводить; ими исполнены лѣтописи польскія и русскія. Замѣтны, что послѣдніе называютъ Поляковъ всегда «Ляхи» (adjest. «лядскій»), какъ и югозападныя Русскіе до сихъ поръ. Объ этомъ названіи сравн. особенно Шафарика, Слав. Древности, § 38, ч. 3, и статью П. Лавровскаго (Ж. М. Н. П., СХІ.ХІ).

Взаимныя сношенія Поляковъ съ югозападными Русскими (Русинами) были болѣе близки и тѣсны, чѣмъ ихъ связи съ Русью сѣверо-восточной или, какъ она обыкновенно называлась, съ Московскимъ государствомъ. Между Польшею и югозападною Русью рано завязались частныя сношенія, особенно между ближайшими другъ другу князьями Краковско-Судомірскими и Мазовскими и Галичско-Владимірскими, областью которыхъ Польша рано завладѣла. Остальная югозападная Русь досталась Польшѣ вслѣдствіе присоединенія къ ней Литвы. Такимъ образомъ, вся югозападная Русь тѣсно прикнула къ Польшѣ и во многомъ испытала польское вліяніе. Оно распространилось и на матеріальную, и на духовную сторону жизни этой половины Русскаго народа.

Польскія учрежденія и порядки, политическіе и соціальныя, польскій языкъ и литература проложили себѣ путь не только до Львова и Владиміра, но и дальше до Кіева, Чернигова, Полоцка и даже до Смоленска. Во всей этой карпатской, поднѣпровской и подвинской Руси еще до XVI вѣка являются, по образцу польскому, воеводы, кастеляны, старосты, и образовывается изъ древнихъ русскихъ князей и бояръ—новое особое сословіе, шляхта, которая захватываетъ въ свои руки всю политическую власть, собирается уже не на вѣчахъ вмѣстѣ съ остальнымъ народомъ, а приходитъ одна только на сеймики и на сеймы, постановляетъ законы, выбираетъ судей и другихъ чиновниковъ, наконецъ, вмѣстѣ съ польскою шляхтою, и короля польскаго и великаго князя литовскаго и русскаго ¹⁾.

Мало того. Посредствомъ Польши и собственной Литвы, югозападная Русь стала входить въ кругъ и западно-европейской цивилизаціи. Польскій языкъ и литература стали проникать и въ русскія

---

¹⁾ Польскіе порядки и учрежденія казались иногда и Московскимъ Русскимъ лучшими ихъ собственныхъ. Такъ, Максимъ Грекъ, обличая безпорядки и злоупотребленія въ управленіи и судопроизводствѣ Московскаго государства, указываетъ на Поляковъ: «Аще и Латына Ляховы суть по ереси, но всякимъ правосудіемъ и чловѣколюбіемъ правятъ вещи подручниковъ по уставленнымъ градскихъ законовъ» (Опис. рукоп. синодальн. библи., II, 2, стр. 528). Но, съ другой стороны, Русскіе тоже замѣтили, что Поляки-бояре «вся творятъ по своей воли, крадей же имѣють особно избранныхъ, и сизъ мало слушаютъ, и все творятъ по своему хотѣнію, и самовоствіа государемъ своимъ не допускають ни единого, купеческихъ же людей и поселянъ имѣють въ великой неволѣ» и пр. (Русская космографія XVII вѣка, у А. Попова: Изборникъ изъ русской хроногр., 525).

земли. Русская шляхта XVI вѣка стала все больше и больше отступать отъ стародавней своей православной вѣры и принимать различныя вѣроученія западно-европейской реформаціи и, послѣ католической реакціи, и католицизмъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, распространилось у нихъ и знаніе польскаго языка. На этомъ языкѣ была тогда знаменитая литература, какъ ни у одного другого народа славянскаго того времени. На польскомъ языкѣ процвѣтала не только самая важная, по духу того времени, литературная отрасль—переводы библій и вообще литература теологическая, но и довольно богатая и разнообразная свѣтская литература, между тѣмъ, какъ русская литература того времени, исключая строго юридическихъ памятниковъ, сухихъ лѣтописей и нѣкоторыхъ богословскихъ сочиненій, не представляла ничего особеннаго, да хранясь почти исключительно въ рукописяхъ—была мало доступна.

Съ другой стороны, русская шляхта стала все чаще сходиться съ польскою на сеймакъ и, такимъ образомъ, знакомиться и на практикѣ съ польскимъ языкомъ. Такъ, на примѣръ, на достопамятномъ сеймѣ Люблинскомъ (1568—1569 гг.) говорилось все на польскомъ языкѣ, хотя здѣсь южные Русскіе (Волинскіе и Кіевскіе) еще выговорили себѣ право исключительнаго употребленія русскаго языка въ своей публичной жизни, и чтобы всѣ ихъ письменности писались вѣчно не другимъ какимъ языкомъ, какъ русскимъ.

Вслѣдствіе совершившагося на этомъ сеймѣ полнаго сліянія Польши и Литвы въ одно государство, съ однимъ общимъ народнымъ (шляхетскимъ) представительствомъ, польскій языкъ съ тѣхъ поръ раздвигался на сеймакъ почти исключительно; оригинальная русская рѣчь Смоленскаго кастеляна Мелешка на сеймѣ 1589 года—есть едвали не послѣдняя, связанная на этомъ языкѣ въ собраніи представительства рѣчи посполитой¹⁾.

Такимъ образомъ, польскій языкъ дѣлалъ все большіе успѣхи между шляхтою югозападной Руси. Уже въ началѣ XVII вѣка нуженъ былъ польскій переводъ литовско-русскаго статута „для тѣхъ, которые не умѣютъ читать на русскомъ языкѣ, или чаще употребляютъ польскій“. Не забудемъ, что литовскій статутъ былъ обязателенъ только для Литовско-Русскихъ, а не для Польскихъ земель, и что въ немъ выразительно постановлено „писати по руску литерами

¹⁾ Акты южной и западной Россіи II, 188; Wiszniewski: Hist. lit. pol. VIII, 480.

и словы русскими вси листы, выписи и повзы, а не инымъ языкомъ и словы“.

Правда, шляхта юго-западной Руси часто вступается въ пользу древняго своего языка русскаго, возстаетъ противъ навязываемаго ей польскаго языка, но противъ колонизаціи протестуетъ и на польскомъ языкѣ; русская шляхта и духовенство, „Русь стародавней религіи греческой“ заступается за свою православную вѣру, но свои требованія, свои статуты и книги по этому предмету пишетъ на польскомъ языкѣ¹⁾. Такъ какъ шляхта юго-западной Руси мѣнялась все больше въ католическую и польскую, то и убывали заступники русской народности и вѣры, и часто раздаются отъ русскихъ патріотовъ горькія жалобы на такое печальное положеніе дѣлъ въ польско-литовской Руси²⁾.

При такомъ значеніи и важности польскаго языка въ юго-западной Руси, не удивительно, что онъ въ значительной мѣрѣ повліялъ и на очень близкій ему языкъ русскій, который былъ въ употребленіи, особенно въ свѣтской литературѣ, въ югозападной Руси. Польское вліяніе на этотъ языкъ усиливалось со временемъ все больше и больше; въ русскій языкъ входили польскія слова, не только передѣланныя на русскій ладъ, но и въ чисто польской формѣ, противной духу русскаго языка; принимались разные термины юридическіе, военные и другіе, и наконецъ, дѣльные обороты и фразы; хорошо замѣчаютъ одинъ юго-западный Русскій, что „якъ Поляцы у свои языкъ намѣшали словъ латинскихъ, которыхъ южь и простые люди з налогу (привычки) уживають: такъ же и Русь у свои языкъ намѣшали словъ польскихъ и оныхъ уживають“³⁾. Поэтому не мудрено, что лучшему знатоку славянскихъ языковъ XVII вѣка, Хорвату Брижанчу, „бѣлорусское нарѣчіе“ показалось не особымъ „нарѣчіемъ, а скорѣе измѣненіемъ польскаго нарѣчія или просто искаженіемъ“, такъ какъ Русины въ своемъ языкѣ во всемъ подражаютъ Полякамъ, въ матеріальномъ и формальномъ отношеніи⁴⁾.

¹⁾ Сравни. Архивъ юго-западной Россіи II, 7 (Постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ юго-западной Россіи), литературу по церковной уліи, и пр.

²⁾ Сравни., напримѣръ, Смотрицкаго *Өренось*, *Ragapensis* и др. Интересный примѣръ перерожденія Русина въ Полака представляетъ Кіевскій епископъ Верещинскій въ концѣ XVI вѣка (см. его *Wizerunek*, изд. Туровскаго, 101).

³⁾ Акты западной Россіи (IV, стр. 229, запис. ок. 1600—1605 гг.).

⁴⁾ Вліяніе польскаго языка на русскій является, на сколько знаемъ, силь-

При такомъ перерожденіи большей части Русскаго народа, именно его высшихъ, образованныхъ сословій, разумѣтся, и многіе Русскіе стали писать на польскомъ языкѣ, сознавая еще вполне, что они не Поляки, а Русскіе; извѣстный Орѣховскій самъ называетъ себя „родомъ Русинъ, народомъ Полякъ“, и извиняется за свой польскій языкъ, какъ „грубый Русинъ“. Въ рядъ польскихъ писателей поступили и многіе Русскіе, такъ: Будный, Смотрицкій, Шимоновичъ, Зиморовичъ, Барановичъ и другіе. Они же ввели и многія русскія слова въ польскій языкъ, которыя въ немъ и остались ¹⁾.

Съ другой стороны, и русскій языкъ былъ довольно рано извѣстенъ въ Польшѣ. Такъ, уже въ началѣ XIII вѣка находилась у Ярослава, каноника Плоцкаго, русская глѣтонисъ ²⁾. Изъ королевской канцеляріи выходили грамоты на русскомъ языкѣ уже въ XIV вѣкѣ (при Казимірѣ), особенно же со времени восшествія Ягайловичей на польскій престолъ. Тогда русскій языкъ чаще раздавался и въ королевскомъ дворцѣ Краковскомъ. Владиславъ-Ягайло, не зная ни по-латински, ни по-польски, говорилъ по-русски; на этомъ же языкѣ говорили и писали его преемники до Сигизмунда-Августа, который перныи поднялъ, заброшенный до тѣхъ поръ въ публичной жизни, языкъ польскій. На русскомъ языкѣ писана и надгробная надпись короля Казиміра († 1492 г.), въ часовнѣ св. Креста въ Краковѣ ³⁾. Кардиналъ Збигнѣвъ Олешницкій приобрѣлъ себѣ пріязнь Витовта особенно тѣмъ, что хорошо зналъ русскій языкъ. Другое, чтобы пользоваться

нѣе всего въ привилегіи Вальской землѣ 1501 года (Акты западной Россіи I, № 189); въ ней встрѣчаемъ даже такіа слова: вѣнцей, вѣштики, праца, кнѣзь и др., названія «Русинъ» и «Полякъ» (не «Ляхъ») въ значеніи холопи и землянина. Да и обыкновенное въ польскомъ стилѣ XVII вѣка примѣшаніе латинскихъ словъ и оборотовъ вошло въ русскій языкъ, какъ это встрѣчается, напримѣръ, въ волынской грамотѣ 1606 года (Архивъ юго-западной Россіи, ч. II, № 7). Польскія слова и термины: ягородъ, ягвалть, пицovanje, хоругвенная шляхта, древцо съ прапорцемъ, панцырь, шиковати и др., встрѣчаются постоянно въ статутахъ, грамотахъ и др. памятникахъ юго-западной Руси.

¹⁾ Орѣховскій называетъ себя «gente Roxolanus, natione Polonus» въ Fidei catholicae confessio (1561), и въ Quincunx (изд. Туровскаго, 38). Барановичъ въ своихъ стихотвореніяхъ «Lutnia Apollinowa» (1671) замѣчаетъ самъ, что «Rusini do Polaka coś po polaku gdaка», и «że twój język i w Rusinie, ciesz się sny Polaku, słynie» (р. 543)

²⁾ Wiszniewski, Hist. lit. pol. II, 108, Biblioteka Warszawska, 1853, III, 23.

³⁾ Приводитъ ее Сарницкій (Annales, 369).

русскими летописями, учился уже въ старости русскому языку ¹⁾. Этотъ языкъ знали и другіе историки польскіе, между ними особенно Стрыйковскій, который пользовался многими русскими летописями. Польскіе писатели любили примѣшивать въ свои сочиненія русскія слова, обороты и цѣлыя разговоры. Наконецъ, оба эти славянскіе языка часто раздавались въ одно и то же время и были понятны и Полякамъ, и Русскимъ ²⁾.

Общаго славянскаго происхожденія Поляковъ и Русскихъ не были и виновники роковой для обоихъ народовъ церковной уніи. О „заблужденіяхъ Русскихъ бѣлыхъ, то-есть, Москвитанъ, и Русскихъ Червонныхъ, живущихъ въ Польшѣ и въ Литвѣ“ ³⁾, давно жалѣли въ Польшѣ, особенно же католическое духовенство. Такъ какъ первая унія Флорентинская съ теченіемъ времени разрушилась, то польскіе ревнители ея, черезъ полтора столѣтія, стали хлопотать о ея возобновленіи. Однимъ изъ первыхъ поборниковъ этой мысли былъ иезуитъ Скарга. Посвящая знаменитое свое сочиненіе „О единствѣ церкви Божіей“ Польскому королю Сигизмунду III, онъ говоритъ, что издааетъ эту книгу „о греческомъ расколѣ, жалѣя погибели славныхъ народовъ греческихъ, издавна погруженныхъ въ великій духовный мракъ и турецкою неволей уничтоженныхъ, и гораздо большую жалость имѣя къ нашимъ братьямъ Русскаго народа, соединеннымъ съ нами сосѣдствомъ, языкомъ и однимъ государствомъ, которые держатся этого раскола“. Разказывая о крещеніи многочисленныхъ и славныхъ народовъ славянскихъ, особенно стараніемъ римскихъ папъ, онъ замѣчаетъ, что одна только Русь приняла крещеніе отъ Грековъ. Упомянувъ

---

¹⁾ *Sano jam capite ad perdiscendas literas rutenas me ipsum appuleram.* Какъ пользовался Длугошъ русскими летописями, объ этомъ сравн. Бестужева-Рюмина: О составѣ русскихъ летописей (приложенія, 64).

²⁾ Въ помѣщенной у Стрыйковскаго (742) польской пѣснѣ о сраженіи Оршанскомъ князь Острожскій кричитъ на своихъ воиновъ по-русски; въ *Figliki* Рея Полякъ говоритъ по-русски съ Литвиномъ (то-есть, Русинномъ), а въ другомъ мѣстѣ (Чтенія, 1846, I. Ислѣд., 35)—съ Москвитяниномъ; въ драмѣ М. Вальскаго *Sejm niewieści* (изд. 1895) Поликсена говоритъ по-русски, и пр. Въ разныхъ польскихъ сочиненіяхъ того времени встрѣчаются, напримѣръ, такіа русскія слова: *rohibel, dugować, sołowij, kniehuynie, druh, kniha* и др. На съездѣ евангеликовъ и православныхъ въ Вильнѣ 1599 года русскій священникъ Лука отъѣзжалъ Поляку Гличнеру по-русски (*Regenvolsciuz*, 486), и пр.

³⁾ Сравн. записку Гизненскаго архіепископа Іоанна Ласкаго *de Ruthenorum nationibus eorumque erroribus* 1514 года (Turgenev: *Hist. Russ. Monum.* I, 123).

дальше объ униі Флорентинской, онъ приводитъ въ числѣ полезныхъ сторонъ ея возобновленія и ту, что въ такомъ случаѣ сосѣдство католическихъ Поляковъ съ Русью было бы болѣе пріятно и мило, и сама Польша стала бы могущественнѣе. Къ такому воссоединенію Руси способствуетъ и одинъ общій государь, подѣ которымъ Божіе провидѣніе соединило Русь съ Польшей и съ Литвой, и одинъ общій языкъ, и милое сосѣдство, и хорошее, спокойное сожительство. Русь не должна обращать вниманіе на Московскаго князя и народъ одинаковаго съ ней языка и религіи, потому что можетъ-быть, и Москва послѣдуетъ примѣру Польско-Литовской Руси и соединится съ Римомъ ¹⁾).

Униа русской церкви въ государствѣ Польско-Литовскомъ состоялась, хотя не вполне, на извѣстномъ соборѣ Брестскомъ. Она дала поводъ къ непрерывной борьбѣ религіозныхъ, и наконецъ, и политическихъ партій въ Польшѣ. Напрасно нѣкоторые польскіе патриоты, предвидя гибельныя послѣдствія такой опасной борьбы для своего отечества, встаютъ противъ навязыванія униі Русскому народу; напрасно Гербуртъ и Збаражскій вопіютъ противъ преслѣдованія православной вѣры у „народа Русскаго, брати и крови нашей“, указывая на возникающую по этому поводу ненависть противъ Польши не только всего Русскаго народа въ Польшѣ, Литвѣ и Москвѣ, но и остальныхъ Славянъ въ Турціи ²⁾). Но такіе отзывы были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, равно какъ и всѣ прошенія, протесты и угрозы православнаго русскаго дворянства. Оскорбленія православной русской вѣры не мало способствовали возстаніямъ казацкимъ и грознымъ бурямъ, волновавшимъ Польшу почти все XVII столѣтіе. Но и тогда, въ этой братоубійственной борьбѣ между Поляками и Русскими, когда нечего было и думать о примиреніи обоихъ остервененныхъ народовъ, тогда нѣкоторые болѣе дальновидные Поляки и Русскіе глубоко грустили надъ такою гибелью двухъ родственныхъ народовъ славянскихъ „той же крови и того же языка, разнящихся только нарѣчіемъ“ ³⁾).

Самъ Богданъ Хмельницкій, вызывая всю Русь къ возстанію противъ Ляховъ, не забываетъ, что начинается братоубійственная война;

---

¹⁾ O jedności Kościoła bożego (Kрак. 1590, 1-е изд. 1577 г.) Справн. его же Obrona synodu Brzeskiego.

²⁾ Zdanie o narodzie Ruskim (срavn. выше).

³⁾ Kochowski: Annal. Polon. Climaet. (1683, введеііе).

по его словамъ, Поляки „отъ насъ Савроматовъ и Руссовъ уродившихся и нашедши, и за едино съ початку, съ самовладною братією нашою Савроматами и Руссами бужши, повстали напрасно и безсо-вѣстно, якоже иногда Каинъ на Авеля, на Руссовъ альбо Савроматовъ, властную съ древности и природную братію свою“¹⁾.

Въ смыслѣ примиренія Ляховъ и Руси дѣйствовалъ тогда и знаменитый русско-польскій панъ Адамъ Кисель, православный русскій шляхтичъ, но вполне примкнувшій къ польскому государственному устройству, котораго однако Поляки, не довѣряя ему, называли „тайнственнымъ“, Русскіе же— „кость отъ костей нашихъ, отцепившійся и приставшій къ Ляхамъ“. Кисель, съ одной стороны, всячески старался примирить казаковъ съ Польшей, а съ другой стороны, дѣйствовалъ и на польское правительство въ пользу Руси, особенно относительно ея вѣры. Уже въ самомъ началѣ борьбы, онъ написалъ Хмельницкому трогательное письмо (27-го августа 1648 г.), умолая его прекратить свои враждебныя дѣйствія противъ Польши: „Въ торжественный день Вознесенія Богородицы, небесной царицы и единственной покровительницы народа Славянскаго, пишу это свое жалобное письмо и прошу эту наисвятѣйшую Мать Бога нашего, чтобы укротила сердце ваше“²⁾.

Раздавались и въ Польшѣ голоса, что вражда и борьба Поляковъ и казаковъ лежитъ только въ интересахъ Турціи, и что обоимъ народамъ слѣдовало бы примириться и освободить стонущихъ подъ турецкимъ игмомъ христіанъ. Съ упрекомъ спрашиваетъ одинъ современный польскій поэтъ Русскихъ, зачѣмъ они не пошли скорѣе освободить своихъ братіевъ одной вѣры и одного племени, Сербовъ и Болгаръ Дунайскихъ, которые просили Хмельницкаго объ этомъ³⁾.

Съ другой стороны, и русскій авторъ, Лазарь Барановичъ, глубоко жалѣетъ о непрерывныхъ войвахъ польско-русскихъ въ ущербъ обоимъ народамъ и турецкимъ христіанамъ. Возставая противъ послониды „пока свѣтъ свѣтомъ—не будетъ Русинъ Поляку братомъ“, онъ

¹⁾ Валочерловскій универсалъ 1648 года (Литы западн. Россіи V, стр. 79).

²⁾ Памятники Кіевской комиссіи III, 239, Іак. Michałowskiego Księga pamiętnicza 164. О спорахъ религиозныхъ Кисель выразился: «Mówmy sobie prawdę: duchowni niez władzą z obu stron». (Michałowski 608). Для характеристики славянскаго сознанія Киселя сривл. ниже его рѣчь царю Алексѣю Михайловичу.

³⁾ Momenta rasonum, quibus adduci debet Chmielnicius ad pacem, 1651--1652 (Michałowski, 652); Бѣл. Twardowski: Wojna domowa (Krak. 1660, 2 изд. Kalisz, 1881, р. 1, 44).

просить помощи у самого Бога: „Боже умножи любовь между ними, потуши въ нихъ искру гнѣва, и самъ Духъ Святый примири Русь съ Ляхами, сжаляся надъ несчастною порой, гдѣ сарматскіе сыновья бьются между собою на радость Турку; прекрати обоюдную вражду мужественнаго Русина и могучаго Ляха и обрати ихъ дѣятельность противъ Турка, чтобъ они соединенными силами освободили своихъ братію. Молдаване, Волохи и Сербы умножать войско польское, и если орды московскій и польскій вмѣстѣ полетятъ на Турка, то его навѣрное истребятъ“¹⁾).

Но объ искреннемъ примиреніи шляхетской и католической Польши и казацкой народной православной Руси—нечего было и думать. Напрасно раздавались тогда прекрасныя слова, что „въ соединеніи знаменитыхъ народовъ Польскаго, Литовскаго и Русскаго въ одно государство, въ ихъ неразлучномъ единодушіи и любви и соединенныхъ силахъ состоитъ защита всего христіанства противъ врага святаго креста“; напрасно Польша обѣщала всевозможныя выгоды Руси и ея „стародавней религіи греческой“ въ предѣлахъ, „докуда языкъ народа русскаго достигаетъ“: все это оставалось пустыми словами и неисполнимымъ желаніемъ.

Тогда казалось, что обоихъ славянскихъ народовъ примирить ближайшій ихъ сосѣдь и соплеменникъ, царь Русскій, что вся Рѣчь—посполитая Польская добровольно применитъ къ восточному государству Русско-Московскому, и такимъ образомъ, осуществится уже за сто лѣтъ до того являвшійся нѣсколько разъ планъ образованія одного огромнаго восточно-славянскаго государства отъ Одры и Балтійскаго моря на востокъ за Волгу далеко въ Азію, до границъ Китая.

Но эта надежда только мелькнула и прекратилась въ самомъ зародышѣ.

2. Польша и сѣверо-восточная Русь (Москва).—Мысли объ избраніи Русскаго царя въ Польскіе жорюхи и о союзѣ обоихъ славянскихъ государствъ въ XVI—XVII вѣкахъ.

Съ восточною Русью или великимъ княжествомъ Московскимъ Польша познакомилась посредствомъ, соединенной съ нею подъ одною

---

¹⁾ Lutnia Apollinowa (1671, p. 427), Nowa miara staréj wiary (1675, p. 343); послѣдняя книга посвящена царю Алексѣю Михайловичу, первая — царевичу Иоанну Алексѣевичу.

династией—Ягайловичей, Литвы. Король Польскій, будучи и великимъ княземъ Литовскимъ и Русскимъ, имѣлъ частыя сношенія и столкновения съ смежнымъ восточно-русскимъ государствомъ. Иногда оба государя общаются, какъ „братья“, другъ другу взаимную „помощь на всякаго недруга“¹⁾; но гораздо чаще они сами являются заклятыми врагами.

Не смотря на вражду, которая завязалась между государствами Польско-Литовскимъ и Русско-Московскимъ изъ-за первенства на европейскомъ востокѣ, оба народа, Поляки и Москвитяне, всегда сознавали, что они одного славянскаго происхожденія. И если Поляки и называли „Москалей“ наследственными своими врагами, варварами и пр., то все-таки никогда не забывали, что „во всей Москвѣ говорятъ на русскомъ или на славянскомъ языкѣ“, и что „сама одинаковость у насъ и Москвы языка, явно свидѣтельствуетъ, что мы происходимъ отъ одного народа и поэтому мы несомнѣнно дѣти общаго отца“; всегда помнили, что Русь—„славное царство славянскаго народа, населенное Русинами или Русскими, раздѣлена между двумя государями, Московскимъ и Польскимъ“, что рѣки Сечь, Сула, Песля и Ворскла отдѣляютъ „два славянскіе народа“. Съ другой стороны знали и Русскіе, что Польское государство основано „словенскимъ княземъ Ляхомъ“, и что Поляки, хотя „вѣры ляцкой, римской, папешской, языкъ же имутъ словенскій“²⁾.

Съ государствомъ Русско-Московскимъ Польша сносилась особенно посредствомъ юго-западной Руси. Переговоры съ Москвой велись на русскомъ или такъ-называемомъ бѣлорусскомъ языкѣ³⁾. Поэтому туда ходили польскими послами обыкновенно паны изъ православной юго-западной Руси, которые съ царями и ихъ боярами умѣли говорить

---

¹⁾ Сравн. напримѣръ, договоръ великаго князя Василія Васильевича съ королемъ Казиміромъ 1449 г. (Акты Запад. Россіи I, № 60).

²⁾ Matth. de Miechow (Tractatus de duabus Sarmatiis lib. II.), I. Bielski (Kron. polska 14), Kochowski (Annal. Polon. Climaet. I, 3), Morawstyn Zbigniew (Pieśni miłowne 1647 г., wyd. 1844, р. 37). Русскіе хронографы и космографы XVI—XVII в. (А. Поповъ: Изборникъ изъ русск. хронографовъ, 131, 464, 525).

³⁾ Издавна повелось, что грамоты королевскія къ великому государю пишутся бѣлорусскимъ письмомъ, говорятъ 1646 года московскіе послы польскимъ языкомъ, споря съ ними объ одной формѣ этого языка. (Соловьевъ: Ист. Россіи X, 136). «Вѣлорусскимъ» называютъ въ Москвѣ языкъ югозападной Руси.

на русскомъ языкѣ; таковы, напримѣръ, были Тышкевичъ, Ходкевичъ, Гарабурда, Сапѣга, Кисель и др. ¹⁾).

Славянское сознание Поляковъ и Русскихъ проявлялось особенно тогда, когда представлялся случай соединить Польшу и восточную Русь въ одно государство. Это было нѣсколько разъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Русскіе цари, считаясь законными государями всей юго-западной Руси, отъ Карпатъ до Смоленска, „отчины св. Владимира“, стремились уже съ конца XV вѣка присоединить ее къ своему государству. Эти стремленія ихъ нерѣдко раздѣляли и Литовцы, то-есть, по большей части Русскіе; наконецъ и сами Поляки не были прочь отъ избранія русскаго царя въ свои короли, надѣясь на укрѣпленіе своего государства, особенно противъ Турокъ и Татаръ. Что оба славянскіе государства, Польско-Литовское и Русско-Московское не были соединены еще въ XVI—XVII вѣкѣ мирнымъ образомъ, тому препятствовало преимущественно различіе вѣроисповѣданій: царь русскій не хотѣлъ да и не могъ сдѣлаться католикомъ, не желая измѣнить своему народу, и наоборотъ, король польскій не могъ, по той же самой причинѣ, принять православіе.

Послѣ прекращенія династїи королей польскихъ и великихъ князей литовско-русскихъ изъ дома Ягайла, въ числѣ кандидатовъ на польскую корону явился и царь русскій. Сами Поляки и Литовцы имѣли его въ виду какъ государя „славянскаго“.

Еще при жизни бездѣтнаго Сигизмунда - Августа, Поляки и Литовцы преемникомъ Сигизмунда желали имѣть царя или царевича Ивана. Это передали царю и сами польскіе послы, прибывшіе въ 1570 году въ Москву, для заключенія вѣчнаго мира между Польшей и Москвой. Въ тайной конференціи съ государемъ они объявили ему, что „польскіе и литовскіе вельможи, видя короля своего безъ наследника и не желая отъ бусурманскихъ или иныхъ земель для себя государя, положили намѣреніе избрать государя отъ словенскаго роду по волѣ, и прихилиются къ тебѣ, великому государю и твоему потомству“. Послы же Московскіе Польшѣ тоже извѣщали царя, что „въ Варшавѣ говорятъ, что кромѣ Московскаго государя — другаго

¹⁾ Ходкевичъ, посоль къ царю 1563 года, извинялся, что по поводу частаго пребыванія въ Польшѣ «языкъ мой русскій поиѣшался съ польскимъ языкомъ, такъ что рѣчей моихъ и не узнать, что стану говорить». Но царь ему велѣлъ говорить, какъ уиѣтъ, и «если что и по-польски слажешь, мы поймемъ». (Соловьевъ, Ист. Россіи VI, 260).

государя не искать; говорить, что пани уже и платье заказываютъ по Московскому обычаю и многіе уже носятъ; что королевнѣ очень хочется быть за государемъ-царемъ“¹⁾).

Скоро послѣ смерти послѣдняго Ягайловича, раздался въ западномъ углу Польши голосъ въ пользу русскаго царя. Въ концѣ 1572 года безымянный шляхтичъ изъ Калиша издаетъ брошюру „Показаніе пользы, которыя произошли бы отъ принятія Московскаго князя и вреда отъ выбора короля изъ западныхъ господъ“. Калишскій шляхтичъ обращается особенно къ мелкой шляхтѣ и приводитъ на память совѣтъ короля Сигизмунда, чтобы по его смерти, ради многихъ пользы, избранъ былъ никто другой, какъ князь Московскій: вѣдь не даромъ же Чешская княгиня, вѣщая Любуша, послала въ сѣверныя страны и взяла въ мужа крестьянина отъ плуга. Самъ Богъ такъ исполни постановилъ, чтобы Сарматы ни откуда большаго умноженія не могли имѣть, кромѣ сѣверныхъ странъ, подобно тому какъ вѣкогда Римлянамъ ни одинъ другой народъ не могъ сопротивляться, кромѣ Сарматовъ и Скивовъ. Авторъ рекомендуетъ царя Ивана въ короли польскіе между прочимъ и кромѣ „понятнаго его языка“, и мечтаетъ о сляніи Москвы, Литвы и Польши въ одно государство по примѣру присоединенія Литвы къ Польшѣ при Ягайлѣ.

Мысль объ избраніи русскаго царя въ короли польскіе и о соединеніи Польши съ Русью была тогда очень распространена въ Польшѣ и особенно въ Литвѣ; не мало содѣйствовало тому и „сходство языка и обычаевъ“. По словамъ секретаря французскаго посла въ Польшѣ, партія русская была для другихъ самая опасная, такъ какъ не было чловѣка въ Рѣчи Посполитой, который не сознавалъ бы выгоды проч-

¹⁾ Бантышъ-Каменскій: Переписка между Россіей и Польшею по 1700 г., составленная по дипломатическимъ бумагамъ Московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, I, 33 (въ Читеніяхъ 1860, 1861 гг.). На основаніи тѣхъ же самыхъ бумагъ А. Малиновскій составилъ статью: Историческія доказательства о давнемъ желаніи Польскаго народа присоединиться къ Россіи (изв. 1815 года, сравн. Опис. рукоп. Румянцевск. Муз. 381, напечатано съ прибавленіемъ разныхъ бумагъ 1833 г. въ Трудахъ и извѣстіяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс. VI.). Сравн. Соловьева (пользовавшася тѣми же самыми бумагами) Ист. Россіи VI, 272. Въ пользу соединенія Польши и Московской Руси высказался еще при жизни Сигизмунда-Августа Андрей Цесельскій, совѣтовавшій Полякамъ выбрать себя еще при жизни короля второго сына царя Ивана, который пожеловалъ бы его Смоленскомъ, Псковомъ и Новгородомъ. (*Ad equites, legatos ad conventionem Varsov. publice designatos etc. oratio, Cracov, 1572*).

наго мира и соединенія этихъ двухъ большихъ, сильныхъ и могущественныхъ государствъ ¹⁾.

Когда, черезъ два года (1575), тронъ польскій вновь лишился государя, Поляки опять обратили свое вниманіе на восточнаго царя, котораго сопоставляли съ „Пястомъ“, то-есть, съ домашнимъ шляхтичемъ. Его желала выбрать въ короли шляхта многихъ воеводствъ, Краковляне, Ланчичане, Сандомиряне, Волыняне, Люблиняне, Кіевляне и др.; ему благопріятствовали вліятельныя лица, какъ напримѣръ, Шафранецъ и Замоискій. Послѣдній, бывшій тогда старостою Белзскимъ, возставая противъ избранія иностранца, особенно Нѣмца, прямо говорить, что великій князь Московскій мало разнится отъ Пяста и представляетъ почти тѣ же самыя выгоды, какъ землякъ, а Ланчицкій воевода Сераковскій, говоря въ пользу такого короля, который „былъ бы пожилыхъ лѣтъ и употреблялъ нашъ языкъ для отправленія разныхъ дѣлъ“, замѣтилъ, что такимъ королемъ представляется лучше всего великій князь Московскій, но по причинѣ его молчанія, нельзя о немъ и говорить. Наконецъ и самъ примасъ-архіепископъ Уханскій тайно прислалъ царю, съ русскимъ посломъ, образцы грамотъ на польскомъ языкѣ, какъ слѣдуетъ ему писать въ Польшу духовенству, шляхтѣ и отдѣльно каждому вельможѣ, то-есть, упомянуть, что „онъ не еретикъ, а христіанинъ, крещенъ во имя св. Троицы, что Поляки и Русскіе, будучи одного племени Славянскаго или Сарматскаго, должны, какъ братья, имѣть одного государя“ ²⁾.

Различіе вѣроисповѣданій и вообще слишкомъ трудное соглашеніе интересовъ польскихъ и русскихъ помѣшали избранію русскаго царя въ польскіе короли, въ большому удовольствію иностранцевъ. „Только Богъ удалилъ Москвитянина“, восклицаетъ вышеупомянутый секретарь французскаго посла въ Польшѣ,—„ибо если бы оба эти государства соединились другъ съ другомъ, то у Германіи не хватило бы

¹⁾ Miscellanea 1572—1576 (рукоп. Варшавск. унив. библ. № 599, fol. 25 sqq.); Broel-Plater: Zbiór pamiętników do dziejów pol. III, 40; Записка аббата Giovanini (Turgenev Histor. Russ. Monum. I, 232, 270); Choisy'n (изд. Лондон. 248). Сравни. Трачевскій: Польское безкоролье, Малиновскій: Ист. доказ. 15, 201; Соловьевъ, Ист. Россіи VI, 317; Noailles: Henri de Valois (III), и др.

²⁾ Современный Oguzelski: Bezkrólewia Książ ósmioro II, 230; Баяншиъ-Каменискій: Переписка I, 144; Малиновскій: Ист. доказ. 25; Соловьевъ, Ист. Россіи VI, 330. Одинъ польскій воевода писалъ тогда Розенбергу: «Очень боюсь Москвы, ибо шляхта и народъ ей благопріятствуютъ» (Břeslan: Život Vil. z Rosenberka 218).

средствъ защищаться, и равнымъ образомъ, на остальное христіанство напалъ бы большой страхъ“¹⁾).

Но самая мысль о соединеніи обоихъ славянскихъ государствъ не оставляла Поляковъ, и они еще нѣсколько разъ пытались осуществить ее. Не помѣшала тому и жестокая война, которую началъ король Стефанъ Баторій съ царемъ Иваномъ. И тогда въ Польшѣ не забывали, что восточные Русскіе—ихъ соплеменники. „Москвитяне и Полаки“, писалъ въ это время первый польскій поэтъ того времени, Кохановскій, — „одного рода славянскаго; ихъ, тѣсно связанныхъ, раздѣлило разное вѣроисповѣданіе — зло, которое раздѣляетъ единодушныхъ братьевъ; за княженіе Русское были многіе споры и очень кровавыя войны между обоими, и миръ не установился и до сихъ поръ; устарѣлую ненависть возбудило новое оскорбленіе“²⁾).

Стефанъ въ концѣ своей жизни, задумывая планъ похода противъ Турокъ, намѣревался, вопервыхъ, завоевать государство Русско - Московское, и такимъ образомъ, соединить силы всей восточной Европы противъ азіатскихъ варваровъ³⁾. Но такъ какъ этотъ планъ оказался неисполнимымъ, то Стефанъ сталъ думать о соединеніи обоихъ государствъ мирнымъ путемъ. Еще при жизни короля самъ примасъ-архіепископъ Карниковскій сказалъ Московскимъ посланцъ, что по смерти короля „думаешь быть съ вами вмѣстѣ подъ рукою вашего государя“, и польскій посолъ въ Москвѣ, Гарабурда, предлагалъ соединеніе Польши, Литвы и Москвы въ одно государство, въ случаѣ кончины короля Стефана или царя Θεодора. Польскіе и литовскіе министры и сенаторы, духовные—въ ихъ главѣ примасъ-архіепископъ—и свѣтскіе, указывали митрополиту Московскому и ближнимъ боярамъ, „своей братіи“, на выгоды соединенія обоихъ государствъ и народовъ „одно и не розное рѣчи и языка; и сперва идемъ съ собою, кабы изъ однихъ народовъ; къ тому съ вами одного Бога хвалимъ, многіе изъ насъ будучи тоещъ одное вѣры хрестыянскія, греческія; и потомъ которая жъ бы сила непріятельская противъ такимъ государствамъ въ единачество межъ себя случоннымъ стояти могла?“ Польскіе вельможи усильно просили бояръ хлопотать о такомъ соединеніи, кото-

¹⁾ Choisin, 358.

²⁾ Ad Stephanum Bathorrhæum (sic) regem Poloniae inclytum Moscho debellato epinicion a. 1582 (Cracov, 1583).

³⁾ Bielski Kron. pol. 804; Heidenstein: Rer. polon. ab excessu Sigism. Aug. libri XII (изд. Франкфуртское, р. 236, слав. также 225).

рое было бы очень полезно всѣмъ тѣмъ народамъ. Въ такомъ смыслѣ говорилъ и Гарабурда царю и боярамъ, заявляя желаніе, чтобы въ случаѣ смерти того или другаго государя соединились Польша, Литва и Мосева подъ одною рукою, „Кравовъ противъ Москвы, а Вильна противъ Новагорода, и стояти государствамъ обѣма за одно въ докончаньи“. Царь и бояре соглашались жить съ Польшею въ братской любви, и „государствамъ бы обоемъ быти въ соединеніи“ противъ всѣхъ враговъ¹⁾.

И дѣйствительно, по смерти Стефана (1586 г.), въ Польшѣ стали стараться объ избраніи царя Теодора польскимъ королемъ. Опять стали указывать на то обстоятельство, что русскій царь—славянскаго рода и мало рзнится отъ Поляковъ языкомъ и обычаями, и на большія выгоды, которыя произошли бы отъ соединенія обоехъ сосѣднихъ государствъ „одного языка и народа славянскаго“. Объ избраніи Теодора особенно хлопотали Литовцы; они уже на своемъ сеймикѣ, въ Волковыскѣ, обязались не принимать въ короли другаго, кромѣ русскаго царя. Въ пользу его дѣйствовали и у Поляковъ самыя вліятельныя лица литовскія, воеводы Виленскій — Радивиль, Троцкій—Глѣбовичъ и Брацлавскій — Збаражскій. Съ другой стороны, и самъ царь и его бояре серьезно думали о соединеніи обоехъ государствъ, или по крайней мѣрѣ, о присоединеніи Литвы „одной вѣры и одного обычая“ съ Москвою. Бояре сами признавали большой вредъ, истекающій изъ вражды и ненависти обоехъ государствъ для всего христіанства, и большія выгоды изъ соединенія: тогда Молдавія, Валахія, Боснія, Сербія и Венгрія, подвластныя Туркамъ, достались бы Польшѣ и Литвѣ. Въ соединеніи обоехъ государствъ Поляки и Русскіе вообще видѣли большую славу и пользу не только для себя, но и для всего христіанства.

На избирательномъ сеймѣ (1587 г.) литовская шляхта, посредствомъ своего маршалка Паца, объявила, что единогласно принимаетъ Теодора и съ тѣмъ готовилась уѣхать домой. Около двухъ тысячъ мазовской шляхты кричало также сенаторамъ, что не Нѣмца хотятъ, а князя Московскаго; воевода Иновлоцлавскій предлагалъ Паста или шведскаго королевича, а еслибы не всѣ согласились, то—Московскаго князя.

И послѣ избранія Максимилиана въ польскіе короли и Сигизмунда

---

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи VII, 270, 273. Бантышъ-Каменскій: Переписка II, 10; Мадяновскій: Ист. доказат. 32, 209—235 (грамоты).

Шведскаго, паны литовскіе не перестали хлопотать объ избраніи Теодора, или по крайней мѣрѣ, о присоединеніи Литвы, Руси, Подлѣсья и Мазовіи къ государству Русско-Московскому, никакъ не желая имѣть на тронѣ Нѣмца. „У насъ писанное дѣло“, сказали Радивиль и Глѣбовичъ русскимъ посламъ, — „что нѣмецкій языкъ словенскому языку никакъ добра не мыслить; и намъ какъ котораго Нѣмчина взять себя за государя?“

Избраніе русскаго царя въ король польскіе не удалось на этотъ разъ по тѣмъ же самымъ причинамъ, которыя воспрепятствовали избранію его отца¹⁾.

Но если не удалось соединеніе обонхъ государствъ въ одно, то по крайней мѣрѣ сами Поляки старались о заключеніи вѣчнаго мира и самаго тѣснаго союза съ русскимъ царемъ. По этому поводу (1600 г.) прибыли въ Москву польско-литовскіе послы, литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, Варшицкій и Пельгримовскій, предлагая царю Борису такой союзъ. Въ инструкціи, данной посламъ самимъ королемъ Польскимъ Сигизмундомъ, между прочимъ сказано слѣдующее: „Второй посолъ долженъ говорить: замѣчая и соображая, какъ важны согласіе, любовь и соединеніе наше, великихъ государей, не только для тѣхъ народовъ, которыми по Божьей милости счастливо владѣемъ, и которые будто одной вѣры и одного языка и происходятъ отъ одного варода славянскаго, но и для всего христіанства, то желаемъ съ тобою, Борисомъ Теодоровичемъ всея Руси, жить въ согласіи, любви и соединеніи“. Въ проектѣ же союзнаго трактата, предложеннаго Сапѣгой, первая статья гласитъ о томъ, чтобъ оба государя и всѣ жители Польши, Литвы и Москвы были въ вѣчной, нераздѣльной любви братской, какъ люди одной вѣры христіанской, одного языка и народа славянскаго“. Остальныя статьи касаются взаимнаго престолонаслѣдія и помощи обонхъ государей и почти совершеннаго слиянія

---

¹⁾ Diaryusz elekcyi Zygmunta III. (Turgenev Histor. Russiae Monum. II, 22); Bielski Kron. Polska (продолженіе, изд. Туровскаго стр. 1543); Малиновскій: Ист. доказат. 35, 236; Соловьевъ, Ист. Россіи VII, 281; Źródła do dziejów polskich (wyd. Malinowski i Przewdzieski II, 141). Сравни также Варшавскаго Регистру polon. etc. (ed. Ciampi 38, 99), Писецкаго Chronic. (70).—О тогдашнемъ настроеніи умовъ противъ Нѣмцевъ на литовской Руси можно судить и по интересной рѣчи Смоленскаго кастеляна Мелешна на сеймѣ 1589 г. (Акты Южн. и Зап. Россіи II, 188). Мелешно между прочимъ говоритъ о королѣ Сигизмундѣ I, что онъ Нѣмцевъ якъ собакъ не любилъ, и Ляховъ зъ нихъ хитростыни весьма не любилъ, але Литву и нашу Русь любительно миловалъ.

обоихъ государствъ въ одно; да и „для крѣпчайшаго соединенія этихъ славныхъ государствъ и для объявленія его передъ цѣлымъ свѣтомъ должны быть сдѣланы двойныя короны; одна посломъ Московскимъ возлагается при коронаціи на короля Польскаго, а другая посломъ польскимъ возлагается на государя Московскаго“. Этотъ проектъ, разумѣется не состоялся ¹⁾).

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, казалось, должна была осуществиться мысль о тѣсномъ союзѣ и даже и о соединеніи Московскаго государства съ Польшей.

Царскій вѣнецъ всея Руси принимаетъ мнимый царевичъ Дмитрій; его поддерживаютъ польскіе вельможи, и съ ихъ помощію, онъ занимаетъ упраздненный престолъ Рюриковичей и приводитъ въ Москву супругу свою Марину, дочь Сандомірскаго воеводы Юрія Мнишка ²⁾. Въ этомъ событіи видѣли тогда въ Польшѣ прекращеніе вѣковыхъ споровъ и примиреніе обоихъ народовъ славянскихъ. Польскій поэтъ Станиславъ Гроховскій, воспѣвая этотъ бракъ, призываетъ Польшу и Русскихъ къ общей радости: „Съѣзъ въ государствѣ своемъ мужъ сердца великаго, царь Дмитрій Ивановичъ, при которомъ Москва процвѣтаетъ, побратавшись съ Польшей и соединившись съ нею кровью. Славный подъ солнцемъ Славянскій народъ, радуясь своему согласію; до границъ свѣта проникаетъ твоя слава и касается самого неба! Сандомірскій воевода, посредствомъ тебя произошло согласіе съ Польшей! Тебя мои славянскія струны будутъ прославлять на всѣ стороны, и ты будешь слыть между славными богатырями славянскими!“ ³⁾.

Когда царь Дмитрій (3-го мая 1606 г.) принималъ родственниковъ Марины и польскихъ пословъ, то отъ имени первыхъ Мартынъ Стадницкій, гофмейстеръ царицы, выразилъ надежду на лучшую будущность. „Въ настоящія времена упадка царствъ христіанскихъ“, сказалъ между прочимъ ораторъ, — „Богъ, на страхъ невѣрнымъ, даровалъ христіанамъ утѣшеніе въ томъ, что, подвергнувъ ваше ве-

¹⁾ Сборникъ князя Оболенскаго № 7; Poselstwo Lwa Sapiehy w r. 1600 do Moskwy, podług dyaryusza El. Pielgrzymowskiego sekretarza poselstwa, z rękopisu przez wład. Trębickiego opisane, 29; Соловьевъ, Ист. Россіи VIII, 23. Справ. также Когновикі: Życia Sapiehów I, 63, Adelung: Reisende in Russland II, 1.

²⁾ Отецъ Юрія, Николай († 1553), коронный подкоморій, прибылъ въ Польшу изъ Чехіи.

³⁾ Pieśni na fest ucieszny wielkim dwiema narodom, polskiemu i moskiewakiemu Dymitra Iwanowica cara i M. Mniszakówny r. 1606 (над. Туровскаго 103).

личество искушеніямъ, которыми обыкновенно укрѣпляетъ своихъ избранниковъ, восхотѣлъ соединить ваше царское величество родственнымъ союзомъ съ народомъ, мало различнымъ отъ вашего народа по языку, обычаямъ и отъ вѣковъ равнымъ по силѣ, великодушію, храбрости и мужеству. Теперь угаснутъ притворство и недобѣріе между Поляками и Русскими, прекратятся жестокія и варварскія кровопролитія между нами, и взаимныя силы обоихъ народовъ съ благословенія Божія обратятся съ успѣхомъ противъ невѣрныхъ. Этого желаемъ не только мы, но и всѣ христіанскіе народы“¹⁾.

Надежды эти, однако, не сбылись. Вслѣдствіе занятія русскаго престола мнимымъ царевичемъ Димитріемъ произошло въ Русскомъ царствѣ страшныя смуты, въ которыя вмѣшалась и Польша, желая воспользоваться ими для завладѣнія Москвою. Русскіе по неволѣ выбираютъ въ свои цари Польскаго королевича Владислава. Въ Польшѣ надѣются на превращеніе обоюдной вражды между обоими государствами и народами въ ущербъ басурманамъ и мечтаютъ о сліяніи обоихъ государствъ въ одно. Гетманъ Жолневскій указываетъ королю Сигизмунду на то, что въ случаѣ избранія Владислава въ русскіе цари, онъ легко могъ бы быть избранъ и въ короли польскіе, такъ какъ ни одинъ изъ кандидатовъ не могъ бы принести Рѣчи Посполитой такой пользы, какая послѣдовала бы отъ соединенія нашей Рѣчи Посполитой съ Московскимъ государствомъ. Сто-шестьдесятъ лѣтъ прошло отъ Ягайла до той поры, какъ великое княжество Литовское слилось съ Польшей; такъ будетъ со временемъ и съ Московскимъ государствомъ“. Наконецъ, являются и планы о преобразованіи Московскаго государства посредствомъ польскаго вліянія: болѣе важнымъ городамъ пусть жалуютъ права городовъ прусскихъ или нѣмецкихъ, пусть устроится колонизація изъ Польши въ Москву, пусть высылаются молодые люди на воспитаніе въ Польшу, весь народъ Русскій пусть будетъ пожалованъ польскими правами и свободами, и проч. Но съ другой стороны, многіе Поляки считали соединеніе Поляковъ и Москвитянъ невозможнымъ, „ибо чтобъ они оба ужились, потребно содѣйствіе Духа Святаго“²⁾.

¹⁾ Turgenev: *Histor Russ. Monum.* II, 166; Костомаровъ: *Смутное время*, I, 323. Тогда готовился союзъ Польши и Московской Руси противъ Турокъ. (Turgenev, II, 103, 115; *Акты Зап. Россіи*, IV, 251).

²⁾ Письмо королю Сигизмунду Московскимъ боярамъ 1610 г. (Временникъ I, смѣсь 35); Записки гетмана Жолневскаго о Московской войнѣ (108); *Pisma 261-*

Соединеніе обоихъ государствъ не осуществилось и тогда, преимущественно по поводу разницы вѣроисповѣданій: Владиславъ не занялъ Московскаго трона. Но не смотря на всѣ долготѣнныя враждебныя дѣйствія между Поляками и Русскими, въ Польшѣ осталось и въ слѣдующихъ годахъ желаніе видѣть Владислава царемъ русскимъ, желаніе, чтобы „польскій орелъ и Московскій коршунъ летали вмѣстѣ и сѣли на одномъ деревѣ“; тогда оба примиренные народа могли бы сообща обратиться противъ Турокъ и освободить христіанъ изъ неволи. Представители обоихъ государствъ въ послѣдствіи нерѣдко совѣщаются, „какъ и чѣмъ унять кровь христіанскую и обоимъ великимъ христіанскимъ государствамъ и народамъ оставить всякую недружбу, и жить съ собою въ пріязни, согласіи и братской любви во вѣки нерушимо“, такъ чтобы и ихъ друзья, и враги особенно Турки и Татары, узнали, что „оба эти народа ради общаго добра слились въ одно и то же тѣло“¹⁾. И когда, наконецъ, оба государства заключили (1634 г.) вѣчный миръ, предложены были тѣ же самыя условія, какія предлагали польскіе послы царю Борису Годунову, и первая статья гласитъ опять: быть „въ вѣчной, нераздѣльной любви братской, яко люди одное вѣри христіанское, одного языка и народа словенскаго“; опять предлагаются „двойстыя коруны“, и вообще тѣснѣйшій союзъ обоихъ „славныхъ, широкихъ и великихъ государствъ“, и въ случаѣ смерти того или другаго государя — соединеніе обоихъ государствъ въ одно. Обо всемъ этомъ польскіе послы желали уговариваться „въ любви по братерску“; но дѣло не состоялось, такъ какъ послы Московскіе не приняли этихъ предложеній)²⁾.

Объ общемъ происхожденіи обоихъ сосѣднихъ государствъ, краснорѣчиво заговорилъ новому царю Алексѣю Михайловичу польскій

---

kiewskiego (103). Срвн. Костомарова, Смутное время III, 69, и II, 147; Marchocki: Historia wojny moskiewskiej 163; Palczowski Kołęda Moskiewska (1609 г.); Соловьевъ И. Р. VIII, 350. Замѣтить, что съ другой стороны, нѣкоторые недовольные Поляки въ 1605—1606 гг. намѣревались пригласить Дмитрія на польскій тронъ. (Костомаровъ I, 302).

¹⁾ Срвн. стихотворенія Масковскаго (Zbiór rymów 1622 г. II, 66—70), переговоры польскихъ и русскихъ пословъ подъ Смоленскомъ 1615 г. (Акты Зап. Россіи, IV, стр. 469, 491, 498; срвн. 315, 436 и др.), записку Владислава 1617 г. (Turgenew, Hist. Russ. Monum. II, 410) и др.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рос. IX, 239; Малиновскій: Ист. доказат. 54, 240. Срвн. оду Сарбевскаго (lib. V, ode 17) къ канцлеру Задену, заключившему этотъ миръ Подановскій.

посоль; наставникъ Киевскій, православный панъ русскій, Адамъ Кисель (1646 г.). „Великое-королевство Польское съ великими княжествами своими“, говорилъ Кисель, — „и великое-государство Русское, какъ два ведра ливанскіе отъ одного варня, создалъ десница Вседержителя Господа отъ единой крови славянскои и отъ единого языка славянскаго народа; свидѣлствуютъ о томъ греческіе и латинскіе: лѣтописцы и историки. особенно истинный свидѣтель есть самъ языкъ, обоимъ великимъ государствамъ, какъ единому народу, общій и непремѣнный. Поэтому вамъ, великимъ государямъ, и намъ всѣмъ, обонимъ великимъ государствамъ жителямъ, отъ единой славянскои крови происходящимъ, свидѣлствуютъ слова, Духомъ Святымъ реченныя: коль добро и коль красно еше жити братиіи вкуи! Сему бороводковенному указанію послѣдствуя, блаженной памяти великій государь царь Михаилъ Ѳеодоровичъ закрѣпилъ союзъ вѣчнаго братства съ великимъ государемъ паномъ моимъ. Съ того времени звѣзда смутнаго разрыва, кровопролитія и междоусобной брани погасла; наступило и сіяеть незаходимое солнце вѣчнаго мира, дружбы и любви братскои!“ Такія же дружескія отношенія между обонимъ государствами, надѣялся посоль, — будутъ навѣрное и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Кисель предложилъ царю и боярамъ дѣленіе славянскои исторіи на три періода: „1) счастливый, когда Славяне, чрезъ соединеніе силъ своихъ, по всему свѣту славялись; Римъ старій и Римъ новій свидѣлствуютъ о дѣлахъ храбрости славянскои; 2) вѣкъ несчастный, вѣкъ междоусобной брани, когда Славяне, разлучившись другъ отъ друга, многообразнымъ разореніемъ и кровопролитіемъ братскую любовь растеряли; въ это время многими вотчинами народовъ нашихъ чужіе народы и поганскіе овладѣли; 3) теперь Божьей милостію третье время настало: время вѣчнаго союза и братскои любви величества нашихъ и обонимъ государствъ, какъ-бы возвращеніе въ первый чинъ единородствія и единодружныя любви“¹⁾.

Эти прекрасныя слова и остались только словами. Вреия вѣчной братскои любви между обонимъ славянскими народами еше не настало. Напротивъ того, оба государства, Польское и Русское, всворѣ вновь

¹⁾ Словесень Ист. Росс. X, 138. (По свидѣтельству Малиновскаго (предисловіе къ 2 т. его изданія: *Zgodnia do dz. pol.*) существуетъ дневникъ объ этомъ посольствѣ Киселя, но не знаемъ, гдѣ онъ теперь находится). Два года спустя Кисель пишетъ примацу (31-го мая 1648 г.), что царь вслѣдствіе «заключеннаго братскаго нмъ союза» посылаетъ 40,000 войска противъ Татаръ (Памятникъ Киевск. комисс. III, 33; Michałowski: *Księga pamiętnicza* 28).

враждебно столкнулись по поводу возстанія Хмельницкаго. Уже въ самомъ началѣ возстанія казацкій гетманъ заявилъ желаніе, „чтобы православный царь Алексѣй Михайловичъ былъ и Ляхамъ, и намъ государемъ и царемъ, чтобы Ляхи за вѣру нашу съ нами больше биться не помышляли“¹⁾.

Къ той же самой мысли обнаружили склонность нѣсколько лѣтъ спустя и сами Поляки. Тѣснимая со всѣхъ сторонъ врагами, Польша сама увидѣла одно спасеніе для нея въ соединеніи съ Русскимъ царствомъ и въ избраніи царя Алексѣя Михайловича въ короли польскіе. Объ этомъ толковалось уже въ 1656 году въ переговорахъ Поляковъ съ царемъ, которые велись при посредничествѣ императорскихъ пословъ у Вильны. Послѣднимъ не понравился проектъ избранія русскаго царя въ польскіе короли, такъ какъ они уже думали объ избраніи какаго-нибудь Габсбурга. Но сами польскіе комиссары сказали тогда Московскимъ боярамъ, что „намъ цесарева племени австрійскаго дома короли уже наскучили. Какъ у насъ государствовало потомство Ягайла короля, то мы благоденствовали, а когда начали у насъ быть короли нѣмецкой природы, то мы отъ ихъ потомства теперь мало что не нищіе; и государству своему видимъ запустошеніе. Цесарскіе послы рады не соединенію, а разорванію между нами. Такъ мы и станемъ между собою говорить о добромъ дѣлѣ“. Польскіе комиссары выразили надежду, что между обоими государствами установится „братская дружба и любовь, вѣчное докончанье и миръ и неразорванный покой“, и что сбудется ихъ „вѣчное соединеніе“. Польскій посолъ отправленный отъ Вильны въ царю, Борсакъ, поздравлялъ „обраннаго короля польскаго и великаго князя литовскаго“, благодарилъ Бога за это событіе, и отъ имени Рѣчи Посполитой объявлялъ вѣрное подданство. Съ другой стороны, самъ царь Алексѣй обрадовался этому избранію въ короли польскіе и велѣлъ по этому поводу отправлять во всѣхъ церквахъ Московскихъ молебствія²⁾.

Дѣло должно было рѣшиться на слѣдующемъ сеймѣ, на которомъ—по словамъ Корсака—„единакими гласы завоеванную ту коруну, которую Богъ на благоговѣйную главу вашей царской милости полагаетъ, съ коруною польскою и княжествомъ Литовскимъ счастливе бы вложили“. Но съ созваніемъ сейма въ Польшѣ долго ме-

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Росс. X, 229.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Росс. X, 415, XI, 45. Срв. Малиновскій: Ист. доказат. 59. 245.

длила, и только года через полтора король Польскій Іоаннъ-Казиміръ универсаломъ (19-го мая 1658 г.) созвалъ сеймъ въ Варшаву, на которомъ должны были упрочиться и установиться непрерывный миръ и крѣпкій союзъ и соединеніе съ княземъ и съ сосѣднимъ народомъ Московскимъ, который происходитъ отъ одной и той же съ нами крови и источника славянскаго рода и вѣрой, языкомъ и обычаями лишь мало отличается, въ смущеніе сосѣдей, завистныхъ всему славянскому имени“ и надѣется, что осуществится „это необходимое и для широко распространеннаго славянскаго имени славное дѣло.“ Этими дѣломъ интересовались въ Польшѣ еще цѣлый годъ спустя. Поляки видѣли въ этомъ предстоящемъ соединеніи Россіи и Польши въ одно государство предзнаменованіа всемірнаго его господства. Необыкновенны причины этого слиянія двухъ сильнѣйшихъ народовъ Сармаціи—разсуждаютъ они; первое—славянское происхожденіе обоихъ, сходные нравы и обычаи; если между ними и существуетъ нѣкоторая разница вѣроисповѣданія, то она не такъ важна. Еще на сеймѣ Варшавскомъ (1659 г.) разсуждали о большой пользѣ соединенія Россіи и Польши въ одно государство, такъ какъ „Русскіе и Поляки народы одного племени и мало различны по языку“¹⁾.

Но и этотъ планъ по примѣру всѣхъ предыдущихъ, не сбился, вслѣдствіе различія вѣроисповѣданій и вообще почти невозможнаго соглашенія интересовъ польскихъ и русскихъ. Но, не смотря на то, мысль о добровольномъ соединеніи Польши и Россіи появлялась въ послѣдствіи еще нѣсколько разъ. Такъ, десять лѣтъ спустя (1668 г.), когда король Іоаннъ-Казиміръ намѣревался отречься отъ трона, многіе Поляки—въ томъ числѣ и примасъ-архіепископъ—и особенно Литовцы желали выбрать королемъ царевича Алексѣя Алексѣевича; литовскій канцлеръ, Христофоръ Паць, совѣтовалъ царю послать войско къ границамъ. Въ началѣ 1673 года литовскіе сенаторы угрожали короннымъ, что если Польша не станетъ воевать съ Турками, а будетъ имъ платить подать, то Литва скорѣе поддастся рус-

¹⁾ Kochowski Annal. Poloniae Climacter II, 293, 373, и неизвѣстный авторъ *Historya panowania Jana Kazimierza I*, 346, II, 18; Костомаровъ: Гетманство Выговскаго (Истор. монографіи II, 180). Въ такомъ смыслѣ пишетъ также современный поэтъ польскій, Сам. Твардовскій; онъ утѣшается, что вслѣдствіе избранія царя Польша усилится, и надѣется, что оба соплеменные народа заключатъ подобную Литовской унію, что Русскіе примутъ свободу польскую и церковную унію (*Wojna domowa 1660 г. изд. 1681 г., стр. 211*).

скому царю. Когда въ томъ же году польскій тронъ опять сталъ празднымъ, то польскіе и литовскіе вельможи подумали объ избраніи царевича Феодора, хотя самъ царь Алексѣй заявилъ желаніе быть польскимъ королемъ. Между прочимъ, въ Польшѣ тогда соображали, что „давно тѣ обои народы языкомъ, нравомъ, строемъ себѣ подобны, въ вѣрѣ мало что разны, на единой живя землѣ, безъ раздѣленія моремъ или великою трудностію границъ между собою будучи, при семъ имѣя сосѣдей, по большей части общихъ, и пользы едины могли бы быть стѣною непреодолимою христіанству“. Оба государства, вмѣстѣ съ императоромъ Римскимъ, успѣшно могли бы дѣйствовать противъ Турокъ и распространить свои границы „безъ взаимной между собою обиды“, и „могло бы случиться освобожденіе греческихъ и славянскихъ народовъ христіанскихъ изъ бусурманской неволи“. И когда избранъ былъ въ короли Собѣсскій, то это не понравилось Литовцамъ, и воевода Троцкій, Огинскій, прямо сказалъ русскому резиденту Тяпкину, что „вся Литва отложится совсѣмъ отъ короны и приклонится къ царскому величеству, усмотри время“¹⁾.

Мысль объ общемъ дѣйствованіи Польши и Руси противъ Турокъ и Татаръ приобрѣтала себѣ вообще все больше и больше популярности. На такое общее дѣйствованіе указываютъ сами польскіе послы, прибывшіе въ Москву для подтвержденія Андрусовскаго перемирія (1667 г.). „Надобно обоимъ великимъ монархамъ противъ бусурманскихъ войскъ вмѣстѣ стоять. Непріятель христіанскій, слыша о союзѣ обоихъ монарховъ, испугается, и народы христіанскіе, находящіеся подъ властью басурмана, Греки, Сербы, Болгары, Волохи и Молдаване начнутъ искать освобожденія изъ подъ поганскаго насилія“. Эти слова встрѣтили одобреніе со стороны царя и бояръ²⁾.

Эта мысль повторяется часто. Такъ, польскій посолъ въ Москвѣ, воевода Хелменскій, Гинскій (1671 г.), въ цвѣтистой рѣчи къ царю Алексѣю, развазывалъ, какъ всѣ древніе народы и государства пропали и осталась, съ одной стороны, только Польша, соединенная съ домомъ Австрійскимъ, — „а ваше царское величество заступаете Европу съ другой стороны. Въ предѣлахъ владѣній вашихъ роятся, растутъ, разливаются Донъ, Двина и Волга. Ты побѣждаешь дикихъ

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Росс. XII, 59, 199, 204; Малиновскій: Истор. доказат. 77, 260; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ IV, 295.

²⁾ Соловьевъ Ист. Росс. XI, 251; Relacya poselstwa do W. X. Moskiewskiego odprawienego przez Kaz. Bieniewskiego etc. (Hubert, Pamiętniki histor. I, 90).

наслѣдниковъ Батия и Темиръ-Аксака и защищаешь Европу, зѣнницу вселенныя; ты стремишься въ странѣ, орошаемой Дономъ, дабы и тамъ, въ неживаемой части вселенныя, наложить имя славянское, паче всего улаждаешь неудобства полуночныя милосердіемъ правленія. Оба народа Польскій и Русскій Богъ превѣчный положилъ стѣною христіанства: какой же страшный отчетъ дать долженъ передъ небомъ тотъ, кто дерзнетъ ихъ ослаблять или дѣлать несогласіемъ или дружбою неискреннею!“

Въ такомъ же смыслѣ высказался и польскій подканцлеръ, епископъ Ольшовскій, въ тайномъ разговорѣ съ русскимъ резидентомъ въ Варшавѣ, Тяпкинмъ, когда Русскій царь поздравилъ новаго короля Польскаго, Собѣскаго (11-го іюля 1674 г.). Ольшовскій, сообщивъ Тяпкину, что король желаетъ тѣснаго союза Польши и Россіи противъ Татаръ и Турокъ, продолжалъ: „Если это соединеніе послѣдуетъ, то силами обоихъ народовъ навѣрное прогонимъ Турка до Дуная, потому что мы уже знаемъ, какъ въ битвахъ съ Турками промышлять, только бы при нихъ не было Татаръ, которые нашему народу всегда тажки. А христіанскіе народы, живущіе по Дунаю, Волохи, Сербы, Молдаване, Славяне какъ скоро слышатъ, что царскія войска соединились съ польскими, то сейчасъ же пристанутъ къ нимъ, особенно къ людямъ царскаго величества. Они всякими способами проповѣдываютъ, тайно и явно, какъ бы имъ далъ Богъ, чтобы царское величество съ королевскимъ были въ братской дружбѣ и соединеніи, и тогда немедленно поддадутся обоимъ великимъ государямъ, потому что единовѣрные они христіане не только съ народомъ Московскимъ, но и съ нами, римскими католиками, и хотя есть между нами въ вѣрѣ какое различіе, то несогласія эти произошли отъ гордости папы и греческихъ патріарховъ. Если же войска обоихъ народовъ задунайскія земли у Турокъ отобьютъ, то этимъ самымъ получатъ способъ къ вѣчному покою“.

Тогда доходили въ Польшу слухи, что Румыны, Югославяне и Греки съ нетерпѣніемъ ждутъ соединенныхъ войскъ польскихъ и русскихъ, чтобы сбросить съ себя несносное иго турецкое и поддаться польскому королю или русскому царю ¹⁾. Отъ общаго содѣйствія поляковъ и Русскихъ противъ Татаръ и Турокъ много ожидали пользы

¹⁾ Соловьевъ Ист. Росс. XII, 76, 214; Симбирскій сборникъ (Малоросс. дѣла 1673—1674 годовъ, № 17, 23). Сравни. выше мысли Хорвата Брижанича о союзѣ Польши и Руси противъ Турокъ и Татаръ.

въ Польшѣ при заключеніи вѣчнаго мира съ Россіей (1686 г.). Польскій посоль въ Москвѣ, Гримутовскій, выразилъ тогда желаніе, чтобъ „оба доблестные и славные народы славянскіе радовались своему примиренію и показали свѣту, что у нихъ сабли въ гибель бусурманамъ, и чтобъ соединенныя войска обонхъ государей и народовъ по Днѣпру и по Дунаю наполняли Черное море и водружали на ихъ берегахъ святые кресты“. Подобныя тому мысли высказывала тогда и царевна Софія ¹⁾).

Итакъ, видимъ, что Поляки и Русскіе, не смотря на всю упорную борьбу между собою, не переставали считать другъ друга близкородственными другъ другу по общему своему происхожденію славянскому и часто желали — особенно Поляки — болѣе тѣснаго союза и даже соединенія въ одно государственное тѣло.

Но историческія обстоятельства сложились не въ пользу этого мирнаго соединенія. Напрасно еще въ концѣ XVII вѣка русскій резидентъ въ Польшѣ, Никитинъ, заявлялъ желаніе о добровольномъ соединеніи Польши и Россіи. „Дай Господи“, сказалъ Никитинъ литовскому канцлеру Сапѣгѣ, по поводу завоеванія Азова царемъ Петромъ (1696 года), — „великому государю взять на договоръ не только всю Турецкую землю, но и самое государство Польское и княжество Литовское въ вѣчное подданство привести; тогда вы, Поляки, будете всегда жить въ покоѣ и тишинѣ, а не такъ, какъ теперь, въ вѣчной ссорѣ другъ съ другомъ отъ непорядка своего“ ²⁾).

Но не смотря на это неудавшееся дѣло, въ Польшѣ не переставали сознавать, что въ сосѣдствѣ на востокѣ существуетъ родственное государство, Россія, съ которою слѣдуетъ жить въ мирѣ „по славянскому братству обонхъ народовъ“ ³⁾. Да, Россія считалась, въ случаѣ нужды, иногда и убѣжищемъ Поляковъ. Когда въ началѣ XVIII вѣка гоненіе некаатоликовъ въ Польшѣ достигло высшей степени (1717 г.), и они стали помышлять о переселеніи изъ отечества на западъ въ Пруссію или на востокъ въ Россію, то многіе литов-

---

¹⁾ Źródła do dziejów pol. (wyd. Malinowski i Przewdziecki II, 40; сравн. 47, 34). Гримутовскій говорилъ свою рѣчь на польскомъ языкѣ съ привѣсьемъ нѣсколькихъ русскихъ словъ.

²⁾ Соловьевъ, Н., Ист. Россіи XIV, 234.

³⁾ Сравн. письмо князя Вишневецкаго князю Трубецкому 1733 года. (Соловьевъ, Н., Ист. Россіи XX, 17).

скіе кальвинисты предпочли выселиться въ Россію „ради сходства языка“¹⁾.

3. Польскій языкъ въ сѣверо-восточной Руси.

Знаніе польскаго языка и польской литературы, стоявшей въ XVI и XVII вѣкахъ несравненно выше, чѣмъ литература на всей Руси польско-литовской и Московской того времени,—стало проникать посредствомъ юго-западной Руси и дальше на востокъ, въ сѣверо-восточную Русь. Уже съ первой половины XVI столѣтія польскіе переводы Библии проникали въ смежныя съ Литвой края Московской Руси²⁾. Въ началѣ же XVII вѣка польскій языкъ сталъ часто слышаться въ Москвѣ среди многочисленныхъ польскихъ гостей и вояновъ, прибывшихъ туда съ царемъ Димитріемъ³⁾.

Съ постепеннымъ распространеніемъ разныхъ западно-европейскихъ учреждений и порядковъ, въ Московской Руси въ XVII вѣкѣ распространялось и знаніе польскаго языка и литературы. Русскіе послы въ Варшавѣ уже не отклоняютъ отъ себя желанія познакомиться съ польскимъ и латинскимъ языкомъ, довольствуясь, что они „по милости Божіей держатъ преданный имъ славянскій языкъ твердо и нерушимо“, а сами покупаютъ разныя книги польскія и латинскія. Такія книги находились въ разныхъ бібліотекахъ, царей, Московской академіи и частныхъ лицъ (напримѣръ, Медвѣдева, Матвѣева и др.). Многія сочиненія переводятся съ латинскаго и „славено-польскаго“ языка на „славено-россійскій“, напримѣръ, часть хроникъ Стрыйков-

¹⁾ Письмо кальвинск. епископа на Жюди, Рекуца, къ старѣйшимъ чешскимъ братьямъ Яблонскому (23-го ноября 1717 г.): «propter analogiam linguae będę woleli poјść gaszјj do Moskwy». (Lukaszewicz: Dzieje kościołow wyzn. helwet. w Litwie I, 328). Около того же времени (въ сентябрѣ 1718 г.) польскіе диссиденты обратились къ царю Петру за защитой (Соловьевъ, Ист. Росс., XVII, 287).

²⁾ Еще во второй половинѣ XVII вѣка монахъ Чудова монастыря Евѣніи ратуетъ противъ пользованія библиями польскою и латинскою при исправленіи славянской Библии (Опис. рукоп. синод. библи. II, 3, стр. 413). Вліяніе польскаго языка замѣтно и въ сочиненіяхъ князя Курбскаго; онъ употребляетъ, напримѣръ, такія слова: або, альбо (или), повѣтренный (воздушный, заразительный), пожиточный (полезный), мѣскій (городскій), и др.

³⁾ Димитрій, любя вообще польскіе обычаи, ввертывалъ въ русскій говоръ польскіе обороты и поговорки (Костомаровъ: Смутное время I, 248). Русско-Московскіе послы въ Польшѣ присутствуютъ въ польскомъ театрѣ, слушаютъ польскія проповѣди.

скаго „о Славянахъ и о началѣ Руси“, космографія и хроника М. Бѣльскаго и др.; издаются буквари не только славено-россійскіе письменъ, но и греческихъ, латинскихъ и польскихъ. Польскіе псалтыри въ стихахъ (перевода Кохановскаго) вошли въ употребленіе не только „во всѣхъ странахъ Малдыя, Бѣлыя, Черныя и Червоныя Россіи, паче же во Велицѣй Россіи въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ“, и только позже были переведены и на славяно-русскій языкъ. На всей Руси польская литература XVI—XVII вѣковъ заняла, нѣкоторымъ образомъ, мѣсто юго-славянской прежнихъ временъ. Посредствомъ польской литературы Московскіе Русскіе познакомились со многими произведеніями западной Европы, съ разными сказаціями, съ рыцарскимъ романомъ, новеллами, апофтегматами, фацеціями, театральными мистеріями и представленіями, духовными стихами или „виршами“ и пр. Въ русскихъ ихъ переводахъ встрѣчаются частые полонизмы; въ одномъ сборникѣ духовныхъ стихотвореній рядомъ съ церковно-славянскими „виршами“ помѣщено и много польскихъ, написанныхъ славянскими буквами.

Во второй половинѣ XVII вѣка стали и при дворѣ царскомъ учиться польскому языку: такъ, говорили по-польски царь Феодоръ (воспитанникъ Симеона Полоцкаго) и царица Софія. Лазарь Барановичъ, южно-русь, писавшій стихи по польски, посвятилъ два своихъ поэтическихъ произведенія: «Żywoty świętyck» (Kijów, 1670) царевичу Феодору Алексѣевичу и «Lutnia Apollinowa» (Kijów, 1671) царевичу Іоанну Алексѣевичу. По этому поводу онъ пишетъ царю Алексѣю Михайловичу: „Издахъ же языкомъ польскимъ, яко писахъ въ то время, егда Поляки отъ имени твоего царскаго къ скипетру коруны польскіе молити помышляху, да вѣрчайше союзъ мирнаго соединенія укрѣпятъ. Издахъ языкомъ лядкимъ: извѣстенъ бо есмь, яко царевичъ Феодоръ Алексѣевичъ не точію нашимъ природнымъ, но и лядкимъ языкомъ чтеть книги. Благовѣрному же государю царевичу Іоанну Алексѣевичу книгу „Духовныя струны“ приписалъ; издахъ же языкомъ лядкимъ, вѣмъ бо, яко и вашего пресвѣтлаго величества сигелить сего языка не гнушается, но чтуть книги и исторіи лядкія въ сладость“¹⁾.

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Росс., XIII, 179, 250; А. Поповъ: Обзоръ русск. хронографовъ II, 87 слѣд.; Пыпинъ: Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, 249; Галаховъ: Исторія русской словесности I, 197, 230, 251, 275; Пемарскій: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ I,

Это польское вліаніе на духовную жизнь сѣверо-восточной Руси прекратилось только при Петрѣ Великомъ, который въ своихъ преобразованіяхъ обратился къ непосредственнымъ источникамъ европейской цивилизаціи — въ Германію, Голландію и др. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ не упускалъ изъ виду и польскихъ силъ; такъ напримѣръ, по его призыванію русскій агентъ въ Европѣ, баронъ Гюйзенъ, приглашалъ „на русскую службу офицеровъ, художниковъ, ремесленниковъ и пр., особенно изъ такихъ, которые понимали бы польски или по-чешски ¹⁾).

4. Паженіе Польши. — Соединеніе юго-западной и сѣверо-восточной Руси.

Вслѣдствіе событій второй половины XVIII вѣка, произошелъ между обоими славянскими народами, Польскимъ и Русскимъ, новый бѣдственный разрывъ. Но замѣчательно, что и тогда уже, въ послѣдніе годы существованія Рѣчи Посполитой, большинство Поляковъ, вида неминуемую гибель отечества, усердно желало, чтобъ оставшаяся его часть досталась Россіи, по крайней мѣрѣ, всецѣло, а не по раздѣлу съ Нѣмцами. „Россія и Пруссія“, восклицаетъ на достопамятномъ сеймѣ Гродненскомъ (1793 г.) одинъ Мазовскій депутатъ, — „не одно и то же. Россія происходитъ отъ одного съ нами племени и мало отъ насъ разнится по образу мыслей, обычаямъ и правамъ; въ соединеніи съ Россіей мы, можемъ-быть, увидимъ обоюдное счастье обоихъ народовъ. Но съ Пруссіей мы не сойдемся никогда. Старая пословица говорить: пова свѣтъ свѣтомъ, Полякъ Нѣмцу не будетъ братомъ“ ²⁾).

372; Описаніе библ. Толстаго 334, 365, 370; Описаніе библ. и рукоп. Царскаго б., 193 и пр. Русско-Московскіе послы, переговариваясь въ 1615 году подъ Смоленскомъ съ польскими, приводили также доказательства изъ польской исторіи, о Премыславѣ, Лвшкахъ, Попелѣ и другихъ польскихъ князьяхъ «свещарскаго корня». (Акты Зап. Россіи IV, 497)

¹⁾ Пекарскій I, 92. Попытка писать польскій языкъ русско-славянскимъ письмомъ не ограничилась только духовными стихами; при Петрѣ Великомъ Давидъ Гурчинъ напечаталъ свою польскую пѣснь о побѣдѣ Русскихъ подъ Калишемъ 1706 г. латиницей и кириллицей, въ Москвѣ (Пекарскій II, 133); и приведенная въ одномъ русскомъ хронографѣ грамота Александра Славянскъ изобилуетъ пологизмами (А. Поповъ: Изборникъ изъ русск. хроногр., 440).

²⁾ Костомаровъ: Последніе годы Рѣчи Посполитой (621). Уже въ 1718 году примасъ-архіепископъ заявилъ русскому послу въ Варшавѣ, что Польша желаетъ

Россія не воспользовалась тогда случаемъ присоединить къ себѣ всю Польшу.

О взаимныхъ отношеніяхъ юго-западныхъ Русскихъ съ сѣверо-восточными не станемъ здѣсь распространяться. Общее русское происхожденіе, православная вѣра, культура, письмо и пр. искони соединяли Русскій народъ въ Бѣлой, Малой и Великой Руси, хотя и юго-западные Русскіе (Русины), рано подпавъ подъ власть Польши и Литвы, стали развиваться во многомъ различно отъ своихъ братьевъ въ сѣверо-восточной Руси, или какъ обыкновенно она тогда называлась, въ государствѣ Московскомъ. Посредствомъ юго-западной Руси проникали въ Москву первые зачатки европейской цивилизаціи и преобразования: припомнимъ себѣ только имена Симеона Полоцкого, Славинецкаго, Сатановскаго, Барановича, Гизеля, Яворскаго, Прокоповича и др. ¹⁾ Русско-славянскія книги, печатаемыя во Львовѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ юго-западной Руси, распространялись и на сѣверо-восточной Руси, даже и переводились съ „бѣлороссійскаго на истинный славенороссійскій языкъ“ ²⁾.

Долго пришлось обити частямъ Руси жить порознь. Со второй половины XV вѣка, въ юго-западной, Литовской Руси являютя стремленія присоединиться къ сѣверо-восточной независимой Руси Московской, и государи послѣдней „великіе князи и цари всея Руси“, простираютъ свои притязанія на всю отчину св. Владимира до самыхъ Карпатъ ³⁾. Въ половинѣ XVII вѣка казалось, что вся Бѣлая

быть всегда въ союзъ съ Россіей и царя имѣть протекторомъ, потому что прусскій дворъ болѣе всѣхъ опасенъ Польшѣ. Тогда же и староста Бобруйскій, Сапѣга, говорилъ русскому послу о «природной гордости нѣмецкой и ненасытной хищности Австріи». Когда король Августъ говорилъ нѣкоторымъ польскимъ панамъ о выгодахъ союза Польши съ императоромъ противъ властолюбивыхъ замысловъ Россіи, то паны отключались и толковали между собою, что союзъ и дружба нѣмцевъ имъ подозрительны, и что нельзя допускать короля до разрыва съ Россіей (Соловьевъ, Ист. Росс. XVII, 289—290).

¹⁾ Эти юго-западные Русскіе, призываемые съ юга на сѣверъ «ради наученія Славено-россійскаго народа», часто не совсемъ правились своими «великороссійскими» братьями, которые съ недоверіемъ смотрѣли на «малороссійскихъ» приплывцовъ или «черкасншекъ», привыкшихъ «латинскимъ всякимъ обычаемъ и мудрованію», и честили ихъ прозвищами «сережковъ, лашенковъ (полячишекъ), обливанинговъ». Сравни. уважительное слово патріарха Іоакима (Опис. рукоп. синод. библи. II, 3, стр. 431—435) и письмо Ст. Яворскаго патріарху Адриану 1700 г. (Соловьевъ, Ист. Росс. XV, 120), и др.

²⁾ Рукописи Царскаго 74.

³⁾ Уже въ 1479 г. король Польскій Казиміръ, говоритъ Литовцамъ по ново-

и Малая Русь присоединится къ Великой Руси. Но не состоялась тогда это соединеніе: только заднѣпровская часть Малой Россіи, этого „преддверія Великой Россіи“,—какъ ее называлъ украинскій гетманъ Брюховецкій,—присоединена была къ царству Русскому ¹⁾. Наконецъ, черезъ сто лѣтъ, возвратилась почти вся юго-западная Русь (кроме Галицкой и Угорской) подъ скипетръ государей русскихъ.

V.

Русскіе и Чехи.

1. Слѣдствія о Чехахъ на Руск.

Слѣдить за взаимными сношеніями двухъ народовъ, которые живутъ въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, какъ Русскій и Чешскій, которые наконецъ, развивались каждый своимъ особымъ путемъ, гораздо труднѣе, чѣмъ нарисовать картину взаимныхъ сношеній двухъ смежныхъ и болѣе близкихъ, своимъ историческимъ и культурнымъ развитіемъ, народовъ, какъ напримѣръ, Поляковъ и Чеховъ, или Поляковъ и юго-западныхъ Русскихъ ²⁾. По этой причинѣ очеркъ взаимныхъ отношеній Чеховъ и Русскихъ не можетъ не страдать нѣкоторою неполнотою и отрывочностью.

Мы имѣли нѣсколько разъ случай говорить о сознаніи Чеховъ и Русскихъ, что они одного происхожденія славянскаго; мы видѣли, что это сознаніе являлось въ наукѣ и въ жизни, и что оно даже повело къ интереснымъ спорамъ о томъ, вышли ли Чехи изъ Хорватіи, или изъ Руси.

ду ихъ воинственнаго настроенія противъ Москвы, — чтобы *«partem in Patrie sua ditionis sui que ducatus spem ponere, quos sibi propter disparitatem vitus aperte sponte infestos nossent, nec tam pro victoria Lithuanorum, quam pro ruina, si dimicatio cum Moskwensibus fieret, admisuros. Vera placere visus est et anticipare»*,—замѣчаетъ Длугошъ (II, 589).

¹⁾ Гетманъ Мазепа обязался (1687 г.) «народъ малороссійскій всякими мѣрами и способы съ великороссійскимъ народомъ соединять и въ неразрывное и вѣрное согласіе приводить супружествомъ и иными поведеніемъ». (Маркевичъ: Ист. Малороссіи III, 315).

²⁾ Чехи и Мораване примыкаютъ къ Русскимъ (въ Угрии и Галиціи) посредствомъ Словаковъ; но эти ближайшіе родственники Чеховъ и Мораванъ развивались, со времени паденія великой Моравіи, нѣсколько иначе и составили во многомъ отдѣльное цѣлое.

Итакъ, знали и Чехи, что у нихъ родные братья не только на Днѣпрѣ, но и дальше на востокѣ на Волгѣ, на Кавказѣ и Уралѣ: знали и Русские, что Чехи и Моравы часть тѣхъ же самыхъ Славянъ изъ которыхъ вышли и Днѣпровскіе Поляне, Древяне, Дреговичи, Сѣверяне и другія племена, принявшія потомъ названіе Русь, что „бѣ единѣ языкѣ словѣнскѣ... Моравы, Чеси и Ляхове и Поляне, яже нынѣ зовомаы Русь“. Еще въ позднѣйшіе вѣка мы находимъ Хорватовъ, Лучанъ, Дулѣбовъ (Дудлебовъ), Волянчанъ, Нетоличей, Стадичей, Кіевъ, Бѣлградъ, Вышеградъ, Луку или Луки и пр. не только въ Татрахъ и по Днѣпру, но и въ горахъ Креконошскихъ и на берегахъ Лабы и Волтавы.

Мы видѣли, что Славяне не сберегли своего народнаго единства, и что подвигъ славянскихъ апостоловъ Константина и Меѳодія соединить посредствомъ одного вѣроисповѣданія, письма и языка всѣхъ Славянъ, западныхъ, южныхъ и восточныхъ, не удался вполнѣ: западные и частью южные Славяне отдѣлились, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, отъ приготовляемаго единства религіознаго, а слѣдовательно, и культурнаго, и стали развиваться иначе, чѣмъ восточные и юго-восточные Славяне.

Этотъ фактъ, что главная дѣятельность обоихъ славянскихъ апостоловъ происходила въ областяхъ чешско-моравскихъ, остался навсегда извѣстнымъ въ русскихъ земляхъ. Искони извѣстно было на Руси, что въ земляхъ моравскихъ князей Ростислава, Святополка и Коцела „первое преложены книги Моравѣ, яже прозва ся грамота словѣнская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ“. Дѣятельность славянскихъ апостоловъ у западныхъ Славянъ въ Моравіи, Панноніи, въ Лахахъ и въ Чехахъ извѣстна была на Руси особенно по ихъ жизнеописаніямъ, составленнымъ ихъ учениками еще въ Моравіи. Эти жизнеописанія читались и списывались на Руси съ древнѣйшихъ временъ; ими пользовались и ихъ дополняли русскіе лѣтописцы.

Кромѣ дѣятельности славянскихъ апостоловъ, Константина и Меѳодія, у западныхъ Славянъ, знали на Руси и жизнеописанія другихъ святителей и дѣятелей западо-славянскихъ въ первыя времена введенія христіанства. Такъ, напримѣръ, были на Руси распространены до позднѣйшихъ вѣковъ жизнеописанія: чешской княгини Людмилы „отъ земли Сербскіи, дочери князя Сербскаго“, сказаніе „о Боривовѣ, князѣ Муравскомъ“, жизнеописаніе пустынника Ивана королевича Хорватскаго, съ которымъ встрѣтился Боривой, князь Маворскій (то-

сть, Моравекій), христіанинъ греческаго закона; два .важные жизнеописанія св. Вячеслава, чешскаго князя и пр. ¹⁾).

Таковыми жизнеописаніями чешскихъ дѣятелей и князей, изъ которыхъ Вячеславъ и Людмила причислены и православною русскою церковью къ лику святыхъ,—сохранялись и распространялись историческія знанія о государствѣ и народѣ Чешско-Моравскомъ. По нимъ знали на Руси хотя немного о судьбахъ нѣкоторыхъ чешско-моравскихъ историческихъ лицъ; изъ такихъ жизнеописаній узналъ русскій читатель о князьяхъ Ростиславѣ, Святоволиѣ, Коцелѣ, Боривоѣ и его женѣ Людмилѣ, князѣ Воротиславѣ, его женѣ Дорогомири и ихъ сыновьяхъ Вячеславѣ и Болеславѣ; узналъ о землѣ чешскихъ Хорватовъ, о городахъ чешскихъ и моравскихъ, о „славномъ градѣ Прагѣ, Болеславѣ, Вудчѣ, Тетинѣ, о многихъ церквахъ въ этихъ городахъ, о разныхъ древнеславянскихъ обычаяхъ, сохранившихся на Руси гораздо дольше, чѣмъ въ Чехіи, напримѣръ, о „постригахъ“ чешскихъ князей, о ихъ сажаніи на „столъ огонь и дѣдень“, о ихъ военныхъ и грахъ и пр.

Эти историческія свѣдѣнія на Руси о жервяхъ христіанскихъ дѣтеляхъ у западныхъ Славянъ дополнялись другими русскими литературными памятниками, особенно лѣтописями, хронографами и космографіями; въ хронографы и космографіи вошли извѣстія о Чехахъ посредствомъ польскихъ источниковъ, особенно „чешской хроники“ Н. Бѣльскаго. Изъ нихъ узнали Русскіе и древнія мѣстныя преданія чешскія, читая „о началѣ государствъ Польскаго и Чешскаго“, основанныхъ двумя братьями Чехомъ и Ляхомъ которые пришли изъ славянскихъ земель, „о Крогѣ, королѣ польскомъ, иже отъ племени Чехова“, и пр. Оттуда жъ узнали они и о грамотѣ Александра Великаго, данной „славному и храброму словенскому народу“. Въ русскихъ космографіяхъ описывается также „Чешское королевство и Моравская земля“; стольные города въ нихъ Прага на рѣкѣ Волтавѣ и Оломуцъ на рѣкѣ Моравѣ; Чехи — народъ храбрый и гордый, льву подобный, „зымъ и мусть словенскій подобенъ польскому; прежде имиху особнаго краля; вѣроу ннѣ заблудили, да у нихъ есть не только панешники, но и Гусати отъ еретива Яна Гуса“, и пр. ²⁾.

¹⁾ Эти жизнеописанія, прологи, службы и пр. часто изданы, послѣдній разъ въ *Fontes rer. bohém. I*. Сравн. опис. рукоп. Румянцевск. муз. 778. рукоп. Царскаго 330, *Rad jugoslav. akad XXI*, 134. Сравн. выше стр.

²⁾ Поповъ: Изборникъ изъ хронографовъ русской редакціи 131, 138, 491 и

Изъ своихъ лѣтописей Русскіе знали, что ихъ князья, особенно юго-западной Руси, Галичской и Волынской, не разъ сносились съ чешскими князьями и дружески и враждебно, и что чешскіе полки часто бывали въ русскихъ земляхъ. По мнѣнію Русскихъ, вѣсти о славныхъ подвигахъ ихъ князей доходили не только до Грековъ, Угровъ и Ляховъ, но и до Чеховъ и до Моравы: такъ вѣсть о побѣдахъ князей надъ Половцами, такъ и вѣсть о сраженіи Куликовскомъ ¹⁾.

Изъ своихъ лѣтописей Русскіе узнали, что князь Святославъ Владиміровичъ, гонимый Божіимъ гнѣвомъ, прибѣжалъ въ пустыню „между Ляхи и Чехи“ и здѣсь „испроверже алѣ животъ свой“; что въ этомъ же самомъ Чешскомъ лѣсѣ и Владиміръ Мономахъ ходилъ четыре мѣсяца, находясь въ Ляхахъ. Вѣсть о злой кончинѣ братоубійцы Святослава „между Ляхи и Чехи“ вкоренилась глубоко въ памяти народа Русскаго въ южной и въ сѣверной Руси и осталась въ ней долго, когда тамъ давно уже забыли настоящее значеніе словъ „между Ляхи и Чехи“, придавъ имъ совсѣмъ другое значеніе: въ давнихъ Новгородскихъ колоніяхъ, Двинской землѣ и Заволочьѣ, въ нынѣшней Архангельской губерніи, до сихъ поръ извѣстная, но въ первоначальномъ своемъ значеніи уже совсѣмъ непонятная для народа поговорка „между Чахи и Ляхи“ значитъ такъ и саякъ, ни дурно ни хорошо, безъ работы, безъ дѣла ²⁾.

Событія въ Чехіи, особенно позднѣйшихъ временъ, доходили до русскихъ земель часто въ довольно искаженномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, очень вѣроятно, что если не вся шляхта польская, то по крайней мѣрѣ значительная ея часть, приняла гербы отъ Чеховъ, и что подобно тому, и литовско-русская шляхта приняла гербы отъ польской (на сѣздѣ Городельскомъ, 1413 г.). Но эти факты одинъ литовско-русскій лѣтописецъ передѣлалъ по своему; онъ разгазываетъ, что на сѣздѣ императора Сигизмунда, короля Владислава и великаго князя Витовта въ Луцкѣ (1429 г.), первый совѣтовалъ литовскимъ панамъ, чтобъ они обратились съ польскими посредствомъ гербовъ. „И цесарь тежъ почалъ паномъ литовскимъ мовити, ижъ панови лянціи не могли иначе въ покою вчинити межи крелевствомъ ческимъ и польскимъ,

пр.; Опис. рукоп. Румянцев. муз. 767, 773. «Исторіи словенскіи или чески» были и въ рукахъ вышеупомянутого Зах. Копытенскаго (1621 г.).

¹⁾ П. С. Р. Л., II, 3, Слово о полку Игоревѣ, Задонщина (издан. Эрбема 10, 62).

²⁾ П. С. Р. Л., I, 63, 85, 103. Опытъ областного великорусск. словаря, 112.

а зажды межн тми кролевствы вальки бывали, а такъ панове лян-кин зъ паны ческми тмъ збратилса, ижъ гербы себе ляхове побрли у пановъ ческыхъ, и коли гербы побрли, а тмъ ся збратли и отъ тых же меств вальва межн нми перестала, и въ покою межн себе живутъ“. Тотъ же самый лѣтописецъ думаетъ, что въ сраженіи подъ Грюнвальдомъ или Танненбергомъ „гетманъ былъ найвышій во войску Ягайловомъ панъ Соколъ Чехъ“, и обширно разказываетъ о мнимои войнѣ и о переговорахъ королей Чешскаго Юрія (Ирива) и польскаго Казимира, къ которому послали „Вроцлавляне и Слезаци, просячи, абы въ нихъ господаремъ зосталъ, а одъ Ирива короля чесаго абы ихъ вборонилъ“, и пр. ¹⁾.

Наконецъ, Чехія нашла себѣ дорогу и въ народныя сказанія и сказки русскія. Въ сказаніи о смерти Батяя является Влаславъ или Владиславъ, король Уграмъ, Чехамъ и Нѣмцамъ и всему поморью, тайный приверженецъ православія, который, осаждаемый въ Варадинѣ, убиваетъ Батяя. На Руси знали сказку „о Василіѣ королевичѣ златовласомъ чешскія земли“ и „повѣсть умилительную о Брунцвикѣ, королевичѣ чешскія земли“, о его приключеніяхъ и борьбѣ съ разными „потворами“. Последняя сказка навѣрное взята прямо изъ Чехіи, гдѣ она съ давнихъ временъ и до сихъ поръ одна изъ любимыхъ книгъ простаго народа ²⁾.

Итакъ, искони и всегда было извѣстно на Руси сѣверо-восточной — Московской и юго-западной — Польско-Литовской, не только, что „бѣ единъ языкъ словѣнскъ, и Морова, Чеси и Ляхове, и Русь“, но и что „Чехове суть люди на западѣ слонца на горахъ, люди дощепны, мало отъ рускаго языка отторгнены, а Русь есть люди близки ричи свое языка чеса“ ³⁾.

Во всѣхъ этихъ русскіихъ памятникахъ, съ древнѣйшихъ временъ

¹⁾ Pomniki do dziejów litew. (Быховецъ), wyd. Narbutt, 40, 43, 58—61.

²⁾ Сказаніе о смерти Батяя (Никоновск. лѣт. III, 27, Воскрес. лѣт. II. С. Р. I. VII, 157), хронографъ изд. Попова 44); сравн. Соловьева Ист. Россіи IV, 364); Пыпинъ: Очеркъ литер. исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскіихъ 223—228 (сравн. рукоп. Царскаго 23, 554). Русскій переводчикъ романа «Аполлонъ король Тирскій» пользовался, вѣроятно, и чешскимъ переводомъ, какъ видно изъ употребленія словъ: краль, крадевичъ, крадевна (подлѣ король и пр.), хладничекъ. (Сравн. Тихонравовъ: Лѣтоп. русск. лѣт. I, Časopis Česk. Mus. 1864).

³⁾ Въ предисловіи къ червоно-русскому переводу Вислицкаго статута изъ первой половины XV вѣка, напечаталъ (съ ошибками) Wiszniewski, Hiss. lit. pol. VIII, 442.

до XVII вѣка, встрѣчаются только славянскія названія земель, рѣкъ и мѣстъ западо-славянскихъ; вездѣ есть только Чехи, Моравы, Угры, рѣки: Волтава, Одра, Писна (Шптына), Опава, Солоная, города: Воротыславль, Опава, Середъ, Глубичичи, Особолога, Насилье, Козлий, Бардугевъ (Бардѣевъ), Зъпишь (Спишь) и др. Такія славянскія названія проглядываютъ даже въ русскихъ космографическихъ и другихъ памятникахъ XVII вѣка, переведенныхъ или передѣланныхъ съ латинскаго или нѣмецкаго языка; наримѣръ, „Богемія сирѣчь Ческое королевство“, „Волтава“, „Одра“ подлѣ „Албисъ, сирѣчь Елва“, „Мишенскіе“ города подлѣ „Мисніа“, „Аустрія сирѣчь Ражуская земля“, „Гунгарія, Венгерская земля“ подлѣ „Угорская земли“, и пр. ¹⁾.

2. Свидѣнія о Русскихъ у Чеховъ.

Чехи, съ своей стороны, тоже всегда знали и сознавали, что на востокѣ, за Польскою землею, есть обширная славянская земля, Русь. Къ нимъ доходили и вѣсти, что эту страну постигло страшное бѣдствіе: Татары завоевали два царства „старый Кіевъ и Новыградъ (то-есть, Владиміръ) пространъ“, и наложили на христіанъ большую дань. Темная вѣсть объ убіеніи внучки князя Михаила Кіевского, у города Середы въ Силезіи, подала чешскому поэту поводъ подумать, что это была дочь татарскаго хана Кублая, который изъ-за этого убійства гранулъ на Европу. ²⁾.

Хотя Чехи и знали, что на Руси живетъ народъ славянскій, но они все-таки, вслѣдствіе своего присоединенія къ западной латинской церкви и вообще къ западной Европѣ, смотрѣли на Русскихъ, какъ на болѣе отдаленныхъ родственниковъ, чѣмъ, наримѣръ, на болѣе близкихъ имъ географически и духовно Поляковъ. Одною изъ главныхъ причинъ этого взгляда Чеховъ на Русскихъ было именно православное вѣроисповѣданіе послѣднихъ, вѣра „русская“.

Такъ какъ между славянскими народами, принявшими славянское

¹⁾ Въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ географическія названія въ чешскихъ и словенскихъ (словачскихъ) земляхъ приводятся обыкновенно по-нѣмецки и по-мадярски; такъ, вышеупомянутыя древнерусскія названія находятся на русскихъ картахъ подъ слѣдующими формами: Богемія, Моравія (лат.), Венгрія (польск.), Мольдау, Одеръ, Цина, Оппа, Шаю, Бреславль, Троппау, Неймарктъ, Леобницъ, Гоценцлоцъ, Насидель, Козель, Вартсфельдъ, Ципвъ. Сравни. русскія космографіи у А. Попова: Изборникъ изъ русск. хроногр. 459.

²⁾ Повесть «Ярославъ Кракедворск. рукоп.; сравни. П. С. Р. Л., II, 177.

богослуженіе, первенствовали Русскіе, то у Чеховъ рано стали называть исповѣдывателей славянскаго богослуженія и православной вѣры Русскими. Уже папа Іоаннъ XIII, дозволяя учрежденіе особой епископіи въ Прагѣ, требуетъ, чтобъ она была латинская, а не по обрядамъ или по селѣ Болгарскаго или Русскаго народа, или славянскаго языка“ (971). И въ самомъ дѣлѣ, Чехи думали позже въ XIII—XIV вѣкѣ, что, „св. Меодій былъ Русинъ, служившій литургію по славянски“, и называли греко-славянское письмо русскимъ (alphabetum rutenicum); въ чешскомъ послѣсловіи такъ-называемаго Сазаво-Эмаузскаго Евангелія, писаннаго въ 1395 году отчасти письмомъ греко-славянскимъ, отчасти „словѣнскимъ“ (глаголицей), первая часть называется книгой русскаго закона, русскаго письма¹⁾.

Кромѣ того, были и другія причины, по которымъ Чехи и Русскіе все больше и больше отдалялись другъ отъ друга: Русь, принявъ христіанство и культуру изъ восточной церкви, стала иначе развиваться, чѣмъ западная и средняя Европа, въ которой примкнули всѣ западные Славяне; эта Европа стала смотрѣть на Русь, какъ на страну, стоящую внѣ ея, стала все больше ея чуждаться, особенно послѣ порабощенія ея Татарами, и наконецъ, смотрѣть на нее враждебно, преимущественно по поводу ея „схизматическаго“ исповѣданія. Римскіе папы, увидавъ что ихъ притязанія на Русскія земли оказываются напрасными, что русскіе князья вовсе не намѣрены повиноваться римскимъ намѣстникамъ Христа, стали не только одобрять враждебные подвиги западно-европейскихъ государей противъ Руси, но и прямо проповѣдывать крестовые походы противъ „схизматическихъ“ Русскихъ, равно какъ и противъ языческихъ Прусовъ, Литвы и Татаръ.

Изъ западныхъ народовъ показались папамъ Чехи, или скорѣе чешскіе государи, выгоднымъ орудіемъ противъ всѣхъ восточныхъ

---

¹⁾ Cosmas (Script. rer. boh. I, 49); Ergben Regesta Boh. I, 29; Далымилъ изд. Ганки 42, Сазаво-эмаузское благовѣствованіе, изд. Ганки 187—188; Нануѣ: Dodavku k Jungmannově Hist. lit. české I, 5. Съ другой стороны, въ русскихъ памятникахъ замѣна слова «словѣнскій» словомъ «русскій» встрѣчается часто; такъ, въ прибавленіи въ паннонскій легендѣ о св. Константинѣ говорится объ изображеніи имъ «русскаго» письма; въ нѣкоторыхъ рукописяхъ той же самой легенды (гл. XVII) вмѣсто «словѣнскимъ» языкомъ» читается «русскимъ» (Сравни. Чтенія 1863, 1864 годовъ). Въ одномъ житіи св. Константина сказано: «се же есть буква словенска и болгарска, еже есть руская» (Опис. рукоп. синодальн. библи. II, 3, стр. 296).

народовъ, которые не хотѣли признавать папской власти. Вѣдь и Чехи смотрѣли на Русскихъ, какъ на „схизматиковъ“, равно какъ и на Гречевъ, Волгарь, Сербовъ (Расичей) и на Босанскихъ еретиковъ. Такъ называетъ ихъ самъ Чешскій король Премыслъ Оттокаръ II въ письмѣ къ папѣ Александру IV (1260 г.) ¹⁾. По желости являть, чешскимъ государямъ открывалась громадная дѣятельность на востокѣ. Папа Урбанъ IV вызываетъ (1264 г.) Чешскаго короля Премысла Оттокара II помогать Польшѣ противъ нападенія Русскихъ „схизматиковъ“, Литовцевъ и Татаръ, ихъ союзниковъ, и по своей апостольской власти, уступаетъ ему въ наслѣдство земли русскія и литовскія, которыя онъ съ Вожею помощью обратилъ бы въ „христіанскую“ вѣру или завоевалъ бы, въ случаѣ, если другіе валолики не имѣютъ на нихъ права ²⁾.

Не удивительно, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ у западныхъ Славянъ, этотъ взглядъ высшихъ церковныхъ властей на отношенія восточной Европы привился и къ чешскимъ государямъ, проникъ и въ чешское общество. Король Премыслъ II пошелъ крестовнымъ походомъ если не на русскихъ „схизматиковъ“ — они были слишкомъ далеко, — то по крайней мѣрѣ, на языческихъ Прусовъ, въ землѣ которыхъ основалъ городъ Кролевецъ ³⁾. Но желаніе подчинить папской власти и остальные восточные народы, между прочимъ и Русскихъ, осталось въ чешскомъ обществѣ и въ послѣдствіи: такъ во второй половинѣ XIII вѣка авторъ одного изъ лучшихъ памятниковъ чешской народной литературы, воспѣвающаго подвиги Александра

---

¹⁾ Script. rer. boh. I. 400; Пулава (Dobner Monum. III, 229); Turgenev, Hist. Russ. Mon. II 348; Emler: Regesta Bohem. et Morav. II 103. Чешскій Пулава переводитъ «schismatici» — rozdvojenci (раздвоенные). Впрочемъ не забудемъ, что эти народы помогали тогда Уграмъ противъ Чеховъ.

²⁾ Turgenev, Hist. Russ. Monum. II, 350; Theiner, Monum. Polon. I, 77. Emler, Regesta Bohem. et Moraviae. II, 176. Папа Александръ IV въ 1257 году поручаетъ монаху Варезоломену изъ Чехіи (fratri Bartholomaeo de Boemia ord. frat. Minor) проповѣдывать слово Божье «у Литовцовъ, Ятвяговъ и Русскихъ и другихъ язычниковъ и схизматиковъ» этихъ странъ; его же назначаетъ онъ и епископомъ Луковскимъ (Emler, Regesta Bohemiae et Morav. II, 52, 57).

³⁾ Въ одной русской космографіи XVII в. сказано: «Кролевецъ городъ, по немецку Княсбургъ (Königsberg) нареченный, который король Чешскій поставилъ» (А. Поповъ: Изборникъ изъ русск. хронографовъ 489). Король Премыслъ хлопоталъ тогда (1268) о возвышеніи епископа Оломуцкаго въ архіепископство, которому принадлежали бы новыя епархіи въ Литвѣ, Галиціи и въ землѣ Ятвяговъ. (Theiner, Mon. Polon. I, 79; Emler, Reg. Boh. et Morav. II, 229).

Македонскаго, просить Бога, чтобы таинъ, какъ побѣдитель Александръ, былъ и чешскій король: тогда бы, навѣрное, вскорѣ Литва, Татары, Бусурманы, Пруссы и „неутвержденные“ (то есть, схизматическіе) Русскіе такъ устрашились, что ухватились бы за крестъ и от казались бы отъ своихъ идоловъ ¹⁾.

Кромѣ тогдашнихъ общеевропейскихъ взглядовъ на Русь, заявило въ этомъ дѣлѣ свою силу на Чеховъ и польское вліяніе. Польша, находясь издавна въ постоянныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ сосѣдними русскими землями, рано стала распространяться на востокъ и, присоединивъ къ себѣ Литву и завладѣвъ цѣлою юго-западною днѣпровскою Русью, стала смотрѣть враждебно на самостоятельную сѣверо-восточную Русь. Религіозная вражда шла здѣсь рука объ руку съ политическою.

Такъ какъ Чехи, отдѣленные отъ Руси особенно Польшею, не могли непосредственно сноситься съ Русскими и между тѣмъ находились въ постоянныхъ, по большей части, дружескихъ сношеніяхъ съ сосѣднею Польшею, то не мудрено, что они очень часто подвергались въ своихъ взглядахъ на восточную Европу вліянію своихъ ближайшихъ сосѣдей и родственниковъ. Этимъ польскимъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснить себѣ многія явленія въ общественномъ мнѣніи у Чеховъ о Руси, особенно восточной.

Мы видѣли, что свѣдѣнія Чеховъ о славянскомъ мірѣ увеличились особенно во время гуситскаго движенія, и что тогда Чехи ближе познакомились особенно съ югозападными Русскими, жившими въ государствѣ Польско-Литовскомъ, съ которыми Чехи входили въ тѣсныя сношенія. Свѣдѣнія Чеховъ о Русскомъ народѣ и о его языкѣ все больше и больше распространялись: доказательствомъ служатъ вышеупомянутые литературные памятники чешскіе: грамота Александра Македонскаго Славянамъ, труды Благослава, Бенешовскаго, Судетскаго и другихъ. Чешскіе историки, космографы и филологи, говоря о разныхъ славянскихъ народахъ, касались, разумѣется, и Русскихъ. Но, какъ уже выше сказано, не рѣдко руководились чужими взглядами, особенно на восточную, Московскую Русь. Такъ, напримѣръ, пишетъ чешскій переводчикъ Мюнстеровой космографіи, Сигизмундъ изъ Пухова, что „народъ Московскій употребляетъ языкъ славянскій, хотя

¹⁾ Vybor z literatury české I, 166.

другими языками такъ смѣшанный и испорченный, что его Славянитъ съ трудомъ понимаетъ“¹⁾).

Больше узнали Чехи о восточной Руси и о „Русакъ и Рушакъ“ (то-есть о Русскихъ и Русинахъ) изъ чешскаго перевода книги Гвабини, которую перевелъ Матей Госіусъ, мѣщанинъ Колинскій²⁾. Издатель этого посмертнаго сочиненія, Даниль Адамъ изъ Велеславина, посвящая его думѣ города Коллина, не сомнѣвается, что она его прийметъ не только какъ грудь любимаго ихъ согражданина, „но и ради его пользы, которая, впервыхъ, относится къ вамъ и къ вашей общинѣ, потомъ и ко всѣмъ соотечественникамъ этой чешской земли. Ибо такъ какъ Москвитяне и Русскіе произошли изъ того же самаго народа сарматскаго, какъ и мы, Чехи, и употребляютъ тотъ же самый языкъ, который мы и другіе народы славянскіе, хотя съ разными отбѣнками, какъ Поляки, Хорваты, Словаки, Сербы: полезно нашимъ Чехамъ это знать и вѣдать, какъ далеко распространенъ ихъ народъ, и что онъ не только въ этихъ странахъ, между черными лѣсами, и отсюда къ Уграмъ и Полявамъ, но и гораздо дальше на востокъ и на сѣверъ простирается, отъ Ледовитаго моря, которое находится далеко за Москвою, до моря Средиземнаго и Адриатическаго, такъ что почти половину двухъ частей свѣта, Азій и Европы, обнялъ и наполнилъ“.

Сѣверо-восточная Московская Русь заинтересовала и другаго чешскаго писателя того времени, Марка Флорентина Биджовскаго, который подробно описалъ войну Стефана Баторія съ Московскою Русью (1579 и слѣд.), жизнь царя Іоанна Грознаго и русское посольство въ Прагѣ 1595 года³⁾.

На Русскія земли обратили вниманіе и чешскіе генеалоги XVI—XVII вѣковъ. При жалкомъ состояніи тогдашней исторической критики, нельзя удивляться, что многіе западно-славянскіе дворянскіе роды производили свое начало если не прямо изъ Ноева ковчега, то, по крайней мѣрѣ, отъ братьевъ Чеха и Лѣха, мнимыхъ основателей Чешскаго и Польскаго государствъ. Подобострастные генеалоги — въ томъ числѣ и извѣстный Варѣ Папроцкій—умножали такія нелѣпости

¹⁾ *Kosmografia česká* (1554 г., fol. 537).

²⁾ М. Novius: *Kronyka Mozkevská* (1590 и 1602, сокращено 1786).

³⁾ Рукопись его «*Rudolphus Rex*» въ универс. библ. Пражской (срвн. *Časop. Česk. Mus.* 1846, I). Размазъ Биджовскаго о русскомъ посольствѣ въ Прагѣ см. ниже.

и даже приводили ихъ въ полную систему. Славный родъ чешско-моравскихъ пановъ Жеротиновъ Папроцкій производитъ отъ русскихъ князей Рюриковичей, именно отъ Олега Святославича (у него называется онъ „Колга“). По разказамъ этого славянскаго генеалога, „Колга“, узнавъ о козняхъ брата своего Ярополка, дослалъ тайно своего сына въ западныя страны на службу князей чешскихъ; такъ какъ „Колга“ часто употреблялъ поговорку „въ своей прирожденной русской рѣчи, иди къ врагу, или предайся врагу (что по чешски толкуется чортъ): по этой причинѣ онъ названъ Врагомъ“. Отъ него происходятъ Враговскіе а отъ нихъ Жеротины. Отъ своего отца получилъ онъ „письмо, золотомъ грамотой (то-есть, русскимъ письмомъ) писанное“, которое его потомки берегли, какъ большое сокровище. Позже пошелъ панъ Плихта изъ Жеротина на Русь, чтобы добиться отъ князей русскихъ подтвержденія этой грамоты, и пр. ¹⁾. Все это, разумѣется, выдумки или Папроцкаго, или Жеротиновъ: по крайней мѣрѣ нельзя доказать связи Жеротиновъ съ какими-нибудь русскими князьями. Но самому Папроцкому нечего удивляться: онъ былъ вѣрный сынъ своего времени, для котораго не существовала историческая критика. Вѣдь, спустя почти сто лѣтъ послѣ Папроцкаго, Калинь изъ Мариенберга издалъ особое сочиненіе, въ которомъ съ большимъ ученымъ аппаратомъ, даже съ приложеніемъ родословныхъ таблицъ и пр., пространно доказываетъ, что изящная кровь древнихъ и могущественныхъ князей русскихъ перелилась въ пресловутый и благородный родъ Жеротиновъ, потомковъ св. Владиміра, именно его сына Изяслава ²⁾.

Если у нѣкоторыхъ чешско-моравскихъ родовъ существовали преданія, основательныя или неосновательныя, о ихъ происхожденіи изъ Руси, то на оборотъ, встрѣчаются и преданія о чешскихъ выходцахъ въ русскія земли. Такъ, напримѣръ, въ 1538 году разказываетъ одинъ чешскій панъ Генрихъ изъ Ризенберга, въ генеалогическомъ очеркѣ своего рода, что сынъ Премысловича Дѣвольты, Брячиславъ (лице не историческое), „женился на дочери князя Вратиславскаго и отправился, съ шуриномъ своимъ, Генрихомъ княземъ Вратиславскимъ, на Русь, завоевалъ ее и поселилъ тутъ своего сына ³⁾“.

¹⁾ Zrcadlo markrabství Moravského, fol. 89; Ogród Królewski, fol. 204.

²⁾ Calin de Marienberg: Virtus leonina etc. (1683).

³⁾ Современный епископъ въ архивѣ Требонскомъ (въ южной Чехіи), Ризенберги, древнечешскіе Дерславичи, производились, безъ основанія, отъ Дѣвольтичей, отрасли Премысловичей, потомковъ князя Дѣвольты (Theobald).

Мы ужь упомянули выше, что вслѣдствіе частныхъ дружелюбныхъ сношеній Чеховъ съ Поляками, польскіе взгляды нерѣдко имѣли влияние на чешскіе относительно Руси, особенно восточной. Кроме того, нельзя забывать, что до Петра Великаго во всей Европѣ смотрѣли на восточную Русь, или какъ ее обыкновенно называли, на Московію, какъ на государство, стоящее внѣ остальныхъ европейскихъ государствъ.

Не удивительно, что и Чехи раздѣляли этотъ общеевропейскій взглядъ на Московію, и будучи подъ влияніемъ польскимъ, смотрѣли иногда на нее также враждебно, какъ и сами Поляки. Такъ, напримѣръ, панъ Ладиславъ изъ Штернберга, наивысшій канцлеръ чешскій, отъ сердца радуется пораженію Москвитянъ подъ Оршею; сообщая изъ Угорскаго Будина (1514 г., 3-го октября) разныя вѣсти наивысшему бурграфу (первому министру) чешскому пану Зденку Льву изъ Рожмиталя, Штернбергъ пишетъ ему и объ этой побѣдѣ короля Сигизмунда, прибавляя, „что навѣрное радуется за короля Польскаго, что Господь Богъ изволялъ ему даровать побѣду надъ этими разбойниками (лотры)“¹⁾.

Не мало повредило Московской Руси въ глазахъ всѣхъ европейскихъ государствъ и царствованіе Ивана Грознаго. Такъ было и у Чеховъ, которыхъ познакомили съ жизнью этого царя Госіусъ и Биджовскій.

О войнахъ между Польшей и Московскою Русью выходили въ Прагѣ разныя печатныя вѣдомости; такъ, напримѣръ, въ 1563 году „Вѣдомости грозныя, страшныя и жалостныя, какъ Непталимъ (sic), великій князь Московскій, его величеству королю польскому съ значительнымъ числомъ войска напалъ на Литовскую землю и поджогами, убійствомъ людей обоего пола, нехристіанскимъ и безстыднымъ плѣненіемъ, завоеваніемъ городовъ и замковъ, большой и значительный ущербъ сдѣлалъ“; въ 1580 году „Объявленіе войны его величества короля Польскаго Мозку (sic), мерзкому врагу и тирану“, и пр. Кочину этого „страшнаго и грознаго тирана“ записалъ и Николай Да-

---

¹⁾ Списокъ въ архивѣ чешскаго музея. Побѣду Поляковъ надъ Русскими «подъ Дубомъ» (вѣроятно, Стародубомъ въ Сѣверцкѣ) 1517 г. праздновали также въ Прагѣ. Польскій воевода Николай (Шидловецкій?), находясь тогда по-слкомъ короля Сигизмунда въ Прагѣ, велѣлъ зажечь огни на Старомѣстской площади; съ башни ратуши трубили трубачи, а студенты пѣли *Te Deum laudamus* (Stáří letop. čestí, 408).

чидкій изъ Геслова въ запискахъ о своемъ времени ¹⁾. Даниилъ Адамъ изъ Велеславина, въ упомянутомъ уже предисловіи къ „Кроникѣ Московской“ Госіуса, коснувшись царствованія Ивана Грознаго, прибавляетъ: „Узнаемъ особенную Божию милость въ томъ, что насъ изволилъ ласково охранять отъ этихъ народовъ, каковы суть Турки, Москвитяне и Татары“.

Вопросъ о родствѣ Чеховъ и Русскихъ получилъ въ началѣ XVII вѣка, какъ мы видѣли, и практическую важность въ тогдашней исторической наукѣ чешской. Нѣкоторые Чехи протестовали тогда противъ мнѣнія, будто бы ихъ народъ происходитъ отъ „варварскихъ“ Русскихъ ²⁾.

8. Взаимныя сношенія Чеховъ и Русскихъ.

Все, что мы сказали о взаимныхъ отношеніяхъ Чеховъ и Русскихъ до начала XVII вѣка, то-есть, до паденія Чешскаго государства, относится, по большей части, къ литературѣ, наукѣ и вообще болѣе къ теоретическому сознанію общаго происхожденія славянскаго Чеховъ и Русскихъ.

Но кромѣ этого, былъ и другой путь узнавать другъ друга: это—непосредственныя сношенія Чеховъ и Русскихъ. Хотя взаимныя сношенія обоихъ этихъ народовъ не могли быть такіа, какъ отношенія двухъ сосѣднихъ народовъ, но все-таки существовали болѣе или мене тѣсныя связи между самими западными и самими восточными Славянами.

Уже при первыхъ князьяхъ русскихъ изъ рода Рюрикова были торговыя связи между Чехами и Русскими: русскому князю Святославу Игоревичу Чехи привозили серебро даже въ Переяславецъ на Дунаѣ. Между многочисленными женами сына Святослава, Владиміра, были и двѣ Чехини, матери Вышеслава, Святослава и Мстислава или Станислава. При Владимірѣ государства Чешское и Русское даже граничили другъ съ другомъ, чешскіе князья Болеславъ I и II распространили предѣлы своего княжества далеко на востокъ въ земли Карпатскія, и князья русской и чешской жили въ мирѣ и въ любви ³⁾.

Во время безпрестанныхъ междоусобицъ русскихъ князей, въ числѣ

¹⁾ Сазор. Сеск. Муз. 1828, II, 87.

²⁾ Сравни: выше стр.

³⁾ П. С. Р. Л., I, 28, 34, 54.

разныхъ помощниковъ борющихся между собою Рюриковичей являются, въ XII и въ началѣ XIII вѣковъ, и чешскіе полки. Они ходятъ подъ Владиміръ Волынской, Галичь, Бѣлгородъ, Кіевъ, даже и противъ Суадаля. Такъ было особенно съ половины XII вѣка, послѣ встрѣчи между великимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ и чешскимъ княземъ Владиславомъ, когда тотъ возвращался изъ второго крестоваго похода черезъ Царьградъ, Кіевъ и Краковъ домой (1148 г.). Между обими славянскими князьями завязались дружескія связи, и Изяславъ называлъ Владислава (Володислава) своимъ сватомъ⁴.

Русскіе полки бывали рѣдко въ чешскихъ земляхъ, по крайней мѣрѣ до половины XIII вѣка: „не бѣ первѣе никоторый князь Рускій воевалъ землѣ Чешскоѣ, ни Святославъ хоробры, ни Володимеръ святой“. Такъ сдѣлалъ только князь Галичскій Даниилъ Романовичъ, выступивъ, какъ союзникъ угорскаго короля, противъ Чеховъ (1253 г.). Вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Львомъ и съ князьями Краковскимъ Болеславомъ и Опольскимъ Владиславомъ, онъ вторгнулся въ Опавскую землю; здѣсь около Опавы, Насилья, Глубичичей и Особологи, соединенные „Русь и Ляхове“ воевали съ Чехами, которыми командовали оба Бенешевича, Андрей и Бенешъ, и Гербортъ изъ Фульштейна. Въ другой разъ воевалъ Даниилъ съ Чехами, какъ союзникъ угорскаго короля, въ сраженіи на Моравскомъ полѣ (1260 г.).

Если Даниилъ Романовичъ ради короля угорскаго и ради славы выступилъ враждебно противъ чешскихъ королей Вячеслава I и Премысла II, то его сынъ, Левъ Даниловичъ, сдѣлался большимъ другомъ Чешскаго короля Вячеслава II. Когда Левъ, участвуя во внутреннихъ междоусобицахъ польскихъ князей и въ ихъ и короля чешскаго борьбѣ за Краковскій столъ, стоялъ (1291 г.) съ войскомъ подъ Краковомъ, „ѣха въ Чехы на снемъ ко королеви, за не любовь держаше съ нимъ велику; и докончавъ съ нимъ миръ до своего живота; король же одаривъ Лва дарми всякими дорогими, и тако отпусти съ великою честью“. Дружбу свою къ Вячеславу показалъ Левъ и въ послѣдующихъ его войнахъ съ польскимъ княземъ Владиславомъ Локеткомъ, сдѣлавъ, вмѣстѣ съ другими русскими князьями, въ пользу Вячеслава нападеніе на Судомірскую землю⁵).

---

⁴) Сравни глгописи Лаврентьевскую, Ипатіевскую и Никоновскую. Извѣстія изъ глгописей русскихъ о взаимныхъ сношеніяхъ Чеховъ и Русскихъ до начала XIV вѣка собралъ Эрбенъ (Сазор. Česk. Mus. 1870, 69). Съ высказаннымъ здѣсь мнѣніемъ о пѣсняхъ Кракедворской рукописи нельзя согласиться.

Итакъ, видимо, что чешскіе князья Премысловичи и русскіе князья Рюриковичи, особенно Кіевскіе и Галичско-Владимірскіе, сносились другъ съ другомъ съ древнѣйшихъ временъ. Эти взаимныя сношенія, разумѣется, не могли быть такими, какъ, наиримѣръ, сношенія Чеховъ съ Поляками, или Поляковъ съ Русскими, но все-таки продолжали хотя кое-какъ поддерживать связи между западными и восточными Славянами.

На отчужденіе чешскихъ князей отъ русскихъ не мало повліяло, кромѣ отдаленности, и то обстоятельство, что чешскій и русскій княжескіе роды почти не сближались между собою посредствомъ браковъ: чешскіе князья женились преимущественно на Нѣмкахъ, Полькахъ и Угорцахъ, а на русскихъ княжнахъ очень рѣдко, вѣроятно — не только по причинѣ большого разстоянія, но и по причинѣ различнаго вѣроисповѣданія. Мы знаемъ только двухъ русскихъ княженъ, вышедшихъ за чешскихъ князей: одна — неизвѣстнаго имени и происхожденія за моравскаго князя берненскаго Вратислава (1132 г.); другая, Кунигунда или Киньба, дочь Ростислава Михаиловича Галичскаго, потомъ угорскаго бана въ сербской Мачвѣ, за короля Премысла Отокара II (1261 г.)¹⁾. Русскому вліянію можно приписать и имя моравскаго князя Оломуцкаго Владимира (1145—1200 гг.), единственнаго члена княжескаго рода Премысловичей того имени. О чешскихъ княжнахъ, которыя выходили за русскихъ князей, — не знаемъ ничего, развѣ только двѣ вышеупомянутыя Чехини, жены Владимира Святославича, были княжескаго рода.

Когда въ XIV вѣкѣ многія русскія земли были присоединены къ Польшѣ, то и Чехи могли ближе и легче сноситься и съ русскими подданными соединенныхъ Польши и Литвы. Взаимныя связи между Чехами и юго-западными Русскими сдѣлались съ тѣхъ поръ болѣе тѣсными и проявились особенно живо во время гуситскаго движенія²⁾.

4. Чешскій языкъ на Руск.

Чехи и Русскіе, находясь въ личныхъ сношеніяхъ, употребляли всякій свое родное нарѣчіе и хорошо понимали другъ друга. Чешскій говоръ былъ слышенъ и понимаемъ у Кіева, Владимира Волынскаго,

¹⁾ Script. rer. bohém. I, 306, 406. Первую лѣтописецъ очень восхваляетъ изъ-за ея красоты. Сравни. также Сазор. Česk. Mus. 1842, I, 23.

²⁾ Сравни. отдѣлъ: Чехи и Поляки.

Галича; русская же рѣчь воиновъ Данила Галичскаго раздавалась и въ Опавской землѣ, и на нее отвѣчали по чешски. Такъ было и позже въ гусятскія и за ними послѣдующія времена, когда чешскіе войны приходили въ Русскія земли, и Русскіе — въ Чехію. Особенно близки Чехамъ были и остаются до сихъ поръ Русскіе въ Галиціи, въ древнемъ Галичско-Владимірскомъ княжествѣ ¹⁾. Лѣтопись этого княжества XII—XIII вѣковъ довольно хорошо знакома съ чешскими отношеніями; она передаетъ совершенно вѣрно и названія чешскихъ городовъ, даже хорошо измѣняя ихъ въ духѣ русскаго языка: такъ, изъ чешскихъ формъ Глубичица, Особлага, Воротьславъ и др. лѣтописецъ сдѣлалъ совсѣмъ правильно русскія Глубичичи, Особолога, Веротьславъ и др. Даже и нѣкоторыя чужія, не славянскія имена измѣнены на чешскій ладъ, если только не приписать это польскому вліянію, таковы: Индрихъ (Генрихъ), Волдрихъ (Удальрихъ), Альжбѣта (Елисавета), Вацлавъ чешскій и др. Подобное тому видимъ и въ другихъ памятникахъ юго-западной Руси, Галичской и Литовской, напримѣръ: „Ганусъ“, „панъ Ольдрихъ“ (въ галичской грамотѣ 1401 года), „панъ Ведрихъ“ (Фридрихъ, бояринъ подольскій, въ грамотѣ 1414—1429 гг., неужели панъ Бедрихъ Острожскій?) ²⁾, названія Австрийцевъ и Силезцевъ, „Ракушане (Ракужане) и Слезаци или Слезане“ въ литовско-русскихъ лѣтописяхъ суть чисто чешскія: „Ракушане, Слезаци или Слезане“ ³⁾. Изъ чешскаго языка перешли въ русскій и нѣкоторыя слова по военной терминологіи, по большей части, конечно, посредствомъ польскихъ: гетманъ, атаманъ, пищаль, пушка и др.

Но мало того. Чешскій языкъ повліялъ и на литературный языкъ русскій, который былъ въ употребленіи въ юго-западной Руси Польско-Литовской, въ юридическихъ и вообще свѣтскихъ памятникахъ и въ духовной литературѣ.

---

¹⁾ Еще ближе къ Русинамъ Словаки, такъ что недавно чешско-словенскій литературный языкъ былъ распространенъ и между сосѣдями Словаковъ, Угорскою Русью. Сравни. Бесѣды 1871, VI, 231.

²⁾ Акты южной Россіи I, № 89, Акты западной Россіи I, № 22. Польское «Тещуп» переименовано одинаково по-русски и по-чешски «Тычинъ—Tičín» (Акты южной Россіи I, № 9, Archiv český III, 18); такъ и «Sandomierz» въ Судомірѣ» и др.

³⁾ «Ракушка» или «Ракошка земля» (то-есть, Австрія) пишетъ и волинская лѣтопись. «Ракушская земля» встрѣчается еще въ русскихъ космографіяхъ XVII вѣка (А. Поповъ: Изборникъ изъ русск. хронографа., 492).

Чешскій языкъ выработался гораздо раньше, чѣмъ польскій и русскій: первый слынкомъ долго, до XVI вѣка, находился подъ властью совсѣмъ чуждаго языка латинскаго; второй, еще до недавняго времени боролся съ церковнымъ, хотя и роднымъ языкомъ, долго не устанавливался.

Если посмотримъ на письменные памятники юго-западной, литовской и польской Руси, XV и XVI вѣковъ, то насъ поражаетъ необыкновенное ихъ сходство съ современными памятниками чешскими, не только относительно словъ, но и цѣлыхъ оборотовъ. Объ исключительномъ польскомъ влияніи здѣсь нельзя подумать, по крайней мѣрѣ до первой половины XVI вѣка, такъ какъ въ грамотахъ, статутахъ и вообще въ публичной письменности польскій языкъ сталъ употребляться только съ конца первой половины XVI вѣка, замѣнивъ господствовавшій до тѣхъ поръ латинскій языкъ; до того времени языкъ польскій рѣдко употреблялся въ письменности, и когда это случалось, то онъ всегда являлся довольно грубымъ, не выработаннымъ, подъ сильнымъ влияніемъ чешскаго языка.

Съ другой стороны, возьмемъ во вниманіе, что чешскій языкъ уже съ конца XIV вѣка и особенно съ начала XV, во времена гуситскія, почти исключительно употреблялся во всѣхъ публичныхъ грамотахъ, и приобрѣлъ себѣ чрезвычайную гладкость и совершенство въ формахъ и въ стилѣ и сталъ извѣстенъ не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ. Мы видѣли, что изъ велико-княжеской литовской канцеляріи выходили даже письма на чешскомъ языкѣ. Это предполагаетъ если не знаніе его литовско-русскими княжескими секретарями, то по крайней мѣрѣ существованіе въ канцеляріи и Чеховъ. Поэтому съ большой вѣроятностью можно предполагать влияніе чешскаго языка на русскій канцелярскій стиль, употреблявшійся въ литовской Руси ¹⁾.

¹⁾ Сходство чешскихъ и литовско-русскихъ памятниковъ еще болѣе бросается въ глаза, если сравнимъ послѣдніе съ современными имъ польскими переводами статутовъ польскихъ и мазовскихъ XV вѣка. Чтобы сравнить чешскій и литовско-русскій языкъ и стиль XV вѣка, приведемъ здѣсь грамоту князя Швитригайла 1424 года (Акты западной Россіи I, № 32) и сопоставимъ ей вѣрный переводъ чешскій такъ, какъ сдѣлалъ бы его какой-нибудь чешскій писарь того времени (Русское : слѣдуетъ читать какъ чешское *h*):

Во имя Божье, аминь. Мы Болеславъ князь Швитригайло, зъ Божьей милости князь Черниговскій и иныхъ, знаемо то чинимъ сими нашимъ листомъ

Ve jméno božie, amen. My Boleslav jinak Švidrǵal, z božie ml̄osti kn̄z Černihovský i jiných, známo to činíme tím našim listem každému dobrému, nynějším

Приведемъ изъ грамотъ и литовско-русскихъ статутовъ XV и начала XVI вѣка нѣсколько словъ и оборотовъ, которыя, такъ-сказать, буквально сходны съ чешскими въ стилѣ того времени, наприимѣръ: „до-свѣдчито, непорушнѣ, предречени, службы наши не были замѣшваны, женское поглавие, вказати, взяти передъ себе, водлѣ жадашья, отпо-вѣдны листы, радни и помощни (помочки), горла не лгууетъ, естли бы его милости Богъ не въховалъ, знаменавъ службу нивколи неомѣшваную, приказалъ и поручилъ, про то жадаемъ, абы твоя милость рачила намъ въ томъ порадити, како быхомъ мѣли брату нашему отповѣдити, было бы преважено и къ вчинку не пришло, кралевское величество слышеть, ажъ бы есте памятовали на присѣги предковъ вашихъ, вѣрнѣ его милости служить, якожь есте и служили, да-ли Богъ, ажъ и до его милости сконанья“, и пр. и пр.¹⁾

Вліяніе чешскаго языка видно и въ духовной литературѣ юго-запад-ной Руси. Съ конца XV вѣка сдѣланы были въ польско-литовской Руси

каждому доброму, выгнанимъ и потомъ будущимъ, сего листу чтучимъ и слу-жающимъ, аже даровали есмо и даемъ слугъ нашему Юркови Козенати на своемъ селѣ на Хватовцѣхъ 50 копъ, русской *личбы*, Браковской, монеты *). А имѣть тое село держати и уживати со всѣми его пожитки и ужитки, што къ нему здавна прислухають, и такожь по немъ его дѣти; а пакъ ли тое пер-ворячево село намъ ся бы слюбило, а любо которому нашему слугъ позво-лиа быхомъ е выкупити, тогда тыхъ 50 копъ имать быти дано слугъ на-шему Юркови, а любо по немъ его дѣ-темъ. А на потвержене сему листу привѣсили есмо нашу печать. А то ся dokonalo у Коломыи, у недѣлю по *усаж-новскыи гласы* **) св. Ивана, подъ гѣ-ты 1424.

i potom budúcim, toho listu čtúcim i poslůchajícím, že darovali sme i dávame sluze našemu Jirkovi Kozeněti na své vsi na Chvatovcech 50 kop, ruského čisla, Krakovské mince (rázu). A má tu ves držeti i užívatí se všemi jejímí požitky i užitky, co k ní z dávna přislušie, i takéž po něm jeho děti; a pakli ta prvé řečeni našemu sluze povolili bychom ji vykúpití, tehdy těch 50 kop jmá býti dáno sluze našemu Jirkovi, a nebo po něm jeho dě-tem. A na potvrzenie tomu listu přivě- sili sme naši pečet'. A to se dokonalo v Kołomyji, v neděli po stěti sv. Jana léta 1424.

¹⁾ Эти слова мы взяли случайно изъ перваго литовскаго статута и изъ Актовъ западной Россіи I. Съ ними сравн. разныя письменности чешскія XIV—XV вѣковъ въ сборникъ Archiv Český.

*) Въ др. гр. (1424 г.) „Краковскаго рѣзу“.

**) Церковно-слав.

попытки замѣнить хотя отчасти старинный церковно-славянскій языкъ мѣстнымъ русскимъ языкомъ. Эти попытки усилились особенно послѣ распространенія реформации въ польскихъ и литовско-русскихъ земляхъ; тогда стали издаваться тамъ русскія книги „людемъ посполитымъ къ доброму наученію“. Имѣлъ ли чешскій гуситизмъ на Руси до этой реформации какіе-нибудь успѣхи—не знаемъ.

Между духовными книгами у всѣхъ народовъ первое мѣсто занимала Библия. Изъ Славянъ полный сводъ Библии является раньше всѣхъ у Чеховъ. Они уже въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка имѣли на своемъ языкѣ три печатныя изданія: Пражское (1488), Кутногорское (1489) и Венеціанское (1506), чего не было тогда еще нигдѣ у другихъ Славянъ. Чешскій текстъ переведенъ по латинской вѣльгатѣ; на первомъ переводѣ (1488 г.) основаны и остальные до второй половины XVI вѣка, только позднѣйшіе издатели все больше и больше исправляютъ текстъ. Чешскими переводами Библии пользовались не только Поляки, но и юго-западные Русскіе, когда сочли нужнымъ толковать Библию народнымъ русскимъ языкомъ. Въ этихъ русскихъ переводахъ встрѣчаются иногда поразительные чехизмы, свидѣтельствующіе, что русскіе переводчики не только пользовались чешскою Библией, но подобно польскимъ, списывали чисто чешскіе слова и обороты.

У Русскихъ докторъ Францискъ Скорина изъ Полоцка первый „выложилъ“ всѣ книги Библии ветхаго и новаго закона „на русскій языкъ“, то-есть, письменный языкъ, котораго употреблялся тогда въ Литовской Руси, съ нѣкоторою примѣсью церковно-славянскаго языка. Большую ихъ часть онъ издалъ въ Чехіи въ Прагѣ, „у славномъ великомъ (старомъ) месте Празскомъ“, въ теченіе 1517, 1518, 1519 гг. (Апостоль въ Вильнѣ 1525—1528). Кромѣ этого печатнаго изданія, — первой печатной книги на русскомъ языкѣ, — сохранились нѣкоторыя части той же самой рецензій и въ рукописяхъ.

При этомъ своемъ русскомъ переводѣ Скорина пользовался особенно чешскою Библией; даже можно предполагать, что онъ переводилъ прямо съ чешскаго текста вѣльгаты, именно по Венеціанскому изданію 1506 года).

*) Экземпляры Библии Скорины чрезвычайно рѣдки. Мы могли пользоваться одной только книгой Іисуса сына Сирахова, которая хранится въ бібліотекѣ чешскаго музея. Заглавія въ Библии Скорины показываютъ, что онъ руководился именно Венеціанскимъ изданіемъ чешской Библии; въ изданіяхъ Пражскомъ и Кутногорскомъ ихъ нѣтъ.

Сравнимъ хотя нѣсколько мѣстъ книги Иисуса Сираха изъ Библии Скорины съ чешскою и съ позднѣйшею Острожскою.

Чешская Библия 1506 года. Библия Скорины 1517 года. Библия Острожская 1581 года.

(Гл. 16). Uprostechni mne synu, a nauč se kázni a rozumu, a slov svých buď pilen v srdci tvém. Послухай сына мой, и научиси наказания и разуму, и словъ моихъ буди пиленъ въ сердци своемъ. Послушан мене чадо и научиси художеству, и на словеса моя внимай сердцемъ своимъ.

(Гл. 18). Jako kamének pieskový, tak jsú malá léta proti věku. Іако камнець песковый, тако мала суть лѣта противъ вѣку. Іако число пѣся тако мала лѣтъ въ день вѣка.

Blázen přikře omílívá a dar nekázaného rozbíjí oči. Безумный пріяро отмоливъ, и даръ ненаказаннаго посмурить очи. Бум исподативъ поносить и дальнѣ завидливаго мучить око.

(Гл. 28). Města hrazená bohatých akazil jest, a domy mohovitých rozkopal. Грады ограженные богатыхъ азакилъ есть, а дома многоможныхъ розкопалъ. Грады тырды разори, и дома велиможамъ разврати.

(Гл. 29). A paklit bude moci oplátiti, ale rozhněvat se: jistinyt ledva polovicí opláti, a počte to jako nálezeček. Пакли же возможесть заплатити первой съпротивитися и истинны ледвы половинну заплатитъ, и почитеть то себя за знайдевое. Аще же възможесть едва полъ принесть, и възвнѣть е іако обрѣтеніе.

(Гл. 31). Ktož zlato mílije, nebudeť spravedliv učiněn, a ktož následuje utrácenie marného, naplněn bude psotú. Кто злато млиже, неоправдится, и кто наследуетъ утрату марную, сей наполненъ будетъ псоты. Люби злато неоправдится, гонни расгланя самъ насытится.

(Гл. 32). Kamének karbunkulový vokrase zlata: a srovnánie hudeb na kvasu vína. Камнець карбункуловый во красе злата, тако и прировнаніе гудебъ на пированніи вина. Печатливъ анараць на манствъ злата, и разуменіе мусниовъ въ питіи вина.

(Гл. 43). V velikosti své položil jest obláky, a zetičieno jest kamenie krupobitie. Въ вѣличестве своемъ положилъ есть облаки, и зотрѣно есть каменіе крупобитія. Величіемъ своимъ угрѣби облаки и съгруши каменіе градное.

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ тѣсно подходитъ русскій переводъ Скорины къ чешскому, принимая даже чисто чешскія слова. Вообще въ Библию Скорины перешло много чешскихъ словъ, формъ и реченій, напримѣръ: безъ похибы (безъ сомнѣнiя), дагница (бутылка), настрой гудебныи (инструменты музыкальные), чародейникъ, небескiй, вофликъ (чаша), рерюха (жерука), покладица (казна), утирадла (полотенце), вынигали (отличались), кдыжь (когда), коналося (совершалось); формы: стоиване, храниване (стоять, хранить), слутуется надо мною (помилуешь меня), обадва грехъ снахали суть (оба грѣхъ совершили), бы пакъ пригодилося (когда случилось), обѣтовати на запалную обѣтъ (приносить жертву въ сожженiе), и пр.

Одинъ переписчикъ того рукописнаго перевода прибавилъ по образцу чешскому и чешское ударенiе (всегда на первомъ слогѣ) и даже иногда и протяжность нѣкоторыхъ слоговъ; онъ пишетъ, напримѣръ: тогда, людiй, рожденнъкъ, трубити вомолишися, принесеши, по всему, на́давали, до́брого, па́того, и пр. ¹⁾

Чешское влiянiе особенно замѣтно въ одномъ руко-русскомъ переводѣ „Пѣсни пѣсней“ начала XVI вѣка. Мы здѣсь встрѣчаемъ чехизмы въ словахъ и въ оборотахъ даже совсѣмъ противъ духа русскаго языка, напримѣръ: межи дцерами (mezi dcerami—дочерьми), боiговали суть (боролись, чисто чешское выраженiе, даже съ древне-чешскимъ правописанiемъ: bogowai zá), витекный (výtečný, отличный), преваль (príeval—проливной дождь), вечерадло (večeřadlo—столовая), заграда (zahrada, садъ), зацветли (zakvetli, зацвѣли), квѣtie (kvietie, цвѣты), противъ кацеромъ а еретикомъ, про стракы ночныи; чисто чешскiя фразы: „аль ся тулять нечочну по стадахъ товаришовъ твоихъ (Острожская Библия: „да невогда буду тако облагающася по стадахъ друговъ твоихъ“), „сздыномъ менимъ у вовехъ Фараоновыхъ прировналъ емь тобѣ, прiетелько моя“ (Острожская Библия: „Кони мои въ колесницы Фараоновъ уладобихъ тя близъ мене“), „Гладыла емь, его же милуетъ душа моя“ (Острожская Библия: „Искалъ, его же възлюби душа моя“), и пр.

Это едва-ли писалъ Русскiй, даже юго-западнiй, привыкшии къ польской рѣчи: переводчикъ былъ, вѣроятно, природный Чехъ или Словакъ ²⁾.

¹⁾ Головацкiй: Нѣсколько словъ о Библии Скорины и о рукописной русской Библии изъ XVI в. (Науковiй Сборникъ галицко-русской Матицы 1865 г.).

²⁾ Основа 1861, № XI, XII. Срвн. Спис. рукоп. свод. библ. II, 3, стр. 763

Но въ теченіе первой половины XVI вѣка вліяніе чешскаго языка на русскій въ юго-западной Руси совсѣмъ уступило польскому. Впрочемъ, чешская Библия оставалась на Руси извѣстною и въ позднѣйшія времена; она была и въ рукахъ переводчиковъ Острожской Библии ¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ Библии и другія чешскія книги расходились на Руси Польско-Литовской и дальше на Руси Московской. Чешскіе издатели не даромъ печатали и издавали свои книги въ пользу „народовъ, которые употребляютъ наипъ благородный и обширный славянскій языкъ“ ²⁾.

О чешскомъ вліяніи на другія явленія общественной жизни юго-западныхъ Русскихъ трудно пока сказать что-нибудь болѣе опредѣленное. Такимъ образомъ, трудно еще рѣшить вопросъ, заявило ли чешское право какое-нибудь вліяніе на сводъ литовско-русскихъ законовъ, или было ли, по крайней мѣрѣ, извѣстно въ Литовской Руси чешское уложеніе, то-есть, земскіе законы (на чешскомъ языкѣ), въ Чехіи первый разъ собранныя, сведенныя и напечатанныя при Владиславѣ Ягайловичѣ (1500 г.), слѣдовательно, раньше, чѣмъ это случилось съ польскими (на латинскомъ языкѣ) и литовскими статутами (на русскомъ языкѣ).

Оставляя рѣшеніе этого вопроса славянскимъ юристамъ, мы укажемъ только на одинъ фактъ, изъ котораго видно, что въ концѣ XV вѣка чешское право было, по крайней мѣрѣ, извѣстно на Литвѣ. Когда въ 1492 году наивысшій маршалокъ литовскій Литаворъ Хребтовичъ вручилъ новозбранному великому князю литовско-русскому Александру обнаженный мечъ, то потребовалъ отъ него, отъ имени всѣхъ пановъ литовскихъ, чтобъ онъ справедливо княжилъ, управлялъ и судилъ „не по обычаю италянскому, чешскому или итѣмецкому, а по истинному литовскому и по примѣру Витовта“ ³⁾.

Итакъ, до XVI вѣка взаимныя сношенія между Чехами и Русскими, преимущественно юго-западными жителями Польской и Ли-

¹⁾ Сія третія книги Магнавскія въ прочіихъ библіяхъ не обрѣтаются, кже въ самомъ томъ словенскомъ, и ни в латинскомъ ни в лискиихъ, тоцію в греческой и в чешкой, но и мы ихъ неоставихомъ. Рукописная чешская Бвблиа изъ первой половины XV в. хранится у купца Лопкова въ Москвѣ. (Срви. статью І. Колара въ засѣданіяхъ чешск. общ. наукъ 1867, 4-го марта).

²⁾ Тамъ чешскія лѣтописи и сказки.

³⁾ Decius: De Jagellonum familia (Стас. 1521, р. 49); отгуда взялъ и Стрѣлковскій (Kronika etc. р. 667).

товской Руси, были довольно живы и являлись въ разныхъ отношеніяхъ общественной иль жизни. Справедливо замѣчаетъ русскій переводчикъ статула Вислициаго, переведеннаго по порученію Ванька Бердеевича, постельна Холмскаго, въ первой половинѣ XV вѣка, что „Чехи мало отличаются отъ русскаго языка, и что Русь рѣчью своею близка языку чешскому“¹⁾. Это знали въ Чехии и на Руси не только въ теоріи, но и на практикѣ.

Этимъ славянскимъ родствомъ Чеховъ и Русскихъ хотѣла воспользоваться и римско-католическая пропаганда между народомъ Русскимъ въ XVI вѣкѣ. Извѣстный іезуитъ Поссевинъ (1581 г.), представляя разныя предложенія для обращенія всего народа Русскаго въ Польско-Литовской и въ Московской Руси въ католицизмъ, совѣтуетъ, между прочимъ, основать семинарію въ Вильнѣ или Полоцкѣ для польскихъ Русскихъ; но которые прибывали бы изъ Москвы, продолжаетъ этотъ іезуитъ, „тѣ пусть посылаются въ Оломуць (въ Моравіи) или въ Прагу въ епископскіи семинаріи, въ которыхъ, вслѣдствіе родства ихъ языка съ русскимъ, легче приобрѣли бы нужныя свѣдѣнія“; дальше совѣтуетъ, чтобъ изъ статей Царьградскаго патріарха Геннадія издали статью о приматѣ римскаго папы и раздавали ее въ коллегіи Ярославской и въ семинаріяхъ Оломуцкой, гдѣ есть нѣсколько Русскихъ, и Пражской, чтобъ чешскіе католики ими пользовались для уничтоженія гуситскаго раскола²⁾.

5. Чехи и сѣверо-восточныя Русскіе.—Русско-Московскія посольства въ Прагѣ.—Чехи въ Московскои Руск.—Петръ Великій и Чехи.

Сношенія Чеховъ съ сѣверо-восточной Великою Русью, или какъ она и у нихъ называлась по примѣру остальной Европы, съ Москвою, не могли быть такія, какъ съ Русью Польско-Литовскою. Причиной того, кромѣ большой отдаленности, было и то обстоятельство, что Москва, съ своими особенностями государственными, общественными и религіозными, долго стояла, такъ-сказать, внѣ остальныхъ европейскихъ государствъ.

Со вступленіемъ династіи Ягайловичей на столъ чешскій и угорскій, чешскіе государи считали интересы польскіе и литовскіе близ-

¹⁾ См. выше стр.

²⁾ Possevin: *Moscovia et alia opera* (Coloniae, 1595, p. 10), также у Туррелева: *Histor Russ. Monum., Supplem.* 36, 39.

кими и себѣ. Такъ было и относительно литовско-московскихъ дѣлъ. Въ концѣ XV вѣка Чехи вмѣстѣ съ Ляхами считаются врагами великихъ князей Московскихъ, и великій князь Литовскій призываетъ чешскаго короля на помощь противъ Москвы не только во имя родства, но и во имя католическаго вѣроисповѣданія, которому угрожаетъ опасность со стороны всей православной Руси, Литовской и Московской¹⁾.

Съ XVI вѣка Москва, однако, начала входить въ болѣе близкія и частыя сношенія съ Европой, особенно съ Римскими императорами, по поводу общихъ дѣйствій противъ Турокъ.

Такъ какъ тогда императоры римскіе были вмѣстѣ съ тѣмъ и королями чешскими и угорскими, съ столицей въ чешской Прагѣ, то русско-московскіе послы стали являться и въ Прагу къ императору и королю чешскому и угорскому, въ „Чешскую землю“, въ „Чешское государство“, а еще не въ „Богемію“. Такимъ образомъ, Чехи и представители восточной Руси вошли въ болѣе близкое соприкосновеніе. Русскіе послы, сходясь съ Чехами, съ чешскими министрами и панами не только официальнымъ образомъ, но и частно, за обѣдами и пр., навѣрное говорили съ ними и безъ помощи нѣмецкихъ толмачей, на своемъ языкѣ. Чешскимъ вліяніемъ можно объяснить разныя названія въ донесеніяхъ пословъ, навримѣръ: „Раковскій“ или „Ракузскій“ (австрійскій), „Слезская земля“ (Силезія), „Матіангъ“ (Матвѣй), „Вилимъ“ (Вильгельмъ) и проч.; титулъ императора всегда „король чешскій и угорскій“, а не „богемскій и венгерскій“. Въ одножъ донесеніи Московско-русскіе послы, отправленные къ императору римскому, описываютъ путешествіе (1583 г.) изъ „Оломонца въ Муравской землѣ“ (Оломуць въ Моравѣ) въ Чехію „на Литомышль, цесарева канцлера Вратислава Перстена (то-есть, Пернштейна), а отъ Литомышля... къ Мету (то-есть, Мейто, какъ Чешскій простой народъ до сихъ поръ называетъ городъ Высое Мыто)... къ Пардовицамъ (Пардубице), къ чешскому стольному городу, къ Прагѣ“, гдѣ „боркграфъ воевода Вилимъ Розберкъ (то-есть, наивысшій бургграфъ или пуркграбе Вильгельмъ изъ Розенберга) и канцлеръ Вратиславъ Перстенъ“ послали къ нимъ трехъ нѣмцевъ и пр.²⁾

Въ донесеніи 1595 года послы описываютъ аудіенцію у импера-

¹⁾ Акты Западной Россіи I, № 188. Сравни. выше стр.

²⁾ Памятникомъ дипломат. сношеній древней Россіи съ державами иностранныхъ I, 866.

тора и короля Рудольфа. Ихъ встрѣтилъ къ императору; при немъ стояли „цесъ Волфъ (то-есть, Волкъ) Розенбергъ, болъ Чешскомъ королевствѣ, Адамъ Шнейгаубъ гѣмекки Neuhaus), чешскій королевскій (то-есть, Янъ изъ Вальдштейна), чешскій лей (то-есть, наивысшій номорникъ), и есть, Вячеславъ изъ Ричанъ), чешскій придворный) судья, Хриштофъ Попель (Христофоръ Попель изъ Лобковиць, суда), коморные бояре“, и др. ¹⁾.

Но если Русскіе такъ доверили чешскія фамиліи, то и Чехи не оставались у нихъ въ долгу. Такъ, напримѣръ, въ одноѣ современномъ чешскомъ извѣстїи о томъ же самомъ русскомъ посольствѣ въ Прагѣ (1595 г.) говорится, что во главѣ его стоялъ „Михаилъ Ивановичусъ или Ивановитскій гейтманъ Рахмешовскій (sic), канцлеръ великаго княжества Московскаго“ (то-есть, Михаилъ Ивановичъ Вельяминовъ, налѣстникъ Кашиинскій, думный дворянинъ), и „Янъ Согнія Власинусъ, секретарь Оппомасенїусъ“ (sic то-есть, Осипасей Ивановъ, сынъ Власевъ, дьякъ). Посольство привѣтствовано въ Прагѣ (16-го августа) упомянутыми выше чешскими министрами Вальдштейномъ и Лобковицомъ (которыхъ сами послы называютъ правильно: Янъ Вальштень или Вальштейнъ, какъ и тогда по чешски назывался и писался, и Хриштофъ или Криштофъ Попель въ Лобковиць); и помѣщено на Малой Сторонѣ на Увѣдѣ. Чешскій авторъ замѣчаетъ у этихъ Московскихъ пословъ строгое соблюденіе поста („ниъ нища была утрожь и вечеромъ: лукъ, чеснокъ, рыба, питье—медъ, вино, водка“); описываетъ аудїенцію у императора, сообщая и писъмо цара Ѳедора императору Рудольфу. „Эти послы остались въ Прагѣ до 27-го дня мѣсяца сентября, въ который день съ честью провожаемые господами Пражанами возвратились опять къ своему великому княвию“ ²⁾.

Чехи и Русскіе въ Великой Руси вообще сходились только посредствомъ отдѣльныхъ лицъ, а не какъ народы. Но и эти путеше-

¹⁾ Памятники дипломат. сношенїи, II, 334.

²⁾ Изъ рукописи М. Владимскаго «Rohlfirday geh», напечатано, въ Сѣвер. Сѣлк. Муз. 1844, 305. Вышеупомянутый Власевъ былъ въ 1599 году опять царскимъ посломъ у императора Рудольфа, съ которымъ тогда встрѣтился въ городѣ Пльзени.

кими янки, конечно, поддерживали сознание общаго происхожденія, въ дѣлѣ котораго хранилась у обоеихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ. Изъ сѣверо-восточныхъ Русскихъ изъ Чеховъ прибыли Геронимъ Пражскій (въ Плесковѣ), вышеупомянутой моравскій канцъ, сѣбянившій на помощь къ Новгородцамъ противъ Нѣмцевъ, рыцарь Коковецъ, чешскій братъ Рокыта). Въ XVII вѣкѣ были изъ Чеховъ въ восточной Руси: Эразмъ Гейдель (Гейделіусъ) изъ Рассенштейна, совѣтникъ чешскаго апелляціоннаго суда, Пражскій іезуитъ Бернардъ Таннеръ и чешскій рыцарь Юрій изъ Драхова. Гейделіусъ присланъ императоромъ Матвѣемъ (1615 г.) подъ Смоленскъ, какъ посредникъ между переговаривающимися послами польскими и русскими. Съ послѣдними онъ говорилъ „безъ толмача, старымъ славянскимъ языкомъ“, какъ они думали (вѣроятно по чешски). Но Гейделіусъ скоро понялъ, что примирять Поляковъ и Русскихъ, значить „помирить воду съ огнемъ“, и разумѣется, не достигъ своей цѣли ¹⁾. Таннеръ побѣжалъ въ Москву съ польскимъ посольствомъ (1678 г.); здѣсь, между прочимъ, онъ часто разговаривалъ съ Русскими при помощи чешскаго языка: такъ, наприимѣръ, спорилъ съ однимъ попомъ о формѣ креста, къ удивленію пословъ, которые, какъ онъ замѣчаетъ, не ожидали, что онъ можетъ столько говорить „по русски“. На вопросъ царскихъ слугъ, „*kaku ty szlowiek? posolsky?*“ отвѣчалъ по чешски, „*tak jestit*“, къ ихъ удовольствію, „*dobroster zůstay (sic), id est: bene, bene, maneas*“. Русскія слова царя и польскія—посла князя Чарторннскаго,—онъ приводитъ въ подлинникѣ, и пр. ²⁾. Юрій изъ Драхова описалъ путешествіе свое изъ Москвы въ Китай, которое совершилъ съ русскимъ посломъ Исбрандомъ (1693 г.). Пребывая въ городѣ „Устыцѣ“ на Сухонѣ, видѣлъ празднованіе Пасхи и драженіе яицъ, припоминая, что это древній и принятый обычай во всей Русской землѣ и почти у всего народа славянскаго“, и пр. ³⁾.

Вслѣдствіе паденія самостоятельности Чешскаго государства въ XVII вѣкѣ и разныхъ печальныхъ послѣдствій этого событія, осо-

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи IX, 58. Срви. Акты зап. Россіи, IV, 449.

²⁾ *Legatio polono-lithuania in Moscoviam a 1678 suscepta* (Norimberg, 1680 г., изд. 1689 г.). Переведено и на русскій языкъ (рукоп. въ Румянц. муз. Опис. 803). Таннеръ называется здѣсь «богемо-драгонскій гвѣздицкій камердинеръ госп. посла князя».

³⁾ По латински въ Гамбургѣ 1697; чешскій переводъ Румка въ Прагѣ. 1800 г.

бенно постепеннаго сближенія чешской интеллигенціи и вообще европейских сословій, котораго и славянское сознание Чеховъ.

Эти отношенія въ чешскихъ земляхъ отражались и на остальныхъ земляхъ славянскихъ, на Польшѣ и на Руси. Здѣсь, по крайней мѣрѣ въ болѣе значительныхъ кружкахъ, стали мало по малу забывать то, что и Чехи — народъ славянской. Этому способствовало и разпространеніе нѣмецкаго вліянія въ восточной Европѣ. Съ конца XVII вѣка Русское государство все болѣе сближалось съ остальною Европой, особенно посредствомъ Нѣмцевъ. Такъ какъ нѣмецкое вліяніе въ публичной и литературной жизни на Русь стало пріобрѣтать себѣ все большее значеніе, то не мудро, что и во взгляды Русскихъ на Чеховъ примѣшалась доля этого чуждаго вліянія. Съ тѣхъ поръ Русскіе нерѣдко стали смотрѣть на „Воемки“ и на „Богемцевъ“ или „Вемчанъ“ немного иначе, чѣмъ на прежнюю „Чешскую землю“, на „Чешское государство“ и на „Чеховъ“. Впрочемъ, не забудемъ, что и „Богемцы“, окружавшіе тогда „Богемскаго“ короля, не были уже прежніе „Чехи“ XV и XVI вѣковъ.

Съ половины XVII вѣка стали доходить до Руси извѣстія уже не изъ Моравіи, а „изъ города Брина (то-есть Берно, по нѣмецки Brunn) изъ Меренскія земли“ (то-есть, Моравской, по нѣмецки Mähren) ¹⁾. Русскіе того времени говорятъ уже о „Вемской воннатѣ“, о своемъ путешествіи изъ „Маршинъ-Будовицъ“ (то-есть, Моравскія Будевицы, по нѣмецки Mährisch-Budwitz) въ Дейчбродъ“ и „Вембродъ“ (то-есть, Нѣмецкій и Чешскій Вродъ, по нѣмецки Deutsch-Brod, Böhmisches-Brod), и пр. ²⁾. Подобныя тому нѣмецкія названія встрѣчаются иногда раньше, смотря по тому, кто были окружавшіе русскихъ нословъ императорскіе слуги — Нѣмцы или Чехи, но исключительное господство въ русской литературѣ пріобрѣли эти названія только съ XVIII вѣка.

Бѣдственное положеніе Чешскаго народа того времени не осталось, впрочемъ, неизвѣстнымъ и на Русь; въ Москвѣ раздается голосъ, вопіющій къ Русскому царю, о помощи всѣмъ Славянамъ, и въ томъ числѣ — Чехамъ. Хорватъ Юрій Крижаничъ напоминаетъ царю Алексѣю Михайловичу, что Славяне въ Чехіи и Моравѣ, вслѣдствіе

¹⁾ Куранты 1666 г. Вуслава Истор. Хресток. 1143).

²⁾ Срвн. Памятнки дипломат. сношеній IX, 1033; Дневникъ путешествія Петра Великаго 1696 г. (Устразловъ: Исторія царствованія Петра Великаго III, 611) и др.

своей разрозненности, общенія и сватанія съ Нѣмцами, водили подъ нѣмецкую власть и въ постыдное рабство и обжигались такъ, что они теперь ни Славяне, ни Нѣмцы.

Свѣдѣнія о существованіи Чеховъ, какъ Славяне, являются и въ другихъ памятникахъ русской литературы того времени, у Кошелева, Паликарнова, Мокіева и др.; съ другой стороны, и въ чешской научной литературѣ XVII—XVIII вѣковъ Русскіе признаются родственниками Чеховъ.

Родство Русскихъ и Чеховъ сознавали особенно Петръ Великій. Когда Петръ и его свята пребывали въ Вѣнѣ, то ихъ окружали преимущественно Чехи, находившіеся при императорскомъ дворѣ. Такъ, на одномъ придворномъ вечерѣ (1697 г.) къ боярину Бартоу Петровичу Шереметьеву императрица прислала двухъ фрейлейнъ, умильницъ говорить „по чехскому“. Петръ, пребывая въ Вѣнѣ (1698 г.), самъ просилъ императора, чтобы въ нему назначили дворянина, знающаго по-славянски; къ нему прислали быль чешскій маршалокъ, графъ Черницъ; и на придворномъ маскарадѣ за столомъ царя стояли два благородные Чеха ¹⁾).

Петръ Великій, нуждаясь, для преобразования своего государства на европейскій ладъ, къ разнымъ людямъ, офицерамъ, инженерамъ, художникамъ, мастерамъ и др., обращалъ особенное вниманіе на такихъ, которые понимаютъ по польски или по чешски, и приглашалъ на русскую службу вальдваристовъ, „шрейберовъ, которые бывали въ службѣ цесарской изъ Бамбачъ, изъ Шленцовъ или изъ Моравцовъ, которые знаютъ по словенски“. Петръ даже велѣлъ своему агенту въ Вѣнѣ „наять изъ Праги компанію комедіантовъ такихъ, которые умѣютъ говорить по славянски или по чешски“. Не при тогдашнемъ вѣщальномъ недомѣненіи чешской народности трудно было

¹⁾ Пекарскій: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел. I, 229; Устряловъ, Исторія царств. Петра Вел. III, 125, 141. (Въ Памятникахъ диплом. снош. X, 261 вѣсто «по-чехскому» стоитъ «по-черкасскому» то-есть малорусскому; можетъ-быть, Шереметьеву чешскій языкъ показался «черкасскимъ»). Целлелъ (Geschichte der Böhmen. 3, Aufl. 836) разсказываетъ, что въ 1698 г. Петръ, проѣзжая изъ Дрездена въ Вѣну, пробылъ въ Прагѣ, и здѣсь за обѣдомъ разговаривалъ съ чешскими дворянами по славянски. Но изъ дневника путешествія Петра видно, что царь въ Прагѣ не останавливался, а что 6-го июня «передъ вечеромъ прѣехали въ городъ Прагу; ахали сивый городъ, и городъ великій, столица чешская. И стали за городомъ, въ коннѣхъ кучахъ, и отъѣхали одну милю» (Устряловъ. III, 611; Пекарскій. I, 230).

найти такихъ артистовъ, хотя царь непремѣнно требовалъ, чтобы, изъ крайней нужды, наняли половину труппы „съ чешскимъ языкомъ“, не смотря на доносеніе агента, что „языкъ ихъ зѣле трудно раз-
умѣть“.

Кромѣ прейберовъ и командантовъ изъ Чеховъ, Петръ задумалъ воспользоваться помощью чешскихъ ученыхъ при сочиненіи или переводахъ разныхъ книгъ на русскій языкъ. Поэтому уже въ 1712 году онъ велѣлъ искать въ Прагѣ ученыхъ, которые писали бы „о началѣ славянскаго народа и о ихъ языкѣ“, и собирать здѣсь книги, касающіяся этого предмета. Позже (1716 г.) велѣлъ своему агенту Веселовскому отыскать энциклопедіи и другія книги на разныхъ языкахъ и потомъ „сѣздить въ Прагу и тамъ въ езуицкихъ школахъ учителемъ говорить, чтобы они поманутыя книги перевели на словенскій языкъ. И понеже нѣкоторые рѣчи ихъ не сходны съ нашимъ словенскимъ языкомъ, и для того можемъ къ нимъ прислать русскихъ нѣсколько человекъ, которые знаютъ по латини и лучше могутъ несходныя рѣчи на нашемъ языкѣ изъяснить“.

Веселовскій выискалъ въ Прагѣ такого переводчика іезуита, „исторіографа чешскаго“, который, подъ надзоромъ ректора Либертина, взялся за переводъ требуемыхъ книгъ. Ему въ помощь, высланы въ Прагу въ томъ же самомъ году (1716 г.) двое русскихъ, Иванъ Воейковъ, ученикъ славяно-латинской школы Московской, и Теофиль Кроликъ, монахъ Спасскаго монастыря, съ двумя писарями. Но эти Русскіе скоро увидѣли, что „чешскій переводъ съ нѣмецкаго чинится напрасно; Кроликъ прижѣнился уже такъ къ нѣмецкому языку, что самъ съ онаго переводитъ безъ всякой трудности, не требуя чешскаго, понеже уже въ Россіи имѣлъ твердый фундаментъ того языка; а Воейковъ съ чешскаго переводитъ и всего разумѣть не можетъ, чего ради переводать ему съ нѣмецкаго на латинскій языкъ. И тако за чешскій языкъ деньги платятся токмо напрасно, ибо мочно то чинить въ Россійскомъ государствѣ безъ многого иждивенія“. Какъ кончились всѣ эти работы — неизвѣстно. Около того времени было и нѣсколько учениковъ Московской академіи въ Прагѣ, гдѣ у іезуитовъ учились „либеральнымъ наукамъ“, именно Анохинъ, Козловскій и Суворовъ ¹⁾.

¹⁾ Разныя письма (1715—1720 гг.) объ этомъ см. у Пекарскаго. I, 92, 231, 238, 436; у Соловьева: Ист. Росс. XVI, 187, XVII, 403. Срвн. также встрѣчу Петра съ чешскимъ живописцемъ Буецкимъ; оба говорили другъ съ другомъ по славянски (Пекарскій, I, 230; *Časopis Česk. Mus.* 1855, 220).

Въ снотѣніяхъ Петра съ Чехами была политическая сторона. Когда Петръ потребовалъ отъ Вѣнскаго правительства выдачи своего сына Алексѣя, то по этому дѣлу сошлась конференція (18-го августа 1717 г.), состоявшая изъ министровъ Цинцендорфа, Штаренберга и Траутсона. Министры разсуждали такъ: это происшествіе чрезвычайно важно и опасно, потому что царь, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, можетъ съ многочисленными войсками, расположенными въ Польшѣ, по силезской границѣ, вступить въ Силезію и тамъ остаться до выдачи ему его сына, а по своему характеру онъ можетъ ворваться въ Чехію, гдѣ волнующаяся чернь легко къ нему пристанетъ. Поэтому не слѣдуетъ терпѣть ни минуты бездѣйствія и какъ можно скорѣе найти средство къ отпору ¹⁾).

VI.

Чехи и Юго-славяне.

1. Раздѣленія южныхъ и западныхъ Славянъ Мадьярами. — Югославянскіе войны въ Чехіи и чешскіе у Югославянъ.

Какъ взаимныя отношенія между Чехами и Русскими ограничались, по большей части, теоретическимъ признаніемъ общаго славянскаго происхожденія, также было и между Славянами западными — Чехами и Поляками, и южными — Словенцами, Хорватами, Сербами и Болгарами.

Кратковременно было сосѣдство этихъ двухъ отраслей славянскихъ. Словенцы не долго находились въ государственномъ единствѣ съ западными Славянами (при Самѣ), не долго сосѣдили Хорваты и Болгаре—посредствомъ Паннонскихъ Славянъ, княжества Влатенскаго и „задунайской“ Болгаріи—съ Великою Моравіей Моймировичей. Скоро наѣхали въ дунайскія земли Мадьяры, и ворвавшись въ сплошную массу славянскую, разрубили ее навсегда. Этими наѣздомъ Мадьяръ и послѣдующимъ затѣмъ основаніемъ Угорскаго королевства южные и сѣверо-западные Славяне отдалены были другъ отъ друга. На это разъединеніе жалуются еще въ позднѣйшія времена нѣкоторые славянскіе писатели ²⁾).

Сознаніе родства и національнаго единства сѣверныхъ и южныхъ

¹⁾ Устряловъ VI, 392; Соловьевъ XVII, 191.

²⁾ Сравни. выше слова Поляка Мѣховиты и Дубровничанина Червы.

Славяне видне въ особенности въ преданіяхъ о ихъ происхожденіи. Какъ, съ одной стороны, Чехи и Поляки толковали о выходе своихъ пращуровъ съ своихъ, братьевъ Чеха и Лѣха, изъ югославянскихъ Хорватіи, такъ, съ другой стороны, Хорваты, Сербы и Болгаре производили себя, исторически вѣрнѣе, изъ сѣверныхъ странъ чешскихъ, польскихъ и русскихъ ¹⁾.

Въ болѣе близкія сношенія, или скорѣе, столкновенія приходили Чехи съ Югославянами въ войнахъ чешско-угорскихъ. Не разъ сражались Хорваты, Сербы и Болгаре въ угорскихъ войскахъ противъ Чеховъ: такъ было, напримѣръ, въ XIII вѣкѣ, во время короля Премысла II Отокара, на котораго, вмѣстѣ съ угорскимъ королемъ, пошли разные Славяне, и „схизматическіе“ Греки, Болгаре и Сербы, и еретическіе Босняки ²⁾. Такъ было и въ XV вѣкѣ, во время гуситскихъ войнъ, когда „Расы“ или „Рацы“ (то-есть, Сербы) являлись въ войскѣ угорскихъ королей, Сигизмунда и Матвѣя, въ чешскихъ земляхъ. Въ XV вѣкѣ, въ свою очередь, чешскіе воины приходили все чаще въ югославянскія земли и здѣсь, въ войскѣ угорскихъ королей, сражались противъ Турокъ. Чешскія знамена развѣвались тогда не только въ Хорватіи, но и на Балканѣ и на Шарской планинѣ. Въ Хорватіи и въ Славоніи воевалъ, съ 1441 года, Чехъ Іоаннъ Витовецъ изъ Гребена, позднѣйшій банъ Славонскій ³⁾.

Когда въ 1443 году угорскій король Владиславъ предпринялъ походъ въ Сербію и въ Болгарію, были въ его войскѣ и чешскіе полки, и главнымъ начальникомъ военныхъ дозоровъ былъ Чехъ Енигъ

---

¹⁾ Позже распространилась теорія о выходе Чеха и Лѣха изъ Хорватіи и въ Югославію (ср. Орбана). Въ началѣ XVII вѣка одинъ хорватскій поэтъ хвалится, что Чехія и Польша основаны Хорватами (Kukuljević: Književnici u Hrvatah, 46)

²⁾ Ср. письмо Премысла папѣ 1260 г. Еретиковъ Патареи въ Босніи знаетъ и Гусъ (Sebrané Spisy, I, 39). При заключеніи мира 1271 г. между королями чешскимъ и угорскимъ упоминаются на сторонѣ послѣдняго и сербскій король Урошъ и его сынъ Стеванъ, царь болгарскій Святославъ, и нѣсколько русскихъ князей. (Emler: Regesta Boh. et Morav. II, 302). Если Чехи называли Югославянъ «схизматиками», то съ другой стороны, въ одной древне-болгарской статьѣ о разныхъ народахъ (около 1200 г.) Чехи причислены къ «нововѣрнымъ языкамъ» (то-есть, неправославнымъ). Шаверика, Слав. Древности, послѣднее прибавленіе.

³⁾ Palascký: Dějiny nář. česk. IV, 1, p. 451.

нѣ Мечвада ¹⁾). Чешскіе и польскіе полки были и въ несчастномъ сраженіи на Косовомъ полѣ (1448 г.), и послѣ пораженія Угровъ, зацѣплялись въ своихъ волахъ козла, до тѣхъ поръ, пока не были совсѣмъ истреблены множествомъ Турокъ ²⁾. Чешскіе полки служили и обоемъ Гуніадамъ—угорскому, губернатору Іоанну и королю Матвѣю. Между ними отличался особенно, такъ-называемый, „черный полкъ (чвойска, рота)“ ³⁾, состоявшій почти исключительно изъ Чеховъ, Мораванъ и Сербовъ (1467—1492 гг.) ⁴⁾.

Воинственность Чеховъ была тогда извѣстна и славилась на всемъ славянскомъ югѣ, и современный историкъ Дубровницкій, Туберо Черва, въ памятникахъ своего времени (1490—1522 гг.), не находитъ словъ для восхваленія чешской храбрости. Онъ называетъ Чеховъ самымъ воинственнымъ народомъ не только въ открытомъ сраженіи, но и въ осадѣ городовъ; Нѣмцы не смѣютъ сражаться съ ними и даже не выносятъ ихъ взгляда и пр.

На несчастье южныхъ своихъ братьевъ, подпавшихъ подъ иго Турокъ, не рѣдко жалуется Чехи и выражаютъ надежду, что эти земли „нашего языка“ не всегда останутся въ такомъ жалкомъ состояніи. Но и судьба Хорватіи и Далмаціи, подпавшихъ подъ верховную власть Угрии, внушала Чехамъ—послѣ сѣдиненія коронъ чешской и угорской (1490)—опасенія; по крайней мѣрѣ, на чешскомъ сеймѣ (1518), вслѣдствіе частаго пребыванія короля въ Угрии, выразилось опасеніе, чтобы Чешское королевство не постигло то, что случилось съ королевствомъ Хорватско-Далматскимъ, сдѣлавшимся вассальною угорскою землею ⁴⁾.

2. Славянонскій монастырь въ Прагѣ.

Чехи и Югославяне встрѣчались не только съ оружіемъ въ рукахъ, но знакомились и другимъ, болѣе мирнымъ способомъ. Стараніемъ императора и короля Карла IV, основанъ былъ (1347 г.) въ Прагѣ монастырь,

---

¹⁾ Sazovis Cesk. Muz. 1869, 166. Не знаемъ, были ли чешскіе полки и въ сраженіи подъ Варной. О немъ существуетъ одна современная чешская пѣснь. (Mittheilungen des Kais. Akademie, XXXIX, 684).

²⁾ Длугошъ, II, 47.

³⁾ Palacký, IV, 1, p. 461; V, I, p. 337. I. Вальснй замѣчаетъ, что «король Матвей пользовался службой славянскаго народа болѣе, чѣмъ другаго, то-есть, Поляковъ, Чеховъ, Мораванъ и Силезійцевъ (Kron. Pol.).

⁴⁾ Stafi letop. českí, 422. Palacký, V, 2, p. 348.

такъ-сказавши славянской, и сюда были приглашены монахи изъ Хорватии, отправлявшіе богослуженіе по римскому обряду на славянскомъ языкѣ, писанномъ глаголицей. Не знаемъ ближе побужденій чешскаго короля къ такой мысли—было ли это какъ приготовленіе къ задуманной имъ уніи православныхъ Югославянъ съ Римомъ, или были тутъ еще другія причины,—довольно того, что Карлъ еще при жизни своего отца, будучи маркграфомъ моравскимъ (1346 г.), взялся за осуществленіе своего плана. Для этой цѣли онъ припомнилъ папѣ Клименту VI, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ, съ соизволенія папскаго, отправляется богослуженіе на народномъ славянскомъ языкѣ, и такъ какъ въ смежныхъ съ Чехіей странахъ того же самаго языка есть много схизматиковъ и не вѣрующихъ, которые не хотятъ понимать латинскаго языка, то славянскіе монахи оказали бы и здѣсь большія услуги къ умноженію славы Божьей и христіанства.

Папа одобрилъ мысль основанія славянскаго монастыря въ Чехіи. Черезъ годъ (1347 г.) Карлъ, тогда уже король чешскій, основалъ монастырь бенедиктинцевъ въ Прагѣ, въ которомъ богослуженіе должно было отправляться на славянскомъ языкѣ, въ честь св. Иеронима, переводчика Священнаго Писанія на „славянской языкъ, отъ котораго происходитъ и рѣчь нашего королевства чешскаго“, такъ чтобъ этотъ святитель прославлялся въ Чехіи не менѣе, чѣмъ среди своего народа, на своей родинѣ¹⁾.

Первые монахи въ этомъ монастырѣ были Хорваты, католики-глаголиты. Они ввели здѣсь и свои славянскія книги, писанныя глаголицей, и отъ нихъ научились позже вступившіе въ монастырь природныя Чехи славянскому языку и письму.

Карлъ вообще продолжалъ особенно заботиться о своемъ созданіи и о монахахъ, соединенныхъ съ нимъ „слабыми связями роднаго языка“, прямо выражаясь, что славянское богослуженіе придаетъ большій почетъ и славу чешскому языку; монастырскаго писаря славянскихъ книгъ онъ пожаловалъ годичнымъ доходомъ за такія усердныя услуги, оказанныя имъ въ честь монастыря и „благороднаго языка славянскаго“²⁾. Въ этотъ монастырь Карлъ подарилъ и Евангеліе,

¹⁾ Pelzek Kaiser Karl IV, I (Urkundenbuch, 80); также Ginzl: Geschichte der Slawenapostel (Codex, 93).

²⁾ Pelzek Karl IV, Urkundenbuch, I, 95, 98, 100; II, 285.

писанное греко-славянскимъ „рускимъ“ письмомъ, но предано, съ Пржешиемъ¹⁾.

Посредствомъ славянскаго монастыря Чехи познакомились опять съ церковнымъ славянскимъ языкомъ, который не былъ у нихъ слышенъ два съ половиною вѣка; познакомились и съ славянскимъ письмомъ, съ кириллицей и особенно глаголицей. Тому и другому письму они учились по особымъ „азбукиднакамъ“²⁾. Мало того, монахи Чехи стали писать и на своемъ природномъ языкѣ чешскомъ глагольскимъ письмомъ. Между прочимъ, въ началѣ XV вѣка (1416 г.) списана глаголицей чешская Библия „братьями монастырскими, а не писцами хорватскими“³⁾.

Монастырь славянскій существовалъ до начала гуситскаго движенія, именно до 1419 года; тогда онъ былъ уничтоженъ, и съ нимъ пропало богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Въ монастырѣ сталъ жить съ тѣхъ поръ утраквистскій приходскій священникъ. Только въ концѣ XVI вѣка возобновленъ былъ монастырь, но уже латинскими бенедиктинцевъ. Само же названіе „Славянскій“ монастырь („на Словахъ“) осталось до сихъ поръ⁴⁾.

Съ прекращеніемъ славянскаго богослуженія въ этомъ монастырѣ, растерялись и славянскія книги, подобно тому, какъ это случилось двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ монастырѣ Сазавскомъ. Но еще во второй половинѣ XVI вѣка и даже въ началѣ XVII вѣка, въ этомъ монастырѣ хранилось много славянскихъ книгъ⁵⁾.

¹⁾ Сазаво-смаузеое благовѣствованіе, изд. Гайка, Вилірскій: Судьбы церковнаго языка, II.

²⁾ Jungmann: Hist. liter. české, 27; Hapů: Dodavky, I, 5; Срезневскій, Древн. глаголь. памятн., 27.

³⁾ Вторая ея часть хранится въ университет. библиотекѣ Пражской. Сравни статью К. Козары въ завед. учед. общ. Праж., 1866, 3-го декабря, и въ Оловр. Седк. Мис. 1870, 391; Сазаво-смаузеке благовѣст., 187; Dobrowský: Glagolicea (2-е изд. 80, отрывокъ всеобщей исторіи на чешскомъ языкѣ, написанномъ глаголицей)

⁴⁾ Истор. очеркъ этого монастыря см. въ журн. Památky archæolog., I, 193. По призыву Пражскаго учрежденія славянскій монастырь и въ Бразовѣ.

⁵⁾ Lurát: Calend. histor. (1584 г., ad 29, mart. 1372), Pargocký: Diadochus (1602 г., 362, приводитъ и три глагольскія надписи). Папроцкій, разсказывая объ уничтоженіи монастыря по хроникѣ Гайка (fol. 318), прибавляетъ, что случившійся на встрѣчу вышелъ архимандритъ съ братіей, прося не разрушать монастыря, основаннаго Карломъ съ чести народа славянскаго, изъ котораго

3. Взаимныя сношенія Чеховъ и Югославянъ

Сношенія Чеховъ и Югославянъ ограничивались большею частію сношеніями между отдѣльными лицами. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ.

Когда Сербскій царь Стефанъ Душанъ заявилъ намѣреніе принять унию съ римскою церковью, то императоръ и Чешскій король Карлъ IV старался укрѣпить его въ этомъ намѣреніи (1355 г.), радуясь тому особенно по той причинѣ, что имъ обоимъ государямъ есть общій „благородный и знатный языкъ славянскій“¹⁾.

На соборѣ Базельскомъ, въ числѣ католическихъ прелатовъ и противниковъ присутствовавшихъ тамъ чешскихъ гуситовъ, находился Іоаннъ Стойковичъ изъ Дубровника, или какъ его Чехи называли, „Славянинъ, докторъ славянскій“. Стойковичъ, въ разгарѣ преній, называлъ иногда Чеховъ еретиками. Когда же противъ этого обвиненія возсталъ самъ чешскій гейтманъ, понъ Проконій Великій, съ упрекомъ, что „нашъ землякъ (contemptraneus) наноситъ намъ оскорбленія“, то Стойковичъ возразилъ ему: „Такъ какъ я вашъ землякъ по языку и по народу, то поэтому усердно и желаю, чтобы вы возвратились къ матери церкви“²⁾.

Извѣстный реформаторъ Франковичъ (Flaccius Illyricus), урожденный Далматецъ, сносясь съ чешскими братьями въ Польшѣ (1558 г.), заявлялъ имъ свою пріязнь, какъ происходящимъ тоже изъ славянскаго народа, и старался обратить ихъ къ парамъ Виттенбергскихъ теологовъ³⁾.

Вячеславъ Вратиславъ изъ Митровицъ, чешскій дворянинъ, провозжавшій императорскаго посланника въ Царьградъ (1599 г.), путешествуя туда черезъ югославянскія земли, замѣтилъ о Болгарахъ,

---

произошли Чехи. Въ славянскомъ монастырѣ были и выше упомянутые Венецковскій и Лодерекеръ — архимандритами. Нѣкоторые отрывки слав. книгъ издалъ Ганна: Остатки слав. богослуж. у Чеховъ (1859).

¹⁾ Palacký: Gesch. v. Böhmen. II, 2, p. 306. Časop. Česk. Mus. 1839, II, 242.

²⁾ Appendini: Notizie storico-critiche sulle antichità, storia e letteratura dé Ravenna II, 77.

³⁾ Ласитскаго: Ист. чешск. братьевъ въ чешскомъ переводѣ, изд. 1765 г., стр. 250. О сношеніяхъ Франковича съ братьями см. также Časop. Česk. Mus. 1856, I, 33, и Gindely: Quellen zur Gesch. der böhm. Brüder, 275 sq.

что они „употребляютъ славянскій языкъ, такъ что мы, Чехи, можемъ съ ними объясниться“¹⁾.

4. Чешскія книги у Югославянъ.

На общность югославянскихъ нарѣчій съ чешскимъ языкомъ разчитывали въ Чехіи, еще въ концѣ XVII вѣка, издатели католическихъ церковныхъ книгъ чешскихъ, вышущенныхъ въ свѣтъ такъ-называемымъ „наслѣдствомъ (то-есть, фондомъ) св. Вячеслава“. Они думали, что чешскія книги найдутъ себѣ сбытъ и въ югославянскихъ земляхъ, и такимъ образомъ, утвердятся и распространятся католицизмъ „не только въ Чешскомъ королевствѣ, но и въ другихъ славянскихъ странахъ“. Самъ же архіепископъ Пражскій, графъ Вальдштейнъ, утверждая это „наслѣдство“ (1692 г.), замѣтилъ, что до самой, происходившей тогда, войны турецкой, чешскія католическія книги потребовались въ страны, „гдѣ употребляется чешскій или мало отъ этого отличающійся языкъ, именно не только въ Моравію, но и въ Далмацію, Боснію и другія Туркамъ подданныя земли“. Такъ случилось и теперь, когда императоръ Леопольдъ отнялъ у Турокъ обширные края въ Славоніи, Сербіи и др. Для утвержденія католицизма въ этихъ земляхъ выслано было туда наслѣдствомъ св. Вячеслава большое число чешскихъ богослужбныхъ книгъ, библій, катехизисовъ, молитвенниковъ и др., отчасти даромъ, отчасти за умѣренную цѣну²⁾.

VII.

Польскіе и Югославянскіе.

1. Отношенія Поляковъ и Югославянъ. — Польскіе воины у Югославянъ и югославянскіе — въ Польшѣ.

Тѣ же отношенія, какія существовали между Чехами и Югославянами, были и между Поляками и теми послѣдними. Оба народа

¹⁾ Pithody V, V, z M., vyd. Pelzel (1777 г., 40). Въ доказательство польскъ чешскаго языка въ Царьградѣ, гдѣ тоже говорятъ по-славянски, приводитъ чешскій грамматикъ Роса (1672, предисловіе) слѣдующій случай: знаніе чешскаго языка спасло одному члену императорскаго посольства жизнь. Другой чешскій путешественникъ въ Иерусалимѣ (1490 г.) знаетъ, что въ Вриандии поселились «Словаки» (то-есть, Югославяне), и называетъ Далмацію «Славянскою землей» (Časop. Česk. Mus., 1861, 272).

²⁾ Riegger: Materialien zur alten u. neuen Statistik von Böhmen (Prag u. Leipzig, 1787, IV, 769).

производили себя одинъ отъ другаго: Поляки выводили своего праотца Лѣха изъ Югославнѣхъ, Югославне же себя — изъ закарпатскихъ странъ ¹⁾.

Хотя позже, вслѣдствіе поселенія Магьяръ между сѣверными и южными Славянами, Поляки встрѣчались съ своими южными соплеменниками рѣже, чѣмъ съ своими славянскими сосѣдями на западѣ и на востокѣ, но все-таки взаимныя ихъ связи не совсѣмъ прекратились. Поляки сносились съ южными Славянами особенно посредствомъ дружескаго имъ Угорскаго государства, короли котораго два раза соединяли на своей головѣ короны угорскую и польскую. Польскіе полки провожали короля польско-угорскаго Владислава въ Сербію и Болгарію и здѣсь, по предположенію одного историка польскаго ²⁾, „Болгаре, будучи одного съ Поляками языка, вездѣ добровольно имъ предавались“; польскіе полки окружали своего короля въ несчастномъ сраженіи подъ Варной (1444 г.); польскіе воины вмѣстѣ съ чешскими сражались въ своихъ вояхъ противъ Турокъ и на Косовомъ полѣ (1448 г.). Съ другой же стороны, и Югославне, особенно Сербы (Рацы), стали приходить и въ Польшу наемными воинами. „Рацы, то-есть, Славяне изъ Расціи изъ Русскаго народа“, пишетъ Март. Бѣльскій въ своей стратегіи ³⁾, „первые принесли къ намъ на Подолье обычай военной службы ѣздить съ копьемъ и щитомъ, еще при Людовикѣ и Владиславѣ, короляхъ польскихъ и угорскихъ. Потомъ и Поляки, служа съ ними, переняли у нихъ этотъ обычай, а прежде ѣздили съ кудами и рогатинами“. Такіе наемные Сербы встрѣчаются въ Польшѣ и въ соединенной съ ней Литвѣ и Руси до XVII вѣка.

2. Польша какъ защитница Югославнѣхъ. — Сербы Константиновичъ въ Польшѣ. — Сярыйковский и Збаражскій у Югославнѣхъ. — Варшавскій. — Твардовскій.

Когда несчастные Югославне подпали, по большей части, подъ иго азіатскихъ варваровъ, когда Турки стали подступать дальше къ сѣверу за Дунай, и королевство Угорское не было уже въ состояніи задерживать этотъ страшный напоръ, тогда Югославне съ тоской стали озни-

¹⁾ Еще въ X вѣкѣ родъ сербскихъ жупановъ Захолмскихъ производился отъ раи Вислы.

²⁾ Bielaki: Kron. pol., 372.

³⁾ Sprawa gusarska (1569 г., изд. Войццкаго; въ Archiwum domowe, 334). Бѣльскій подобно Червъ сгѣшдываетъ «Расцію» (то-есть, Сербію) и «Россію».

раться на сильное государство славянское за Карпатами, возлагая на него всё свои надежды. Прекрасно выразилъ эту мысль вышеупомянутый Далматъ Андроникъ, вызывая Поляковъ къ защитѣ ихъ важныхъ соплеменниковъ. Такой же голосъ раздается и изъ Дубровника, изъ устъ перваго югославянскаго поэта, Ивана Гундулича. Гундуличъ прославляетъ подвиги Польскаго королевича Владислава, который сокрушилъ турецкую змѣю, и короля Сигизмунда, подъ мечомъ котораго ломнула отоманская сабля. Польско-русскій союзъ противъ Татаръ и Турокъ и въ пользу освобожденія Югославянъ горячо предлагають и Юрій Крижаничъ.

Съ своей стороны, и Поляки съ грустью вспоминаютъ судьбу своихъ важныхъ собратьевъ. Они знаютъ, что Югославяне разорваны на много частей и подпали подъ власть чужеземцевъ; записываютъ судьбу и паденіе королевства Босанскаго, „славянскаго языка“, сѣтуютъ на несчастье Югославянъ, сгонувшихъ подъ игомъ варваровъ, которымъ они должны отдавать свой цѣль, свою молодежь въ янычары. Вспоминая о непрерывной борьбѣ остальныхъ Югославянъ, не подпавшихъ подъ турецкое иго, особенно храбрыхъ Ускоковъ, они удачно сравниваютъ ихъ съ низовыми казаками, и пр. ¹⁾.

Съ отношеніями югославянскими и турецкими XV вѣка познакомили Поляковъ одинъ Серфъ, Мих. Константиновичъ изъ Остролицы. Онъ, попавъ въ плѣнъ къ Туркамъ и проживъ нѣкоторое время между янычарами, прибылъ наконецъ въ Польшу и здѣсь, въ концѣ XV вѣка, написалъ на польскомъ языкѣ замѣчательныя записки о положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ того времени, прибавивъ нѣкоторые разказы изъ югославянской исторіи, на примѣръ, о войнѣ между Болгарами и Сербами (1380 г.), о сраженіи Косовскомъ и о паденіи Сербіи, о деспотахъ Стефанѣ и Георгіѣ, о сраженіяхъ подъ Варной, на Косовомъ полѣ (1448 г.), о паденіи Босніи и пр. Польскій языкъ въ этомъ интересномъ памятникѣ довольно чистъ, и только кое-гдѣ встрѣчается нѣсколько чехизмовъ и еще менѣе сербизмовъ: bugarski подлѣ bulgarski, Stewan, zraditi (сдѣлать), swem (всѣмъ), wojnik (воинъ) ²⁾.

¹⁾ Сравни Длугоша, Мѣховиту, обонхъ Бальскихъ (космографію и хроникъ), и др.

²⁾ Pamiętniki jańszaka, z rękop. ok. 1550 (Zbiór pis. pol. szczęś II, tom V, Warszawa, 1828). Эти записки переведены были уже въ половинѣ XVI вѣка на чешскій языкъ и изданы 1565 и 1581 гг. въ Лютомышлѣ. Сравни Rozprawy z oboga historie, filologie i literatury, bratřevъ Гиречиковъ (1860 г., р. 1).

Съ интересомъ и съ сочувствіемъ относятся въ своимъ югославянскимъ братьямъ и польскіе путешественники, бывавшіе въ ихъ земляхъ. Такъ, Стрыйковский, пребывая (1574 г.) у Болгаръ и Сербовъ, часто разговаривалъ съ ними, какъ онъ выражается, о ихъ происхожденіи изъ Пафлагонской земли; онъ обращаетъ вниманіе и на разныя историческіе памятники въ тѣхъ странахъ: такъ, напримѣръ, разказываетъ о разныхъ оружіяхъ, находящихся въ Адрианополѣ со временъ болгарско-греческихъ войнъ, о побойцѣ Варненскомъ, которое посѣтилъ самъ, о происхожденіи Янычаръ изъ „славянскаго народа“ и ихъ умноженіи въ его время и пр.; въ Царьградѣ онъ слышалъ богатырскія пѣсни, пѣтыя, подъ сербскія гусли, по-сербски и по-турецки; такія пѣсни поютъ Сербы и о Варненскомъ сраженіи ¹⁾.

Когда князь Христофоръ Збаражскій на пути въ Царьградъ (1622) былъ въ Болгаріи и въ Сербіи, то онъ и его спутники вспомнили, что ихъ предки когда-то занимали эти земли, что оттуда вышелъ и ихъ прадѣдъ Лѣхъ, и что эти Югославяне говорятъ на сходномъ съ польскимъ языкѣ. Въ Царьградѣ же Збаражскій объяснялся съ турецкими сановниками посредствомъ хорватскаго и сербскаго языковъ ²⁾.

Въ пользу угнетенныхъ Югославянъ раздаются въ Польшѣ голоса на сеймахъ и въ печати; польскіе патриоты, публицисты и депутаты не разъ увѣщываютъ своихъ соотечественниковъ помочь южнымъ своимъ братьямъ, и такимъ образомъ, отстранить и отъ своего отечества все болѣе и болѣе угрожающую ему бѣду отъ Турокъ. „Если мы не перемѣнимся“, восклицаетъ Христофоръ Варшевицкій, — „то Турки, подобно другимъ славянскимъ народамъ, легко поработаютъ и насъ, Поляковъ, такъ какъ у насъ такія же качества, что у на-

---

¹⁾ Kron. pol. lit. ruska (1582, passim).

²⁾ Kuszewicz: Narratis legationis Zbaravianaе 1622 (Dantisci 1645, 56; сравн. Niemcewicz: Zbiór pamiętników II, 313); Pwardowski: Trzemażna legocya Kr. Zbaraskiego (Kрак., 1639, 48); Relacya poselstwa z. Zbaraskiego, Dziennik Wileński, 1827, III, 255, также рукоп. Варшавск. универс. библ., № 9). Когда Полякъ Геронимъ Ласкій въ 1527—1528 гг. находился, какъ посолъ короля Иоанна Запольскаго, въ Царьградѣ, то Мустафа паша, Сербъ изъ Воены, сказалъ ему: «Мы одного народа, ты Ляхъ, и я Боснякъ. Не естественно ли—любить свой собственный народъ больше, чѣмъ всякій другой?» (См. Красинскаго: Histoire religieuse des peuples slaves 132, изъ дневника Ласкаго; въ дневникѣ, напечатанномъ у Катоны, Ист. Угорск. кор. XX, 260 и слѣд., нѣтъ этого мѣста).

шихъ одноплеменниковъ, и мы начинаемъ отказываться отъ давнихъ обычаевъ“¹⁾.

Стрыйковскій, вызывая Поляковъ противъ Турокъ, плачетъ надъ несчастіемъ Югославянъ вмѣстѣ съ пророкомъ Іереміей: „Наши наслѣдства достались иностранцамъ, жестокія руки отобрали у сиротъ ихъ собственный хлѣбъ; мы пили свою собственную воду за деньги, мы покупали себѣ дрова у поганыхъ въ неволѣ; у насъ надъ горломъ стояли грозные палачи; удрученными работой, намъ не давали отдыха“²⁾. На неволю Сербовъ, Босняковъ и другихъ Югославянъ между Далмаціей, Дунаемъ и Чернымъ моремъ „нашей крови и давнихъ родственниковъ“ сѣтуетъ и поэтъ Твардовскій, но надѣется, что, можетъ-быть, позднѣйшіе за нами внуки займутъ эти земли³⁾.

О печальномъ положеніи Югославянъ подъ турецкимъ игомъ вспоминаетъ и Замоискій въ своемъ достопамятномъ разговорѣ съ чешскимъ министромъ Розенбергомъ.

3. Польскіе публицисты какъ сторонники Югославянъ.

Въ самомъ концѣ XVI вѣка (1595—1597 гг.) раздаются почти одновременно голоса Папроцкаго, Грабовскаго и Верещинскаго, предлагающихъ польскимъ сеймамъ свои мысли о дѣйствиіи противъ Турокъ и объ освобожденіи Югославянъ. О Польшѣ издавна вздыхаютъ измученные Греки, Сербы, Хорваты, Босняки; еслибы Поляки, въ союзѣ съ казаками, воюя противъ Турокъ, прибыли къ Дунаю, тогда бы земли славянскія, Дакія, Болгарія, Сербія, Рашія, Боснія, знаменитыя прежде государства, къ Полякамъ больше, чѣмъ къ другимъ христіанскимъ государямъ, расположенныя вслѣдствіе единства языка и ихъ свободы, — присоединились къ нимъ, и даже многіе войны славянскіе между янычарами, знакомые съ турецкими обычаями, и турецкіе невольники-Славяне болѣе бы благопріятствовали Полякамъ, какъ людямъ своего языка, чѣмъ Нѣмцамъ. Еслибы Поляки, въ союзѣ съ другими христіанскими государями, пошли противъ Турокъ, то скоро завладѣли бы не только Тавридой, Молдавіей, Валахіей, но и знаменитыми прежде государствами славянскими за Дунаемъ. Въ такомъ смыслѣ говорятъ и въ XVII вѣкѣ Гербуртъ, Збаражскій, Мясковскій,

¹⁾ Warszewicki: Wenecja (Krak., 1572, 1587).

²⁾ O wolności korony polskiej (Krak., 1575, поэма «O niewoli tureckiej»).

³⁾ Legacya Zbaraskiego 211, 236.

Гавинскій, Рисинскій и др. Послѣдній выражаетъ мысль, что уже Стефану Ваторію слѣдовало соединить съ Польшей не только Семиградію, но и Болгарь, Сербовъ и Албанцевъ ¹⁾.

Но напрасно южные Славяне ожидали своего спасенія отъ Польши. Польша давно забыла и пренебрегла своимъ славянскимъ призваніемъ: вмѣсто того, чтобы сдѣлаться средоточіемъ и защитой всѣхъ Славянъ, она выслала на „скизматическихъ“ Русскихъ толпы необузданной своей пидхты, на „еретическихъ“ Чеховъ—хищныхъ Лисовчиковъ, и довершила, наконецъ, свою государственную мудрость кровавыми войнами съ соединеннымъ съ нею народомъ Русскимъ, котораго изъ всѣхъ силъ стремилась передѣлать изъ „скизматиковъ“ въ униатовъ и католиковъ. Вмѣсто не понимающей своего славянскаго призванія и падающей Польши, выдвигается другое государство славянское—Россія.

VIII.

Русскіе и Югославяне.

1. Общее происхожденіе Русскихъ и южныхъ Славянъ.—Стремленія Руси къ югу.—Русскіе и Югославянскіе князья.

Взаимныя отношенія Русскихъ и Югославянъ отчасти сходны съ отношеніями, которыя существовали между Чехами и Поляками. Связи между Русью и южными Славянами, особенно православными, были съ давнѣйшихъ временъ самая тѣсная и проявлялись во всѣхъ областяхъ жизни обоихъ народовъ.

Многія племена, принявшія вполнѣдствіи названіе Руси, производили себя изъ южныхъ дунайскихъ странъ, „гдѣ есть нынѣ угорская земля и болгарская“, такъ Поляне, Древляне, Дреговичи, Полочане, Словѣне и Сѣверяне и пр. На оборотъ, изъ этихъ сѣверныхъ племенъ, въ первыхъ столѣтіяхъ по Р. Х., множество выходцевъ переселилось въ южныя альпскія, дунайскія и балканскія страны, до самаго моря Адриатическаго и Эгейскаго. Здѣсь, на Дунаѣ и на Бал-

¹⁾ Paprocki: Gwałt na pogany (1595); P. Grabowski: Zdanie syna Koronnego o pięciu rzeczach rzpltej Polskiej należących (1595), Polska niżna (1596); Wereszczynski (1597 na сеймъ, Pisma polityczne, wyd. Turowskiego 72); Rysiński: Satyr na twarz Rzpltej (1640); пьесмо Масковского, польскаго посла въ Царьградъ, 1641 года (Niemcewicz: Zbiór pamiętników V. 78). О Гербургѣ, Збаражскомъ и Гавинскомъ говорено выше. Сравни также политическое стихотвореніе Кляновича: Pożar (1597).

канскомъ полуостровѣ, равно какъ и на Руси, встрѣчаемъ племена Словѣнъ или Славянъ, Драговичей или Дреговичей, Сѣверянъ, Смоленъ, Хорватовъ, Сербовъ, Сусловъ и другихъ—города: Плесковъ, Прѣславль или Переяславль, Кіевъ—Кіевецъ, Галичь, Мельникъ, Лука—Луки и др.,—рѣки: Великую, Ситню и Ситницу, Мораву, Росъ (Рьсь) и Расу (Расину, Рашку), Санъ и Сану, Стирь и Штыру и др.

Славяне, сѣверные и южные съ начала составляли одно, болѣе или менѣе, сплошное цѣлое. Съ одной стороны, Карпатская Русь примыкала къ Югославянамъ посредствомъ славянскихъ племенъ въ Дакіи (дунайской Болгаріи) и въ Панноніи; съ другой стороны, еще въ началѣ XII вѣка, русскіе Тиверцы „сѣдяху по Днѣстру до моря и присѣдяху къ Дунаеву въ Великой Скуфи (Скиѳіи)“, и здѣсь, на нижнемъ Дунаѣ, принимали къ болгарской Малой Скиѳіи (Добричи или Добруджѣ).

Хотя впоследствии разныя инородныя племена безпрестанно вривались между сѣверныхъ и южныхъ Славянъ и наконецъ Мадьяры и Румыны ихъ раздѣлили навсегда, но тѣмъ не мѣнѣе взаимныя связи Югославянъ и Руси остались и впредь особенно тѣсными и близкими.

Стремленіе славянскихъ племенъ съ сѣвера къ югу, къ Дунаю и за Дунай, начавшееся въ первыхъ столѣтіяхъ по Р. Х., продолжалось и въ послѣдующіе вѣка, послѣ образованія Руси. Вспомнимъ, между прочимъ, мифическое преданіе о походѣ Кія на Царьградъ, походы на югъ первыхъ князей русскихъ, Олега, Игоря, и особенно, воинственнаго Святослава, думавшаго о завоеваніи Болгаріи и о перенесеніи сюда своей столицы. Эти походы Русскихъ на Дунай продолжались и въ XI вѣкѣ, и еще въ самомъ концѣ того вѣка князь Василько Владиміровичъ думалъ о завоеваніи Болгаріи. На нижнемъ Дунаѣ, близъ его устьевъ, соприкасались владѣнія русскихъ и болгарскихъ государей; здѣсь еще во второй половинѣ XII вѣка галичско-русскій князь Ярославъ Осмомыслъ „затворилъ Дунай ворота, суди ряда до Дуная“¹⁾.

Князья югославянскіе и русскіе находились и позже въ дружескихъ сношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, царь болгарскій Іоаннъ II Асѣнъ искалъ убѣжища на Руси и съ помощію русскихъ полковъ завладѣлъ своею отчиной (1210—1217 гг.). Сербскій король Стефанъ Драгутинъ,

---

¹⁾ Сравни. Повѣсть временныхъ лѣтъ и Слово о полку Игоревѣ.

жилъ въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ Владиміро-волинскимъ княземъ Василиемъ Романовичемъ († 1269 г.), „очень любезнымъ его пріателемъ“; въ его Русскую землю посылалъ онъ часто своихъ пословъ съ многочисленными подарками церквамъ и монастырямъ, вообще оказывая ему большое уваженіе „глаголами сладкими и великолѣпными дарами царскими“. Галичско-русскій князь Ростиславъ Михайловичъ былъ угорскимъ баномъ въ сербской Мачвѣ, а его сынъ Михаилъ (Мича) занялъ, вѣроятно, и болгарскій столъ (1258 г.). Въ войскѣ болгарскаго царя Михаила Страшимировича (1330 г.) былъ полководцемъ одинъ Русскій, по имени Иванъ, и пр. ¹⁾

Событіями на славянскомъ югѣ всегда интересовались на Руси, и многія такія событія, жизнеописанія сербскихъ и болгарскихъ государей и святителей, и разные разказы „сербскихъ и болгарскихъ лѣтописцевъ“, вошли и въ русскіе хронографы и лѣтописи ²⁾.

2. Отношенія турецкихъ Югославянъ къ Руси, къ русскимъ царямъ и къ князьямъ.—Петръ Великій и Югославяне.

Богѣе тѣсныя сношенія между Русскими и Югославянами завязались послѣ паденія независимости югославянскихъ государствъ и все больше усиливавшася возрастанія силы турецкой. На несчастіе поработенныхъ Турками единовѣрцевъ и единоплеменниковъ обращаютъ свое вниманіе Русскіе, угрожаемые съ востока и съ юга равно опасными врагами—Татарами. Еще въ XV—XVI вѣкахъ русскіе лѣтописцы плачутъ съ пророкомъ Іереміей надъ „запустѣніемъ Бѣлаграда и всей Сербской земли отъ безбожныхъ Турокъ“, и увѣщаваютъ „храбрыхъ мужественныхъ сыновей Русскихъ беречь свое отечество, Рускую землю, отъ поганныхъ, чтобъ она не пострадала отъ нихъ, какъ

---

¹⁾ Акрополита гл. 13, 20; Сербск. лѣтоп. архіеп. Данила (изд. Даничича 40). О Ростиславѣ см. статьи Палацкаго (Савор. Сѣск. Мис. 1842) и Палаузова (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1851); дочери Ростислава Бунингуда и Гримла вышли первая за чешскаго короля Премысла II, вторая за польскаго князя Лешка. О Иванѣ Русскомъ см. Кантакузина I, 172.

²⁾ Сравн. прекраснаго сочиненія А. Попова: Обзоръ хронографовъ русской редакціи, Изборникъ русск. хрон. (сравн. *Rad jugoslav. akad.* XIII, 213). Изъ русскихъ лѣтописей особенно Никоновская разказываетъ о событіяхъ на славянскомъ югѣ. О сраженіи Косовскомъ упоминаетъ и спутникъ русскаго митрополита Пинена, Игнатій, провожавшій его въ Царьградъ 1369 г. (Сахаровъ: Путешествія русскихъ людей).

страдаютъ отъ Турковъ Болгаре, Греки, Албанцы, Хорваты и Босна" ¹⁾).

Порабощенные Турками, Югославяне обращались за помощью во всѣ стороны, особенно же къ сосѣднимъ королямъ Угорскимъ, къ императорамъ Римско-нѣмецкимъ и къ обоимъ сѣвернымъ славянскимъ государямъ, королю Польскому и царю Русскому. Отъ ихъ общаго союза ожидали они освобожденія отъ турецкаго ига. У православныхъ Югославянъ приобрѣли себѣ большія симпатіи особенно единовѣрные цари Русскіе, значеніе которыхъ на цѣломъ востокѣ возвысилось особенно послѣ завоеванія ими Татарскихъ ханствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. Русскіе цари съ XVI вѣка стали все больше и больше обращать на себя вниманіе православныхъ Болгаръ и Сербовъ, которые съ нетерпѣніемъ ждали своего освобожденія отъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ Русскихъ царей. Лучше всѣхъ выразилъ эту надежду знаменитый Хорватъ Крижаничъ ²⁾. Сверхъ того, явился и планъ—впрочемъ не удавшійся—освободить Болгаръ и Сербовъ отъ духовнаго ига Фанариотовъ: русскій патріархъ Іоакимъ въ концѣ XVII вѣка задумалъ присоединить православныхъ Югославянъ къ Московскому патріархату ³⁾.

Симпатіи православныхъ Югославянъ къ Русскимъ царямъ становились все живѣе, по мѣрѣ того какъ все яснѣе выдавались планы Римскихъ императоровъ и королей Угорскихъ на счетъ политическаго и религіознаго положенія этихъ Югославянъ. Уже въ 1688 году Аѳонскій архимандритъ Исаія, отъ имени патріарховъ Царьградскаго и сербскаго (Арсенія Черноевича) и господаря Валашскаго, вызываетъ молодыхъ царей Русскихъ выступить за освобожденіе православныхъ Грековъ, Славянъ и Румынъ, которые съ радостью ожидаютъ царскія войска; онъ просилъ, чтобы цари не дозволили занять православныя земли католическими войсками императора и Венеціанъ; эти на-

---

¹⁾ А. Поповъ: Изборникъ изъ русскихъ хронографовъ 81; Соейская лѣтоп. П. С. Р. Л. VI, 232. «Королевство Сербское» и «царство Болгарское» описываютъ еще русскіе космографы XVIII вѣка (Поповъ: Изборникъ 461, 520).

²⁾ Свидѣтельство о возлагаемыхъ на царей русскихъ надеждахъ Югославянъ не станемъ приводить подробно: ихъ слишкомъ много.

³⁾ Ламанскій: О слав. рукоп. въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ 118. Сравни. Отзывъ русскаго священника Лукьянова о Фанариотахъ (начала XVIII вѣка), въ Русскомъ Архивѣ 1863, 179.

роды, Румыны, Сербы и Болгары, не любятъ Нѣмцевъ и будутъ имъ помогать только въ случаѣ крайней нужды ¹⁾).

Кромѣ Русскихъ царей, обращали на себя вниманіе южныхъ Славянъ и военныя товарищества, расположенныя на всѣхъ южныхъ окраинахъ русскаго міра—казаки, особенно болѣе близкіе къ Дунаю и къ Черному морю—Залорожцы. Казаки, перенявъ походы Русскихъ X вѣка на югъ, съ половины XVI вѣка стали наступать на общаго врага христіанства, съ одной стороны воюя съ Крымскими Татарами, съ другой же—нападая на Румынскія княжества и подходя къ берегамъ Болгаріи и подъ самый Царьградъ. Припомнимъ себѣ подвиги Вишневецкаго, Свирговскаго, Богданка, Конашевича-Сагайдачнаго и другихъ. Отъ Хмельницкаго ожидали освобожденія Румыны и Югославяне; они въ самомъ началѣ возстанія просили его безпрестанно объ этомъ, и Хмельницкій приготовлялся уже „промышлять надъ Турскимъ царемъ“. Надежды турецкихъ христіанъ возрасли особенно послѣ подданства Малороссіи Русскому царю; эти христіане ждали только появленія царскихъ войскъ и казаковъ на Дунаѣ чтобы возстать ²⁾).

Это значеніе казавовъ относительно турецкихъ Югославянъ хорошо поняли и Поляки, которые сами указывали Туркамъ на опасность возвышенія малорусскаго казачества. „Хмельницкій“, говоритъ въ 1654 году польскій посолъ въ Царьградѣ, „явно провозглашаетъ, что онъ воюетъ за православную вѣру; онъ стремится къ присоединенію къ единовѣрной Москвѣ, къ завоеванію православныхъ государствъ Молдавіи и Валахіи. Еслибъ ему удалось создать изъ южной Руси и Румыніи одно государство, то оно имѣло бы большую притягательную силу на православныя страны—Болгарію, Сербію и Грецію, находящіяся подъ турецкимъ владычествомъ“ ³⁾).

Югозападные Русскіе имѣли, впрочемъ, часто случай познакомиться съ воинственными Югославянами и у себя дома. Сербскіе наемные войны стали являться въ Польшѣ и въ югозападной Руси въ XVI вѣкѣ, да и раньше. „Казаки Сербы“ упоминаются въ началѣ XVII

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи XIV, 54; Slawische Bibliothek II, 282.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи X, 261, 375.

³⁾ Grabowski Ambr.: Ojczyzste spominki I. 95. Сравни также письма Легата Комуловича 1593 г. казакамъ и казацкому гетману (Theiner: Monum. hist. Polon. III. 210).

вѣка на Волыни, въ службѣ князя Іоанна Острожскаго; наемные сербскіе воины часто являются и въ войнахъ казацкихъ; они окружали Выговскаго и Юрія Хмельницкаго, и въ числѣ ихъ былъ и полковникъ Брацлавскій Иванъ Сербинъ ¹⁾).

Русское государство хотя значительно усиливалось, но все-таки не было тогда еще такъ сильно, чтобъ освободить своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ отъ турецкаго ига, и слѣдовательно, не могло еще исполнить горячее желаніе Крижанича. Между Русскимъ царствомъ и дунайскими Славянами жили еще тогда хищные Татары крымскіе; на него съ подозрѣніемъ стали смотрѣть и Польша, и императоръ. Кромѣ того, у Русскихъ царей было еще другое, болѣе близкое имъ дѣло, чѣмъ освобожденіе далекихъ Югославянъ: вѣдь почти вся югозападная Русь находилась еще въ чужихъ, иновѣрныхъ рукахъ, хотя и родственныхъ, подъ властью Польши, и только черезъ сто лѣтъ послѣ Крижанича удалось Россіи присоединить по крайней мѣрѣ большую часть этой „отчины св. Владиміра“.

Но не смотря на эти препятствія, Россія никогда не теряла изъ виду своихъ южныхъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Вопросъ объ ихъ освобожденіи поднималъ особенно Петръ Великій, „православный царь Славянскій“, какъ его называли сами Югославяне. Этотъ государь Русскій понималъ идею славянскую, какъ никто до него и послѣ него. Онъ, съ одной стороны, всячески старался воспользоваться умственными способностями западныхъ и южныхъ Славянъ для своего преобразовываемаго государства, съ другой же — нисколько не скрывалъ своего намѣренія освободить Югославянъ отъ турецкаго ига, „чего до послѣдняго издыханія желать не перестану“, какъ онъ самъ пишетъ въ 1697 году изъ Голландіи патриарху Адріану. Для него было лишнимъ, что одинъ вступившій въ русскую службу Югославянинъ, Сава Владиславичъ изъ Герцеговины, указывалъ на важность для Россіи жителей Черной Горы, Болгаріи, Сербіи, Македоніи, Босны и Далмаціи, одного съ Русскими вѣроисповѣданія и языка, которые всѣ готовы взяться за оружіе противъ Турокъ за общую славу и религію ²⁾).

---

¹⁾ Акты о казакахъ I, 203; Костомаровъ: Гетманство Выговскаго (Ист. Могилевскія II, 82).

²⁾ Макушевъ: Матеріалы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузской республикой, 7.

За то и всѣ Югославяне, не только православные, но и католическіе, были въ восторгѣ отъ предприимчиваго Русскаго царя; Хорватъ Витезовичъ и Дубровничане Гродичъ и Ружичъ прославляютъ его высокочарными одами и приглашаютъ его освободить весь христіанскій востокъ и прогнать Турокъ изъ Царьграда ¹⁾. Таково и было намѣреніе Петра, когда онъ началъ войну съ Турціей (1711 г.). Готовясь освободить „стонущихъ подъ варварскимъ игомъ Грековъ, Румынъ, Болгаръ и Сербовъ“, онъ вызываетъ Югославянъ возстать противъ Турокъ по примѣру своихъ предковъ „славянскаго языка“. Югославяне были готовы на все и съ восторгомъ принимали Югославянина Милорадовича, „посла христіанскаго православнаго Славянскаго царя“; онъ побуждаетъ къ войнѣ и воинственныхъ Черногорцевъ „чтобъ освободить христіанскій народъ и прославить славянское имя“, и замѣчаетъ имъ, что они „съ Русскими одного рода, одной вѣры, одного языка“ ²⁾.

Всѣ эти надежды однако погибли вслѣдствіе несчастнаго Прутскаго мира. Но не смотря на это печальное событіе, Петръ признавалъ услуги Югославянъ, особенно Черногорцевъ, которыя они оказали ему „ради единовѣрія и единыячія съ нами, и подражая древнія славы предковъ вашихъ словенскаго единоплеменнаго съ вами народа“, продолжалъ сноситься съ ними, и по возможности, поддерживать ихъ, если не оружіемъ, то по крайней мѣрѣ деньгами, книгами церковными и другими, учителями и проч. „Будь намъ второй апостолъ, просвѣти и насъ, какъ просвѣтилъ своихъ людей, да не свяжутъ враги наши: Гдѣ есть Богъ ихъ?“ Съ такими словами обращаются къ нему Сербы посредствомъ своего архіепископа Моисея Петровича, прибывшаго въ Россію поздравить Петра съ Ништадтскимъ миромъ.

Кромѣ турецкихъ Славянъ, и Сербы, поселившіеся въ Угрію питали къ Петру живѣйшія симпатіи, тѣмъ больше, что они не нашли въ своей новой родинѣ ожидаемаго счастья ни въ политическомъ, ни въ религіозномъ отношеніи. Ихъ воеводу держалъ императоръ въ тюрьмѣ, ихъ православная вѣра подвергалась безпрестаннымъ преслѣ-

¹⁾ Чтенія 1862, II; Макушевъ: Матеріалы 74, 90.

²⁾ Сравни истор. пѣснь у Милутиновича: Исторія Црне-Горе, 50. О сношеніяхъ Черногорцевъ съ Россіей сравни. Макушева: Задунайскіе и Адриатическіе Славяне, 151.

дованіямъ со стороны угорско-хорватскихъ католиковъ. Уже въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ Сербскій патріархъ Арсеній, да и самъ воевода Юрій Бранковичъ, обращались къ Русскому царю за помощью, по поводу разныхъ притѣсненій православной религіи; но заступничество царя и его пословъ при Вѣнскомъ дворѣ въ пользу угорскихъ Сербовъ было напрасно ¹⁾. Угорскіе Сербы два раза отправляли особыхъ пословъ къ Русскому царю, прося его взглянуть на нихъ бѣдныхъ и считать ихъ своими вѣроподданными, и предлагая свои услуги противъ Турокъ „своему православному царю“. Да, они, безпрестанно оскорбляемые въ своей религіи, ждали вооруженной помощи со стороны Россіи ²⁾. Эти-то симпатіи угорскихъ Сербовъ къ Россіи и беспокоили Вѣнскій дворъ; онъ не хотѣлъ принять помощи Петра противъ возставшихъ Мадьяръ (1707 г.), опасаясь, что Русскій царь могъ бы утвердиться въ Угріи, опершись на живущихъ здѣсь православныхъ Сербовъ ³⁾.

Это значеніе Россіи у Югославянъ осталось и въ послѣдующее время. Они видѣли въ Россіи государство, которое соединено съ ними „единовѣріемъ, единопзычіемъ и единокровіемъ“, и отъ котораго они ожидали спасенія „какъ Израиль иногда въ Египтѣ“ ⁴⁾.

---

¹⁾ Ралчъ: Исторія разныхъ словенскихъ народовъ IV, 336; Гласник друштва серб. словесности XVI, 260.

²⁾ Сравни письмо Ракоцы 1722 г. (Fiedler: Actenstücke zur Geschichte Franz Rákóczy's II, 520).

³⁾ Вспротивъ здѣсь начертанныя отношенія Петра къ Югославянамъ обширно описалъ особенно Соловьевъ: Ист. Россіи т. XIV—XVIII. Сравни также Чтенія 1872, II.—Замѣтимъ здѣсь, что исторія Петра Великаго явилась у Югославянъ раньше, чѣмъ у самихъ Русскихъ. Въ 1772 году издалъ Димитрій Θεодосі въ Венеціи на славянскомъ языкѣ «Житіе и славныя дѣла государя императора Петра Великаго»; онъ написалъ эту книгу потому, что Югославяне «отъ Россіянъ того ожидать уже и утомились» (Голикова Дѣянія Петра Великаго вышли 1788—1790; сочиненія Неплюева и Крекшлина—записки). По донесеніямъ русскаго посла въ Царьградъ, Вешнякова, 1745 г., самое пріятное чтеніе турецкихъ Славянъ—жизнь Петра Великаго, которую они имѣютъ на разныхъ своихъ нарѣчіяхъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, и даютъ богатія награды тѣмъ, кто лучше напишетъ такую жизнь (Соловьевъ Ист. Россіи XXII, 92).

⁴⁾ Сравни, между прочими многими свидѣтельствами по этому предмету особенно ходатайство Ф. Прокоповича 1730 года у императрицы Анны въ пользу угорскихъ Сербовъ (Русскій Архивъ 1863, 357) и письмо Черногорскаго митрополита Савы Московскому митрополиту Платону 1776 года объ удачѣ сербской церкви въ Турціи (Гласник серб. друштва 1867, 357).

3. **Взаимныя сношенія и вѣдомствъ Русскихъ и Югославянъ.** Симеонъ Суздальскій у Югославянъ. Герберштейнъ, Комуловичъ, Гудуличъ на Руси.

Русскіе и Югославяне, сходясь лично другъ съ другомъ, чувствовали, разумѣется, свое родство и сходство. Это сознаніе хорошо выразилъ спутникъ русскаго митрополита Исидора во Флоренцію. Симеонъ изъ Суздаля, въ описаніи своего путешествія (1437 г.). О Хорватахъ („Ховратянахъ“), черезъ страну которыхъ онъ проѣзжалъ, онъ замѣчаетъ, что у нихъ „языкъ съ Руси, а вѣра латинская“; сравнивая же нарѣчія, которыя слышалъ въ сѣверной и южной Германіи, онъ говоритъ, что они отличаются „якъ Русь съ Серби“¹⁾.

Этимъ родствомъ Югославянъ и Русскихъ не разъ пользовались римскіе императоры и папы, отправляя къ Русскимъ дарямъ послами южныхъ Славянъ или людей, знающихъ ихъ языкъ. Сигизмундъ изъ Герберштейна, дворянинъ Краинскій, который два раза (въ 1517 и 1526 годахъ) былъ въ Москвѣ посломъ императора, сознаетъ, что знаніе словенскаго языка принесло ему большую пользу на Руси, такъ какъ *словенскій языкъ одинаковъ съ русскимъ и Московскимъ*²⁾.

Въ концѣ XVI вѣва (1593—1597 гг.) посломъ папы въ Польшѣ и на Руси былъ Югославянинъ, далматскій іезуитъ Александръ Комуловичъ. Онъ, по порученію папы, долженъ былъ побуждать къ войнѣ съ Турками польскаго короля, польскихъ вельможъ, румынскихъ господарей, казаковъ и русскаго царя; послѣдняго онъ долженъ былъ уговаривать освободить христіанскіе народы „одного языка съ Русскими, или мало отъ него отличающагося“, которые вопятъ подъ турецкимъ игомъ и съ радостью примутъ „своихъ собственныхъ родственниковъ“ въ государи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Комуловичъ долженъ былъ стараться и объ уніи русскоѣ церкви съ Римомъ; папа надѣялся, что царь будетъ дѣйствовать въ такомъ духѣ и ради самаго посла, замѣтивъ—думаетъ папа,—что уже болѣе семисотъ лѣтъ со времени введенія христіанства на Руси не случилось, „чтобъ отъ святаго престола былъ къ нимъ посланъ что-либо знающій ихъ языкъ“.

¹⁾ *Несвижскъ*: Древняя російск. вивліоекка (2-е изд., VI, 35, 47); *Сахаровъ*: Путешествія русскихъ людей, 84, 88.

²⁾ Въ *Вегандт moscovit. commentarii* (предисловіе) и въ своей автобіографіи (*Fontes rer. austr. Scriptores*, I, 70). То же самое утверждаетъ и его землякъ *Валлазоръ* (1689). Сравни. выше о посольствѣ Чеха Гейделя.

На это послѣднее обстоятельство папа не перестаетъ напирать, повторяя царю и Борису Годунову, что къ нимъ послалъ Славянина, такъ какъ онъ „знаетъ и вашъ языкъ“¹⁾.

Особенно интересно посольство императора Леопольда въ Москву (1655 г.), когда тотъ старался о заключеніи мира между Польшей и Московскою Русью. Во главѣ этого посольства стоялъ Дубровничанинъ Аллегретти (Алегретичъ). Въ числѣ его свиты находился и его землякъ, Францискъ Гундуличъ, сынъ извѣстнаго поэта. Посольство, прибывъ въ Москву, принято было очень радушно. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, узнавъ, что Аллегретичъ „славянскаго языка“, очень обрадовался, такъ какъ онъ считалъ возможнымъ говорить съ нимъ непосредственно на своемъ языкѣ. То же самое было и съ царскими уполномоченными при посольствѣ. Когда замѣтили, что они хорошо понимаютъ другъ-друга, пустились въ дружескій разговоръ о разныхъ дѣлахъ; между прочимъ, одинъ царскій дворянинъ замѣтилъ Гундуличу, что слѣдовало бы всѣмъ государямъ назначать въ послы людей, знающихъ языкъ страны, такъ какъ нельзя всегда и во всемъ положиться слѣпо на переводчиковъ. За придворнымъ обѣдомъ, царь Алексѣй бесѣдовалъ особенно съ Гундуличемъ, оба на своихъ природныхъ языкахъ, и вообще былъ съ нимъ болѣе любезенъ, чѣмъ съ другими членами посольства, которые не знали говорить „по нашему“²⁾.

4. Духовныя связи Русскихъ и православныхъ Югославянъ. «Славяноскій» языкъ.

Важнѣйшимъ соединительнымъ звеномъ Славянъ южныхъ и Русскихъ сдѣлалось христіанство и церковный языкъ „словѣнскій“ или „славянскій“, на который апостолы Кириллъ и Меодій перевели богослужебныя книги для южныхъ и западныхъ Славянъ. У послѣд-

¹⁾ *Новиковъ*: Древн. рос. вѣд. XII, 456; *Turgenev*: Monum. Russ. histor. II, 46. Срвн. Памятники дипломат. сношеній древней Россіи, X, 393; *Theiner*: Monum. hist. Polon. III, 210. Комуловичъ, во время своего пребыванія въ Польшѣ (1595 г.), обратилъ польскаго историка Юах. Бѣльскаго въ католицизмъ. (Kron Polska, продолженіе, изд. Туровскаго, стр. 1725).

²⁾ Описаніе посольства Гундуличемъ, въ сборникѣ *Duhrovnik* (1868 г., 57). Срвн. Памятники дипломат. сношен. III, 253, *Соловьева*: Ист. Росс. X, 397, и выше. Описаніе Московіи (*De rebus Moschorum*) Хорвата *Гласимича*, спутника императоренихъ пословъ въ Москвѣ, Мейерберга и Кальвуччи (1661 — 1663), знаетъ только по заглавію (*Adelung*: Reisende in Russland, II, 393).

нихъ, вслѣдствіе разныхъ историческихъ событій, славянское богослуженіе скоро замѣнено было латинскимъ; но за то оно перешло къ болѣе многочисленнымъ Славянамъ сѣвернымъ. Русь приняла христіанство изъ Царьграда, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и славянское богослуженіе, и славянскій языкъ, который употреблялся въ Болгаріи, въ Сербіи и отчасти и въ Хорватіи, и на которомъ явились и зачатки литературы.

Такимъ образомъ, Славяне русскіе, болгарскіе и сербскіе вступили въ духовное общеніе. Святители церквей болгарской и сербской сдѣлались и святителями церкви русской, и на оборотъ. Такъ св. Петка, Іоаннъ Рыльскій, Георгій Срѣдецкій, Сава, Стефанъ, царь „великаго и славнѣйшаго сербскаго языка“; свв. Ольга, Мстиславъ, Борисъ и Глѣбъ, и другіе „рушскіе“ князья и духовныя лица ¹⁾. Славянскія книги (то-есть, преимущественно переводы съ греческаго), писанныя въ Болгаріи и Сербіи, стали переходить и на Русь. Такъ, переводы Библии и другихъ богослужебныхъ книгъ, житія святыхъ (напримѣръ, паннонскія легенды о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ), разныя статьи религіознаго, моральнаго и философскаго содержанія, собираемыя въ такъ-называемыя изборники (Изборникъ 1073 года переписанъ былъ для русскаго князя Святослава съ изборника болгарскаго царя Симеона); Номоканонъ или Кормчая книга ²⁾, филологическія статьи (напримѣръ, грамматика Іоанна Эзарха, статья о письменахъ черноризца Храбра), лѣтописи сербскія и болгарскія, жизнеописанія сербскихъ и болгарскихъ государей, юго-славянскіе переводы греческихъ хронографовъ, которыми пользовались и русскіе лѣтописцы (напримѣръ, Несторъ хронографомъ Георгія Амартола), и пр. Наконецъ, посредствомъ болгарскихъ переводовъ Русскіе познакомились и съ разными сказа-

---

¹⁾ Срвн., напримѣръ, въ Описаніи рукоп. Румянцевск. музея прологи, псалтыри, службы и др. Ламанскаго: Слав. рукоп. въ Валградѣ, Загребѣ, 112, и др. И Кіевскій архимандритъ Зах. Бопыстенскій (1621, срвн. выше) приводитъ много сербскихъ и болгарскихъ святыхъ, мощи которыхъ хранятся до сихъ поръ, такъ св. Савы въ Милешевѣ, Симеона Немани въ Студеницѣ, кралей Стевановъ въ Сопочанахъ, Дечанахъ, Морачѣ, князя Лазаря въ Раваницѣ, деспота Стевана въ Крушедолѣ, св. Іоанна Рыльскаго въ Рыльскомъ монастырѣ и др. (Опис. рукоп. синод. библ. II, 3, стр. 340).

²⁾ Окт. 1260 г. русскій митрополитъ Кириллъ просилъ болгарскаго деспота Якова Святослава о доставленіи кормчей книги. Святославъ велѣлъ ее списать (1262 г.) и послалъ Кириллу, архіепископу «всего русьскаго земля, благодѣянаго родня моего, ихъ же отрасль и корень азъ быхъ святыхъ првотѣць моихъ» (Извѣстія Импер. Акад. Наукъ, X, 203. Срвн. Описаніе рукоп. Румянцевск. музея, 291).

ніями восточнаго и западнаго міра (объ Акирѣ, о Дракулѣ, о Варлаамѣ и Іоасафѣ, о Соломонѣ и Киятоврѣ, объ Александрѣ Македонскомъ и пр.), съ апокрифическими сочиненіями — „болгарскими баснями“, какъ ихъ на Руси называли еще въ XVI вѣкѣ, и пр.¹⁾

Такимъ путемъ завязались очень близкія и тѣсныя сношенія между славянскимъ югомъ и востокомъ, сношенія по единовѣрью и единойзычію. Вслѣдствіе этихъ сношеній создавалась одна общая литература болгарско-сербско-русская, разрабатываемая на одномъ языкѣ „словенскомъ“ или „славянскомъ“. Этотъ языкъ, конечно, принималъ извѣстные оттѣнки—болгарскій, сербскій и русскій, смотря по тому, писалъ ли на немъ Болгаринъ, Сербъ или Русинъ²⁾. Но не смотря на эти оттѣнки, сходство всѣхъ этихъ нарѣчій было такъ сильно, что на Руси распространилось мнѣніе, что „словѣньскій языкъ и русскій единъ есть“³⁾. Этотъ славянскій языкъ остался долго общимъ литературнымъ языкомъ Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ, пока мѣстныя нарѣчія не развились въ самостоятельные литературные языки. Однако, церковный языкъ не пересталъ отстаивать свое значеніе и впоследствии, особенно въ языкахъ болгарскомъ и русскомъ, въ которыхъ замѣтно вліяніе славянскаго языка до сихъ поръ. Въ церквяхъ же православныхъ Славянъ остался до сихъ поръ языкъ славянскій, именно русской редакціи.

Впрочемъ, не смотря на сходство литературнаго языка у всѣхъ православныхъ Славянъ, они всѣ знали объ его оттѣнкахъ югославянскихъ и русскихъ и вообще о разницѣ славянскихъ языковъ. Такъ, вышеупомянутый Русскій, Симеонъ изъ Суздаля, сравнивая нѣмецкія нарѣчія, замѣчаетъ, что они отличаются „яко Русь съ Сербы“. Другой Русскій XVI вѣка, Нилъ Курлятевъ, признавая, что у Русскихъ и у Сербовъ есть „единъ нашъ языкъ, сирѣчь словенскій, да мы говоримъ по своему языку чисто и шумно, а они говорятъ молодежаво,

¹⁾ О множествѣ такихъ рукописей разныхъ редакцій срви. Описанія библиотекъ Румянцевской, Синодальной, Царскаго, Хлудова и др. Срви. также А. Палея: Обзоръ русск. хронографовъ.

²⁾ На эту пеструю смѣсь книжнаго языка жалуются Русскіе XV—XVI вв. и замѣчаютъ, что прежніе переводчики, «не зная хорошо нашего языка, перевели ово словенскы, и ино сербскы, и другая болгарскы, ниже неудоволишася предложити на рускый языкъ»; поэтому считалось нужнымъ объяснять нѣкоторые слова этихъ славянскихъ языковъ (Іованъ Эксархъ болгарск. 196, Рукописи Царскаго № 327).

³⁾ П. С. Р. Л., I, 12.

и въ писаніи рѣчи наши съ ними не сходятся“. Съ другой стороны, Сербы жалуются, что имъ трудно рукописи „бугарскаго языка прѣ-ставлѣти на сръбскы языкъ“, и что „вельми тежъво нашему сръбскому языку на чтеніе, яко мнозѣмъ не знати, что чьтуть, рускыхъ рѣчей не разумѣюще“¹⁾.

Вслѣдствіе единовѣрія Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ, священники послѣднихъ двухъ народовъ особенно же изъ Болгаръ, переходили на Русь не только въ первомъ вѣкѣ введенія христіанства на Руси, но и позже. Такъ, напримѣръ, русскіе митрополиты Кипріанъ (1376—1406 гг.) и Григорій Памблакъ (1415—1419 гг.) были православные Юго-славяне—Сербъ и Болгаринъ. Первый не знаи достаточно русскаго языка, вводилъ сербскіе обороты и изрѣченія въ славянскій книж-ный языкъ на Руси, что — по свидѣтельству Курлятева — дѣлалось здѣсь еще и въ XVI вѣкѣ²⁾. При избраніи Григорія въ митрополиты на Литовскую Русь, владыки литовско-русскіе прямо ссылаются на примѣръ самостоятельныхъ церквей болгарской и сербской. „Такъ поступили и у прежде насъ крещеныхъ Болгаръ, нашихъ сродни-ковъ“, говорятъ владыки и великій князь литовско-русскій Витовтъ, „епископы и поставили себѣ первосвятителя. Такъ и епископы серб-скіе поставили себѣ первосвятителя, и даже до днесь есть первосвя-титель въ Сербіи, имѣя подъ собою многихъ епископовъ. Вѣдь Сербія не такъ велика, какъ Русь, находящаяся подъ властью великаго князя Александра Витовта“³⁾. Особенно же послѣ порабоженія Юго-славянъ Турками, стало являться много болгарскихъ и сербскихъ духовныхъ лицъ на Руси, прося о помощи⁴⁾.

Изъ духовныхъ лицъ, перешедшихъ изъ южныхъ Славянъ на

¹⁾ Русская псалтырь 1552 г. Рукописи Царскаго № 327; Сербск. цвѣтная тріода 1374 г. (Учен. Записки II отд. Импер. Акад. Наукъ, т. II, 2, стр. 102), сербск. рук. 1585 г. (Петковичъ: Обзоръ афон. древн. 57).

²⁾ «Кипріанъ по греческы гораздо не разумѣлъ и нашего языка довольно не зналъ же, и онъ мнилса, что поправилъ псалмы по нашему, а большее неразуміе въ нихъ написалъ въ рѣчахъ и словехъ все по сербски написалъ». (Предисловіе къ псалтыри 1552 г. Рукописи Царскаго № 327).

³⁾ Акты западной Россіи I, №№ 24, 25. О патріархатахъ болгарскомъ и сербскомъ разказывается въ Кормчей книгѣ (въ началѣ), о сербскомъ также въ одномъ Московскомъ сборникѣ XVI вѣка (Опис. рукоп. синодалн. библ. II, 3, стр. 648) и др.

⁴⁾ Срви. Голубинскій: Краткій очеркъ исторіи православн. церк. болгарской, сербской и румынской (1871), Чтенія 1866, IV (Охрод. архіеп.), 1867, IV (мон. Хиландар.), Starine jugoslav. akad. IV, и др.

Русь, особенно замѣчательнъ Сербъ Пахомій, „яже прииде изъ Сербскія земли къ великому князю Василью Васильевичу всея Руси“ (въ XV вѣкѣ), и здѣсь на Руси, въ Новгородѣ, былъ литературнымъ дѣятелемъ¹⁾.

Когда у поработенныхъ Турками Югославянъ литературная дѣятельность упала, а между тѣмъ на Руси Польско-Литовской и Московской она стала все больше процвѣтать, русско-славянскіе писатели и издатели книгъ не забывали, что они пишутъ и издають книги не только для своего Русскаго народа, но и для православныхъ Югославянъ, Сербовъ и Болгарь.

Когда во второй половинѣ XVI вѣка приготовлялась на южной Руси полная печатная Библия славянская, то искали рукописи и книги во многихъ монастыряхъ греческихъ, сербскихъ и болгарскихъ, и вообще „во всѣхъ странахъ роду нашего языка словенскаго“; и послѣ окончанія перевода этой Библии (1581 г.), русскій князь Константинъ Острожскій объявляетъ этотъ важный трудъ „избраннымъ въ народѣ русскомъ, сыномъ церкви восточныя, и всѣмъ съгласующимся языку словенскому и съединяющимся тояжде церкви православію“²⁾. Въ такомъ смыслѣ говоритъ и знаменитый современникъ Острожскаго, князь Андрей Курбскій; онъ занимался и литературой, и переводами „на вождѣленный и любимый праотцевъ прирожденный языкъ словенскій“, не только изъ „любви къ единоплеменной Россіи, но и всему словенскому языку“. Курбскій такого высокаго мнѣнія о славянскомъ языкѣ, что считаетъ даже невозможнымъ хорошій переводъ съ него на другой языкъ; по его мнѣнію, „еслибы и не мало ученыхъ сошло словенска языка клоняющіе чини грамматическіе и прелагающе въ польскую барбарію, ложити не возмогутъ“³⁾.

Подобно тому на Руси издавались разныя богослужебныя книги „въ общую пользу великаго и славнаго народа російскаго и прочихъ народовъ пресладчайшаго языка словенска“ и „ко спасенію душамъ христіанскаго народа многочисленнаго словенскаго языка“; обращаются „къ избранному въ народѣ великоросійстѣмъ и въ прочихъ сыномъ сущемъ церкви восточныя, и всѣмъ согласующимся языку словенскому и соединяющимся тояжде церкви православію“; радуют-

---

¹⁾ О немъ срви. особенно статью *Некрасова* въ Запискахъ Новоросійскаго университета 1871, VI.

²⁾ Предисловіе къ Острожской Библии.

³⁾ Сказанія кн. Курбскаго II, 158, 165.

ся, что книги выходятъ „цнмь и родовитимъ языкомъ словенскимъ“, „въ всѣхъ странахъ языка словенскаго, намъ единомудрѣныхъ и съгласныхъ“, гдѣ богослужение отправляется, „богоугоднымъ языкомъ словенскимъ въ Великой и Малой Руси, въ Сербѣхъ и Болгарѣхъ и до цнмь странамъ“¹⁾).

Словари и грамматики „славянскаго“ языка, издаваемые на Руси, назначаемы были не только для Русскихъ, но и для остальныхъ православныхъ Славянъ. Такъ, Памва Беринда надаетъ свой „Лексиконъ славенеросскій“ (Кіевъ, 1627) для всѣхъ Славянъ, у которыхъ въ богослуженіи употребляется „широкій и великославный языкъ словенскій, въ Великой и Малой Россіи, Сербіи, Болгаріи и по инымъ сторонамъ“. Также и „Грамматика словенскія правильное синтагма“ (1619 г.) Мелетія Сметрицкаго распространилась не только по всей Руси Литовской и Московской, но и у Югославянъ, у которыхъ еще во второй половинѣ XVIII вѣка издаваема для Сербовъ (1765 г.) и для Хорватовъ, отправляющихъ богослуженіе по-славянски (переведено на латинскій языкъ Говичемъ до 1774 года)²⁾.

„Славянскій“ или „словенскій“ языкомъ Русскіе вообще очень дорожили, предпочитая его своему мѣстному нарѣчію, и даже воставали противъ употребленія послѣдняго въ церкви и въ школахъ; здѣсь вездѣ долженъ былъ господствовать одинъ только „словенскій языкъ, плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій“³⁾. Съ конца XVI вѣка на Руси издавались „словенскія“ или „славенскія“ гра-

¹⁾ Эти образы собраны изъ разныхъ богослужебныхъ книгъ (библій, мнней, октоиковъ, тріодей и др.), печатанныхъ особенно въ XVII в. въ Кіевѣ, Львовѣ, Еявѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ югозападной и сѣверо-восточной Руси.

²⁾ Сметрицкій, въ описаніи своего путешествія въ Палестину (Aprologia peregrinatione do Krajevъ naschodnichъ, 1628) говоритъ, между прочимъ, что онъ въ Св. землѣ отправлялъ литургію не на обыкновенномъ тамъ языкѣ греческомъ, а на „славянскомъ, такъ какъ онъ молился «за siebie przzenajmilszu mój» narodzie gwski i za wszyskie te narodu, które jezukiemъ słowiańskimъ stworzynieła chwala». Въ томъ же самомъ сочиненіи Сметрицкій выражаетъ желаніе, чтобы всѣ славянскіе народы жили въ церковномъ единствѣ.

³⁾ Срви. посланіе русскаго монаха Авксанаго, Іоанна изъ Вишнии, князю Острожскому по поводу Брестской унии. (Акты южной и западной Россіи II, 210); уставы братскихъ училищъ Львовскаго, Луцкаго, Елевскаго (Памятники Кіевск. комисс. I, 115; II, 66; III, 89) и пр. Въ письменности югозападной Руси говорится вообще о типографіяхъ, школахъ и семинаріяхъ «греческаго и словенскаго языка», иногда и «рускаго языка». (Срви., напримѣръ, Акты западн. Россіи III, 301; IV, 36, 42, 112, 172, 506 и пр.).

матики (Зизанія, Смотрицкаго, Максимова), а не „простаго русскаго діалекта“; позже составляли „граматику славянороссійскую или Московскую“ (Копіевичъ, 1706 г.). Еще авторъ первой русской граматки (на латинскомъ языкѣ) Лудольфъ (1698 г.) свидѣтельствуетъ, что „безъ помощи славянскаго языка никто изъ Русскихъ не можетъ писать или разсуждать объ ученыхъ предметахъ, а въ домашней жизни не употребляется славянскій языкъ потому, что многихъ словъ житейскаго быта нѣтъ въ тѣхъ книгахъ, изъ которыхъ почерпается языкъ славянскій. Поэтому, считается правиломъ: говорить по-русски, а писать по-славянски“¹⁾. Это господство славянскаго языка прекратилось только со времени преобразованій Петра, или скорѣе, съ Ломоносова, хотя не сразу; но слѣды его остались и до сихъ поръ²⁾.

Духовное единство всѣхъ православныхъ Славянъ проявилось опять, когда въ половинѣ XVII вѣка, побужденіемъ Московскаго патріарха Никона „пастыря словеснаго стада Христова“, издавна такувавшее дѣло объ исправленіи первобытныхъ книгъ, наконецъ привели въ исполненіе. Тогда собирали въ Москву изъ греческихъ и югославянскихъ земель, особенно же изъ Афонскихъ монастырей, много греческихъ и „харатейныхъ словесскихъ и сербскихъ древнихъ книгъ“; такіа „ветхія словенскія“ книги и рукописи прислали Никону и патріарха Сербскій и Охридскій. Послѣдній, Гавріилъ Рачъ, явился и самъ лично на Московскомъ соборѣ (1655 г.)³⁾.

Исправленія богослужебныхъ книгъ русско-славянскія разсматривались потомъ и въ Сербамъ и Волгарамъ, у которыхъ существовавшія въ XV и XVI вѣкахъ типографіи давно упали. Такимъ образомъ, Русь, освобожденная отъ ига азіятскихъ варваровъ, отплатила своимъ прежнимъ учителямъ, своимъ несчастнымъ, погавшимъ въ такое иго, одноплеменникамъ и единоверцамъ на славянскомъ югѣ, поддерживая у нихъ религіозное образованіе⁴⁾.

¹⁾ О русско-славянскихъ граматикахъ до Ломоносова см. введеніе къ иждивенію грам. Ломоносова Давыдовича (въ Ученыхъ Запискахъ II отдѣл. Импер. Акад. Наукъ, кн. III; см. также кн. I, 254).

²⁾ Интересны, въпримѣръ, приказы, по которымъ Тредьяковскій (1730 г.) пишетъ простымъ русскимъ языкомъ, а не «ветхимъ словенскимъ».

³⁾ См. также, между прочимъ, предисловіе къ новому Службнику (Москва, 1655), и Глашаніе ерменск. ученог. друштва 1869 г. (VI, 55).

⁴⁾ При введеніи въ Россію лѣтосчисленія отъ Рождества Христова (1699 г.) ссылались на обычай не только остальной Европы, «но и народовъ славянскихъ, которые съ восточною націею державы во всемъ согласны, какъ Во-

Б. Русскіе и Югославяне католики. Исправленіе хорватско-глагольскихъ книгъ.

Вліаніе славянскаго языка, употребляемаго въ русской церкви, не ограничилось единици только православными Югославянами, но распространилось и на часть Югославянъ римско-католическаго исповѣданія, именно на Хорватовъ.

Мы уже видѣли выше, что у Хорватовъ католиковъ, населяющихъ адриатическое побережье, богослуженіе издавна отправлялось на двухъ языкахъ, на латинскомъ и на славянскомъ, писанномъ глаголицей,—на послѣднемъ съ половины XIII вѣка, съ разрѣшенія папы.

Славянскій языкъ въ богослуженіи оставленъ папами и принявшимъ унію съ римско-католическою церковью православнымъ Славянамъ, Сербамъ и Русскимъ. Церковно-славянскій языкъ, употребляемый въ церкви хорватской, униатско-сербской и униатско-русской, конечно, не имѣлъ ужь одинаковаго характера, подвергнувшись болѣе или менѣе сильному вліанію мѣстныхъ нарѣчій. При тогдашнемъ положеніи славянской—если такъ позволительно выразиться—филологіи въ Римѣ и даже у самихъ Славянъ, не всегда умѣли отличить разницу церковно-славянскаго языка, употребляемаго у Славянъ католиковъ, униатовъ и православныхъ; они довольствовались тѣмъ фактомъ, что у большей части Славянъ употребляется въ церкви не латинскій и не греческій, а „славянскій“ языкъ. Поэтому не удивительно, что могло возникнуть духовное единеніе Русскихъ не только съ православными Югославянами, но даже и съ католиками. Такъ, уже въ концѣ XV вѣка одинъ католикъ Югославянинъ участвовалъ въ переводѣ полной Библии славянской на Русь. Доминиканецъ Веніаминъ, „родомъ Словѣнинъ, а вѣрою латинянинъ“, прибывшій около 1490 года на Русь, здѣсь въ Новгородѣ (1493 г.), повелѣніемъ архіепископа Геннадія, перевелъ Маккавейскія книги съ латинскаго языка на „русскій“¹⁾.

Когда первый царь Лжедмитрій, желая распространить въ своемъ государствѣ чтеніе Библии, потребовалъ отъ извѣстнаго іезуита Поссевина доставить ему печатную славянскую Библию и другія бо-

лохи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары, Черкасскіе (то-есть, Малороссіяне) и Греки. (Полн. Собраніе Законовъ ММ 1735, 1736; *Соловьевъ*, Ист. Россіи, XIV, 325.

¹⁾ Опис. рукоп. Румянц. муз. 164; Опис. рукоп. синод. библ. I, 128.

гослужебныя книги, то Поссевинъ отыскалъ служебникъ, Новый За-вѣтъ и малѣнькій катехизисъ, печатанные для Далматовъ; видѣвъ съ-тѣмъ онъ обратился къ тогдашнему Тосканскому герцогу, который занимался печатаніемъ книгъ на разныхъ языкахъ, и просилъ его обратить вниманіе на изданіе славянскихъ книгъ для Московскаго государства. Разумеетсяъ, главною цѣлью Поссевина было подготовить подчиненіе русской церкви папѣ и въ этомъ государствѣ¹⁾.

Вслѣдствіе Брестской церковной уніи и присоединенія значитель-ной части русской церкви, по крайней мѣрѣ въ польско-литовскихъ владѣніяхъ, къ римско-католической, въ Римѣ ближе познакомились съ обрядами и съ языкомъ, употребляемымъ въ русской церкви, не только по теоріи, но и на практикѣ: русскіе уніатскіе священники часто пребывали въ Римѣ и лично знакомились съ пребывающими здѣсь юго-славянскими священниками. Не надо забывать, что именно тогда распространялось и у самихъ Славянъ мнѣніе, что ихъ прародина—Русь, и что русско-славянскій языкъ—о строгомъ раздѣ-леніи чисто-русскаго и церковно-славянскаго языковъ тогда нечего было и думать—есть самый чистый славянскій языкъ.

Такимъ образомъ Югославане и Русскіе приходили къ взаимному сравненію „славянскаго“ языка, употребляемаго въ ихъ церквахъ; это сравненіе имѣло и практическія послѣдствія. Когда въ первой половинѣ XVII вѣка ощутилась надобность новаго изданія славян-скихъ богослужебныхъ книгъ для Хорватовъ, то папская столица поручила это изданіе монаху хорватскому, позже епископу Рафаилу Леваковичу, который прожилъ нѣкоторое время въ Польшѣ и въ карпатской Руси и выказалъ значительное усердіе въ обращеніи „схизматиковъ особенно нашего языка“²⁾. Нѣкоторое вліяніе рус-ско-славянскаго языка замѣтно уже въ его служебникѣ (1631 г.). Къ исправленію его Часослова (бреніарія), одобреннаго уже въ 1635 г. двумя русскими цензорами въ Римѣ, приставленъ ему на помощь русскій епископъ Холмскій, Меодій Терлецкій, который тогда пребы-валъ въ Римѣ по поводу важныхъ для всей русской церкви вопро-

¹⁾ Ciampi: *Evangelio critico con documenti inediti della storia di Demetrio*, 190. Костомаровъ: *Смутное время*, I, 252. «Катехизисъ» есть, вѣроятно, упомяну-тая книга Буднича.

²⁾ Срвн. биографію и письма Леваковича у Кукулевича: *Knjizevnici u Hrvatah*, 136.

совъ, особенно же по вопросу о распространеніи уніи на Руси и въ другихъ славянскихъ странахъ ¹⁾.

Оба Славянина, Леваковичъ и Терлецкій, взяли за часословъ и псалтырь. Они собрали старыя книги и рукописи югославянскія (имерскія) и такія, которыя вообще употребляетъ церковь русская и вся славянская; послѣ того стали исправлять текстъ по вульгатамъ, то-есть, выбрасывать нѣкоторые „простонародныя слова далматскаго языка“, которыя, по произволу писателей, заимались въ древніе югославянскіе часословы, даже и въ послѣдній переводъ Леваковича, и замѣнять ихъ „чистыми словами славянскими“, которыя находились въ „не искаженныхъ“ изданіяхъ русскія. Такимъ образомъ была пересмотрѣна ими псалтырь и очищена отъ чужихъ далматскихъ словъ, такъ что стала во всемъ согласна съ псалтырью желаемого часослова ²⁾.

Отъ этого уравниенія церковно-славянскаго языка у Югославянъ и у Русскихъ югославянскіе священники въ Римѣ ожидали уже тогда, большихъ успѣховъ въ будущемъ, для распространенія католицизма или уніи между „далеко и широко въ Европѣ распространеными народами славянскими“ ³⁾.

Помощью русскихъ священниковъ пользовались и при вторичномъ исправленіи югославянскихъ служебника и часослова Настричемъ (1688, 1706 гг.), и особенно при третьемъ исправленіи служебника, принятомъ въ 1741 году, по порученію Задерскаго архіепископа Змаеца

---

¹⁾ Терлецкій дѣйствовалъ въ 1628 — 1629 гг. какъ миссіонеръ уніи между православными Сербами въ Хорватской Военной Границѣ, около Копривницы, Крижевцевъ, Марчи и др. — Къ уніи съ Римомъ побуждали тогда Русь, между прочимъ, и примѣромъ «волоскихъ, сербскихъ и болгарскихъ бискуповъ», которые заявили готовность подчиниться папѣ (письмо короля Сигизмунда 1595 г., Акты Зап. Россіи, IV, стр. 107), и примѣромъ патріарха сербскаго и болгарскаго Іоны, который въ 1601 г. со всеми митрополитами, епископами, воеводами, князьями и главарями царства Сербскаго отступилъ отъ Царьградскаго патріарха и поддался папѣ. (Święte pobudki do jedności świętej w cerkwi Ruskiej wiele potrzebnej, въ сборникъ: Prawa i przywileje od królów Polskich, nadane obywatelom religiey greckiej w jedności z kościołem rzymskim będące, Wilno, 1632, p. 60—62).

²⁾ Предисловіе Терлецкаго къ изданію псалтыри и часослова Леваковича (1648).

³⁾ Срв. бреве папы Иннокентія къ часослову 1648 г., предисловіе далматскаго іезуита Кашича къ славянскимъ переводамъ римскаго ритуала (1640 г.) и Новаго Завѣта (рукоп.).

вича, священникомъ Караманомъ, который пробылъ нѣкоторое время и въ Россіи. Тогда введенъ въ церковныя книги и русскій акцентъ.

Такимъ образомъ, церковный языкъ славянской, употребляемый въ богослуженіи католическихъ, униатскихъ и православныхъ Славянъ, принялъ вездѣ одинаковый характеръ. Когда же появилось мнѣніе о необходимости введенія простаго нарѣчія югославянскаго въ богослуженіе, Караманъ, будучи уже архіепископомъ Задерскимъ (1753 г.), сталъ защищать единство церковно-славянскаго языка у всѣхъ Славянъ отъ моря Адриатическаго до Ледовитаго; это единство, быть можетъ, и проложитъ путь къ униі другихъ, пока еще „схизматическихъ“, Славянъ съ Римомъ¹⁾.

Заключеніе.

Прослѣдивъ внимательно взаимныя сношенія Славянскихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка, мы видимъ, что Славяне хотя и лишились національнаго единства, но не лишились, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознанія племеннаго родства и никогда не переставали считаться членами одного рода. Это сознаніе видно не только въ ихъ духовной, литературной жизни, но заявляло свою силу и въ политическихъ ихъ сношеніяхъ: народы Славянскіе ищутъ себѣ другъ у друга правителей „славянскаго рода“, и если и ссорятся, то все-таки, въ концѣ концовъ, приходятъ къ убѣжденію, что имъ слѣдуетъ жить „въ согласіи и въ вѣчной нераздѣльной любви братской, какъ людямъ одного языка и народа славянскаго“.

Такъ было у Славянъ до XVII—XVIII вѣка.

---

¹⁾ Identità della lingua letterale slava e necessità di conservar la ne' libri sacri (рукоп., извлеченіе у Энгеля: Geschichte v. Serwien, 457). Объ исправленіи глагольскихъ книгъ у Югославянъ см. особенно Assemani: Calendaria ecclesiae universae, I, 114, IV, 426; также Копитара (Glagol. Cloz.), Шаарика (Slowen. u. glagol. Schriftthum) и др.

D 147 .P4
Slovenská vzácnost' s dřev
Stanford University Libraries

3 6105 041 348 017

D
147
P4

104